ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 1

2004

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2004. № 1

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2004

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),
М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Н. В. Кабинина (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),
А. Ф. Журавлев (Москва), *И. И. Муллонен* (Петрозаводск),
Е. Н. Полякова (Пермь), *В. И. Супрун* (Волгоград),
С. М. Толстая (Москва),
Л. А. Феоктистова (Екатеринбург),
К. Хенгст (Хемниц, Германия)

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2004
© Уральский государственный университет, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 5

СТАТЬИ

Матвеев А. К. Апология имени 7
Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Глава из истории выбора имен у Рюриковичей: князья-тезки и их патрональные святые 14
Чайкина Ю. И. Именование мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. 33
Зубов Н. И. Женская теонимия в древнерусском толковании XXXIX Слова Григория Назианзина 40
Младенова Д.М. Балканский тип астронимической системы 48
Юдин А. В. Иордан и *Дунай* в восточнославянском магическом фольклоре 55
Крюкова И. В., *Супрун В. И.* К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии 75
Шилов А. Л. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии 86
Душечкина Е. В. Имя дочери «вождя всех народов» 100
Фомин А. А. Литературная ономастика в России: итоги и перспективы 108

МАТЕРИАЛЫ

Родионова И. В. Дериваты библейских антропонимов в народной языковой традиции (словарные материалы) 121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы 145

Васильева Н. В. Лейпцигский ономастический симпозиум 2003 г. 145
Березович Е. Л. Ономастическая проблематика на XIII съезде славистов (Любляна, 15–21.08.2003) ... 147

Рецензии 152

Новые работы по антропонимии Урала (*Е. Н. Полякова*) 152
Sosnowski J. Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi (*В. И. Супрун*) 164
Калинкин В. М. Поэтика онима (*Н. В. Васильева*) 167
Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6) (*М. В. Голомидова*) 169
Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие (*В. В. Бардакова*) 172

Новые диссертации по ономастике 176

Экспедиции 183

Экспедиция к южным вепсам (*И. И. Муллонен*) 183
Новые данные о костромской топонимии (*К. С. Верхотурова*, *Т. И. Киришева*) 188

СОКРАЩЕНИЯ 191

CONTENTS

Editorial..... 5

ARTICLES

Matveyev A. K. In apology of name..... 7
Litvina A. F., *Uspensky F. B.* Chapter on the history of namegiving the Rurikides dynasty: namesake princes and their Saint patrons..... 14
Tchaikina Yu. I. Male personal denominations in Vologda and Voronezh in the first half of the XVII century 33
Zubov N. I. Female naming in Old Russian editing of Oration on Gregory Nazianzene's Epiphany..... 40
Mladenova D. M. The Balkan type of astronomic system..... 48
Yudin A. V. The *Jordan* and the *Dunaj* (the *Danube*) in East Slavonic magical folklore..... 55
Kryukova I. V., *Suprun V. I.* Historic and linguistic study of the Don hydronomy..... 75
Shilov A. L. Nominative terms in the rivers' rapids of Karelia..... 86
Dushetchkina E. V. «The Leader of all Nations» daughter's name.....100
Fomin A. V. Literary onomastics in Russia: results and perspectives.....108

MATERIALS

Rodionova I. V. Biblical antroponyms' derivatives in folk linguistic tradition (materials for dictionary).....121

ACADEMIC LIFE

Conferences, meetings, symposiums..... 145

Vasilyeva N. V. Leipzig onomastic symposium. 2003.....145
Berezovitch E. L. Onomastic problems at the XIII meeting of Slavonic scholars (Ljubliana, 15–21.08.2003)...147

Reviews.....152

New works on Urals antroponomy (*E. N. Polyakova*).....152
Sosnowski J. Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi (*V. I. Suprun*).....164
Калинкин В. М. Поэтика онима (*N. V. Vasilyeva*).....167
Чужое имя (Альманах «Канун». Вып. 6) (*M. V. Golomidova*).....169
Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие (*W. W. Bardakova*).....172

New dissertations on onomastics.....176

Expeditions.....183

Expedition to the Southern Veps (*I. I. Mullonen*).....183
New data on toponomy of Kostroma (*K. S. Verkhoturova*, *T. I. Kirisheva*).....188

ABBREVIATIONS.....191

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые коллеги!

Перед вами – первый номер первого в России ономастического журнала. Его появление обусловлено целым рядом причин, среди которых как объективные – резкое расширение массива ряда классов собственных имен (названия городских объектов, имена артефактов, космических объектов и т. п.), появление новых классов (например, *nic'*и в Интернете), – так и субъективные, связанные с недостаточным уровнем развития ономастики в стране и необходимостью объединения усилий разрозненных до настоящего времени ономастических центров.

Не случайно, что именно один из таких центров – уральская ономастическая школа (Екатеринбург) – выступает в качестве соучредителя нового журнала: на Урале давно ведутся исследования самых различных проблем ономастики, в течение многих лет выходил давший имя журналу межвузовский сборник «Вопросы ономастики», на страницах которого публиковались ономатологи из различных городов страны, что позволило ему стать в 60 – 80-е гг. XX в. трибуной для обсуждения многих актуальных вопросов российской науки о собственных именах.

Однако задача журнала – не пропаганда идей одной из школ, а консолидация всех ономастических сил. Он призван объединить ономатологов России, поддерживать связи российских ономатологов с зарубежными исследователями, занимающимися вопросами российской и нероссийской ономастики (особенно на близком языковом материале), знакомить читателей с актуальными проблемами ономастической науки и достижениями в ней. При этом особое внимание предполагается уделять развитию ономастики на местах, выявлению регионального опыта сбора, обработки и исследования собственных имен.

Основным содержанием журнала могут стать:

– статьи по теоретическим проблемам и актуальным вопросам ономастики, методам ономастических исследований;

– дискуссии и обсуждения («круглые столы»);

– ономастическая лексикография (представление старых, забытых, обсуждение проектов новых словарей);

– ономастическое источниковедение;

– ономастика в различных сферах функционирования: в диалектах и городском просторечии, в фольклоре, художественной литературе, в языке науки и деловом языке, в памятниках письменности и др.;

– историческая ономастика (топонимика, антропонимика и др.);

– связи ономастики с другими науками (историей, археологией, этнографией, этимологией, этнолингвистикой, диалектологией, географией и др.), а также с краеведением;

– экскурсы в историю науки о собственных именах;

– обзоры ономастических исследований (различных стран, регионов, территорий);

– вести из экспедиций;

– методы сбора и хранения ономастического материала;

– из научного наследия;

– воспоминания об ономатологах;

– памятные даты и ономастика;

– проблемы популяризации ономастических знаний;

– критика и библиография: обзоры и рецензии;

– хроника научной жизни (конференции, семинары, защиты диссертаций по ономастике);

– письма в редакцию.

Редколлегия надеется на деятельное участие ономатологов в работе нового журнала.

EDITORIAL

Dear colleagues!

The work presented to your attention is the first issue of the first onomastical magazine in Russia. Its output is caused by a series of reasons both objective and subjective. Among the main objective factors there is an Essen ional increase of the amount of several classes of proper names (e.g. the denominations of urban, artificial, cosmic objects) and the appearance of the new classes (e.g. nicknames in Internet). To the important subjective reasons we can relate the inadequate level of the development of onomastics in this country as well as the necessity of coordinating the efforts of onomastical centres being separate today.

It is in order that the Ural onomastical school (Ekaterinburg) is the very one of these centres which became the co-editor of a new magazine: it is in the Urals where the most different problems of onomastics are being investigated. For many years there have been appearing the interuniversity collected articles titled "The problems of onomastics", which gave the name to the present magazine. Publishing the works of the onomatologists from different regions of the country, it managed to become a tribune to discuss many actual problems of proper names studying in Russia during the 1960 – 80-ies.

The purpose of the magazine is however not to popularize the ideas of one of the schools, but to consolidate all the onomastical forces. It is aimed to unite the onomatologists in Russia, to maintain the connections with the foreign investigators of Russian and non-Russian onomastics (especially on the contiguous linguistic material), to inform the readers in actual problems and achievements of the onomastical studies. A special attention will be devoted to the development of the regional and local onomastics, studying the experience of the field collection, description, conservation and investigation of the proper names in different regions.

The magazine is implicated to content such items as:

– the articles devoted to theoretical problems and actual questions of onomastics, to the methods of onomastical studies;

– polemics and discussions (the "round tables");

– onomastical lexicography (presenting the former and forgotten vocabularies)

– onomastical sources studying;

– onomastics functioning in different areas: dialects and popular speech, folklore, fiction, scientific and business languages, literary monuments etc.;

– historical onomastics (toponymy, anthroponymy etc.);

– contacts of onomastics with the other sciences: history, archeology, ethnography, etymology, ethnolinguistics, dialectology, geography etc. as well as with the region studying ;

– excursus in the history of proper names studying;

– reviews of onomastical investigations (of different regions and countries);

– news from expeditions;

– methods of collecting and storing the onomastic materials;

– from the scientific heritage;

– memoirs about onomatilogists;

– memorial dates in onomastics;

– the problems of the extension of the knowledge of onomastics;

– critique and bibliography: surveys and reviews;

– the scientific chronicle (conferences, seminars, maintaining theses in onomastics);

– letters to the editorial stuff.

The editorial board expects the onomatologists to participate actively in the work of the new magazine.

С Т А Т Ь И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

А. К. Матвеев

АПОЛОГИЯ ИМЕНИ[1]

The article considers some theoretical problems of onomastics: the meaning of the personal name and its role in language, the name and the word, onomastics and vocabulary, the properties of the name and the problem of the influence of the name upon the object.

Мир ономастики – прежде всего имен людей и мест (антропонимов и топонимов) – настолько велик, значим для общества и (не боюсь пафоса) прекрасен, что любой, кто к нему прикоснется, будь то ученый – филолог, историк, географ, – краевед или просто любитель, уже не может пройти мимо. Вступая в этот мир, исследователи пытаются его осмыслить: об именах написано множество работ. Диапазон их проблематики обширен: ономастов интересовала сущность собственного имени, его языковой статус, возникновение имен, их жизнь в обществе, история, судьба и, наконец, окутанная флером мистики загадка тысячелетней давности – связь имени и человека.

Имена поражают не только своим множеством и разнообразием. Они могут быть общепонятны, как река *Черная* или озеро *Круглое*, и загадочны, подобно реке *Исеть* или озеру *Шувакиш*, но, будучи семантически полярными, с одинаковым успехом обслуживают общество. Вместе с тем в имени можно видеть и просто этикетку, и некий фетиш, определяющий жизненные пути, при этом чисто прагматический подход и фетишизация имени могут спокойно сосуществовать. Однако, объединяя собственные имена в один необозримый класс языковых единиц, следует учитывать существенную разницу между отдельными разрядами имен, обусловливающую многие их особенности. В частности, антропонимия и топонимия противостоят друг другу как обозначение существ живых и способных к передвижению обозначению реалий неживых и неподвижных. Между тем параметры объектов во многом определяют народное ви́дение и номинативный процесс, а соответственно способствуют и адекватному выбору путей этимологического анализа.

---

[1] Статья впервые опубликована в журнале: Изв. Урал. гос. ун-та. Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 11. 2001. № 21. С. 86–92.

© А. К. Матвеев, 2004

Имя многолико, у него много тайн, но поскольку имя – языковой знак, оно в первую очередь привлекает лингвистов. Отсюда и «болезнь ономастов» – рано или поздно обращаться к теории имени собственного, чаще всего к вопросу о его лингвистическом статусе. Это естественно, так как понимание специфики собственных имен создает надежный фундамент для их объяснения. Наша статья – тоже порождение «зова имени». Интересы автора связаны прежде всего с областью историко-этимологической ономастики, но он глубоко уверен в том, что успешная этимологизация собственных имен во многом зависит от понимания их места в языке.

Обычно эта проблема рассматривается в ракурсе наличия/отсутствия лексического значения у собственных имен или его «специфичности», что в конечном счете единодушно сводится к признанию способности выделять отдельные объекты из ряда подобных. Сложность, однако, в том, что в обширной галерее собственных имен есть и такие, которые сочетают ономастическое значение с собственно лексическим (гора *Высокая*) или реализуются в многоликих имяобразующих структурах.

Сферу собственных имен часто относят к периферии языка. Действительно, можно представить такую речевую ситуацию, когда люди разговаривают несколько часов подряд или даже целый день, не употребляя ни одного имени. Значит, имена появляются в речи только тогда, когда они необходимы, востребованы. Но и все в языке – все слова и формы – хранятся в нашей памяти до востребования. Следовательно, специфика собственных имен не в этом.

Иногда собственные имена уподобляют заимствованиям, но и это неверно в принципе: во-первых, среди заимствований множество полностью освоенных слов, а во-вторых, явно смешивается происхождение собственных имен с их функционированием.

Очень часто ученые пытаются отождествить имя и слово или соотнести их каким-либо образом. Но имя даже материально не всегда совпадает со словом. А главное, у имени иная природа и семантика. Значение, доставшееся имени в наследие от нарицательного (гора *Шайтан* < *шайтан*), часто очень существенное для местного населения, тем не менее является только сопутствующим (коннотативным) компонентом, который может вообще отсутствовать (гора *Шунут*).

Сказанное относится и к структурной характеристике имен, которые очень часто могут быть не словами, а словосочетаниями (*Белый Камень*, *Нижний Новгород*), причем в различных неиндоевропейских языках в именах широко представлены глагольные конструкции с причастиями и даже с личными формами. В нашем языке это редчайшие случаи, аномалии, поскольку русский язык, как и другие индоевропейские синтетические и флективные языки, исторически тяготеет к семантической и грамматической конденсации. Поэтому труднодоступную вершину русские назовут не *Горой, где можно сломить голову*, а *Сломиголовой*. Но ученый, решая теоретические вопросы, не может смотреть на структуру имени только через русские, славянские или, шире, индоевропейские очки. Он обязан учитывать данные разных языков.

Нецелесообразно предлагать новые термины, тем более что стаж тех, которыми мы пользуемся, уже превышает два тысячелетия, но вполне очевидно, что термин имя собственное (*nomen proprium*), восходящий к античной традиции и противопоставляемый имени нарицательному (*nomen appellativum*), затрудняет определение места собственных имен в языке, поскольку ограничивает их мир пределами слова и, более того, существительных, что легко объяснить: для античных ученых язы-

ковая действительность замыкалась в рамках греческого и латинского – классических индоевропейских языков. Фактически же она несравнимо богаче: в мансийской топонимии Северного Урала на каждом шагу можно встретить названия типа *Сат-хум-хайтум-лох* – «лог семи бежавших мужчин», *Нял-пахвтын-керас* – «скала, в которую пускают стрелы», *Пут-урнэ-сяхл* – «гора, где караулят котел», *Соруп-аньт-тусьтым-керас* – «скала, где поставили лосиные рога»; в лакской топонимии Дагестана находим не менее выразительные и сложные наименования мест: *Шялмахъру-бусай-ххуллу* – «дорога, на которой рассказывают небылицы», *Къурхъ-рутай-щаращи* – «родник, который вызывает заворот кишок» [Хайдаков, 1964, *204*], а также название лакского аула *Ккул-базарлувун-най-бур* – «кулинцы идут на базар» [Там же, 1962, *113*]; в языках аборигенов Австралии встречаются глагольные топонимы как в личной, так и в неопределенной форме, ср.: *Jingubullaworrigee* – «я пойду туда», *Ningoola* – «не могу выйти», *Woollongong* – «там, где прошло чудовище» и *Genanagya* – «идти вперед», *Urandangie* – «встретиться и сесть», *Berowaltha* – «спускаться» [Беленькая, 1980, *179*]. Подобные же конструкции засвидетельствованы и в антропонимии, ср. личные имена у аборигенов Океании: *Лава-и-паки* – «прилететь и коснуться» [Мифы, предания и сказки фиджийцев, 1989, *387*] или *Тере-хе* – «уплывающая вдаль из-за своего греха» [Те Ранги Хироа, 1959, *71*].

Отсюда следует, что именник использует разные средства языка. Имена, будучи знаком выделения предмета из ряда подобных, могут быть и словом, и словосочетанием, и предложением. И потому они выходят за рамки лексики. Попытки определить статус имени, опираясь на антиномию *имя – слово*, как правило, не дают результата, поскольку слово – только одна ипостась имени.

Таким образом, в именах слова, словосочетания, предложения могут рассматриваться как звуковой материал, смысловое неономастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования. Поэтому при необходимости можно «творить» собственные имена из любого языкового материала, как это происходит в наши дни в эргонимии – названиях фирм, магазинов и т. п. под влиянием внешних факторов. «В принципе СИ (собственные имена. – *А. М.*) не нуждаются в переводе на данный язык» [Топоров, 1962, *5*], что еще раз указывает на их особое положение в языке.

Трудности, возникающие при обсуждении онтологии собственных имен и их места в языке, во многом обусловлены смешением синхронии и диахронии, а также функционального плана и этиологии. Объективные диалектические противоречия порождаются и самим сложным характером имен, в идеале предназначенных называть, а не обозначать (ср. известную формулу: *nominatur singularia, sed universalia significatur* – «единичное называется, а общее означивается»), но во множестве случаев факультативно способных на то и на другое.

В этой диалектике многое проясняет происхождение имен, которые возникли в естественном звуковом языке и, таким образом, вторичны. Человек сначала должен был научиться обобщать и создавать слова для обозначения общих понятий, а уже потом освоить технику различения однородных явлений, предметов одного класса и научиться давать именования индивидуальностям. Оппозиция *человек – противостоящий мир* с течением времени дополняется противоположением *человек – другие люди*. Оказалось, что все *мы* – разные, а *я* – отличен от всех. Инстинктивный животный эгоизм постепенно эволюционирует в разумный эгоизм *homo sapiens*. Но, осмысляя этот процесс, нельзя упускать и роль имени в становлении человека.

Можно сколько угодно спорить о том, что сделало человека человеком: мясная пища, прямохождение, освобождение руки от транспортных функций, изготовление и использование орудий, поддержание огня, становление разума и возникновение человеческой речи и т. д. Фактически все это – этапы эволюции, которая связывает человека с животным миром и вместе с тем отделяет от него. Важнейшим рубежом было и появление имени. На каком-то этапе эволюции человек осознал факт своего выделения из промискуитетного стада, и появилось имя, в котором находит ярчайшее выражение человеческая «самость», закрепляется формирование человеческой личности, развитие личного самосознания. Именно в этом смысле можно говорить, что имя создает человека. Собственные имена, писал В. Н. Топоров, являются «неотъемлемой характеристикой человеческих коллективов в отличие от животных коллективов» [Топоров, 1962, *3*].

Общеизвестна роль имен в человеческом обществе. Ясно, что изъять именник из общения столь же невозможно, как и лишить человечество языка. Но роль имени в прошлом была еще значительнее. В древности человек тщательно оберегал имя, считая его своей неотъемлемой частью. Он старался держать имя в тайне, чтобы отгонять злых духов, а узнав имена врагов, уничтожить их при помощи магии. Имя и миф, магия имен, их фетишизация – все это известные лингвоэтнокультурные мотивы. Современный человек лишен предрассудков, легко меняя фамилию и имя. Изменения в обществе ведут к калейдоскопу переименований городов и селений. Имя беззащитно. И в этом снова проявляется обособленность имени в языке, основной лексический фонд которого человеку неподвластен или почти неподвластен. Можно изменить имя, исказить его или вообще упразднить. Но вот парадокс – магия имен продолжает жить. Более того, во времена культурной деградации она получает широкое распространение в паранаучной форме. В красиво изданных книгах с названиями вроде «Тайна имени», а также многочисленных журнальных и газетных статьях не только содержатся традиционные объяснения имен, но и утверждается, что имя определяет судьбу человека. В этом особенно преуспел психолог Б. Ю. Хигир, который по имени, отчеству и дате рождения характеризует человека и прогнозирует его будущее. Эта лингвистическая астрология может показаться безобидной игрой. Но манипуляции с именами подаются в научной упаковке, подобно «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. Поэтому на них стоит остановиться подробнее.

1. Одно и то же имя в разных языках звучит по-разному: русское *Иван* – английское *Джон*, русское *Александр* – венгерское *Шандор*, русское *Андрей* – мансийское *Унтари*. Возникает вопрос, сохраняются ли «волшебные» свойства имени в случаях столь радикального несоответствия звуков или только русские имена в силу каких-то удивительных обстоятельств обладают такой способностью? А как быть с тем непреложным фактом, что имя живет во множестве вариантов: *Алексей* становится *Лёхой*, *Андрей* – *Дюшей*, *Анна* – *Нюрой*, *Александр* – то *Сашей*, то *Шурой*. В жизни эти варианты, в которых нет ничего общего с каноническими именами, нередко встречаются намного чаще, а в детском возрасте, когда, казалось бы, прежде всего должно сказываться роковое влияние имени, они преобладают абсолютно. Десятки и даже сотни вариантов личных имен фигурируют на страницах словарей [см., например: Тихонов и др., 1995]. И какой же из них будет определять жизненный путь?

2. Наш именник, толкованием которого занимаются ономастические кудесники, в основном заимствован, он древнееврейско-греко-латинского происхождения. Если же

обратиться к другим народам и языкам с совершенно прозрачными по семантике именами типа бесчисленных арабских *Абдулвали* – «раб святого», *Абдулгафур* – «раб прощающего», *Абдулкарим* – «раб щедрого», *Абдулхамид* – «раб славного» и т. п., то исчезает сама база для гадания, которая появляется, когда внутренняя форма скрыта для неспециалиста, хотя в большинстве случаев известна ученым, т. е. в именах типа *Иван*, *Александр*, *Андрей*. В таких случаях можно легко спекулировать на благозвучных и неблагозвучных сочетаниях и случайных совпадениях.

3. Наконец, если бы подобные закономерности действительно существовали, то ученый мир безо всякой генетики давно додумался бы до клонирования людей со специфическими чертами характера и судьбой при помощи имен. Да и эмпирические наблюдения привели бы даже малообразованных людей к выводу, что есть не только благозвучные и неблагозвучные, но и «хорошие» и «нехорошие» имена.

Вопрос о паранауке в ономастике сейчас весьма актуален, ведь то, что можно простить наивному дикарю или суеверному средневековому крестьянину, которые давали своему потомству разного рода профилактические имена, в наше время следует квалифицировать только как шарлатанство или глубочайшее заблуждение.

Имена влияют на судьбу людей и мест, но опосредованно. Люди могут смеяться и даже издеваться над именем, фамилией, прозвищем или названием деревни, а это может так или иначе ущемлять психику человека или группы людей с развитием в дальнейшем аномальных чувств, реакций, действий и соответствующими последствиями. В таких русских именах, как *Фекла*, *Акакий*, *Пульхерия*, только специалист может сейчас увидеть значения «Божья слава», «не причиняющий зла», «прекрасная», а у незнающих (и их огромное большинство) подобные звуковые комплексы могут вызывать негативные ассоциации. В результате эти старые имена фактически выпали из русского именника. Оказывается, материальной базой для воздействия имени на человека являются прежде всего фонетические и смысловые ассоциации. Именно поэтому создатели искусственных имен сознательно или бессознательно, как правило, не жалеют сонорных звуков для имен положительных персонажей и смычных, шипящих, а также труднопроизносимых групп согласных – для отрицательных. Потому благозвучны имена, связанные с провиденциальным началом в «Розе Мира» Даниила Андреева (*Нэртис*, *Олирна*, *Ирольн*), и какофоничны, трудны для произношения наименования демонических персон (*Гагтунгр*, *Гашшарва*, *Друккарг*).

Еще пример: в алфавитных списках фамилий преподавателям и командирам бросаются в глаза первые по списку. Их чаще спрашивают, отмечают, награждают и т. п. Последним по списку уделяется меньше внимания. Они чувствуют себя ущемленными, у них развивается комплекс неполноценности. Поэтому первые успешнее в жизни. Объяснение это, конечно, спорно, но и оно указывает на опосредованность влияния имени на человека.

Еще сложнее путь воздействия имен на географические объекты. Название, несущее негативную историческую информацию (урочище *Убиенное*, где некогда кого-то убили; поле *Гнилое*, где сгноили урожай, и т. п.), может способствовать развитию отрицательного отношения к объекту: его перестают посещать и обрабатывать. Постепенно он утрачивает свои полезные качества. Разумеется, и это случаи опосредованного воздействия имени.

Реально существующие поразительные свойства имени состоят прежде всего в его способности обслуживать общество даже при очень высокой повторяемости компо-

нентов (в России тысячи тысяч *Иванов* и *Ивановых* и тысячи *Ивановок*). Естественно сложившиеся ономастические системы всегда нормально функционируют, если не вмешивается волюнтаристский фактор и не происходит смешение систем и создание неудачных наименований. Эта способность имен связана с тем, что ономастические системы основаны на принципе сосуществования множества частных подсистем. Поэтому одинаковые названия могут обслуживать разные коллективы. Такое устройство ономастических систем позволяет понять, как они отражают состояние общества, а топонимия – и географическую среду. Это отражение, конечно, неполно, но оно не является кривым зеркалом, как можно вывести из «закона относительной негативности топонимов» В. А. Никонова, в соответствии с которым названия даются по редкому признаку и являются собранием раритетов [см.: Никонов, 1964, *77–79*].

Разумеется, в пределах минимальной микросистемы, например топонимии сельского населенного пункта, действует правило обязательного различения названий, что обусловливает их неповторяемость. Частотность и раритетность топонимов в этом отношении не играют роли: исключается дублирование тех и других. Но в рамках каждой отдельно взятой микросистемы типичные топонимы (река *Черная*, поле *Большое*, гора *Высокая*) встречаются чаще, чем раритетные, поэтому сложение микросистем неизбежно дает эффект преобладания высокочастотных названий, которые господствуют в топонимии и объективно, хотя и неполно, отражают окружающий мир. Это закономерно, поскольку назначение имен не только выделять предметы, но и способствовать выявлению структурной организации действительности, что подтверждается прежде всего возникновением условных топонимических систем для ограниченных коллективов (военных, охотников, туристов). В принципе, даже один человек может создать такую систему, если она помогает ему осваивать мир.

Другое удивительное свойство ономастических систем – хранить историческую память, содержать языковую информацию о прошлом, которая затем может быть интерпретирована с точки зрения лингвистики, истории и географии. Это свойство ономастики связано с ее консервативностью, устойчивостью, обособленностью в языке, а также с легкостью усвоения другим языком. Такие названия, как *Вологда* или *Пермь* и тысячи им подобных, давно стали достоянием русского языка, но они продолжают хранить в себе информацию о древних языках и народах.

Территория России огромна. Ее населяли в прошлом и населяют сейчас многие народы. Следует всегда помнить о том, что история русского этноса изобилует не только внутренними потрясениями, о которых так любит писать наша пресса, но и великими пассионарными движениями – преодолением и освоением огромных пространств. Эти пространства не были пустыми: в формирование русского этноса внесли свой вклад многие народы, история которых уже завершилась. Их наследие в русском языке – топонимия и антропонимия. Китайская мудрость гласит: «Лучше увидеть лицо, чем услышать имя». Но если лица не видно, если его уже нет, а в руке ученого только плохо сохранившийся череп, изучение имен позволяет заглянуть в глубокое прошлое и возродить звуки исчезнувшей речи. Поэтому значение собственных имен для контактологии – науки о лингвоэтнических контактах и прежде всего древних субстратах – исключительно велико.

Но надо помнить и о другом. На территории России непрерывно происходят и ранее происходили языковые и этнические скрещения. Именно этому смешению и обновле-

нию обязан русский народ многими своими достойными качествами, поскольку смешение «своего» и «чужого» дает генетический эффект. Однозначное противопоставление *свой – чужой* актуально в армии, например при опознании самолетов, или на практических занятиях по иностранному языку. Для исторической лингвистики, изучающей топонимию и антропонимию, намного актуальнее другое: выявление «чужого» в «своем» и «своего» в «чужом», а также объяснение того, как произошло это взаимопроникновение. Именно такой подход сближает науки и объединяет народы.

Имя – ключ ко многим проблемам истории человечества и его языков, так как ни в одной другой сфере языка не выражено с такой силой слияние «своего» и «чужого», возможность которого обусловлена самими свойствами имени, способного даже при поверхностном контакте преодолевать языковые границы, временные рамки и территориальные рубежи. Долг ономастов всемерно использовать удивительные возможности и пути, которые указывает имя.

Беленькая В. Д. Заметки о географических названиях Австралии (аборигенная топонимия) // Ономастика Востока. М., 1980. С. 174–185.

Мифы, предания и сказки фиджийцев. М., 1989.

Никонов В. А. Пути топонимического исследования // Принципы топонимики. М., 1964. С. 58–86.

Те Ранги Хироа (*П. Бак*). Мореплаватели Солнечного Восхода. М., 1959.

Тихонов и др. Словарь русских личных имен / Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. М., 1995.

Топоров В. Н. Из области теоретической топономастики // Вопр. языкознания. 1962. № 6. С. 3–12.

Хайдаков С. М. Некоторые вопросы, связанные с изучением топонимики Дагестана // Топонимика Востока. М., 1962. С. 110–114.

Хайдаков С. М. Глагол в лакских топонимах // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964. С. 203–204.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский

ГЛАВА ИЗ ИСТОРИИ ВЫБОРА ИМЕН У РЮРИКОВИЧЕЙ: КНЯЗЬЯ-ТЕЗКИ И ИХ ПАТРОНАЛЬНЫЕ СВЯТЫЕ

In the present paper the principles of namegiving the Rurikides dynasty in XIV—XVI centuries are analyzed. Even in the pre-Mongolian Rus' there was prohibition of naming a child by the name of his living father or grandfather. In the paper it is shown that this prohibition did not completely disappear even in XIV — XVI centuries. If the son and father had the same name (Ivan Ivanovich, Vasily Vasiljevich etc.), then they had different saint' patrons. If a child had the name of his deceased relative, he had the same saint patron as his older relative. Finally, if several sons in the family had the same name, they were called in honor of the same saint.

Одной из важнейших причин возникновения христианской многоименности является обязательность для князя родового имени. После крещения Руси члены правящего рода продолжают получать имена, никак не связанные с христианским именословом: *Ярослав*, *Мстислав*, *Всеволод* и т. п. С другой стороны, при крещении княжич получал и христианское имя: *Георгий*, *Василий*, *Иван*, *Андрей* и др. Таким образом, в XI–XII вв. у князя чаще всего было по крайней мере два имени – родовое и крестильное (христианское).

Принцип наречения родовым именем был характерен для Рюриковичей на всем протяжении их существования как русской правящей династии. Член княжеского рода должен был получить подобающее имя, чтобы занять свое место в системе родовых и династических отношений.

Достаточно рано, однако, функцию родовых имен начинают принимать на себя имена христианские. Исконные, языческие по происхождению имена со временем делаются попросту «ненужными» и хотя и очень медленно, но неуклонно вытесняются из родового обихода. Тем не менее, как в прежние раннехристианские времена далеко не всякое языческое имя годилось для князя, так и позднее, в XIV–XVI вв., круг христианских имен, которые давались в семье Рюриковичей, был весьма ограничен. И в том и в другом случае пригодными оказывались лишь те имена, которые уже носили предки новорожденного наследника.

© А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский, 2004

В домонгольский период, когда родовые имена князей были связаны с миром язычества, нарекали исключительно в честь умерших предков – существовал строгий запрет на повтор имени прямых предков, если ко времени появления княжича на свет те были еще живы. Иными словами, не следовало называть ребенка *Всеволодом Всеволодичем* или *Олегом Ольговичем*, если он родился при жизни своего отца, не годилось и имя живого деда.

С другой стороны, с точки зрения интересов династии символическое уподобление новорожденного наследника живущему и правящему отцу или деду было бы чрезвычайно выгодным и эффективным. Однако столь буквальное отождествление одного из сыновей или внуков с правителем оправданно лишь при стремлении к жесткой централизации и строго вертикальному принципу престолонаследия. Такое стремление могло возникать у князя, выбирающего имя для своего потомка, на разных этапах истории рода, однако нужны были совершенно определенные условия, чтобы он мог столь наглядно демонстрировать подобные намерения в акте имянаречения.

Пока существовали древние родовые ограничения в том, что касалось преемственности власти, и в том, что относилось к родовым ценностям, связь между именованием живого отца и сына могла устанавливаться лишь косвенными путями. Распространение христианских имен оказало немалое влияние на систему имянаречения в целом. Запрет на повтор имен «живущих предков» явно претерпевает существенные изменения: действительно, уже в конце XII в. отец может выбирать для сына свое собственное крестильное имя [см. об этом подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *36–109*]. Более того, с XIII в. встречаются и отдельные случаи совпадения нехристианских, мирских имен живого деда и внука, а впоследствии живого отца и сына. Внук Всеволода Большое Гнездо становится тезкой своего деда еще при жизни последнего. В первой половине XIII в. появляется и знаменитый князь Ярослав Ярославич (брат Александра Невского), родившийся задолго до кончины своего отца, Ярослава Всеволодича, и тем не менее носящий его родовое имя.

На первый взгляд может показаться, что архаический запрет со временем совершенно исчезает из жизни династии. По крайней мере, имена поздних Рюриковичей, правивших в XV–XVI вв., невольно провоцируют подобный вывод. В самом деле, Иван Калита называет одного из своих сыновей *Иваном*, а Симеон Гордый – *Симеоном*, Василий Темный был сыном Василия Дмитриевича, Иван Молодой – старшим сыном Ивана III, имя *Иван* носил и один из сыновей Ивана Грозного. Появляется даже формула «отеческое, отчее имя», призванная подчеркнуть совпадение имен отца и сына[1]. Тем не менее старая родовая традиция, воплотившаяся в христианских именах, видоизменяясь, отнюдь не утрачивает своей силы. Многочисленные Василии и Иваны из рода Рюриковичей зачастую одновременно являются и не являются тезками.

Каков же был этот механизм расподобления тезок?

В домонгольской Руси наречение князя, к примеру, *Всеволодом* или *Святославом* уподобляло его не только кому-то из ближайших предков, носивших это княжеское имя, но и всему ряду прежде живших Всеволодов и Святославов из рода Рюриковичей.

---

[1] Ср., например, свидетельство летописи о рождении сына у Ивана Грозного: «Егда же приспе время, и родися има богодарованныи сынъ и нареченъ бысть очимъ именемъ царевичь Иванъ» [ПСРЛ, 19, *485*].

Если речь шла об умерших предках, то существенным оказывалось не различение, а объединение всех князей, обладавших одним и тем же именем.

В известном смысле так же дело обстояло и с христианскими святыми. Князь, получивший в крещении имя *Андрей*, чтил, по-видимому, и апостола Андрея, и Андрея Стратилата, и Андрея Критского, и всех прочих своих святых-тезок. Определенного рода синкретизм в отношении своей «небесной генеалогии» соответствовал тому синкретизму культа одноименных предков, который имел место в «генеалогии земной».

К последней трети XII в. постепенно складывается традиция, прочно связывающая каждое событие и отсчет времени в целом с днями празднования памяти определенных святых [см. об этом подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *79*]. К московскому же периоду истории княжеского рода вся жизнь князя, от первого до последнего дня, соотносилась с памятью того или иного святого. Каждый день был днем церковного праздника, и всякому событию могло быть приписано определенное символическое значение в зависимости от того, «на чью память» оно выпадало. С другой стороны, заметные вехи в истории рода надолго, если не навсегда, могли окрашивать в определенные тона тот или иной день месяцеслова, праздник и имя того или иного святого.

Эта сложная система, где соответствия, выбранные людьми, сочетались с соответствиями, предопределенными свыше, требовала, разумеется, тонкого разграничения святых-тезок. Условно говоря, тенденцию к синтезу, характерную для домонгольской Руси, со временем сменяет тенденция к анализу.

Круг родовых христианских имен Рюриковичей был, как уже говорилось, весьма ограничен, отчасти он был унаследован еще из домонгольской поры. При этом, с одной стороны, далеко не каждое имя годилось для князя, и, с другой стороны, не каждый святой, носивший «княжеское» имя, мог сделаться официальным патроном Рюриковича. Характерно, однако, что святых Иоаннов, например, «годившихся» в качестве официальных святых покровителей для князя, традиция признавала несколько. Точно так же обстояло дело и со святыми Василиями или святыми Симеонами. Иными словами, носитель имени *Иван* мог быть крещен как в честь Иоанна Предтечи, так и в честь Иоанна Златоуста или в честь Иоанна Лествичника. Существенно, что официальный патрон князя был широко известен – церковное строительство, иконописание, дни монастырских кормлений и многие другие атрибуты почитания связывались с памятью именно этого святого.

Сказанное имеет самое непосредственное отношение к запрету на повтор имени живого предка в родовой традиции. Выбирающий имя для княжича получал в ситуации разграничения святых-тезок большие дополнительные возможности. Действительно, ребенок мог быть назван тем же именем, что носил его правящий отец или дед. Тем самым устанавливалась его прямая преемственность по отношению к предку, в данный момент обладающему властью. При этом обходился и запрет на тождество имен живого предка и потомка. В самом деле, если сын князя, крещенного в честь Василия Кесарийского, был крещен, скажем, в честь св. Василия Парийского, это отличало его от отца, хотя их имена и совпадали.

В практике имянаречения подобное распределение патрональных святых соблюдалось весьма последовательно: сын, нареченный при жизни отца его именем, в качестве небесного покровителя обязательно получал другого святого, нежели его отец. Начнем с рассмотрения самой поздней по времени именной пары такого рода – с имен Ивана IV и его сына, царевича Ивана.

Хорошо известно, что официальным покровителем царевича Ивана Ивановича был св. Иоанн Лествичник. В частности, именно он был изображен на образке царевича, изготовленном для его крестного отца митрополита Макария[2]. После гибели Ивана Ивановича Грозный отдает распоряжение о строительстве придела Иоанна Лествичника в Архангельском соборе, фамильной усыпальнице последних поколений царствующих Рюриковичей[3]. Память Иоанна Лествичника могла быть соотнесена по календарю с датой рождения царевича – 28 или 29 марта [см.: ПСРЛ, 13, *239*; Зимин, 1950, *19*; Карамзин, 1892, 8, *50*, примеч. 391], так как приходилась на 30 марта. Впрочем, дело здесь обстоит не так просто, поскольку 30 марта праздновалась память не только Лествичника, но, согласно некоторым месяцесловам, и память Иоанна Иерусалимского, а также Иоанна Безмолвника [см.: Арх. Сергий, 1901, 2, *91*]. Таким образом, у нарекающих именем был целый ряд возможностей при выборе патронального святого. Однако не вызывает никаких сомнений, что официальным покровителем царевича стал именно Иоанн Лествичник.

Исследователями уже отмечалось, что у Ивана Грозного было несколько неофициальных небесных патронов, чья память была связана с датой его рождения [см.: Успенский Б. А., 1996–1997, 2, *201–202*; Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *72*, *99*]. При этом имя его официального святого патрона может быть названо совершенно определенно: это Иоанн Предтеча. Наречение Ивана Васильевича соотносилось с праздником Усекновения Главы Иоанна Крестителя[4]. Этот праздник приходился на 29 августа, а сын Василия III, будущий царь Иван Грозный, родился 25 августа, в день апостолов Тита и Варфоломея.

Можно было бы допустить, что отцу и сыну достались разные патрональные святые исключительно в результате календарных расчетов. К дате рождения одного из них было ближе празднование памяти Иоанна Лествичника, а к дате рождения другого – Иоанна Предтечи. Следовательно, несовпадение их святых покровителей можно было бы считать делом случая. Однако данному выводу противоречит ряд обстоятельств, и в первую очередь – строгая регулярность подобных «несовпадений».

Родной дед Ивана Грозного, Иван III, также дал свое родовое имя собственному сыну, Ивану Ивановичу Молодому. По случаю его рождения Иван III возвел каменную церковь Иоанна Предтечи «на Бору», так что мы можем с достаточной степенью определенности утверждать, что именно Иоанн Предтеча был патрональным святым новорожденного княжича. Официальным же покровителем самого Ивана III был, как известно, Иоанн Златоуст. Любопытно, что, закладывая в 1479 г. каменную церковь

---

[2] На лицевой, обращенной наружу стороне этого образка был изображен Иоанн Лествичник – святой, тезоименитый царевичу по его официальному, династическому имени, тогда как на оборотной, обращенной внутрь стороне – святые Марк Арефусийский и Кирилл диакон, те святые покровители, которые связаны с его днем появления на свет [см.: Постникова-Лосева, 1976, *231*].

[3] Ср. также свидетельство Никоновской летописи об освящении церкви Иоанна Лествичника в 1557 г., на котором присутствовали Иван Грозный, царица Анастасия и сам Иван Иванович [см.: ПСРЛ, 13, *276*]. Подробнее о строительстве церквей, посвященных главному патрональному святому царевича, см.: [Мельник, 1999, *42* и след.].

[4] О строительстве при Василии III и Иване Грозном церквей, посвященных Иоанну Предтече, см. подробнее: [Мельник, 1999, *39–41*].

Златоуста в Москве, Иван III устраивает в нем придел апостола Тимофея, своего «непубличного» святого, в день памяти которого великий князь появился на свет: «понеже бо имя его наречено бысть, егда бываетъ праздникъ възвращениа честныхъ мощей Иоанна Златоустаго <…> А въ застенке тоа церкви повеле церковь другую учинити, Тимофеа Апостола, въ той бо день родился» [ПСРЛ, 12, *192*; ср.: Мельник, 1999, *38*].

Дата рождения Ивана III хорошо известна: он родился 22 января 1440 г., а 27 января церковь празднует Перенесение мощей Иоанна Златоуста. В свою очередь, Иван Иванович Молодой родился 15 февраля 1457 (1458?) г.: «Тое же зимы, февраля въ 15 день, въ среду на Феодорове неделе, егда начаша часы пети, родился великому князю Ивану сынъ и нареченъ бысть Иванъ» [ПСРЛ, 12, *112*]. Показательно, что княжич родился на Феодоровой неделе, первой неделе Великого поста, когда в субботу церковь праздновала явление св. Феодора Тирона цареградскому епископу Евдоксию. В год рождения царевича суббота приходилась на 18 февраля. Более того, на 17 февраля выпадал и неподвижный праздник св. Феодора Тирона.

Иными словами, по двум возможным системам отсчета одно из празднований Феодора Тирона приходилось на третий день после рождения княжича. В любом случае эти праздники находились в непосредственной близости ко дню появления ребенка на свет. *Феодор* же издавна было родовым христианским именем Рюриковичей, причем Феодор Тирон (святой воин) был одним из популярнейших патрональных святых. Однако Иван III счел более уместным обозначить родовые права своего старшего сына, дав ему свое собственное имя. При этом патрональный святой княжича, Иоанн Креститель, не совпадал с патрональным святым его отца-тезки. Как известно, с именем Иоанна Крестителя связано несколько больших церковных праздников. Один из них – Обретение главы Иоанна Предтечи – приходится на 24 февраля. Таким образом, при выборе официального имени для Ивана Молодого на календарь ориентировались лишь до некоторой степени: княжич получил имя не ближайшего из почитаемых князьями святых, а того, который лучше подходил по династическим соображениям.

Когда Иван Молодой родился, то он, будучи старшим сыном, мыслился как главный наследник своего отца. Однако этим планам не суждено было осуществиться: княжич умер в 1490 г., т. е. еще при жизни отца. После него остался сын, знаменитый Дмитрий Иванович Внук, который при жизни деда венчался на великое княжение и при жизни же деда лишился своего статуса наследника. Преемником Ивана III стал его второй сын Василий, будущий отец Ивана Грозного (подчеркнем еще раз, что Иван Молодой приходился Грозному родным дядей).

Для нас весьма существенно, что Василий Иванович, сделавшись великим князем, называет своего старшего сына *Иваном*, т. е. тем же именем, которое носили дед и родной дядя ребенка. По-видимому, такой выбор имени отсылает к обоим умершим родичам. Дед ребенка (Иван III) был одним из самых могущественных московских великих князей. Получив его имя, новорожденный становился его тезкой по имени и отчеству, так как и дед, и внук именовались *Иванами Васильевичами*.

С другой стороны, новорожденный, как и его умерший дядя, был старшим сыном, и оба они мыслились как наиболее естественные и легитимные преемники своих отцов. Соотнесение с дядей, таким образом, также было полезно для княжича. О том, что это соотнесение действительно имело место, говорит тот факт, что дядя и племянник не только были тезками по родовому имени, но и имели одного и того же официального

небесного патрона – Иоанна Крестителя, хотя их дни рождения связывались с разными календарными праздниками в честь этого святого[5]. Совпадение святого покровителя живого и умершего Рюриковича, по всей видимости, не только не было под запретом, но и сознательно поддерживалось и культивировалось.

Вернемся, однако, к ситуации, когда родовые имена отца и сына совпадают. Такого рода примеры встречаются и в XIV в., хотя этот материал более труден для исследования, так как данных о княжеских патрональных святых того времени сохранилось существенно меньше. При этом мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что святым патроном Ивана Даниловича Калиты, например, был Иоанн Предтеча. Во всяком случае, именно Предтеча всегда изображается на печатях в качестве небесного покровителя князя [см.: Янин, 1970, 2, *25–26*, *28*, *164–165*]. Как известно, одного из сыновей Калиты звали *Иваном Ивановичем*. В честь какого же святого он получил свое родовое христианское имя?

Судя по летописным данным, этот князь родился 30 марта 1326 г.: «…родися великому князю Ивану сынъ Иоан, марта въ 30, на память Иоана Лествичника» [ПСРЛ, 25, *167*]. В этот день праздновалась память Иоанна Лествичника, Иоанна Иерусалимского и Иоанна Безмолвника. Известно, что в 1329 г., через три года после рождения этого сына, Калита возвел в московском Кремле церковь в честь Иоанна Лествичника [см.: ПСРЛ, 7, *202*; 10, *201*; 15 (Рогожский летописец), *45*; 18, *91*; 20 (1), *178*; 25, *169*; Приселков, 1950, *359*]. Что же касается печатей Ивана Ивановича Красного, то изображения на них читаются с трудом, с иконографической точки зрения содержат определенные противоречия и не могут быть с абсолютной надежностью соотнесены ни с кем из святых Иоаннов.

В. Л. Янин предполагал, что резчик этих печатей, новгородец, мог быть не осведомлен о том, кто из Иоаннов был небесным покровителем князя, и потому избирал некоторый промежуточный, обобщенный образ святого [см.: Янин, 1970, 2, *29*]. Такая интерпретация представляется нам вполне вероятной. Трудно сказать, насколько подобный синкретизм в почитании святых был допустим к XIV в. для самих князей Рюриковичей. С нашей точки зрения, в эту эпоху уже имело место разграничение святых-тезок, которое и делало возможным, как уже говорилось, совпадение родовых христианских имен отца и сына. Однако отголоски подобного «синтеза» были вполне возможны. Тем более возможны были они в Новгороде, до некоторой степени дистанцированном в то время от тонкостей династической стратегии Рюриковичей, в большей мере ориентированном на старые традиции.

В то же время, если говорить о святом покровителе Ивана Ивановича Красного, то вероятнее всего им был именно Иоанн Лествичник, тем более что двое других Иоаннов, чья память связана с датой 30 марта, были достаточно «экзотическими» для рус-

---

[5] Можно предположить, что династический конфликт вокруг наследника старшего брата, Дмитрия Внука, наложил определенный отпечаток на начало царствования Василия III. Не исключено, что Грозный не только был хорошо осведомлен об этом конфликте, но и знал, что его собственное родовое имя призвано передать ему те права, которыми располагал некогда его покойный дядя, Иван Молодой. Во всяком случае, старшего сына Грозный называет так же, как в свое время был назван старший сын его дяди, – *Дмитрием*, воспроизводя тем самым целую родовую антропонимическую последовательность.

ской церкви, их имена фиксировались в весьма ограниченном числе месяцесловов. Иоанн Лествичник был единственным из этих святых Иоаннов, чья память явным образом почиталась на Руси. О. В. Лосева склонна усматривать изображения Лествичника и в значительной части варьирующих образов на печатях Ивана Ивановича Красного [см.: Лосева, 2001, *130–131*].

Таким образом, и у этих князей, отца и сына, при совпадающих родовых именах скорее всего были различные патрональные святые. При этом, как видно из приведенных выше примеров, «закономерность несовпадения» распространяется только на живых предков. Если у княжича с умершим предком совпадает и имя, и святой покровитель, то это нисколько не противоречит родовой традиции, а напротив, в высшей степени соответствует ей. По-видимому, такие совпадения вполне могли быть частью родовой антропонимической стратегии. В частности, могли обыгрываться полные совпадения имен, отчеств и патрональных святых.

Так, с одной стороны, мы можем указать нескольких Рюриковичей, живших в разное время, чьим святым покровителем был Иоанн Креститель, и нескольких Рюриковичей, чьим официальным небесным патроном был Иоанн Лествичник. С другой стороны, что еще более любопытно, в роду неоднократно возникает ситуация, когда княжич именуется *Иваном Ивановичем*, причем его собственным патроном является Иоанн Лествичник, а патроном его отца – Иоанн Креститель. Иван Иванович, сын Грозного, оказывается, таким образом, антропонимическим подобием Ивана Ивановича Красного по имени, отчеству и официальным небесным покровителям. Единственным отличием с точки зрения имянаречения могут быть лишь их непубличные христианские имена, связанные с датой рождения[6]. При этом мы ничего не знаем о неофициальном имени Ивана Ивановича Красного, и, если дата его появления на свет, как следует из летописных данных, строго совпадала с празднованием памяти Иоанна Лествичника, такого второго покровителя у него могло и не быть.

Сложное, «многоступенчатое» уподобление потомка умершему предку издавна встречается в роду Рюриковичей. Осуществлялось оно с помощью различных приемов. Игра на совпадении патрональных святых могла стать еще одним способом такого уподобления. Разумеется, сказанное касается не только христианского родового имени *Иван*.

В этом отношении весьма показательна история имени *Даниил* у Рюриковичей московского дома в XIV в. На печати Даниила Московского, сына Александра Невского, был изображен Даниил Столпник [см.: Янин, Гайдуков, 1998, *67*, *166*; ср.: Янин, 1970, 2, *12–13*; Кучкин, 1995, *93*]. При жизни этот князь возвел монастырь и храм, посвященные тому же святому [см.: ПСРЛ, 7, *202*; 10, *204*; 21 (1), *298*; 15 (Рогожский летописец), *46*]. Не исключено, правда, что князь Даниил Александрович, приняв схиму, сменил своего небесного покровителя, однако не вызывает сомнения, что в мирской жизни его официальным княжеским патроном был именно Даниил Столпник.

Приблизительно через 16 лет после смерти Даниила Московского, в 1319 г., появился на свет его внук, сын Ивана Калиты, названный в честь деда *Даниилом*. Его

---

[6] Подробнее, с указанием литературы, о вторых – непубличных – христианских именах см.: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *71–79*].

святым покровителем становится Даниил Столпник, патрональный святой его родного деда. При этом в летописных источниках сообщается, что Даниил Иванович родился 11 декабря, т. е. непосредственно в день памяти Даниила Столпника.

В следующем поколении потомков Даниила Московского появляется еще один Даниил, который был сыном Симеона Гордого и, следовательно, приходился Даниилу Александровичу правнуком. Весьма любопытно, кто именно из святых Даниилов мог быть избран в качестве святого патрона этого княжича. Дата его рождения, 15 декабря 1347 г. [см.: ПСРЛ, 7, *214*], приходится между Даниилом Столпником (11 декабря) и пророком Даниилом (17 декабря).

Как правило, даже при самой нежесткой ориентации на месяцеслов в качестве святого патрона для мальчика княжеского рода выбирались те святые, чья память праздновалась после его появления на свет. Впрочем, отступления от этого правила в принципе были возможны, и нельзя полностью исключить, что Даниила Симеоновича нарекли именно в честь Даниила Столпника, который был покровителем его знаменитого прадеда и дяди, умершего в детском возрасте[7]. Иными словами, соображения родовой преемственности могли в явной форме возобладать над ориентацией на месяцеслов. Необходимо учитывать, что пророк Даниил также почитался князьями московского дома. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими более определенно установить небесного патрона Даниила Симеоновича.

Характер повтора христианских родовых имен в XIV в. вызывает вопрос о том, когда именно возникает возможность воспроизведения имени живого предка в имени потомка и необходимость различения их патрональных святых. Выше нам уже приходилось говорить о самых ранних этапах развития подобного принципа выбора имени. Необходимо, на наш взгляд, еще раз подчеркнуть следующие особенности этого раннего этапа.

В ту эпоху, когда князья носили два имени – языческое по происхождению, родовое, и христианское – существовал, как уже говорилось, строгий запрет на повтор родового, мирского имени живого предка и не было запрета на повтор его крестильного, христианского имени. При этом святые патроны предка и потомка могли совпадать. Так, у Владимира-Василия Мономаха был внук Василько, родившийся при жизни деда, а у Всеволода Большое Гнездо был сын, который носил христианское имя и отчество *Дмитрий Дмитриевич*. Его покровителем был Дмитрий Солунский, тот же самый святой был небесным патроном и его отца. По-видимому, Дмитрий Солунский был единственным святым с этим именем, явным образом почитавшимся в династии Рюриковичей.

Однако у этого княжича Дмитрия Дмитриевича, родившегося в конце XII в., было еще мирское имя *Владимир*, отнюдь не совпадавшее с именем его отца[8]. Иными словами, княжич никоим образом не становился полным антропонимическим подобием своего живого отца или деда, несмотря на то, что у них совпадали крестильные имена и

---

[7] Б. М. Клосс предполагает, что Даниил Симеонович был наречен в честь Даниила Столпника, никак не упоминая того обстоятельства, что на третий день после рождения княжича приходилась память пророка Даниила [см.: Клосс, 1998, 1, *25*].

[8] Оно было дано ему в честь прадеда, Владимира-Василия Мономаха [см.: ПСРЛ, 2, *674–675*, под 1192 г.].

патрональные святые. Характерно, что позднее, когда система нехристианских имен стремительно вытесняется из обихода Рюриковичей, мы уже не встречаем среди князей ни одного Дмитрия Дмитриевича, хотя имя *Дмитрий* было чрезвычайно популярно в династии, встречалось почти в каждом поколении и могло даваться родным братьям в одной и той же семье.

В XIII в., как уже упоминалось, мы обнаруживаем многочисленные черты перестройки системы двуименности. В частности, появляются князья, у которых нехристианское имя совпадает с именем живого отца (например, *Ярослав Ярославич*). С другой стороны, в источниках упоминаются и князья, у которых неизвестно никакое другое имя, кроме христианского, и при этом такое христианское имя также совпадает с отцовским именем (например, *Василий Васильевич*, сын Василия Ярославского). Имя *Василий* к тому времени было, по-видимому, уже прочно утвердившимся родовым христианским именем; иными словами, оно совмещало в себе функции родового и крестильного. Однако в том, что касается XIII в., наши сведения о князьях – тезках своих отцов – настолько фрагментарны, что, как правило, мы ничего не можем сказать об их патрональных святых. Тем более трудно говорить о системе выбора патронального святого в связи с династической стратегией имянаречения.

Для XIV в., как можно предположить исходя из рассмотренного выше материала, относящегося к именам *Иван* и *Даниил*, такая система уже явно существовала и строилась на совпадении или расподоблении патрональных святых двух тезок, принадлежащих к разным поколениям, в зависимости от того, был ли жив старший из них. При этом необходимо помнить, что и в XIV в. двуименность князей не стала полностью христианской. В рассматриваемый период еще встречаются Рюриковичи, носившие старое мирское имя в сочетании с крестильным, христианским (такие, например, как *Ярослав-Афанасий*, сын Владимира Андреевича Серпуховского). Кроме того, невозможно утверждать, что полностью утратилось синкретическое почитание святых-тезок, хотя на первый план действительно выходит их различение.

С точки зрения этого синкретического подхода к культу святых в XIV в. весьма интересно имянаречение сыновей Ивана Калиты. Об одном из них, Иване Ивановиче Красном, уже шла речь выше. Упоминалось, в частности, что на его печатях могли появляться разные иконографические типы тезоименитых святых, хотя в качестве главного небесного патрона этого Рюриковича фигурировал Иоанн Лествичник. Не менее любопытно и наречение старшего брата Ивана Красного – Симеона Ивановича Гордого, а также его младшего сына Симеона Симеоновича, приходившегося Ивану Красному племянником, а Калите – соответственно внуком.

О Симеоне Симеоновиче в летописи сказано, что он родился 3 февраля 1352 г. В этот день праздновалась память Симеона Богоприимца: «Въ лето 6861 месяца фев[раля] въ 3, на память святаго отца Симеона Богоприемца и Анны пророчици, князю великому Семену Иванович[ю] родися сынъ Семенъ» [см.: ПСРЛ, 15 (Рогожский летописец), *61–62*; 7, *217*; 10, *225*]. Естественно предположить, что коль скоро княжич был назван *Симеоном* и родился 3 февраля, то его святым покровителем стал именно Симеон Богоприимец. Кто же в таком случае был официальным небесным патроном его отца, Симеона Ивановича Гордого?

Как известно, Симеон Гордый родился 7 сентября 1317 г., в день памяти мученика Созонта, причем имя *Созонт*, по-видимому, так или иначе сопровождает князя всю его

жизнь [см.: Каштанов, 1979, *241*, примеч. 24; Кучкин, 1989, *99–105*; Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *98–99*]. Что же касается его родового христианского имени, то с наибольшей вероятностью оно могло быть дано ему по св. Симеону Столпнику (1 сентября) или по св. Симеону Иерусалимскому (13 и 18 сентября).

Существенным аргументом в определении святого патрона князя может служить текст, помещенный в конце заказанного князем Евангелия и Апостола. На свободном обороте листа там помещено паремийное чтение преподобному Симеону Столпнику. По наблюдению О. В. Лосевой, «при реставрации этой книги во второй половине XIV в. все повреждения пергамена и утраты текста были тщательнейшим образом восполнены, кроме оборота последнего листа (значительная часть службы Симеону Столпнику оказалась заклеенной пергаменом при реставрации…), т. е. тексты, посвященные св. Симеону, после смерти Симеона Гордого в 1353 г. стали уже неактуальны» [Лосева, 2001, *128*].

Таким образом, можно предположить, что главным патрональным святым Симеона Гордого был Симеон Столпник. Хотя при наречении мальчиков довольно редко двигались по месяцеслову назад, по каким-то неизвестным нам родовым соображениям Симеон Столпник мог оказаться предпочтительнее других святых Симеонов[9].

В то же время, исходя из сфрагистических данных, как будто бы можно утверждать, что на печатях Симеона Гордого, так же как и на печатях его брата Ивана Ивановича Красного, наблюдается варьирующее, с трудно читаемой атрибутикой изображение патронального святого. Прочтение имени святого на двух типах княжеских печатей не вызывает затруднений. Трудности возникают при интерпретации второй части надписи на печатях, из которой можно было бы понять, о каком именно св. Симеоне идет речь. При этом если изображение на печати, прикрепленной к духовной грамоте князя, с довольно высокой степенью достоверности определяется как изображение Симеона Столпника, то с печатями второго типа такой определенности нет. В. Л. Янин предполагает, что речь может идти об изображении Симеона Богоприимца, исходя именно из такой расшифровки части надписи на печати [см.: Янин, 1970, 2, *26*, *29*]. По утверждению же О. В. Лосевой, мы и здесь имеем дело с образом все того же Симеона Столпника [см.: Лосева, 2001, *128–129*]. Так или иначе, иконография этого изображения является относительно обобщенной и не может быть со всей определенностью соотнесена с другими известными нам изображениями святых Симеонов.

Является ли смешение образов святых-тезок на печатях результатом недостаточной осведомленности резчика, как это предположил В. Л. Янин относительно новгородских печатей Ивана Красного? Не играет ли свою роль здесь также недостаток данных о сфрагистической иконографии той поры у современных исследователей? Или объединение атрибутики различных святых носило сколько-нибудь сознательный характер и свидетельствовало об их неразличении, о совокупном почитании всех святых, носивших одно и то же имя?

Как было сказано выше, в XIV в. стратегия имянаречения уже строилась, по-видимому, на дистрибуции, различении святых-тезок. Подобная дистрибуция могла сочетаться с элементами синкретизма в почитании святых. Строго говоря, такой синкретизм

---

[9] Не исключено, что здесь сыграло роль иконографическое, а отчасти и житийное сближение святых Столпников – Даниила и Симеона. Первый из них, как мы помним, был патрональным святым родного деда князя Симеона – Даниила Александровича Московского.

скорее всего никогда не исчезает из повседневного церковного обихода знатных родов. Однако подчеркнем еще раз весьма существенное для нас обстоятельство. В процедуре выбора имени не позднее XIV в. особо важным становится различение небесных покровителей. Иными словами, родовая традиция нашла новое средство для различения потомка и его живого предка – поскольку языческих родовых имен у них за редким исключением уже не было, а родовые христианские имена могли совпадать, то различие проводится по тем святым, в честь которых предок и потомок названы.

Показательна в этом отношении судьба христианского имени крестителя Руси Владимира-Василия Святого в роду Рюриковичей. В домонгольский период имя *Василий* (зачастую в форме *Василько*) одним из первых начинает употребляться как единственное имя князя, совмещающее в себе функции крестильного и родового (мирского) имени. Сочетание *Василий Васильевич* фигурирует уже в XIII в. – так звали, например, одного из Рюриковичей, княживших в Ярославле, – но мы ничего не можем сказать наверняка ни о наличии параллельных мирских имен у этого ярославского князя и его отца, ни об их патрональных святых. Сходным образом обстоит дело с кашинским князем Василием Васильевичем, жившим в XIV в., с Василием Васильевичем, княжившим в Боровске в XV в. и приходившимся внуком Ярославу-Афанасию Владимировичу, и еще с несколькими Рюриковичами, которые носили это имя и отчество.

Несколько иначе дело обстоит с Василием Васильевичем Темным, внуком Дмитрия Ивановича Донского. Ситуация с изображениями патрональных святых на печатях здесь напоминает ту, что мы можем наблюдать вокруг новгородских печатей Ивана Ивановича Красного. Исследователи отмечают, что новгородские печати Василия Темного, на которых присутствует изображение святого, буквально воспроизводят печати его отца и, следовательно, копируют отцовского небесного покровителя. Эта группа печатей характеризуется грубостью работы и небрежностью в исполнении надписи [см.: Янин, 1970, 2, *33*].

На печатях Василия Дмитриевича, отца Василия Темного, изображается св. Василий Великий, архиепископ Кесарии, чья память празднуется 1 января. В летописях указывается, что Василий Дмитриевич родился 30 декабря [см.: ПСРЛ, 8, *19*] или 1 января 1371 г. [см.: Там же, 4, *296*]. Василий Великий, таким образом, будучи одним из почитаемых на Руси святых, становился его небесным покровителем также по «календарным» соображениям.

О появлении на свет Василия Васильевича Темного различные летописные источники дают разные сведения: по одним он родился 10 марта [см.: ПСРЛ, 25 (Московский летописный свод конца XV в.), *241*; 8, *87*; 10, *225*], по другим – 15 марта 1415 г. [см.: Там же, 6 (2), *40–41*; 23, *144*]. Есть указания и на еще одно число – 21 марта [см.: Там же, 1 (1846), *234*]. Для нас подобный разнобой в датах весьма существенен, особенно значима последняя из них. Вспомним, что разночтения в летописных свидетельствах относительно дня рождения отца Василия Темного таковы: согласно одному из источников, сын Дмитрия Донского родился 30 декабря, т. е. за два дня до празднования памяти своего официального небесного покровителя, Василия Великого. Согласно же другому источнику, он появился на свет непосредственно в день памяти своего патронального святого. Само наличие таких расхождений заставляет предположить, что по крайней мере одна из дат не соответствует действительному дню рождения княжича, а является результатом исчислений летописца, осведомленного о том, кто был официаль-

ным патрональным святым князя. Естественно допустить, что такой искусственной датой было 1 января – день памяти Василия Великого (тот факт, что Василий Великий был патроном Василия Дмитриевича, как кажется, не вызывает сомнений).

Что касается его сына, с небесным покровителем которого дело обстоит далеко не так ясно, то и здесь у нас есть все основания полагать, что некоторые из дат вычислены с помощью месяцеслова летописцем, знавшим официального княжеского святого. В данном случае нас интересует не столько действительная дата рождения Василия Темного, сколько та искусственная дата, которую, возможно, вывел летописец: 21 марта, канун празднования памяти Василия, пресвитера анкирского, скорее всего и является такой исчисленной датой[10]. Если это допущение верно, то летописец знал, что патрональным святым князя был Василий Анкирский. Ни 10, ни 15 марта не связаны с каким бы то ни было св. Василием. Ближайшее празднование дня святого с таким именем приходится на 7 марта, когда отмечается память Василия, епископа Херсонского.

Итак, Василий Васильевич Темный скорее всего мог быть назван в честь Василия Анкирского, хотя из круга возможных «кандидатур» нельзя полностью исключить и Василия Херсонского. Над захоронением Василия Темного в Архангельском соборе изображена фигура в святительском одеянии, которую Б. М. Клосс склонен отождествлять с Василием Анкирским [см.: Клосс, 1998, 1, *26*]. Само по себе, впрочем, это изображение не противоречит иконографии ни одного из возможных «кандидатов»: так, и Василий Анкирский, и Василий Херсонский, и Василий Великий были епископами и могли изображаться в подобном облачении.

Во всех описанных выше случаях, говоря о патрональном святом князя или его сына, мы зачастую опирались на связь между календарными датами – днем появления на свет интересующего нас Рюриковича и днем памяти святого, ставшего его официальным небесным патроном. Действительно, ребенка чаще всего называли в честь святого, чья память недалеко отстояла от дня его рождения. Тем не менее различение святых покровителей у тезок, отца и сына (в тех случаях, когда оно надежно запечатлено в письменных и неписьменных памятниках), не обусловлено исключительно календарем. Дело не сводится к тому, что отец и сын рождаются в разное время и потому называются в честь разных святых. Как уже говорилось, такому выводу противоречат следующие обстоятельства.

Во-первых, чрезвычайно значимым является тот факт, что отец и сын становятся тезками, получают одно и то же имя по родовым соображениям. При этом по календа-

---

[10] Впрочем, нельзя полностью исключить и такую возможность, что Василий Темный и в самом деле родился в канун 21 марта, был назван в честь Василия Анкирского, и его официальный и, так сказать, «интимный», неофициальный покровители совпадали. Допустимой такую гипотезу делает следующее обстоятельство: в XV–XVI вв. в письменных источниках существует своеобразный жанр пророчеств о рождении будущего наследника, где они, как правило, фигурируют под своим «непубличным» именем. Между тем в соответствующем пророчестве о предстоящем рождении Василия Темного речь идет только о том, что некий голос в видении велит дать новорожденному имя Василий [см.: ПСРЛ, 6 (2), *40–41*; 8, *87*]. Мы не знаем времени возникновения этой легенды и меры осведомленности ее авторов о патрональных святых Василия Васильевича. Поэтому она может служить лишь косвенным свидетельством о них. Сами даты появления князя на свет в разных вариантах этой легенды отличаются. О подобного рода искусственных датах рождения, вычисленных летописцем при помощи месяцеслова, см. подробнее: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2002а].

рю сыну мог бы подходить целый ряд других, зачастую вполне употребительных в княжеском роду имен.

Во-вторых, несовпадение святых покровителей у таких тезок носит достаточно регулярный характер. При этом наречение сына в честь отца возможно лишь в тех случаях, когда в роду почитается несколько святых с таким именем. Вспомним в качестве иллюстрации, что в XIV–XVI вв. нет ни одного известного нам Рюриковича, именуемого *Дмитрием Дмитриевичем*, хотя имя *Дмитрий* само по себе весьма любимо и популярно в династии. Если бы сын получил это имя при живом отце, носившем такое же имя, то их расподобление по святым покровителям было бы невозможно.

Приведем еще один, не менее существенный пример, демонстрирующий системный характер описанной выше закономерности «неполного тождества» при выборе имени для отца и сына. Князь Владимир Андреевич Храбрый, внук Ивана Калиты, судя по летописным данным, появляется на свет 15 июля 1353 г. [см.: ПСРЛ, 4 (1), *286*; 6 (1), *431*; 7, *217*; 10, *226*; 15, *63*; 24, *121*], т. е. непосредственно в день празднования памяти своего великого предка Владимира Святого. Что весьма естественно, новорожденный был наречен *Владимиром*, и соответственно креститель Руси сделался его святым покровителем.

В 1394 г. у самого Владимира Андреевича родился сын [см.: Там же, 8, *64*; 11, *156*]. Это произошло 9 июля, т. е. совсем незадолго до 15 июля, именин отца ребенка. Знаменательным образом, сын получает того же самого небесного покровителя, что и его отец, однако имена их не совпадают. Ребенка нарекают *Василием*, тем именем, которое Владимир Святой принял при крещении. К XIV в. креститель Руси был прославлен под обоими своими именами, имя *Владимир*, таким образом, успело стать христианским, а имя *Василий* – родовым именем русских князей[11].

Правило «нетождественности» именования отца и сына в этом случае соблюдено, хотя и нетривиальным способом: они названы в честь одного и того же святого, но поскольку тот обладал двумя именами, отцу досталось одно из них, а сыну другое. На наш взгляд, подобное имянаречение в семье серпуховских князей свидетельствует о пристальном внимании самих Рюриковичей к княжеской двуименности. Любопытно, в частности, что другой сын Владимира Андреевича, родной брат интересующего нас Василия Владимировича, носит – подобно ранним Рюриковичам – два имени: *Ярослав* и *Афанасий*[12]. Это один из поздних примеров той княжеской двуименности, когда одно из имен по происхождению было языческим, а другое – христианским. Следует, впрочем, учи-

---

[11] В домонгольской Руси прием распределения имен предка, звавшегося *Владимиром-Василием*, неоднократно использовался. Так, например, один из братьев мог получить имя *Владимир*, а другой – *Василько*. Таким образом, князю Владимиру Андреевичу было на что опереться при выборе имени для своего сына. Однако нельзя не обратить внимания на функциональное различие между такого рода ситуациями имянаречения в XI–XII вв. и в веке XIV, при значительном их внешнем сходстве. В домонгольский период *Владимир* было родовым, нехристианским именем, а *Василий* – именем христианским, «на глазах» превращающимся в родовое. Если ребенка нарекали *Владимиром*, необходимо было дать ему еще одно, крестильное, имя. К XIV в. эти имена, по-видимому, воспринимались как совершенно равноправные, христианские и родовые одновременно.

[12] Крестильное имя *Афанасий* Ярослав получает, судя по показанию летописи, в честь того святого, память которого приходилась на день его рождения (18 января отмечается память Афанасия Александрийского) [см.: ПСРЛ, 8, *52* под 1388 г.; ср.: Там же, 24, *157*].

тывать, что подобная двуименность ко второй половине XIV в. отнюдь не была полностью изжита. Так, незадолго до появления на свет Ярослава-Афанасия был, как известно, убит смоленский князь, именовавшийся *Святославом Ивановичем*, и это далеко не единственный пример использования в летописи языческого имени князя в эту эпоху.

По-видимому, на излете традиции христианско-языческой двуименности в практике имянаречения вполне мог использоваться тот факт, что русские святые из числа князей прославлялись под мирским и крестильным именем. Еще в домонгольский период таким образом могла использоваться двуименность самых первых русских святых, Бориса-Романа и Глеба-Давида, – один из братьев-княжичей мог получить имя *Глеб*, а другой *Давид* (или *Борис* и *Роман* соответственно). Позднее в традиции закрепились мирские имена святых братьев; что же касается их отца, Владимира-Василия Святого, то первоначально, по-видимому, использовалось скорее его крестильное имя *Василий*. Во всяком случае, еще в середине XIII в. имя *Владимир* рассматривалось как мирское, а не как крестильное имя князя [см. Макарий, 1995, *604*, коммент. 25*, принадлежащий А. В. Назаренко].

Путь, пройденный княжеской традицией имянаречения с конца XII в. до второй половины XIV в., хорошо виден при сопоставлении таких примеров, как наречение Владимира-Дмитрия, сына Всеволода-Дмитрия Большое Гнездо, и выбор имени для Василия Владимировича, сына Владимира Андреевича Храброго. Как уже упоминалось в нашей статье, в конце XII в. отец и сын носят одинаковые христианские имена, и у них один и тот же небесный патрон – Димитрий Солунский, – но именование их нетождественно, так как их княжьи (мирские) имена различаются. Сына зовут *Володимиром*, а отца *Всеволодом* (при этом одна из основ мирского имени сына воспроизводит одну из основ имени отца[13]). В конце XIV в. отец и сын, уже не имеющие, по-видимому, языческих, княжьих имен, получают одного и того же патронального святого, но именование их по-прежнему нетождественно, так как они наречены разными именами этого святого покровителя.

Таким образом, родовая стратегия выбора имени претерпевает значительные изменения. Привлекательная для династии возможность – отразить преемственность по отношению к своему правящему отцу в совпадении их официальных имен – широко используется в XIV–XVI вв. Однако это совпадение, по-видимому, никогда не бывает полным, и, следовательно, соблюдается в той или иной форме древний родовой запрет на тождество имен потомка и живого предка.

Одной из ярких примет имянаречения поздних Рюриковичей является совпадение в некоторых семьях имен родных братьев или сестер, живущих в одно и то же время. На наш взгляд, в домонгольский период истории династии такая ситуация была бы невозможной, во всяком случае в том, что касается мирских, языческих по происхождению имен. В ту пору родовое имя младшего брата или сестры могло совпадать с именами старших детей в семье только в том случае, если этих старших уже не было в живых к моменту рождения младших. С тех пор как христианские имена укореняются в качестве родовых, мы знаем довольно много случаев, когда имена детей в одной княжеской семье совпадают.

---

[13] О повторе и варьировании родовых основ у Рюриковичей см. подробнее: [Литвина, Успенский Ф. Б., 2003, *136–183*].

Так, в семье уже упоминавшегося Владимира Андреевича Храброго было два сына по имени *Андрей*, у внука Владимира Андреевича, Василия Ярославича, от разных браков было два сына по имени *Иван*, у Михаила Александровича Тверского было два сына Александра, у Андрея Александровича Ростовского – два Ивана, у Федора Андреевича Ростовского – тоже два Ивана, наконец, еще два Ивана было у Василия Васильевича, правнука Федора Черного. У Константина Васильевича известны два сына Дмитрия – Дмитрий Суздальский и Дмитрий Ноготь. У Ивана III, как известно, было две дочери Елены, у Юрия Звенигородского два сына Дмитрия (Шемяка и Красный), а у Василия Темного в семье было два сына Юрия и два сына Андрея. Наконец, *Дмитриями* звали двух сыновей Ивана Грозного. Как показывают все эти примеры, речь всюду идет о родовых, династических именах Рюриковичей, встречающихся далеко не только у братьев и сестер тезок.

Этот список, несомненно, мог бы быть продолжен, трудность же заключается в том, что мы не всегда можем установить, жили ли эти тезки одновременно. В некоторых случаях точно известно, что младший появился на свет после смерти старшего. Так, царевич Дмитрий, сын Грозного и Марии Нагой, появился на свет много лет спустя после смерти своего единокровного брата Дмитрия, сына Грозного и царицы Анастасии [см. подробнее: Литвина, Успенский Ф. Б., 2002б, *75–78*; 2002а, *118–123*]. Елена Ивановна, дочь Ивана III, родилась через 10 дней после смерти своей старшей сестры-тезки. При этом мы можем утверждать, что и у двух Дмитриев, и у двух Елен были одни и те же небесные покровители – Димитрий Солунский и царица Елена[14]. Это вполне соответствует родовым обычаям, когда живого называют в честь умершего и при этом стремятся не оставлять «вакантными» значимые для династии имена.

Более интересны случаи, когда заведомо известно, что младшему ребенку давали имя старшего брата при жизни последнего. Как уже упоминалось, два живших одновременно сына Ивана были, по-видимому, у Василия Ярославича, сына Ярослава-Афанасия и внука Владимира Андреевича Храброго. О датах их жизни известно сравнительно немного: старший бежал в Литву ок. 1456 г. и умер ок. 1508 г. [см.: ПСРЛ, 8, *147*; АЗР, 3, *363–364*], тогда как другой родился до 1456 г., а умер до 1483 г. [см.: Baumgarten, 1934, *33*, *35*]. Их отец, Василий Ярославич, был женат дважды. Скорее всего старший и младший Иваны родились от разных жен. Не исключено, что новый брак означал некоторую новую точку отсчета в семейном именослове, но сведения, которыми мы располагаем об этих двух князьях, столь немногочисленны, что мы едва ли можем сказать что-либо определенное об их месте в общеродовой системе именования и об их патрональных святых.

Гораздо более очевидна ситуация с имянаречением двух братьев в семье Юрия Дмитриевича Звенигородского. Юрий дважды дает имя деда, *Дмитрий*, своим сыновьям, известным впоследствии как Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Для нас особенно существенно, что судьба этих княжичей, один из которых сумел на время добиться московского стола, хорошо известна, и не может быть никаких сомнений, что

---

[14] Первая дочь Елена родилась у Ивана III 18 апреля 1474 г. [см.: ПСРЛ, 8, *179*; 12, *154*]. Она была названа в честь царицы Елены, память которой отмечалась 21 мая. Елена Ивановна скончалась 9 мая 1476 г., а 19 мая 1476 г. родилась другая дочь Ивана III, названная вновь *Еленой*, также в честь царицы Елены [см.: Там же, 8, *182*; 12, *168*].

они жили и действовали одновременно. Дмитрий Шемяка не умер до рождения Дмитрия Красного, иными словами, младший из братьев, безусловно, становится тезкой старшего при жизни последнего. Можно допустить при этом, что официальным небесным патроном обоих братьев был Дмитрий Солунский (26 октября), так как других святых Дмитриев, официально чтимых княжеским домом, как кажется, не было.

Показательно, что племянник и соперник Юрия Звенигородского, князь Василий Васильевич Темный, подобно дяде, также, по-видимому, назвал одного из младших сыновей именем его старшего живого брата. Речь идет об Андрее Васильевиче Большом (Угличском) и Андрее Васильевиче Меньшом (Вологодском). Как известно, 13 августа 1446 г. у Василия Темного родился сын Андрей [см.: ПСРЛ, 8, *119*; 12, *71*; 20 (1), *260*; 6 (2), *117* (здесь 3 августа)]. Он был крещен вероятнее всего в честь Андрея Стратилата, чья память праздновалась 19 августа. 8 августа 1452 г. у Василия Темного родился сын, также названный *Андреем* [см.: ПСРЛ, 8, *144* под 1453 г.; 12, *77* (здесь 1 августа); 20 (1), *262*]. Естественно предположить, что и он получил в качестве официального небесного патрона Андрея Стратилата.

Скорее всего в наречении княжичей сыграл определенную роль календарь: коль скоро оба они родились незадолго до празднования весьма почитаемого в княжеском роду святого, чье имя носили многие из их предков Рюриковичей, оно было сочтено наиболее подходящим. То, что к моменту рождения Андрея Меньшого у него уже был родной брат с тем же именем и тем же официальным небесным патроном (?), не стало препятствием для подобного имянаречения. Помимо всего прочего, перед глазами у родителей был пример двоюродного деда детей, Юрия Звенигородского, также давшего своим сыновьям одинаковые имена.

Однако чтобы оценить, в какой степени имянаречение детей определялось датой их рождения, следует рассмотреть этот случай в рамках общей картины выбора имени в семье Василия Темного. Напомним, что у этого князя была не одна пара сыновей-тезок. Кроме того, у него были дети, чье появление на свет приходилось на одну и ту же календарную дату.

В летописях отмечается, что два сына этого князя родились с интервалом в год в один и тот же день одного и того же месяца, 22 января, в день празднования памяти апостола Тимофея: «…князь Юрий родися месяца генваря 22, на Тимофеевъ день; а дотоле за годъ на тотъ же день родися князь великий Иванъ Василиевичь» [см.: ПСРЛ, 8, *111*; ср.: Там же, 12, *39*]. Подчеркнем, что Иван Васильевич и Юрий Васильевич приходятся друг другу родными братьями. Эти княжичи, родившиеся в один и тот же день, но в разные годы, получают одного и того же неофициального покровителя, апостола Тимофея, но при этом им дают разные официальные имена (хотя именно в семье Василия Темного есть, как мы помним, случай наречения двух одновременно живущих братьев одним и тем же именем *Андрей*). Соответственно у Ивана и Юрия не совпадают официальные патрональные святые. Иван, как уже отмечалось, нарекается в честь Иоанна Златоуста и, кроме того, его имя является родовым (его, в частности, носил родной прадед княжича Иван Калита).

Что же касается младшего из братьев, родившегося в день памяти апостола Тимофея, то он, судя по тому, как дело изложено в летописи, назван в честь недавно умершего родного брата Юрия (первенца Василия Темного): «Того же лета преставися князь Юрьи болшей, а другой князь Юрий родися…» [см.: ПСРЛ, 8, *111*]. Имя *Юрий* (*Геор-*

гий) было «архиродовым» для Рюриковичей. Кроме того, оно играло особую роль в династической политике Василия Темного, ибо его носил Юрий Дмитриевич Звенигородский, имевший по древней традиции бóльшие права на московский стол, чем Василий. Первенец Василия Темного появился на свет после смерти Юрия Дмитриевича, и для династической стратегии Василия стремление «перенять» властные права дяди было, по-видимому, более существенно, чем память о вражде с ним. Вообще, как уже говорилось, Василий Темный, по-видимому, пользуется несколькими «приемами» при выборе имени, сближающими его собственную семью с семьей дяди.

Когда же княжич Юрий Большой умирает (он прожил всего три года), значимость имени *Юрий* для московского дома лишь возрастает. Теперь к идее преемственности династических прав присоединяется и желание уподобить младшего сына старшему, первенцу. Пример с наречением Юрия Младшего особенно явно демонстрирует преобладание династического начала над календарным. Дата рождения ребенка довольно далека от дней празднования памяти кого-либо из традиционно почитаемых на Руси святых Георгиев. 8 января, правда, празднуется память Георгия Хозевита, однако, насколько мы можем судить по сохранившимся источникам, почитание этого святого не было особенно широко распространено на Руси. Кроме того, наречение в его честь предполагало бы отсчет по месяцеслову назад на целых две недели, что делает ориентацию на месяцеслов весьма условной[15].

Вместе с тем непосредственно 22 января греческая церковь празднует память мучеников, пострадавших от болгар. Среди них есть и Георгий. В известных нам русских месяцесловах эта память не отмечается. По-видимому, нельзя полностью исключить возможность, что этот праздник был известен в семье Василия II из каких-либо византийских источников, но это представляется маловероятным, тем более что в любом случае этот святой мученик Георгий не относился к числу святых, традиционно почитаемых у Рюриковичей.

Итак, мы видим, что в семье Василия Темного существовали самые разнообразные соответствия в именах сыновей. Два мальчика получили в качестве официального покровителя св. Андрея (19 августа), причем оба они родились в первой половине августа, и старший из них был жив к моменту появления на свет младшего. Еще двое сыновей в семье носили официальное имя *Юрий*, но в этом случае рождение младшего достаточно далеко отстоит от празднования памяти кого-либо из святых Георгиев, почитаемых домом Рюриковичей, и наречен он по имени рано умершего старшего брата (и, опосредованно, по имени двоюродного деда). При этом Юрия Васильевича Младшего можно назвать «тезкой» и другого его брата, Ивана Васильевича, так как оба они родились в день празднования апостола Тимофея (22 января), что специально подчеркивается в источниках. Можно предположить, что их неофициальные (дополнительные) имена совпадали.

Таким образом, тезками по официальным (публичным) именам вовсе не обязательно оказываются те братья, которые родились в один день. При этом само совпадение имен детей одного отца, живущих одновременно, к XV в., на наш взгляд, не находится

---

[15] В семье Василия Темного есть случай наречения с отсчетом по месяцеслову назад. Так был назван шестой сын князя, Борис, родившийся 26 июля 1449 г. [см.: ПСРЛ, 20 (1), *261*]. Как известно, 24 июля празднуется память святых Бориса и Глеба.

под запретом. Это несколько противоречит традициям именования у Рюриковичей в домонгольскую эпоху. Здесь мы как будто бы не находим примеров, когда младшего брата называют именем, которое уже «занято» живущим старшим. Тем не менее в ту эпоху легко допускалось совпадение имен двоюродных братьев, при том что между ними предполагались зачастую бóльшая близость и бóльшее равенство, чем во времена доминирования московского дома. Складывается впечатление, что многочисленные повторы одних и тех же имен в пределах одного поколения на, так сказать, горизонтальном срезе генеалогического древа в целом не возбранялись.

Вопрос о том, почему подобная тенденция была доведена до своего логического завершения, до буквального повтора одного и того же имени у родных братьев, едва ли можно считать решенным. Не исключено, что здесь сыграло свою роль стремление любой ценой закрепить значимое для династии имя в собственной ветви рода, стремление «подстраховаться» на случай смерти одного из его носителей.

Для нас гораздо более существенна возможность совпадения святых покровителей у таких братьев-тезок. Иными словами, в горизонтальной перспективе у Рюриковичей не существовало запрета на полное тождество официального именования двух родичей. У них могли быть одинаковые отчества, одинаковые официальные имена и одинаковые патрональные святые. В этом случае они различались только по своим дополнительным именам и непубличным святым покровителям. В определенном смысле перед людьми, перед своими подданными они должны были выглядеть практически как одно и то же лицо и различались лишь перед Богом.

Итак, с XIV в. в многомерной системе именования у Рюриковичей постепенно утверждается еще один фактор – возможность давать одинаковые христианские имена в честь разных святых. Такая возможность позволяет примирить две тенденции – родовую и собственно династическую. Архаический принцип, запрещающий полное совпадение имени живого предка и потомка, продолжает действовать, но при этом реализуется стремление правителя обозначить наиболее наглядно свою связь с наследником, преемственность сына по отношению к отцу. Отец и сын могли с определенного периода носить одинаковые христианские имена, не являясь при этом в полной мере тезками.

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и изд. Археографическою комиссиею: В 5 т. СПб., 1846–1853.

Арх. Сергий (*Спасский*). Полный месяцеслов Востока: В 3 т. 2-е изд., испр. и доп. Владимир, 1901. (Репринт: М., 1997.)

Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. 1950. Т. 5. С. 3–39.

Карамзин Н. М. История государства российского: В 12 т. СПб., 1892. (Репринт: Slavistic printings and reprintings / C. H. van Schooneveld. Paris, 1969.)

Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л., 1979. С. 238–251.

Клосс Б. М. Избр. тр.: В 2 т. М., 1998.

Кучкин В. А. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989. С. 99–106.

Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. 1995. № 1. С. 93–107.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Из истории России XVI века: реальные имена и мнимые даты в жизни Дмитрия Угличского // Восточная Европа в древности и Средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 17–19 апреля 2002 г.: Материалы конференции. М., 2002а. С. 118–123.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Пути усвоения христианских имен в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира: История и современность. 2002 / Отв. ред. А. В. Назаренко. М., 2002б. С. 36–109.

Литвина А. Ф., *Успенский Ф. Б.* Варьирование родового имени на русской почве: об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2003. С. 136–183.

Лосева О. В. Патрональные святые русских князей (летописи, месяцесловы, сфрагистика) // Восточная Европа в древности и Средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 11–13 апреля 2001 г.: Материалы конференции. М., 2001. С. 126–133.

Макарий (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский*. История Русской церкви. Кн. 2. История русской церкви в период совершенной ее зависимости от Константинопольского патриархата (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. М., 1995.

Мельник А. Г. Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI в. // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999 (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). С. 38–48.

Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике. М., 1903.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003. Т. 1–42. (В случае переиздания летописи мы всегда ссылаемся на последнее издание.)

Постникова-Лосева М. М. Три камеи Государственной Оружейной палаты // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 220–233.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. тр.: В 3 т. М., 1996–1997.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. Печати X – начала XIII в. Т. 2. Новгородские печати XIII–XV вв. М., 1970.

Янин В. Л., *Гайдуков П. Г.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М., 1998.

Baumgarten N. Généalogies des branches régnantes des Rurikides russes du XIIIe au XIVe siècle. Roma, 1934 (Orientalia Christiana. Vol. 35, 1. Num. 94. Iunio).

* * *

Анна Феликсовна Литвина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Федор Борисович Успенский – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

Ю. И. Чайкина

ИМЕНОВАНИЯ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДЫ И ВОРОНЕЖА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

The comparative analysis of the male personal denominations detected in cadastres of the XVII century in two Russian cities – Vologda and Voroniezh – allowed to reveal the common and regionally specific phenomena in Russian anthroponymical patterns of the time.

Как отмечают многие исследователи, XVII в., непосредственно предшествующий эпохе формирования национального языка, – важный период в становлении русского антропонимикона. Сопоставление массивов личных именных формул в разных русских городах, отделенных друг от друга значительным расстоянием, дает возможность выявить как общерусские нормы, так и региональную специфику в системе именования в этот период.

В Вологде и Воронеже как городских центрах в первой половине XVII в. было много специфического. Вологда – старинный русский город, основанный в 1147 г., дата основания Воронежа – 1585 г., т. е. к моменту составления переписных документов Вологда существовала уже около 500 лет, а Воронеж – 50.

Исследование антропонимии Вологды и Воронежа первой половины XVII в. может дать ценные сведения не только ономастического характера (состав именников, особенности формул именования), но и этнического и экономического.

В статье анализируются только именования мужского посадского населения и бобылей[1].

В первой половине XVII в. в Вологде насчитывалось около 1500 посадских людей и бобылей, в Воронеже – 520, т. е. мужское посадское население Вологды примерно в три

[1] Используются следующие источники: Писцовая книга Вологды 1629 г. письма и меры кн. И. Мещерского и подьячего Ф. Стогова // Источники истории г. Вологды и Вологодской губ. Вологда, 1904; Список с переписной книги г. Воронежа и Воронежского у. письма и пересмотра О. М. Юшкова и подьячего Г. Жданова 1646 г. // Переписная книга Воронежского у. 1646 г. Воронеж, 1998.

© Ю. И. Чайкина, 2004

раза превышало численность населения Воронежа. В писцовой книге Вологды насчитывается 218 мужских имен, в Воронеже – 142. Средний коэффициент одноименности, который подсчитывается делением количества населения на количество имен [см.: Бондалетов, 1976, *19*], в Вологде составляет около 7, в Воронеже – около 3. Столь существенное различие в коэффициенте одноименности этих городов объясняется историческими причинами.

Вологда – крупный торговый и экономический центр Московской Руси, город со сложившимся, стабильным населением. Поэтому здесь в первой половине XVII в. население опиралось на выработанные в течение веков местные традиции в именовании людей. В Воронеже горожане в большинстве своем – недавние пришельцы из разных мест. В более раннее время и в период проведения переписи город подвергался неоднократным набегам татар, уводившим в полон русских людей [см. об этом: Глазьев, 1998, *7*]. Низкий коэффициент одноименности по Воронежу свидетельствует о том, что состав городского именника только начинает складываться.

Интересно соотношение календарных и некалендарных личных имен в именниках Вологды и Воронежа. В Вологде количество некалендарных имен довольно значительно: 45, т. е. примерно четвертая часть именника. В Воронеже зафиксировано только 11 некалендарных, что составляет лишь десятую часть именника. В Вологде средний коэффициент одноименности для некалендарных имен равен 8 (носителями 45 некалендарных имен являются 340 жителей), в Воронеже лиц с некалендарными именами 11, самих же некалендарных имен 10, т. е. коэффициент одноименности для них равен единице. Следовательно, в Вологде некалендарные личные имена дольше сохраняли свою активность.

В Вологде употребляются почти исключительно некалендарные внутрисемейные имена, которые давались при рождении ребенка. Особенно активны такие, как *Тренька* – 39, *Первушка* – 34, *Дружинка* – 31, *Пятунька* – 21, *Баженко* – 19, *Грязка* – 7, *Вторышки* – 7, *Шестачко* – 5 и др. Отметим также прозвищные имена: *Приезжей* – 1, *Роспутка* – 1, и модификаты композитных имен *Богдашко* (от *Богдан*) – 70, *Володка* (от *Володимир*) – 10.

В Воронеже некалендарные личные имена также преимущественно внутрисемейные: *Постничко* – 1, *Тамил* – 1, *Беляйко* – 1, *Меньшичко* – 1, *Шестачко* – 1, *Семычка* – 1 и др. Встретились также модификаты композитных имен: *Бориска* (от *Борислав*) – 1, *Богдашка* – 1, *Радка* (от *Радимир*, *Радислав*) – 2.

Причина сохранности некалендарных личных имен в первой половине XVII в. на Русском Севере состоит в том, что они с древних времен переходили от поколения к поколению по традиции. В XIII–XVI вв., когда эти имена на Русском Севере и в центре Руси имели значительную активность, Воронежа как населенного пункта еще не существовало. Слабая активность и быстрая утрата некалендарных личных имен на юге Русского государства находит подтверждение в сравнительно незначительном количестве современных южнорусских по происхождению фамилий, производных от некалендарных внутрисемейных личных имен, в то время как на севере такие фамилии многочисленны (*Ждановы*, *Баженовы*, *Первушины*, *Дружинины*, *Третьяковы*, *Девятовы* и др.).

Обратимся к календарным личным именам. В писцовых книгах зарегистрированы преимущественно их модификаты, причем состав их для Вологды и Воронежа в основ-

ном один и тот же. Отметим все же отсутствие в писцовой книге Вологды таких имен, как *Лунка*, *Янка*, *Кленка*, *Егупка*, *Амельянко*, *Олифанка*, *Севастьянко*, *Пафомко*, *Ондроско* и некоторых других.

Своеобразны модификаты некоторых имен, например:

Вологда	Воронеж
Степанко	*Стенька*
Кирилка	*Кирюшка*
Агапитко	*Огапко*
Зиновко	*Зиновейко*
Самойлик и др.	*Самошко* и др.

В десятку самых активных в обоих городах входят одни и те же имена (как правило, в форме модификатов):

Имена	Вологда	Воронеж
Иванко (*-шко*)	120	40
Сенька	57	15
Васька	53	15
Гришка	49	8
Мишка	47	10
Петрушка	30	8
Андрюшка	25	10
Микитка	21	7
Федька	18	6
Ортюшка	15	6

Если учесть, что мужское население Вологды примерно в три раза превышало состав той же группы населения Воронежа, можно говорить о примерно одинаковой активности указанных имен в каждом из городов. Объяснение этому факту, видимо, кроется в традиции именования ребенка по святцам, характерной для всей территории Русского государства того времени.

В рамках первой десятки имен обращает на себя внимание несколько бóльшая активность модификатов *Гришка* и *Мишка* в Вологде. Вне наиболее употребительных имен есть и те, которые активнее используются в Воронеже, ср.:

Имена	Вологда	Воронеж
Титка	7	8
Герасимко	1	4

Формулы именования горожан, представленные в писцовых книгах Вологды и Воронежа, во многом однотипны. В основном это двухкомпонентные и трехкомпонентные

именования, причем их соотношение в той и другой книге примерно одинаково: половина – двухкомпонентные, несколько меньше половины – трехкомпонентные.

В составе именований – личные имена, отчества (патронимы), фамильные прозвища и прозвания. Последние оформлены суффиксами *-ов-/-ев-*, *-ин-/-ын-*. Говорить о фамилиях посадских людей и бобылей в тот период нет оснований.

Среди двухкомпонентных более активными (особенно в Вологде) были именования, состоящие из личного имени и отчества (патронима), образованного от календарного имени отца: Вологда – *Агапитко Иванов* [*80*][2], *Агейко Онтонов* [*71*], *Алимпейко Фадѣев* [*63*] и др.; Воронеж – *Прошка Борисов* [*37*], *Сенька Карпов* [*38*], *Сенька Елисеев* [*32*] и др. Меньшую активность имела формула, второй компонент которой – отчество (патроним), образованное от некалендарного имени отца: Вологда – *Ивашко Дешевухин* [*101*], *Васка Дроздов* [*115*], *Гришка Баринов* [*152*], *Гаврилко Трухин* [*37*], *Гришка Бобошин* [*171*] и др.; Воронеж – *Мишка Тройкин* [*31*], *Макарка Тарабанин* [*31*], *Гаврилко Цыков* [*33*] и др.

Второй компонент двухчленных именований часто представляет собой прозвище, образованное:

а) от экспрессива, выражающего то или иное качество или свойство человека: Вологда – *Данил Губан* [*83*], *Ивашка Баланда* [*166*], *Ивашка Бука* [*117*] и др.; Воронеж – *Левка Сухорукой* [*38*], *Микифорка Мешок* [*32*] и др.;

б) от наименования профессии: Вологда – *Данилко Серебряник* [*114*], *Васка Олмазник* [*57*], *Власко Скорняк* [*69*], *Ермак Бѣлильник* [*106*], *Ермолка Масленик* [*142*] и др.; Воронеж – *Данилка Золотарь* [*37*], *Офонка Кузней* [*38*], *Трепка Солодовник* [*32*], *Тараско Гончар* [*33*] и др.;

в) от топонима: Вологда – *Дорофейко Мологин* (от р. *Молога*) [*33*], *Кипреянко Бѣлозерец* [*150*], *Ермолка Углечанин* [*166*], *Ивашко Кашнец* [*101*] и др.; Воронеж – *Исайко Мещеряк* [*32*], *Ивашка Переяславец* [*32*], *Ортюшка Коломнятин* [*32*];

г) от этнонима: только Вологда – *Гришка Корела* [*158*], *Офонка Корел* [*74*] и др.

Разнообразны виды трехчленных именований. Часто встречаются именования, состоящие из личного имени, отчества и фамильного прозвания, восходящего к некалендарному имени отца (деда): Вологда – *Алешка Иванов сын Бекетов* [*151*], *Анфилофейко Ермолин сын Собакин* [*121*], *Гаврилка Исаков сын Алачугин* [*178*], *Данилко Иванов сын Зепалов* [*35*] и мн. др.; Воронеж – *Сенька Некифоров сын Поздняков* [*38*], *Макарка Юрьев сын Перегузов* [*31*], *Савка Васильев сын Коняев* [*34*], *Матюшка Петров сын Чюрносов* [*33*] и др. Значительно меньше именований, третий компонент которых восходит к календарному имени отца (деда): Вологда – *Елизарко Павлов сын Окишев* [*175*], *Иванко Стафеев сын Сафронов* [*79*], *Ивашко Яковлев сын Потапов* [*174*]; Воронеж – *Демка да Олешка Левонтьевы дети Гурьева* [*34*], *Сенка Михайлов сын Кузьмин* [*29*], *Мелешка Степанов сын Сафонов* [*36*].

Третий компонент в том и другом городе может быть представлен фамильным прозвищем отца (деда), чаще всего восходящим к названию профессии: Вологда – *Васка Екимов сын Солоноса* [*150*], *Ивашко Иванов сын Шубника* [*137*], *Ивашко Иванов сын Прядильщика* [*105*], *Ивашко Перфильев сын Пирожника* [*105*], *Микитка*

---

[2] Здесь и далее в скобках указана страница источника.

Симанов сын Подъемщика [*176*] и др.; Воронеж – *Огофонко Федоров сын Котельник* [*37*], *Петрушка Юрьев Золотарь* [*35*], *Кондрашка Федоров сын Плотник* [*37*], *Терешка Омельянов сын Рыболов* [*35*] и др.

Этот компонент именования может быть также выражен экспрессивом, указывающим на внешний облик, свойства характера и поведение отца (деда) именуемого: Вологда – *Гаврилка Лукьянов сын Хоря* [*44*], *Ивашко Михайлов сын Лоскуту* [*123*], *Кирилко Иванов сын Кудреватого* [*142*], *Максимка Осипов сын Зайки* [*35*] и др.; Воронеж – *Филка Кондратьев сын Черный* [*31*], *Данилка Савельев сын Рябой* [*35*], *Офонка Аксенов сын Борода* [*36*], *Васька Иванов сын Бык* [*31*] и др.

Нельзя не отметить трехчленные именования, последний компонент которых выражен катойконимом. Особенно активны они в воронежской переписной книге, что свидетельствует о большом количестве пришлого населения: *Сенька Игнатьев сын Брянец* [*28*], *Федька Яковлев сын Коломнетин* [*34*], *Тит Богданов Ельчанин* [*31*]. В писцовой книге Вологды отметим именование *Офонка Григорьев сын Устюжанин* [*97*]. В этом же источнике третий компонент может быть представлен словом, восходящим к этнониму: *Еремка Ондронов сын Корѣлчын* [*83*], *Мосейко Савельев сын Корѣла* [*40*], *Самойлик Федоров сын Корелкин* [*63*].

В книгах Воронежа обращают на себя внимание именования, третий (иногда второй) компонент которых выражен словом *Болдырь*: *Меньшичко Петров сын Болдырь* [*33*], *Давыдко Васильев сын Болдырь* [*29*], *Иванко Болдырь* [*31*], *Титко Болдырь* [*31*], *Ларка Омельянов сын Болдырь* [*31*] и др. В южнорусских говорах *болдырь* – ‘дитя от помеси племен’ [Даль, 1, *110*]. Вместе с тем ряд именований сопровождается пометами, указывающими на неславянское происхождение горожанина: *татарин Фотей* [*31*], *татарин Гришка* [*37*], *новокрещен татарин Микита Федоров сын Селнидеев* [*32*] и др. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что славянское население Воронежа активно ассимилировало прежнее нерусское население, а также пришельцев.

Исследование последнего компонента двух- и трехчленных моделей именования жителей Вологды и Воронежа дает возможность затронуть культурологический аспект проблемы. Последний компонент именований, восходящий к названию профессии, проливает некоторый свет на экономическую жизнь этих городов первой половины XVII в., позволяя выявить распространенные там промыслы и ремесла. Как подсказывает материал, в том и другом городе было развито кожевенное, кузнечное, строительное, гончарное дело, изготовление одежды и обуви, продуктов питания и т. д. Однако и здесь можно проследить некоторые различия по городам.

Так, в переписной книге Воронежа в составе антропонимов значится всего два названия профессий, относящихся к кожевенному делу – *кожевник* и *сыромятник*, ср.: *Матюшка Иванов сын Кожевник* [*34*] (плюс еще четыре именования с таким же фамильным профессиональным прозвищем) и фамильное прозвание *Сыромятников* [*38*]. В Вологде наблюдается большее разнообразие именований по профессиям, связанным с кожевенным делом. Помимо именований по профессиям *скорняк*, *кожевник* и *сыромятник*, отмеченных, кстати, по одному разу, в вологодском источнике приводятся антропонимы, связанные с профессиональными терминами *мездреник*, *дуботолк*, *хомутинник*, *сѣдельник*, *шлейник*, *бобровник*, *собольник*: *Васка Екимов сын Сѣдельника* [*171*], *Овдѣйка Федоров сын Хомутинников* [*33*], *Пронка Семенов сын Мездреника* [*180*], *Исачко Иванов сын Дуботолка* [*178*], *Микитка Яковлев сын Собольников* [*131*], *Ивашко Бобровник* [*55*] и др.

Антропонимы в том и другом городе содержат родовое профессиональное название *портной мастер*, но в писцовой книге Вологды отмечаются более конкретные названия представителей этой профессии: *Акинфейко Ермолаев сын Шапочник* [*115*], *Ивашко Лугвишник* [*166*], *Ивашко Иванов сын Шубника* [*137*]. Изготовлением обуви в Воронеже занимались *чеботари*, причем именования с таким компонентом очень частотны: *Поминко Логинов сын Чеботарь* [*33*] и др. В писцовой книге Вологды отмечаются антропонимы *Сапожник* и *Лапотник*: *Ивашка Федоров сын Сапожника* [*129*], *Куземка Афанасьев сын Лапотник* [*159*].

Изготовлением продуктов питания в Воронеже занимались *масленики*, *мясники*, *калачники* и *солодовники*: *Максимка Офонасьев сын Маслеников* [*29*], *Ондрюшка Калачников* [*33*], *Ефимка Иванов сын Мясник* [*34*], *Терешка Солодовник* [*32*], *Мишка Солодовник* [*32*]. В Вологде, кроме названных, отмечены еще *изюмник*, *хлѣбник*, *пирожник*, *сусленик*: *Ермолка Захаров сын Калачника* [*157*], *Ивашка Парфеньев сын Пирожника* [*105*], *Гришка Семенов сын Изюмника* [*57*], *Куземка Афанасьев сын Хлѣбника* [*181*], *Лучка Ильин сын Сусленик* [*107*].

К изготовлению тканей в воронежских именованиях имеет отношение термин *красильник* (*Стенька Красильник* [*32*]), в Вологде – *красильник*, *белильник*, *прядильщик*, *холщевник*, *сермяжник*: *Ивашка Иванов сын Прядильщика* [*104*], *Ондрюшка Наумов сын Прядильщика* [*107*], *Евтихейко Левонтьев сын Красильника* [*101*], *Гришка Сермяжник* [*172*], *Ермолка Бѣлильник* [*106*] и др.

В том и другом именнике отмечены профессии *плотник* и *каменщик*. В Вологде, помимо них, еще *оконечник*, *подъемщик*, *судоплат*: *Евсевейка Подъемщиков* [*189*], *Васка Савельев сын Подъемщика* [*164*], *Куземка Федоров сын Судоплат* [*159*], *Мелешка Онофриев сын Оконичника* [*73*], *Родионко Данилов сын Оконишника* [*145*].

В Вологде активное развитие получило огородничество (выращивание овощей на продажу). Отражением этого являются антропонимы *Онтонко Шевков Огородник* [*172*], *Гришка Зеленщик* [*122*], *Васка Луковник* [*143*] и др. Подобные термины не отмечены в переписной книге Воронежа: очевидно, торговля овощами была здесь менее оживленной, нежели в Вологде.

В Воронеже активно было развито кузнечное, гончарное, сапожное, ювелирное дело, о чем свидетельствуют антропонимы: насчитывается по 10 именований с фамильными прозвищами *Кузнец* и *Гончар*. Фамильное прозвище *Золотарь* (*золотарь* – ‘золотых дел мастер, ювелир, позолотчик’ [СРЯ XI–XVII, 6, *56*]) отмечено у пяти именуемых.

Последний компонент двухчленных и трехчленных именований проливает некоторый свет и на особенности менталитета жителей Вологды и Воронежа.

Анализ зафиксированных в Воронеже антропонимов свидетельствует о том, что при идентификации человека большее внимание обращалось на внешний облик именуемого: *Данилко Савельев сын Рябой* [*35*], *Гурко Васильев сын Чернова* [*36*], *Сенька Черный* [*32*], *Онтошка Еустинов сын Хромой* [*35*], *Марчка Михайлов сын Хромой* [*37*], *Ивашка Кривой* [*32*], *Савка Васильев сын Кривой* [*34*], *Куземка Дяцев сын Толстого* [*30*], *Микифорка Мешок* [*32*], *Исачко Демидов сын Горбунов* [*31*], *Титка Кривошеин* [*31*], *Левка Сухорукой* [*38*] и др.

Прозвищные именования, определяющие черты характера и поведения человека, немногочисленны: *Федорко и Ивашко Осиповы дети Несмыслы* [*29*], *Игнатка Васильев сын Богомол* [*37*] и некоторые другие.

Между тем в писцовой книге Вологды основная масса фамильных прозвищ связана с отражением особенностей морального облика именуемого, например: *Гришка Бобоша* [*173*] – от *бобоша* ‘болтун, пустомеля’ [СРНГ, 3, *38*]; *Ивашко Бука* [*117*] – от *бука* ‘нечистая сила’, ‘нелюдим, необщительный человек’ [Там же, 3, *262*]; *Парка Валов* [*136*] – от *вал* ‘лентяй, лежебока’ [Там же, 4, *19*]; *Лучка Глотов* [*49*] – от *глот* ‘жадный, завистливый человек’ [Там же, 6, *201*]; *Савка да Ефимко Дешевухины* [*180*] – от *дешевуха* ‘глупый, не стоящий уважения человек’ [Там же, 8, *42*] и мн. др.[3].

Как видно, в системе именований Вологды и Воронежа первой половины XVII в. довлеют в основном общерусские тенденции, однако и региональный компонент выделяется достаточно явно.

Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46.

Глазьев В. Н. Переписная книга Воронежского у. 1646 г. как исторический источник // Переписная книга Воронежского у. Воронеж, 1998. С. 3–15.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.

Попова И. Н. Фамилии Вологды начала XVIII в. // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 53–69.

СВФ – Словарь вологодских фамилий. Вологда, 1995.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Л., 1966–... . Вып. 1–… .

СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975– … . Т. 1–… .

* * *

Юлия Ивановна Чайкина – доктор филологических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

---

[3] Более обстоятельно подобные фамильные прозвища и прозвания представлены в «Словаре вологодских фамилий» [СВФ; см. также: Попова, 2002].

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

Н. И. Зубов

ЖЕНСКАЯ ТЕОНИМИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТОЛКОВАНИИ XXXIX «СЛОВА» ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

Peculiarities of Old Russian editing of one of the original Byzantine literary monuments, Oration on Gregory Nazianzene's Epiphany, is considered in the article. Old Russian editing was created to expose Hellenistic cults of giving birth goddesses in counterbalance to the Christian image of the pure Virgin. Goddess Mokosh qualified in Old Russian text by the epithet "virgin" after the pattern of the Byzantine monument turns out to by the Slavonic analogue of Hellenistic goddesses.

В изучении славянских древностей «Слово св. Григория изобрѣтено в толъцѣх о томъ, како первое погани суще языци, кланялися идоломъ...» (далее «Слово св. Григория об идолах») занимает особое место, поскольку является одним из немногих памятников, сообщающих об идольских поклонениях восточных славян. Памятник известен по четырем древнерусским рукописям: сборнику XVII в. Кирилло-Белозерского собрания [РНБ, № 43/1120, *132об.–134*, далее – КБ]; Паисиевскому сборнику конца XIV – начала XV в. Кирилло-Белозерского собрания [Там же, № 4/1081, *40–43*, далее – П]; сборнику конца XV – начала XVI в. Софийского собрания [Там же, № 1285, *88об.–90*, далее – НС][1]; сборнику XVI в., принадлежавшему Чудову монастырю [ГИМ, № 270, далее – Ч]. Все списки памятника можно найти в издании Н. М. Гальковского [1913, *32–35*].

У истоков древнерусского поучения находится XXXIX «Слово» Григория Назианзина «Εἰς τὰ ἅγια Φῶτα» («На святые светы явлений Господних», или «Слово на Богоявление») [Migne, 1885, *336–359*]. Византийский источник известен также в южнославянском переводе по древнерусской рукописи XI в. [см.: Будилович, 1875, *1–15*]. Вопрос о том, какой из текстов – древнегреческий или славянский – лежит в основе древнерусского

[1] Пользуемся случаем выразить благодарность А. С. Щекину, который передал нам выверенные по рукописям копии названных списков.

© Н. И. Зубов, 2004

поучения, решается нами в пользу последнего: для этого имеется не менее десяти текстологически доказательных мест.

Цель предлагаемой статьи – проанализировать особенности использования эллинистической теонимии в «Слове св. Григория об идолах» в связи со славянским теонимом *Мокошь*. Мы не случайно уклонились от использования термина язычество применительно к содержанию этого древнерусского источника, поскольку есть основания полагать, что его появление инспирировано в первую очередь внутрицерковной полемикой в связи с неканоническим почитанием Богородицы как земной женщины-роженицы, что должно было расцениваться только как уклонение в ересь арианско-несторианского толка. Одним из аспектов этой полемики стала критика эллинистических культов богини-матери. Совершенно очевидно, что это осуждение должно было проявляться как негативно окрашенная антитеза христианской Богородице [см.: Зубов, 1998].

Собственно говоря, именно с этого начинается конкретизация тех «скверных служб», которые обозначены в зачине поучения, ср. по текстам рукописей:

П	НС	КБ	Ч
є бѣсѧть҃.	**иже бѣсѧтсѧ**	иже бѣсѧтсѧ	иже высѧтсѧ
жроуще м(а)т(є)ри бѣсовьстѣї афродитѣ б(о)гинѣ. ї коруѵнѣ	**жроуще. м(а)т(є)ри бѣсовьстѣи. афродитѣ богыни. короуѵнѣ**	жроуще матери бѣсовстѣи афронитъ. и богини корунѣ	жроуще м(а)т(е)ри бѣсовьстѣй. афродити богини короуни
	короуна же боудеть и антихр҃ѡ м(а)ти		
и артємидѣ. проклѧтѣї дєѡмиссѣ	**и артємидѣ. проклѧтѣй диѡмиссѣ**	и артемидѣ и проклѧтѣи дїѡмисїа	и артѣмидии проклѧтѣй. диѡмисси

Опорной точкой этого изложения является фраза *и елико же о реи ч(е)л(о)в(ѣ)ци бѣсѧтъсѧ, жържште матери божъстѣи, и жъреми, елико же матери таѣхъ подобаетъ, ни дѣва намъ въсхыштаетсѧ, и димитиръ скытаетъсѧ* [Будилович, 1875, *2–3*] в переводе XI в. при ее греческом соответствии *αἱ ὅσα περὶ τὴν Ῥέαν ἄνθρωποι μαίνονται, τελοῦντες τῇ μητρὶ τῶν Θεῶν, καὶ τελούμενοι, ὅσα τῇ μητρὶ τῶν τοιούτων εἰκός τῶν τοιούτων εἰκός οὐδε κόρη τις ἡμῖν ἁρπάζεται, καὶ Δημήτηρ πλανᾶται* [Migne, 1885, *337*]. Уже простое сопоставление текстов свидетельствует о сознательной древнерусской редакторской правке этого места, что проявляется в особенной концентрации женской теонимии по сравнению с первоисточником.

В этом смысле показательно также перенесение сюда теонима *Дионис* из другого места в первоисточнике с одновременным ипостасным превращением самого Диониса в женское божество, о чем косвенно свидетельствует форма дательного падежа теони-

ма – *Диѡмиссѣ*. Эта форма возникла как суггестивная трансформация первоначального выражения *ни диѡнисъ сии* в переводе XI в., соответствующего выражению *οὐδὲ Διὸνυσος ταῦτα* в древнегреческом оригинале (заметим, кстати, что здесь проявляется одно из текстологических доказательств влияния именно славянского перевода на его древнерусское толкование).

Не менее выразительная черта сознательного редактирования проявляется и в том, что упоминание Афродиты (*Ни афродиты блѫдныѧ таины, еже скврънѣны, ꙗко же ти г(лаго)лѭть, и бывши и чьтомѣ* [Будилович, 1875, *3*] – *Οὐδὲ Αφροδίτες πορνικὰ μυστήρια, τῆς αἰσχρῶς, ὡς αὐτοὶ λέγιυσι, καὶ γεννωμένης καὶ τιμωμένης* [Migne, 1885, *337*]) в древнерусской версии перенесено по сравнению с оригиналом значительно ближе к ее началу, именно туда, где отмечается концентрация женской теонимии. Сама Афродита как воплощение блуда известна древнерусской книжности, ср.: *Афродитию же желание и рачительство нарекоша* в «Хронике Георгия Амартола» [Истрин, 1920, *70–71*; об этом же см.: Творогов, 1979, *5*]. То, что богиня предстает в древнерусском поучении в роли *матери бѣсовьстѣй*, – это своеобразная авторская новация. Ведь и в античной мифологии Афродита не наделяется сколько-нибудь выраженной атрибутикой материнства: она предстает как воплощение женственности, богиня любви, охранительница браков, мифы повествуют о ее любовных похождениях. Под влиянием финикийских верований Афродита сближается с Астартой и предстает как богиня страсти и похоти, почему ее в Коринфе и Эфесе называли *Порне* (ср. определение *πορνικὰ* у Григория Богослова), а жрицы богини служили ей, отдаваясь за деньги. Очевидно, последнее и стало смысловой основой для той трансформации, в результате которой Афродита в древнерусском поучении оказывается на месте Реи – матери богов поколения Зевса.

При этом обращает на себя внимание, что в другом древнерусском списке перевода XXXIX «Слова» по рукописи XIV в. на месте теонима *Рея* также оказывается иной – *Ира*, т. е. *Гера* (др.-гр. *Ἥρα*): *елико же о ирѣ человѣци бѣсѧтсѧ, жруще матери божьстѣи* [Тихонравов, 1862, *98*]. Эту замену можно было бы объяснять простой перестановкой букв у какого-то неосведомленного книжника. Однако более вероятно, что эта перестановка не была механической и для нее существуют ассоциативно-психологические мотивы: образ *Иры* своеобразно запечатлен в древнерусском религиозном сознании через популярное на Руси апокрифическое «Сказание Афродитиана», которое повествует о том, как в языческом капище персидского царя идолы провозглашают, что Ира зачала от Солнечного Божества, причем Ира однозначно уподобляется Богородице, а само событие дает повод волхвам для путешествия в Вифлеем на поклонение Марии и Христу [см.: Мильков, 1999, *713–734*; Бобров, 1984, 1994]. Поскольку отмеченная выше замена теонима *Рея* на теоним *Ира* безупречно согласуется с контекстом «Сказания Афродитиана», можно подозревать, что им же эта замена и вызвана: древнерусский книжник мог просто «исправить» пустую для него форму *Реи* на *Ирѣ* как известное ему имя апокрифической богоматери.

Можно предположить, что замена теонима *Рея* на теоним *Афродита* в «Слове св. Григория об идолах» произошла под влиянием сведений того же «Сказания Афродитиана». Дело в том, что на Руси это произведение получило распространение как самостоятельное ответвление от греческой «Повести о событиях в Персиде», в котором главными персонажами оказываются жрец и царский советник Афродитиан и сам царь

Арренат. Собственно говоря, в древнерусском варианте, по мнению В. В. Милькова, «Афродитиан нигде, кроме заглавия, не фигурирует, поэтому древнерусскому читателю, который, скорее всего, не был знаком с содержанием "Повести", а соответственно и с характеристикой персонажа, это имя ничего не говорило» [Мильков, 1999, *729*]. Поэтому не исключено, что автор древнерусского «Слова св. Григория об идолах», найдя в протооригинале упоминание о непонятной ему матери богов Рее, а затем – о богине блудодейств Афродите, мог заменить имя *Рея* на *Афродита* под влиянием неточного восприятия смысла имени *Афродитиан* из апокрифа о языческой провозвестнице рождения Христа.

Об авторских переосмыслениях в древнерусской версии в ключе рожаничной темы свидетельствуют и другие женские теонимы. Так, вслед за Афродитой называется какая-то богиня Коруна, упоминаний о которой в протооригинале нет и о которой автор списка НС дополнительно в сравнении с другими списками сообщает, что она является матерью Антихриста.

Относительно теонима *Коруна* Е. В. Аничков заметил, что это имя может быть переосмыслением находящегося в этом месте оригинала слова *корибанты* – названия служителей культа Кибелы, который у греков слился с культом Реи [см.: Аничков, 1914, *67*]. Даже если это и так, то важно, что переосмысление направлено именно в сторону усиления критики культов богини-матери.

Нельзя также не обратить внимания на то, что в византийском оригинале непосредственно после обозначения Реи стоит слово *κόρη* – 'дева; девочка; дочь', намек на миф о Деметре и Персефоне (последнюю Григорий Богослов по имени не называет). В отмеченных выше славянских переводах греческое слово передается как *дева*. Если исходить из того, что древнерусское поучение, как сказано выше, составлено на основе славянского перевода, то *κόρη* из греческого текста не могло оказать на него влияния. Тем не менее до конца не ясно, какими комментариями к XXXIX «Слову» Григория Назианзина мог воспользоваться древнерусский книжник (а некоторые текстологические нюансы, обсуждение которых выходит за рамки настоящей статьи, свидетельствуют, что это могло иметь место). Таким образом, окончательно исключать возможность переосмысления первоначального *κόρη* как *Коруна* не следует. Возможно, какую-то роль могло сыграть др.-гр. *κορύνη* 'палица, булава' с дальнейшим метафорическим 'мужской половой орган' при том, что соответствующая тема обозначена Григорием Богословом (языческие символы плодородия *фаллосы* и служители культа *ифюфалы*) и находит яркое продолжение в древнерусской версии (вкладывание славянами *этой в образ сотворенной срамоты* и чеснока в ведра во время свадебного пира).

Наконец, Т. Моллов связывает этот теоним с именем болгарского фольклорного мужского персонажа *Корун Кеседжия* [см.: Моллов, 2002]. Правда, «Слово св. Григория об идолах» представляется у него чисто древнеболгарским произведением [ср. также: Калоянов, Моллов, 2002], а это явно не соответствует истине: в памятнике наряду с церковнославянской стихией отражены яркие древнерусские черты по всем важнейшим параметрам – графико-орфографическим, фонетическим, морфологическим, лексическим [см.: Зубов, 2002; ср. также: Щекин, 2001]. Впрочем, в данном случае не это главное. При том, что имя *Корун* фонетически почти идеально накладывается на анализируемое место древнерусского источника, болгарский исследователь проводит доказательства в рамках теории «основного мифа» и богомильской ереси. Как раз ни того,

ни другого древнерусский памятник не отражает: во-первых, в нем доминирует критика эллинистических культов богини-матери (при отсутствии малейшего намека на культ Громовержца с его женой, уводимой Антагонистом); во-вторых, адресовать упоминание болгар, *сквернейших и проклятейших среди всех народов*, к болгарам-богомилам неправомерно, поскольку речь в имеющихся списках «Слова св. Григория об идолах» совершенно очевидно идет о болгарах-мусульманах, т. е. о волжских булгарах.

Так или иначе, но упоминание Коруны в древнерусском памятнике указывает на стремление автора усилить свою антирожаничную линию. А комментарий *короуна же боудеть и антихрищѧ мати* как раз и показывает, что антитезой к эллинским рожаницам является культ христианской Богородицы.

Дальнейшей новацией древнерусского текста оказывается не названный непосредственно у Григория Богослова теоним *Артемида*, внесенный книжником в его модифицированное перечисление античных богинь. Из комплекса мифологических характеристик Артемиды (вечно юная дочь Зевса и Леты, сестра Аполлона, богиня растительного и животного мира, богиня охоты и др.) в контексте древнерусского поучения сделан акцент на таких эллинистических атрибутах, как мать-кормилица, богиня деторождения (почему ее иногда отождествляли с Илитией – тоже богиней деторождения, воплощением спасительных или враждебных сил во время родов), покровительница молодого поколения. По атрибутам деторождения богиня точно соответствует месту упоминания о ней в «Слове св. Григория об идолах», на что было обращено внимание исследователей сразу, как только поучение стало объектом научного внимания [см.: Срезневский, 1855; Шеппинг, 1851].

Трудно сказать, откуда древнерусский книжник почерпнул сведения об Артемиде, но они не случайны. В списке П потом еще раз будет сказано, что *извыкоша елени класти требы Артемиду и Артемидѣ, рекше роду и роженицѣ*, т. е., в интерпретации автора, *Артемид* (на самом деле несуществующее божество) и *Артемида* у эллинов – это *род* и *рожаница*.

Тем интереснее, что автор не замечает двух ярких намеков на культ Артемиды у самого Григория Богослова, у которого они появляются намного позже, чем упоминание матери богов Реи. Первый из них – принесение таврами на алтаре Артемиды в жертву тех чужеземцев, которые прибывали в Тавриду (круг мифологических преданий об Ифигении в Тавриде), а второй – инициации спартанских юношей. Перевод XI в. излагает это содержание в соответствии с греческим текстом. А вот древнерусское поучение значительно уклоняется от первоисточника: *тавьрьская дѣторѣзанья иже от пьрвенѣць, лаконьская трьбищная кровь, просашаемая ранами, то ихъ епитемья и тою мажуть екатию богыню, сию же д(ѣ)воу творѧть, и Мокошь чтоуть* [НС].

Надо полагать, в этом случае произошла своеобразная контаминация обеих мифологем, вследствие чего древнерусский текст оставляет сведения только о ритуалах, связанных с молодым поколением: слово *дѣторѣзанья* оказывается на месте *стоужегоубления* в переводе XI в. и *чюжегубления* в редакции перевода по списку XIV в., точно соответствующих слову *ξενοκτονία* греческого оригинала – ср. ст.-сл. *тоуждь, тоуждь, стоуждь* 'чужой' [Старославянский словарь, *770*]. По-видимому, древнерусский книжник под влиянием своего общего замысла воспринял первую часть композита в связи с корнем *студ* 'стыд' (ср. ст.-сл. *стоудодѣканиѥ* 'распущенность, блуд' [Там же, *632*]) и трансформировал идею в соответствии с какими-то своими знаниями о жертвоприношениях, связанных с детьми.

О целенаправленности подобного хода мысли свидетельствует и выражение *иже от первѣнець* – еще одна новация древнерусского текста, что снимает вопрос о возможности механической трансформации анализированного места. С этим следует сопоставить сведения о том, что в Спарте к святыне Артемиды-кормилицы приносили младенцев, сопровождая акцию танцами и пиршеством, а в Ионии Артемиде жертвовали волосы детей.

В целом же автор древнерусского поучения проявляет осведомленность, которая выходит за пределы того, что сообщает XXXIX «Слово» Григория Назианзина. В то же время эта осведомленность не настолько велика, чтобы понять намек византийского автора и связать культ с образом Артемиды. Об этом, в частности, свидетельствует и то, что в данное место, обозначенное прозрачным намеком на Артемиду (*имъ же чътетъсѧ богыни, и си же дѣва* [Будилович, 1875, *3*] – *οἷς τιμᾶται θεὰ, καὶ ταῦτα παρθένος* [Migne, 1885, *337–340*]), древнерусский автор переносит (с одновременной смысловой редакцией) упоминание о Гекате, находящееся в оригинале несколько ниже: *мажутъ екатию богыню, сию же д(ѣ)воу творѧть, и Мокошь чтоуть*. Итак, книжник искал онимическое обозначение для безымянной в протооригинале богини-девы, но ему явно не хватило знания античности для правильного выбора.

Смысловая редакция заключается в том, что книжник пренебрегает обозначенной оригиналом атрибутикой Гекаты как властительницы всех призраков и привидений и по сути самостоятельно приписывает ей атрибут *дева*. Поэтому особенное внимание привлекает появление рядом с Гекатой славянской богини Мокоши. Данное упоминание является уникальным в древнерусской книжности: единственный раз в кругу известных памятников теоним *Мокошь* встречается вне непосредственной связи с названиями *род* и *рожаничная трапеза*, вне перечня божеств, к тому же – это первое в «Слове св. Григория об идолах» упоминание славянских мифологических персонажей. Правда, в списке НС славянские божества упоминаются несколько раньше, но это, на наш взгляд, является позднейшей вставкой [см.: Зубов, 2002].

Если отбросить соображение о бездумно-механическом привлечении теонима *Мокошь*, то наиболее вероятным остается предположение, что древнерусский автор усматривал какую-то параллель Мокоши и Гекаты. Коль скоро атрибутика Гекаты, недвусмысленно названная в оригинале, автором отброшена, а вместо этого она сознательно наделена не свойственным ей эпитетом *дева*, следует полагать, что именно это стало основанием для сравнения обеих богинь.

С этой точки зрения следует посмотреть на другие упоминания Мокоши в тексте «Слова св. Григория об идолах». Одно из них, общее для всех списков, появляется в итоговом перечне славянских божеств после того, как сообщается о распространении рожаничного культа среди языческих народов, и в связи с тем, что славяне даже после обращения в христианство не отказались от этого культа:

ѿтоуда же начаша елини. ставити трѧпезоу. родоу. и рожаницамъ. таже егюптѧне. таже римлѧне. до же и до словенъ доиде. се же словенѣ начали трѧпезоу ставити. родоу. и рожаницамъ. переже пероуна б(о)га ихъ. а преже того клали требы оупиремъ. и берегынамъ. по с(вѧ)тѣ мь кр(ес)щении. пероуна ѿринуша. а по х(рист)а г(оспод)а б(ог)а кашасѧ. нъ и нынѧ по оукраинамъ ихъ. молѧтсѧ проклѧтомоу б(о)гоу ихъ пероуноу. хърсоу. и мокоши. и виламъ. нъ то творѧть акы ѿтаи. сего же не могоут сѧ лишити. начеше въ поганьствѣ. до же и доселѣ. проклѧтаго того ставлениѧ. вторыѧ трѧпезы родоу и рожаницамъ. на прѣльсть вѣрнымъ хр(ес)тьѧномъ. и на хоулоу с(вѧ)тѣмоу кр(ес)щению. и на гнѣвъ б(о)гоу [НС].

Нам уже приходилось писать, что Перун с Хорсом здесь предстают (именно предстают, а не отражают языческие реалии!) как славянское проявление рода, тогда как Мокошь и вилы – соответственно проявление рожаницы [Зубов, 1998]. С этой точки зрения посмотрим на упомянутую вставку в списке НС:

тѣмъ же б(о)гомъ требоу кладоуть и творѧть. и словеньскыи ꙗзыкъ. виламъ. и мокошьи. дивѣ. пероуну. хърсоу. родоу. и рожаници. оупиремъ. и берегынамъ. и переплѹтоу. и верьтѧчеса пьють емоу въ розѣхъ. и ѡгневи сварожицю молѧтса. и навьмь. мъвь творѧть. и въ тѣстѣ мосты дѣлають. и колодѧзѣ. и ина многаꙗ же оутѣхъ.

Выражение *тѣмъ же богомъ* следует после обозначения эллинских богинь-матерей и относится непосредственно к Афродите, Коруне, Артемиде, Диомиссе, Семеле. Впечатление такое, что автору списка НС не терпится поскорее сказать то, о чем его протограф говорит дальше: у славян-идолопоклонников тоже имеются свои род и рожаница со своими именами. Судя по всему, этот автор своей вставкой подвел своеобразный итог тому, что в его время прочитывалось достаточно ясно и ради чего была предпринята древнерусская редакторская трансформация первоначального содержания использованной части XXXIX «Слова» Григория Назианзина.

В заключение обратим внимание на форму *дивѣ*. Обычно она трактуется в связи с мифологическим названием *див*, относимому к персонажу с неясными функциями [см.: Иванов, Топоров, 1995]. Мы уже обращали внимание, что эту форму можно трактовать как эпитет к теониму *Мокошь – дева* [см.: Зубов, 1994]. Наблюдения над своеобразием древнерусского редактирования византийского памятника дают дополнительные аргументы в пользу такого решения вопроса: *дева* – это эпитет Мокоши, своеобразный древнерусский книжный конструкт, аналогия античным богиням-девам при суммарном противопоставлении всех этих идолов православной Деве-Богоматери.

Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Бобров А. Г. «Сказание Афродитиана» в домонгольском переводе // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 18–30.

Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994.

Будилович А. XIII Слово Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской публичной библиотеки XI в. СПб., 1875.

Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Записки Московского Императорского археол. института. Т. 18. М., 1913. С. 1–308.

Зубов Н. И. Дива // Русская энциклопедия. Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. акад. О. Н. Трубачева. М., 1994. С. 52–53.

Зубов М. І. Слов'янська квазітеонімія старшої доби // Мовознавство (XII Міжнародний з'їзд славістів. Доповіді української делегації). Київ, 1998. № 2–3. С. 161–168.

Зубов М. І. Графічно-орфографічні особливості списків одного давньоруського церковного повчання // Слов'янський збірник. Одеса, 2002. Вип. 9. С. 23–30.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Див // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 161–162.

Истрин В. М. Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. Т. 1. Текст.

Калоянов А., Моллов Т. Слово на Тълкувателя – един неизползван източник за старобългарската митология // Българска етнология. София, 2002. Бр. 4. С. 25–41.

Мильков В. В. Древнерусские апокрифы / Под ред. Р. А. Симонова. СПб., 1999.

Моллов Т. Мит – епос – история: Старобългарските историко-апокалиптични сказания (992–1092–1492) [Электрон. ресурс]. Варна, 2002 // [URL]. Режим доступа: http://liternet.bg/publish/tmollov/mei/3_2.htm

Срезневский И. И. Роженицы у славян и других языческих народов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачевым. Кн. 2. Пол. 1. М., 1855. С. 119–120.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др.; Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. 2-е изд., стер. М., 1999.

Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 33. Л., 1979. С. 3–31.

Тихонравов Н. А. Летописи русской литературы и древности. Т. 4. М., 1862.

Шеппинг Д. О. Опыт о значении Рода и Роженицы // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 9. М., 1851. С. 25–36.

Щекин А. С. «Слово св. Григория изобретено в толцех»: о языковых особенностях фрагментов текста, относящихся к славянскому язычеству // Мат-лы XXX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 18. Секция истории русского языка. СПб., 2001. С. 29–33.

Migne J. P. Patrologiae cursus completus: Series graeca. Paris, 1885. T. 35. S. Gregorius Nasianzenus. Εἰς τὰ ἅγια Φῶτα. Col. 336–359.

* * *

Николай Иванович Зубов – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего и славянского языкознания Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

Д. М. Младенова

БАЛКАНСКИЙ ТИП АСТРОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ[1]

Like many other European and non-European nations, people in the Balkans are familiar with Venus, Ursa Major, the Pleiades (Taurus), Orion and the Milky Way and to a lesser degree with Ursa Minor, Jupiter (or Mars), Sirius, Cygnus etc. The Balkan system of folk astronyms consists of the onomasiological models for the main constellations, stars and planets embraced by (almost) all languages that are members in the Balkan Sprachbund: 1) name for Venus motivated by the time of its appearance on the sky; 2) name for Ursa Major that literally means 'cart'; 3) onomasiological model 'cluck'/'hen' for the Pleiades; 4) name for Orion that literally means 'plough'; 5) name for the Milky Way that features it as scattered straw; 6) name for Jupiter (and alternatively Mars or Sirius) derived from 'caravan, convoy'. Since with the exception of 'plough' for Orion, the Balkan onomasiological models are not exclusive to the Balkan peninsula but participate in other, usually much broader areals, one can see as specifically Balkan only the system of astronymic onomasiological models rather than its components.

Обычно исследователями балканских языков и культур «балканское» определяется как общее для нескольких балканских языков явление, которое представляет собой результат или взаимодействия балканских языков и культур, или сохранения одних и тех же языковых явлений, унаследованных из общего источника (субстрата, индоевропейского праязыка) [ср.: Асенова, 1989, *230–231*]. Противники теории балканского языкового союза (далее – БЯС) возражают, что каждое из «балканских» морфосинтаксических явлений наблюдается в то же время в языках вне БЯС и в этом смысле не

[1] Статья является переработанным вариантом доклада, прочитанного в марте 1999 г. на Пятых Балканских чтениях «В поисках “балканского” на Балканах», организованных Институтом славяноведения РАН (Москва), и содержит некоторые из основных выводов диссертации автора, которая сдана в печать в Издательство Болгарской академии наук под названием «Звездното небе над нас: Етнолингвистично изследване на балканските народни астрономи». В этой книге можно найти также библиографию использованных архивных и опубликованных источников и исследований.

© Д. Младенова, 2004

может быть признано «балканским», т. е. характерным единственно для Балкан. Сторонники существования БЯС отвечают, что «балканскими» в этом смысле слова следует считать не явления сами по себе, а их комбинацию [см.: Цивьян, 1990, *67–68*], которая и формирует балканский языковой тип. Исследование тематических групп балканской лексики (например, группы балканских народных астронимов) при помощи ареального, сравнительно-исторического, сопоставительного и этнолингвистического методов по отношению к «балканской» проблеме дает результаты, подобные тем, что получены в области морфосинтаксической структуры балканских языков.

Анализ балканских народных астронимов показывает, что балканским народам хорошо известны Венера, Большая Медведица, Плеяды, Орион и Млечный Путь, в меньшей степени – Малая Медведица, Юпитер (или Марс), Сириус, Лебедь и др. Так как большинство народных астронимов тяготеет к сохранению прозрачной внутренней формы (ВФ), балканские языковые контакты реализуются чаще всего не как заимствование, а как калькирование чужого астронима. «Балканский тип» системы народных астронимов состоит из общих для возможно большего числа языков-участников БЯС ономасиологических моделей (ОМ) основных созвездий, звезд и планет. Рассмотрим кратко эти ОМ.

Названия Венеры, связанные со временем ее появления

В продолжение 9–10 месяцев можно наблюдать восход Венеры ранним утром на востоке, в следующие 9–10 месяцев она появляется ранним вечером на западе. Эта особенность появления планеты привела к очень распространенному представлению, что это две разные звезды (именно звезды, а не планеты!), у которых должны быть и разные названия. Основные названия утренней и вечерней Венеры связаны со временем ее появления. В индоевропейских языках эта мотивировка осуществляется прежде всего производными от слов со значениями ‘рассвет’, ‘утро’, ‘день’ и ‘вечер’, и можно думать об унаследованном из индоевропейского праязыка «предрасположении» к одним и тем же ВФ. Названия, которые мотивированы временем восхода планеты, являются самыми распространенными в языках не только Европы, но и Америки, Африки и Австралии, что позволяет считать их языковой универсалией. Следовательно, балканская общность в названиях Венеры, связанных со временем ее восхода, является типологической и унаследованной, а не приобретенной в результате балканских языковых контактов.

Балканские названия Венеры, как правило, представляют собой деадъективные и деадвербиальные производные или словосочетания «прилагательное + существительное со значением ‘(звезда) рассвета’, ‘(звезда) утра’, ‘(звезда) дня’, ‘(звезда) вечера’» (исключением являются отглагольные болгарские локальные астронимы *Стемн`ул’ка* и *Самн`ул’ка*). При этом болгарский, так же как и другие южнославянские языки, продолжает праславянскую традицию (см., например, праслав. **Zorьnica*, **Zorja*, **Jutrьnica*, **Dьnьnica*, **Večerьnica*), а румынский сохраняет лат. *Lucifer* в форме *Luceafăr*. Этот последний астроним, означающий этимологически «приносящий свет», отличается от других балканских названий, мотивированных временем появления планеты, непрозрачностью ВФ на синхронном уровне. Но румынский язык компенсирует это широко распространенными словосочетаниями *Luceafăru de (cu) Seară*, *Luceafărul de Ziuă*, *Luceăfarul de Dimineață* и др., в которых изначально относящееся только к утренней Венере *Luceafăr* становится названием как утренней, так и вечерней Венеры, а противо-

поставление между ними сохраняется благодаря дополнительным определениям типа ‘утра, утренний’, ‘дня, дневной’, ‘вечера, вечерний’. Кроме того, астроним *Luceafăr* очень часто обозначает и утреннюю, и вечернюю Венеру самостоятельно, без определений, что говорит об идентификации Венеры как планеты в румынской языковой картине мира. А обозначение Юпитера (иногда Марса или Сатурна) составными астронимами с компонентом *Luceafăr – Luceafărul Porcilor*, букв. «*Luceafăr* свиней» (в Олтении и Мунтении), и *Luceafărul de Miazănoapte*, букв. «полночный *Luceafăr*» (главным образом в Молдове), – возможно, говорит о выделении категории планет в румынской языковой картине мира.

Интересно, что, хотя в тюркских языках сохранилось название *Solbon*/*Čolbon*, которое является общим для тюркских, монгольских и тунгусо-манчьжурских языков, в тюркские языки Балкан проникла балканская ОМ ‘утренняя звезда’ – ср. гагауз. *Сабаа йылдызы* и тур. диал. *Сабаh јылдызы*, которые заимствованы также некоторыми болгарскими диалектами.

Наконец, для полноты картины добавим, что в балканском ареале, кроме названий, мотивированных временем появления планеты, есть и названия, мотивированные ее физическими характеристиками – яркостью и большим размером (например, архаические греческие названия Венеры с ВФ ‘звезда’ или локальные болгарские названия с ВФ ‘светлая звезда’, ‘большая звезда’ и др.). Другой тип названий Венеры, характерный для греков, у которых он заимствован в говоры юго-западной Болгарии, – это мужское и женское имя как названия утренней и вечерней Венеры. Этот тип обусловлен астральным мифом об инцесте брата и сестры и их превращении в две никогда не встречающиеся друг с другом звезды.

Названия Большой Медведицы с ВФ ‘повозка’

ОМ ‘повозка’ является самой распространенной и самой архаической на юго-востоке Европы. Она характерна для южнославянских языков (болг. *Кол`а(та)*, *Гол`ема кòла*, *Кул`ата с вул`овету* и др.; с.-хорв. *Кола*, *Кола и волови*, *Ilijina kola*, *Vilovska kola*, *Velika kola* и др.; словен. *Kola*, *Voz*, *Kriva kola*, *Rimska kola*, *Velka kola*, *Voznikove kola*, *Martinov voz* и др.), румынского (*Car(ul)*, *Carul (cel) Mare* и др.), албанского (*Qerrja e Madhe*), новогреческого (*Ἅμαξα*), венгерского (*Szent Péter szekere*, *Göncölszekér*), а также гагаузского (*Араба* – калька болгарского астронима). Южнославянские (и вообще славянские) названия Большой Медведицы восходят к праславянскому, румынские – к латинскому, а новогреческое – к древнегреческому. С учетом наличия ОМ ‘повозка’ во многих древних и современных индоевропейских языках ее можно отнести к индоевропейскому праязыку. Следовательно, общебалканское представление о Большой Медведице как о повозке является индоевропейским наследием на Балканах, а для гагаузского и венгерского это приобретенная ОМ. Интересно отметить, что в рамках унаследованной общности создана и вторичная, уже контактная общность румын, греков и венгров в результате проникновения к ним южнославянской легенды о нападении волка на повозку (= Большую Медведицу). Наконец, на Балканах существуют некоторые другие ОМ названий Большой Медведицы. Самая важная из них – тюркская по происхождению модель ‘воры’, которая характерна для юго-западных болгарских диалектов и для греческого диалекта Дориды. Эта модель связана с легендой о том, что Большая Медведица украла ребенка (или девушку) у Плеяд (у словенцев и сербов «ворами», наоборот, оказываются не звезды Большой Медведицы, а Плеяды).

Названия Плеяд с ВФ ‘наседка’, ‘курица’

ВФ ‘наседка’, ‘курица’ занимает обширный балканский ареал, который является частью более обширного европейского ареала, включающего ряд славянских, романских и германских языков. Эта модель известна румынским диалектам (дакорум. *Găina*, *Găinuşa* (*cu Pui*), *Cloşca* (*cu Pui(i)*) и др.; арум. *Găl’inúşe*, мегленорум. *Gălinuşa*) и имеет соответствия почти во всех романских языках. На болгарской языковой территории астронимы *Кв`ачка(та)*, *Кв`ачката* (*с п`иленцата*), *Кок`ошката* (*с п`иленцата*) и под. характеризуют широкий северо-восточный ареал, они же охватывают некоторые западные и южные диалекты в Македонии и имеют соответствия во многих славянских языках, что позволяет видеть в них праславянскую диалектную особенность, хотя не исключено и взаимодействие отдельных славянских языков с языками других групп. Возникновение модели в албанском (*Púlëza*) может быть обусловлено романским влиянием, а в греческих диалектах Македонии, Фракии и Южной Италии (*η Κλώσσα (με τα κλωσσοπούλια)*, *Κλωσσαριά*, *Flòkka*) модель возникла под влиянием болгарского и итальянского языков. В гагаузский (*Клдчка йылдызы*) и в некоторые турецкие диалекты (*Kovaçka*, *Kuluçka*, *Kolaçka*) модель ‘наседка’ проникла из болгарского. Названия Плеяд с той же ВФ известны и венгерскому.

Кроме астронимов с ВФ ‘наседка’, ‘курица’, на Балканах употребляются и другие названия Плеяд. В западных и южных болгарских диалектах, на сербскохорватской территории, в словенском, а также в восточнославянских языках бытует древнее, возможно, праславянское диалектное название Плеяд от основы *Влас-*. На юге и востоке греческого диалектного континуума сохранилось древнегреческое название Плеяд *Πλειάς*, *-άδος*, к которому восходит самое известное новогреческое – *Πούλια*, появившееся скорее всего в результате народно-этимологического сближения астронима с латинскими заимствованиями *πουλί*, *πουλάκι*, *πούλ(λ)ος* ‘цыпленок’, *πουλάδα* ‘курица’. В албанском, в цаконском диалекте греческого и в некоторых македонских диалектах сохраняется античная ОМ ‘знаки’, при помощи которой в древнегреческом и латинском обозначалось понятие ‘созвездие’. В балканских языках это более общее значение сузилось и модель употребляется по отношению к Плеядам, Ориону или Большой Медведице, а в албанском это самая употребительная модель для Плеяд.

Названия Ориона с ВФ ‘рукоятка рала’

В сравнении с балканскими названиями Венеры, Большой Медведицы и Плеяд, названия и ОМ Ориона и Млечного Пути более поздние (можно предположить, что эти объекты были позже, чем Венера, Большая Медведица и Плеяды, выделены на звездном небе), поэтому результаты балканских языковых и культурных контактов в них наблюдаются в большей степени. Наиболее архаичный и самый распространенный тип названий Ориона имеет ВФ ‘рукоятка рала’, ‘полоз рала’, ‘рукоятка и полоз рала’ или ‘рало’ и восходит к греческому астрониму. Калькой с греч. *η Αλετροπόδα*, *τό Αλετροπόδι*, букв. «полоз рала», существовавших еще в среднегреческом, является болгарский астроним *Р`алица*, чье первоначальное значение ‘рукоятка и полоз рала’, сохранившееся до сих пор в некоторых восточноболгарских диалектах, в других из них трансформировалось в ‘рукоятку рала’, ‘полоз рала’ или ‘рало’. Из восточноболгарских диалектов астроним с несколько видоизмененной ВФ распространился в юго-западные (*Ор`ачите*, букв. «пахари») и в северо-западные (*Р`а лото*) диалекты, из которых проник в некоторые

сербские диалекты (*Plug i volovi*), где означает Большую Медведицу. Греческий астроним был заимствован в арумынский. Ареальной информации недостаточно, чтобы установить, каким путем эту модель воспринял албанский язык – известно только, что алб. *Dorëzat* (букв. «рукоятка плуга») называет созвездие из 7–8 звезд, собранных в кучу и хорошо видных в полночь на северо-востоке. Болг. *Р`алица* заимствовано юго-восточными румынскими диалектами, где его первое значение не ‘рукоятка рала’, а ‘разновидность рала’. Имея в виду отмеченное в юго-западных украинских говорах название Ориона *Чепіги*, которое по своей ВФ ‘рукоятки рала’ полностью соответствует болгарскому *Р`алица*, можно предположить, что *р`алица* со значениями ‘рукоятка и полоз рала’ и ‘Орион’ было знакомо диалектам дакийских славян на территории Румынии, и именно дакославянский астроним калькирован в украинском. Позже в дакославянском (или румынском), а также в северной части мизийских диалектов произошел семантический сдвиг ‘рукоятка и полоз рала’ > ‘рало’, что привело к изменению ВФ астронима в румынском языке и в некоторых северо-восточных болгарских диалектах.

Наконец, несколько слов о других ОМ балканских названий Ориона: с севера распространилась славянская по своему происхождению ОМ ‘сверло’, которая характерна для некоторых болгарских, словенских, украинских и румынских диалектов и, наверное, возникла во время карпатской миграции славян; с запада проникла романская (или германская) модель ‘палки’, которая характерна для словенских, сербскохорватских, восточных венгерских и юго-западных румынских диалектов; предосманская тюркская модель ‘девушка с коромыслом’/‘коромысло’ характерна для болгарского и румынского, а также для восточнославянских, ряда тюркских и марийского языков; модель ‘весы’ в юго-западных болгарских и восточных сербских диалектах и модель ‘аршин’ в греческом имеют турецкое происхождение.

Интерпретация Млечного Пути как украденной и рассыпанной соломы

По отношению к названиям Млечного Пути и легендам о нем в юго-восточной Европе существуют два ареала: центральный инновационный ареал с представлениями о Млечном Пути как украденной и разбросанной соломе и периферийный архаический ареал – румынские названия с ВФ ‘дорога рабов’, ‘дорога Траяна’, ‘Траян’, ‘молочный путь’, словенские названия, имеющие ВФ ‘римский путь’, и греческие названия с ВФ ‘река Иордан’.

Интерпретация ‘рассыпанная солома’ характерна для болгарской и сербскохорватской языковых территорий, для западной части дакорумынской территории, для арумынского и мегленорумынского, для венгерского, для северных албанских диалектов, для турецкого, для некоторых греческих диалектов. Вне Балканского полуострова этот образ существует в Сардинии, в Малой Азии, на Кавказе, в юго-западной Азии, на Арабском полуострове, в северной и восточной Африке, характеризуя ряд тюркских, иранских, семитских, кавказских и североафриканских языков, а также армянский, в котором оно засвидетельствовано с VII в. Пока невозможно установить, где на этой обширной территории представление о Млечном Пути как о рассыпанной соломе появилось впервые, но на Балканы оно проникло, очевидно, при посредстве турок или другого народа до турецкого нашествия (например, армян, поселившихся на Балканах, или персов, поселившихся в IX в. около нижнего Вардара). В рамках обширного юго-восточноевропейского ареала выделяется несколько зон с разными «соломенными» интерпретациями.

1. В южной зоне греки Македонии, Эпира, Центральной Греции и Пелопоннеса представляют себе Млечный Путь как украденную и разбросанную священником солому, что на языковом уровне выражается в названиях, имеющих ВФ ‘солома священника’ (например, *Το άχυρο του παπά*). Из греческого ОМ вместе с соответствующей легендой проникла в юго-западные болгарские (например, *П`опова сл`ама*) и в южноалбанские диалекты.

2. В центральной зоне (болгарские, сербскохорватские, североалбанские, греческие диалекты Эпира и острова Корфу, южно- и западнобанатские румынские диалекты, мегленорумынский диалект) бытуют представления, согласно которым Млечный Путь возник из соломы, которую некто украл у своего крестного отца и рассыпал по дороге, отчего названия Млечного Пути и имеют ВФ ‘солома крестного отца’ (болг. и с.-хорв. *Кумова слама*, алб. *Byku i kumbarës*, греч. *Του κουμπάρου τάχερα*, *Το άχερο του νούνου*), ‘путь крестного сына’ (рум. *Calea Finului*), ‘путь крестного отца’ (рум. *Calea Naşului*, мегленорум. *Drumu Mămúşului*). Ту же самую легенду рассказывают гагаузы и арумыны, но ей соответствуют астронимы, имеющие ВФ ‘соломенная дорога’ (гагауз. *Саман Йолу*, арум. *Cálea a Pál’ilor*). Что касается путей распространения этой версии легенды, на основе ареального анализа можно утверждать, что от сербов она распространилась среди румын и, возможно, среди албанцев, а от болгар – среди гагаузов, греков и мегленорумын.

3. В северной зоне (венгерские и румынские диалекты) основным действующим лицом легенды является цыган и названия Млечного Пути имеют ВФ ‘солома цыгана’, ‘дорога цыгана’ и т. д. (например, венг. *Cigányszuómázás*, *Cigányok útja*, рум. *Paiele Ţiganului*, *Calea Ţiganului*). В румынский «цыганские» варианты легенд и названий проникли из венгерского.

4. В западной зоне считают, что солому разбросал святой (обычно св. Петр), отчего появились хорватские и венгерские названия с ВФ ‘солома св. Петра’ (хорв. *Petrova slama*, венг. *Szempétórszómájo*).

5. Кроме того, существуют легенды и названия, не уточняющие, кто разбросал солому, и они концентрируются главным образом на периферии юго-восточноевропейского ареала «соломенных» интерпретаций Млечного Пути. Сюда мы причисляем турецкие и гагаузские, а также встречающиеся в венгерском, румынском, арумынском и очень редко в болгарском и греческом языках названия с ВФ ‘соломенная дорога’ (тур. *Saman yolu*, венг. *Szómásút*, рум. *Calea de Paie*), а также болгарскую ОМ ‘солома’ (*Сл`ама(та)*, *Пл’`авата*), румынскую ‘воз с соломой’ (*Caru cu (de) Paie*), турецкие ‘разбрасывание соломы’ (*Samandöken*) и ‘вор соломы’ (*Samanuğrısı*).

Названия Юпитера (Марса, Сириуса), производные от слова ‘караван’

На всей болгарской языковой территории, в восточных сербских диалектах, греческом, албанском, гагаузском, турецком и нескольких румынских поселениях в Добрудже употребляется астроним, производный от слова ‘караван’, который обозначает либо Юпитер, либо Марс, либо Сириус, как видно главным образом из легенды, сопутствующей астрониму: болг. *Керв`ана*, *Керванц`ийка*, *Керв`анка*, *Керв`анкаран*, *Керв`анбашийката*, *Лъжи керван(ът)*, *Мам`и керван*, *Губи-карван* и др.; серб. *Караванка*, *Карванка*, *Карвануша*; греч. *Κερβάν κιράν*, *Γιαλαντζής*, *Γελάν-καρβάνης*; алб. *Ylli i karvanit*; тур. *Kervankıran*; гагауз. *Керван-кыран (йылдызы)*; рум. *Chervancara*. Болгарские, греческие и гагаузские, а может быть, и румынские астронимы являются след-

ствием прямого контакта с турецким, при этом заимствования сосредоточены на востоке болгарской и греческой языковых территорий, а кальки – на западе. В восточные сербские диалекты этот тип названий распространился из болгарского. Каким образом заимствовал эту модель албанский язык, неясно. Эти названия сопровождаются легендой о караване, который принял какую-то намного раньше появившуюся звезду (наверное, Юпитер, Марс или Сириус) за утреннюю Венеру и из-за этого погиб – караван замерз, утонул в реке или на него напали разбойники. Сопоставительный анализ показывает, что это модель турецкого происхождения на Балканах (в гагаузском включительно) и, хотя она известна и другим тюркским языкам, ее истоки, наверное, надо искать в персидском астрониме *Kerwankuś*, букв. «убийца караванов». Распространение этой модели в балканских языках является результатом не только контактов с турецкими диалектами: как показывает концентрация этих астронимов вдоль основных торговых путей, этому распространению способствовали и сами торговцы-караванщики, рассказывающие друг другу легенду об обманутом и погибшем караване.

Хотелось бы подчеркнуть, что балканский тип системы народных астронимов является балканским только как система, как комбинация ОМ, но если рассматривать каждую ОМ в отдельности, почти во всех случаях балканский ареал является частью более обширного ареала. Балканский тип системы ОМ народных астронимов характерен только для болгарского, албанского, греческого и румынского. Это опять же подтверждает, что именно они и являются членами БЯС. В восточных сербских и юго-западных украинских диалектах, гагаузском, венгерском и турецком как архаизм или как инновация существуют некоторые из рассмотренных ОМ, но это не присоединяет эти языки к БЯС, так как не все элементы системы присутствуют в каждом из них. В ареальном отношении эти языки можно определить как периферию центрального балканского ареала – это особенно очевидно при наблюдении движения некоторых балканских ОМ в соседние зоны (например, распространение ОМ ‘рукоятка рала’ в восточные сербские и юго-западные украинские диалекты). Если всмотримся в распространение отдельных ОМ в четырех балканских языках, мы установим, что общность отдельного балканского языка с остальными может проявляться через различные диалектные зоны, что отражает различные пути проникновения соответствующих ОМ: например, в румынском языке название Ориона *Raliţa* характеризует юго-восточные, а «соломенные» интерпретации Млечного Пути – юго-западные дакорумынские диалекты. Следовательно, нельзя определить, какие диалекты соответствующего языка являются самыми «балканистичными» (по крайней мере, на этом этапе исследования балканских языков).

Асенова П. Балканско езикознание: Основни проблеми на балканския езиков съюз. София, 1989.
Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.

* * *

Дарина Максимова Младенова – доктор филологических наук, научный сотрудник I степени Института балканистики при Болгарской академии наук (София).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

А. В. Юдин

ИОРДАН И *ДУНАЙ* В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ МАГИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

This article describes the functioning of the toponyms Jordan and Dunaj (Danube) in magical genres of East Slavic folklore, more particularly in calendrical songs – primarily those performed in the Christmas period (koljadky/carols, ščedrivky, Jordan songs) and during house-to-house Easter processions (voločjobnye) – and in incantations. In doing so, the author applies a version of the so-called «cognitive definition» of the folkloric name. A listing of the attested forms and variants of the toponyms, their standard epithets and similia, is followed by a description of: the conditions of the objects nominated by these toponyms; their origin and the actions ascribed to them; and motifs connected with them in texts. The article provides a survey of the history of research on the toponyms in question in East Slavic folklore, and cites parallels from other Slavic traditions.

Ta woda święcona ma taką moc, że według wierzeń ludu duchy wodne zwane „Wodianykamy" swoje dzieci „przed Jordanem wyciągają na brzeg, aby nie popiekła ich woda święcona".

Adam Fischer. Rusini. Zarys etnografii Rusi

…За рікою починається Новий Світ. За Дунаєм лежить Америка, тобто майбутнє, за Дунаєм лежить усе, що збудеться (і не збудеться) згодом. Дунай насправді є Океаном, він притягає. Недалека його присутність означає надто багато: час, вічність, історію, міфологію, нас самих.

Юрій Андрухович. Центрально-Східна ревізія

Иордан и Дунай – две важнейшие реки славянского фольклора. Образ первой из них, пришедший с христианизацией, связывается с важнейшими событиями Священной истории (прежде всего с Крещением Спасителя). Сакральность, которой в результате этого был в христианских представлениях наделен Иордан, оказалась столь высока,

© А. В. Юдин, 2004

что русские духовные стихи представляют его матерью всех рек (как Океан – отец всех морей, кит – мать всех рыб, Сион – мать всех гор, Иерусалим – отец всех городов и т. п.), т. е. первым, прототипическим элементом класса однородных объектов, берущих от него свое начало. Иордан – *всем рекам река*, он может даже помещаться в сам Иерусалим или на гору *Сиян*, что подчеркивает сакральность и «первоначальность» [примеры см.: Толстая, 1997, *32*]. Духовные стихи называют Иордан *святой рекой*. Упоминания Иордана в фольклоре не очень многочисленны, но важность, придаваемая ему, несомненна [см. об этом: Агеева, 1992, *135* (в том числе и о вариативности имени); Толстая, 1997, *32*; Юдин, 1997б]. М. Грушевский в четвертом томе своей «Истории украинской литературы» (в очерке «христологии» украинских календарных песен) обильно цитирует украинские «иорданские» песни, среди прочего – в связи с дохристианскими мотивами в них и заменой Иордана Дунаем [Грушевський, 1994, *134–204*; специально об украинских иорданских песнях см.: Łesiów, 1999]. В болгарской колядной песне Богоматерь ходит возле Иордана и просит Петра (или Георгия, затем Илию или Николу) крестить в нем *млада Бога*, но те отказываются, поскольку крестить должен *Йован Кръстител*, который уже крестил лес и воду, и небо, и землю [см.: Стоин, 1975, *284–286*, № 534–536; БНПП, *26–28*]. Близкий вариант, начинающийся словами *Јордан ми се розлеваше од ридови до брегови. Во Јордан е божја мајка, в роци држи млада бога, мила бога некрстена*, был записан и в Македонии [см.: Пенушлиски, 1968, *185*]. В словенских колядных песнях девушка стирает белье в Иордане и теряет перстень, который может найти только милый [Krekovičová, 1992, *67–68*]. В польских, литовских и белорусских заговорах-молитвах от кровотечения встречается мотив остановки воды Иордана, о котором речь пойдет ниже. Подробно об этом мотиве и его происхождении см.: [Zowczak, 1994, *12–16*; 1998, *36–37*].

Иорданью во многих регионах называли прорубь, прежде всего – освящаемую на Крещение. В связи с этим было распространено поверье о целительной иорданской воде (ср. *вода Ярданица* в белорусском заговоре: [Романов, 1991, *26*]; см. также об иорданской воде: [Кондратьева, 1967, *223–225*]).

О русских топонимах, мотивированных именем *Иордан*, см.: [Березович, Родионова, 1996, *25*; Березович, 2000, *278–279*]. Симптоматично, что, как пишет Е. Л. Березович, «из 32 топонимов 29 относятся к водной микротопонимии, обозначая ручьи, родники, колодцы, ямы с водой» [Березович, 2000, *278*] – видимо, преимущественно те, где на Крещение освящали воду, что в итоге привело к апеллятивизации онима (апеллятив зафиксирован в диалектных словарях). Однако, по словам автора, «в результате семантического развития в ряде говоров данная лексема, утрачивая семантику “святого места”, приобретает значения ‘прорубь для подледного лова рыбы’, ‘прорубь вообще’, ‘яма с водой на болоте’» [Там же], каковые уже сами могут мотивировать новые топонимы.

Дунай в славянском фольклоре, напротив, чаще всего не наименование всем известного водного потока в Европе, а, как неоднократно указывали исследователи, название реки или другого водного объекта вообще[1]. В. В. Иванов и В. Н. Топоров пишут,

[1] В известной степени это подтверждается этимологией слова [см.: Фасмер, 1, *552–553*; SSiSL, 2, *254*; ЭССЯ, 5, *156–157*; о народно-этимологических переосмыслениях имени см.: Варбот, 2000].

что «лексема “Дунай” в славянских языках (отчасти и в балтийских) стала нарицательным словом, обозначающим далекую незнакомую реку, глубокие воды, море, водный разлив, ручей и т. п.» [Иванов, Топоров, 1995, *171*]. Действительно, у русских *дунаем* может называться просто ручей (олон.) [Фасмер, 1, *553*]. Польские авторы также указывают, что в польском (и славянском вообще) фольклоре лексема *dunaj* означает большую глубокую воду, море или реку; имя собственное, с их точки зрения, здесь вторично [см.: Moszyński, 1939, *1563*; Bartmiński, 1973, *246*]. В польских диалектах *dunaj* – ‘глубокая река с высокими берегами’ [Фасмер, 1, *553*] или ‘большая, глубокая, отдаленная вода, скорее стоячая’ [SSiSL, 2, *254*]. На юго-востоке Люблинщины известно значение ‘стоячая, глубокая вода’ [Bartmiński, 1973, *247*]. *Дунаев* может быть и несколько: в польском тексте берут для каравая *z trzech dunajów wodeńke*[a] [Bączkowska, 1988, *90*]. В украинских диалектах, согласно словарю Б. Д. Гринченко, *дунай* может означать ‘разлив реки, вообще большое скопление воды’ [Гринченко, 1, *456*]. Правда, приводимые в словаре народно-песенные примеры (*Ой за горами вода дунаями*…, *По-над дунаями вода стоянами*…) не вполне понятны и не обязательно соответствуют реальной разговорной речи. О Дунае в представлениях древних славян и о лексеме *дунай* в славянских языках, фольклоре и народной культуре, в том числе у восточных славян, см.: [Иванов, Топоров, 1995; СД, 2, *146–147*]. О роли Дуная в ранней истории славян см.: [Петрухин 2000, 37–40 и далее]. О семантике лексемы *дунай* в славянском фольклоре см. также: [Хроленко, 1992, *31–33*]; о переходах имени собственного в имя нарицательное на примере имени *Дунай* (конкретная река > водоем вообще) см.: [Хроленко, 1988] – автор полагает, что исходной формой было имя собственное, превратившееся в нарицательное в результате обобщения, «неопределенного расширения смысла» [Там же, *53*].

В русских говорах известна омонимичная лексема *дунай*, появившаяся в результате народно-этимологического переосмысления в связи с *дуть* [см. об этом: Варбот, 2000], со значениями ‘место, где дует ветер’, ‘возвышенное место, открытое всем ветрам’. На Урале зафиксировано значение ‘быстрорастущая трава’ [СРНГ, 8, *257*]. Известен еще ряд диалектных или устаревших фразеологизмов с упоминанием *дуная* в различных значениях (например, осмысленного через *дуться*) [подробнее об этом см.: Феоктистова, 2003, *103*]. Никаких следов этих значений в фольклорных текстах нами не обнаружено. *Дунай* выступает в них только в значении водного объекта (реки или моря).

Дунай – это своего рода мифологический прообраз реки (сакрализованной, но не связанной с библейской историей) или моря, вообще водного пространства. Символика Дуная включает представления о свободе, просторе, дороге (в рай), границе (между мирами), любовные аспекты. См. об этом, в частности, статью В. Я. Петрухина «Дунай» [СД, 2, *146–147*; там же библиография]. О Дунае в русском фольклоре см.: [Балашов, 1976; Мачинский, 1981; Проценко, 1998, *89–90* (признаки Дуная в фольклоре, согласно Б. Н. Проценко, – пограничность и святость)]; в польском фольклоре – [Bartmiński, Majer-Baranowska, 1996; SSiSL, 2, *254–265*]. Вода вообще, как пишет Е. Бартминьский со ссылкой на Мирчу Элиаде, «является стихией, символизирующей в народной культуре потенциальность, начало и конец всего, силу, дающую жизнь, регенерирующую и очищающую. Потому вода в народных любовных песнях является постоянным фоном действия. От названия *dunaj* ‘большая глубокая вода’ пожелательные (życzące) колядки в окрестностях Билгорая имеют название песен *dunajowych*, *dunajów*, а сам обычай их пения во время обхода домов с пожеланиями называется *dunajowaniem*» [Bartmiński,

1986, *80*]. О Дунае как символе пути/границы и главном представителе идеи реки вообще в славянской традиционной модели мира см.: [Невская и др., 1998, *451–454*]. В украинских колядках с Дуная прилетают ветры, которые уносят венок девушки. В Дунай девушка и сама пускает венок, чтобы он приплыл к милому, отцу и т. п. Дунай в этих песнях возникает из слез или крови Бога или святого, что свидетельствует о его центральном положении (как архетипа реки вообще) в традиционных славянских представлениях об устройстве мира. О фольклорном клише *край Дунав* в болгарских текстах в связи с семантикой удаленности (Дунай) и предельности (край[2]) см.: [Невская и др., 1998, *452–453*]. В чешской песне к ветру обращаются: *Zafoukej*, *větříčku*, *z Dunaje*, *at' ta zima brzy roztaje* [Plicka, Volf, 1960, *14*]. В чешской же балладе о девушке, отданной за турка, она пускает в воду венок, чтобы тот передал ее отцу, *že sem sa vydala bystrému Dunaju* («что она отдалась быстрому Дунаю», т. е. утопилась) [Там же, *115*]. В моравской балладе с одной стороны Дуная Дорна ноги моет, а с другой Ян поит коня, между ними завязывается диалог, Ян плывет к девушке через Дунай, но тонет, его мертвого вытаскивают рыбаки [Sušil, 1860, *781*]. Мотивы разговора девушки с Дунаем и переплывания его известны и в болгарских песнях [БНПП, 2, *133*, *140–141*]. В украинской хороводной игре персонажу по имени *Білозорчик* (*Білобранчик*, *Білодарчик*, *Білоданчик* и под.) нередко предлагают поплыть по Дунаю или говорят, что он поплыл *по Дунайчику* (многочисленные фиксации).

Попыток сопоставить функционирование обоих топонимов в фольклоре было не так много. Мы в данной статье опишем по возможности полно представления, связанные с интересующими нас именами в магическом фольклоре восточных славян. К магическим мы относим те фольклорные жанры, тексты которых – календарные или не имеющие временнóй приуроченности – исполнялись с явно выраженной магической интенцией (и соответственно призваны были исполнять магическую функцию). Речь идет о календарных обрядовых песнях (прежде всего колядках, щедровках, иорданских и волочёбных) и заговорах. Упоминания Иордана и Дуная в былинах, духовных стихах, сказках, балладах, лирических песнях и других фольклорных жанрах остаются, таким образом, за пределами нашей статьи.

Рассмотрим сначала заговорные тексты. Из соображений краткости нам пришлось отказаться от обильного цитирования источников и ссылок при каждой форме имени, хотя в случае, когда цитаты все же приводятся, мы, естественно, даем ссылку. В конце работы дан список всех использованных источников.

В русских заговорах топоним *Дунай* встречается очень редко. Нами обнаружено всего пять его упоминаний – четыре в заговорах из Архангельской области и одно в донском. Формы имени: *Дунай*, *Дунай-река*, *на Дунаи*, *по широкому Дунаю*. Это река на восточной стороне, через которую – *калинный мост*. *Воду-водицу* просят разнести *смытую* с человека персонифицированную тоску *по широкому Дунаю*. Через Дунай шла Богоматерь, она стирала в нем ризы и разгоняла кровь объекту заговора (от закупорки сосудов и

[2] «Если обратиться к внутренней форме слова, то окажется, что *край* отходит от наречно-предложного значения 'около', 'у' и предстает действительно краем, последним рубежом, за которым начинается *иной* мир; неслучайно Дунай сопрягается с *морем* – другим классическим обозначением *пути* в иной – нижний – мир…» [Невская и др., 1998, *453*].

повышенного давления). Дунай встречается в двух черных отсушках (заговоры на прекращение любви и ссору между супругами или влюбленными): он находится в *чистом поле*, за ним стоит лес, где дерутся черт и леший, или на нем есть избушка, где живут *черт с чертухой*, которые тоже дерутся (так должны драться и влюбленные). Во всех текстах речь идет о реке.

В доступных нам белорусских и полесских заговорных собраниях [см.: Барташэвіч, 1992; Романов, 1891; Pietkiewicz, 1938 и др.] Дунай не встречается[3].

В украинских текстах (Гуцульщина, Полтавщина, Харьковщина, Кубань) зафиксировано также всего несколько упоминаний *Дуная*. Формы имени (включая орфографические варианты): *Дунай*, *Дунаї*, *Дунаю*, *на Дунаи*. Эпитеты: *тихі*; *тихого*. Он может упоминаться в качестве одного из сакрализованных локусов мифологической модели пространства, свойственной заговорам[4]: в одном из текстов заговаривающий *прийшов до зеленого гаю, до тихого Дунаю, глянув на море: на синьому морі стоїть остров…* и т. д. Через Дунай ехал в заговоре от вывиха святой Гурий – *кінь спотикнувся, сустав на сустав… наткнувся*. В заговоре от *порухи* (смещения матки)[5] *тихонько, легеньке перце по Дунаю пливеть* – так бы и матка на место. Дунай может выступать также в качестве пространства, в которое отсылается изгоняемый объект: *на тихі Дунаї, на чорні моря* должна растечься туча в заговоре на ее отогнание.

В украинских заговорах топоним *Дунай* встречается также как название моря. Сюжеты этих текстов следующие: *Матир Божа в помочи стояла, си переполохы одбирала, на Дунай на море зсылала*; *На Дунай на мори симдесят языкив стрепечучысь, святый мисяць на неби и Матир Божа на земли*; *Матир Божа на земли си зубы замовляла… и на Дунай на море зсылала*; на Дунае *пустой млын молов, пусто молов, пусто борошно падало з пустого ковша, пусто мирошныкы набиралы, пусти мишкы набывалы* и т. д.; *Матер Божа в помочи стояла и сю бешиху одбирала, на Дунай, на море зсылала*; *На Дунаи, на мори змія гниздо звыла и сама в гнизди лягла и своих дитей забрала и сю бешыху одбирала и своих дитей годувала*. Правда, во всех этих случаях можно оспаривать тот факт, что в текстах присутствует действительно море *Дунай*, а не простое перечисление двух гидрообъектов – отсутствие запятой в источнике ничего не значит, тем более, что все номинации, где Дунай упоминается в качестве места отсылки, извлечены нами из одного источника, а повторение предлога может быть истолковано двояко. Окончательно ответить на вопрос можно было бы только на основании интонации устного произнесения текста информантом. Мы считаем, что перед нами все же *море Дунай*, но генетически восходящее к формуле с перечислением типа *на Дунай, на море*.

---

[3] К сожалению, на момент окончания статьи нам еще не было доступно только что вышедшее в Москве собрание полесских заговоров из архива Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

[4] О концентрической модели мифологического пространства, представленной в заговорах, см., в частности, в нашей работе: [Юдин, 1997б, *19–21*].

[5] Источники указывают, что *порухой* считается боль в животе, происшедшая от натуги или чрезмерного скачка [Короленко, 1892, *277*]. Сдвигается, *рушить* с места в данном случае *золотник*, т. е. матка, существование которой признавалось украинцами и у мужчин, так что болезнь *поруха* оказывается другим названием *золотника*, *дны* и т. п.

Море-*Дунай* также называют *тихим*. В качестве сакрального пространства оно вполне эквивалентно обычному в заговорных текстах *морю-океану*. В заговоре от укушения змеей скотины на нем, на *острови Кіяни, стояв дуб дупленатый*, на котором находится гнездо и змеиная царица; в другом тексте персонаж приходит на него и смотрит на море, в котором стоит остров. Море-*Дунай* упоминается и как враждебное пространство, куда отсылается болезнь или другой демонический персонаж.

Теперь рассмотрим функционирование в заговорах топонима *Иордан*[6]. В русских текстах мы обнаружили около пятнадцати его упоминаний (Арх. губ., Волог. губ., Дон, Калуж. обл., Карелия, Курск. губ., Нижегор. обл., ркп. XVII в. из Олон. губ., Орл. губ., Симб. губ., Смол. губ.). Формы имени и варианты: *Иордан*, *Иардань* (р. п. – *Иардани*), *Иардан* (п. п. – *Иардани*), *Ирдань*, *Ердан*, *Ярдан*, *Ордан*, *Ордань*. Его воду называют святой. На берегу *Иордана* в русских заговорах чаще всего находятся волшебные помощники и защитники. На нем (и на *море-океане*) стоит соборная церковь (в ней находится гробница, в которой лежит святой-помощник). Иордан в заговорной модели пространства вообще легко ассоциируется с океаном. В донском заговоре от крови на Иордане находится остров *Буян*, на котором стоит береза кверху корнями (на ней заговорный персонаж), т. е. Иордан здесь изофункционален *морю-океану*, заменяет его. У Иордана может стоять гора (у которой ночевала Богородица). Посреди него – белый камень, в нем находится белая рыба, которой отдают ключи от заговора. Нередко упоминается, что в Иордане крестился Христос. Мотив реки в зачинах заговоров часто сопряжен с мотивом города: в частности, Иордан связан с Иерусалимом. Иордан упомянут в двух записях «Сна Богородицы» из Архангельской области, одной записи из Карелии и одной нижегородской; текст использовался в качестве заговора от бессонницы младенца, общего или лесного оберега. В калужских заговорах от кровотечения типа *стой, кровь в ране, как Иисус (Христос) на Иордане* [см.: РЗЗ – две фиксации], произошло искажение исходного мотива остановки вод Иордана, о котором немного ниже (он представлен также в белорусских и украинских текстах). Об этом мотиве в польских, литовских и белорусских заговорах-молитвах см. ниже, а также: [Zowczak, 1994, *12–16*; 1998, *36–37*]. В Иордане прибывает и не спадает вода (в заговоре на удой молока). Наконец, *Ордань*-река может быть местом «ссылки» болезни в заговоре от желтухи, находится она в пустом месте, *где ветер не веет, где солнце не греет, где глаз человеческий не доходит*, на ней собираются (и потом расходятся) попы (так должна разойтись и болезнь).

В белорусских заговорах (Гом. обл., Мог. губ., Смол. губ., полоцк.) топоним *Иордан* представлен достаточно широко и в разнообразных мотивах. Обнаруженные формы и варианты имени: *Ірдан*, *Ирдан*, *на Ирдани*, *Ярдань*, *на Ярдане*, *на Ярдані*, *на Ярдани на рацѣ*, *Рдань*, *на Рдани*. Называется он обычно *рака*, упоминаний *Иордана*-моря не обнаружено. Основные сюжеты и мотивы, связанные с Иорданом в белорусских заговорах, следующие (пересказываем, иногда цитируя):

– в Иордане крестил Спаситель Ивана, а Иван Спасителя: как остановилась вода в Иордане, так и кровь в ране (в заговоре от крови);

– как остановилась вода в Иордане, так и кровь в ране;

---

[6] Более точная передача ивритского слова – *Ярден*, что фонетически близко русским народным формам.

– *стань крэв у рани, як вода в Ирдани, кеды ксцив свентый Ян, кеды ходзив Христос Пан* (текст, согласно указанию, полученному собирателем от информанта, польского происхождения, что видно и по языку);

– через *Ярдань* шел *Хрыстос*, она стала (на остановку крови);

– *Сус Христос* ехал *на Рдань на сивом конику, Бог став, коника суняв, и рабѣ божай кров суняв*;

– на Иордане стоял Христос и подзывал ангелов;

– на нем калиновый мост, по которому шел Христос;

– на нем станет поп – так бы и суставы стали на место;

– на нем стоит вода – так бы и корова в стаде;

– там сидит маленький белый дядька, который разводит огонь и пускает свой дух на весь свет (от бешенства);

– *на Рдани на рацѣ, на Сіяньской горѣ, стоить грушка-сивушка*, под которой три сестрицы, третья из которых *выговаривать удар*;

– *на Ярдани на рацѣ, на Сіяньской горѣ стоить дубъ на двананцать кокотовъ, на двананцать воротовъ, на томъ дуби сидять голубяняты*, которых просят выбирать у объекта заговора *зубняты*.

Ярдань в белорусских заговорах может персонифицироваться: *идзець святая Ярдань, никого не ўлякаетца… так не ўлякайся нивка ни скоцинка…* (в заговоре при вырывании *залома*, сопровождаемом брызганьем *ярданською водою*; Мог. губ.) [Романов, 1991, *12*, № 29].

Отдельно упомянем зафиксированное в заговоре с Гомельщины упоминание Иордана как названия молитвы: *Сам Госпад нада мной стаіць, Ердань чытае, маю кроў ачышчае, ад мяне усе ета паганэ адварочвае* [Барташэвіч, 1992, *379*, № 1319].

В украинских заговорах (Киев. обл., Под. губ., Полесье, Харьк. губ., Угор. Р.) зафиксированы следующие формы и варианты имени: *Йордан*, *на Йордані*, *Ёрдан*, *Ордан*, *Ордань*, *Орданьска*, *Орданьску*, *Орданської*. Иордан всегда именуется рекой (*рика*, *ріку*, *на річці*). *Орданська ріка* сама может выступать в качестве волшебного адресата текста заговора, к которому обращена просьба о помощи. С Иорданом связаны следующие сюжеты и мотивы:

– в Иордане купаются три ангела: первый черпает воду, второй омывает раба Божия, третий молится Господу Богу за раба Божия (в заговоре *на любовь человекови*);

– в заговоре от кровотечения заклинают: *стихни, кров в рани, як вода в Йордани*;

– в заговоре от крови Христос и Ангел шли *до Ордани рѣки*, они стали и *Орданьрека* стала;

– она, а также Господь, *земля маты* и *во́да Уліяна* призываются в молитве от *напою*;

– в приговоре при умывании *непочатой* водой *як дівчину очарують*: *взяла іі Матінка Божа за праву руку, а святый Демъян за ліву, повели іі на Ёрдан ріку, посадили іі на золоте крисло, вмивають іі від ніг до голови від чарів*;

– через Иордан *правою дорогою* на *высоляньску гору* отправляется бешеная собака;

– на нем находится камень-алтарь, на котором стоит Богородица, а возле нее 77 ангелов, 77 архангелов;

– *на морі, на окіяні, на річці на Ордані* стоит дуб, на котором находятся змеиные цари и царицы;

– *за Ордань-рикою стойить билая береза, на мори-окіяни лежыть билый камень, з березою никогда не сходытся – так бы и у человека зубам не болеть*;

– через *Орданську ріку* правой дорогой отсылают три брата бешеную собаку на *Висолянську* гору (собаке даются невыполнимые поручения, в частности набрать *Орданської води*);

– вода *Осіяна*, земля *Тетяна*, *орданська ріка* обливают *луги, береги, каміння, й креміння, і біле коріння, і піски, і тріски* (их просят омыть и очистить корову от *пристріту* (сглаза)).

Здесь не отражены события Священной истории, зато присутствует апокрифический мотив остановки вод Иордана. Очевидна связь Иордана с *иорданской водой* (см. ниже) и вообще ритуально используемой сакрализованной водой (так называемой *непочатой*, которая также очень часто наделяется собственными именами, преимущественно женскими антропонимами[7]). Иногда Иордан (как и Дунай, *море-океан* и др.) может выступать в обычной функции водного рубежа в традиционной фольклорной модели пространства.

В связи с мотивом остановки воды в реке приведем еще одно любопытное наблюдение. В украинском заговоре от пожара в мотиве, обычно связанном с Иорданом, нам встретился топоним, также принадлежащий реке на Святой земле: *Ишов Христос Седрою рѣкою, Христос став, вода стала* (укр. ркп. 1793 г.) [Ефименко, 1874, *66*, № 210].

Очевидно, речь идет о потоке Кедрском, Кедроне (в польской передаче *Cedron*); графическое совпадение латинской и кириллической букв *С*, возможно, объясняет начальный консонантизм имени в украинском заговоре (практически тот же заговорный зачин известен и в польской традиции: *Szedł Pan Jezus do cedrowej rześci* (?) (вопросительный знак публикатора; видимо, искаженное *rzeki* или *rzeczki*. – *А. Ю.*) *przez łąkę, napotkał trzy różę…* и т. д. (заговор от рожи) [Biegeleisen, 1929, *135*]). Кедрон – «высохший поток и долина между Иерусалимом и горою Елеонскою» [Географический… справочник, 1983, *2485*]. Особо интересен здесь упомянутый нами мотив остановки воды, который восходит к остановке вод Иордана, описанной в кн. Иисуса Навина [Иис. Нав. 3, 4, *18*]. В польско-католической заговорной традиции этот мотив остановки контаминировал с крещением в Иордане Иисуса Христа, в результате чего возникли тексты наподобие следующих: *Święty Janie, boży kapłanie, chrzciłeś Pana Jezusa w rzece Jordanie. Zatrzymałeś wszystkie wody, zatrzymaj i ta moja krew* [Zowczak, 1994, *15*]; *Stań krew w ranie* <имя больного и его матери> *jak stanęła woda w rzece Jordanie, gdy św. Jan chrzcił P. Jezusa…* [Biegeleisen, 1929, *95*]. Ср. сходный белорусский (католического происхождения) заговор от крови [см.: Романов, 1891, *69*, № 94], известны и украинские тексты с подобным мотивом [см.: Biegeleisen, 1929, *95*]; подробный анализ этого мотива в связи с близкими мотивами перехода евреев под предводительством Моисея через Красное море и др. и с примерами польских заговоров см. в работе: [Zowczak, 1994, *12–16*]. Ср. также близкий мотив поворота вод Иордана вспять в украинской псальме на Богоявление Господне «Иордане уготовися…»: *Вспѧть Іорданъ сѧ возвратѧаше, Море въ бездны своѧ бѣжаше…* [Богогласник, 1885, *35*, № 4 (17)]. В приведенном выше тексте, очевидно, имеет место очередная ступень искажения, где Иордан заменен Кедроном, также затем искаженным.

---

[7] Об именах собственных воды см.: [Юдин, 1997б, *216*].

Теперь рассмотрим отдельно очень близкое к приведенной выше *Иорданской реке* сочетание *иорданская вода*[8], широко распространенное в белорусских и особенно украинских заговорах. В Белоруссии оно зафиксировано в текстах из Мог. губ. и Вит. обл.; география украинских текстов очень широка: Винн. обл., Волынь, Гуцульщина, Жит. обл., Каневщина, Киевщина, Кировогр. обл., Кубань, Под. губ., Полт. губ., Проск., Угор. Р., Харьк. губ., Черк. обл., Черн. губ. Наиболее частый из связанных с ней мотивов – омывание и очищение (она омывает луга и берега – так бы и человека или скотину (обычно от сглаза или болезни)). Однако имеет смысл привести целиком обнаруженный нами корпус цитат, связанных с *иорданской водой*, чтобы проиллюстрировать сюжетно-мотивное разнообразие текстов.

Белорусские тексты:

– *Прячистая мацъ… ярданьскою водою рыжаго коня змывала отъ чемери, отъ потницы*;

– *Водзица царица ирданьская, а с ключа салтаньскаго* в заговоре от *уроков обмывала шѣрое корэньня, твердое каменьня*, но прямо ее смывать уроки не просят (очевидно, сокращенный или дефектный текст);

– *Вода Ярда̀ница, твоя матка волняница, ишла ты цемными лясами, зялеными лугами, крутыми берегами, каменьнямъ, кореньнямъ, поможи рабу божаму отъ урочищъ*;

– *Славная водзица царица, съ сто Ирдань… идзешъ стоки на востоки, изъ морў на мі̂ря, изъ луки на луку, исъ травы на траву; и перемываешъ ты жовтыя пяски и крутыя беряжки, и обмываешь сырое кореньня, и обмый раба божаго…*;

– *На горѣ Сіяньской, на водзѣ Арданьской там стоиць золотый номастырь* (так! – *А. Ю.*), в нем сидит на коне Михаил архангел и читает Евангелие;

Украинские тексты:

– В заговоре от уроков *Ісус Христос у йорданській воді купався*;

– *На воде Їорданстѣй, на Їорданском камені* стала пречистая *Мария, мати Іисус Христова*, со святым своим сыном (в заговоре на *гостец* (колтун, иногда ревматизм));

– *Вода Іорданська… берегы потопыла и лугы поломыла,* <такому-то> *урокы отходыла…* (в заговоре от *прозору* (*призор*, сглаз), читаемом над миской с водой, которой потом крестообразно омывают больного);

– *Водичко-Йорданичко, Умиваєш луги-береги, корынє, біле камынє, Умий сего рщеного, чісто вродженого Від уброду, гнїву, ненависти і від усикого злого* (или *від усякої недуги* и т. п.; в стандартном зачине ряда записанных от одной и той же знахарки заговоров при обмывании водой больной *сплавом* (*жіноча слабість*) – *від корча*, *від усякої недуги*). Произносится всегда над водой и при выполнении магических процедур с нею;

– В заговоре на *гостец* просят: *водице-Ёрданице, пребуваєш ты в лугах берегах, очищаєш, очисти и сю душу*;

---

[8] В. П. Милорадович пояснял, что *иорданская вода* – это вода, освященная на Крещение, которая применяется в магических целях [Милорадович, 1900, *381*]. Название происходит от слова *иордань* – ‘прорубь, где освящают воду’.

– *Водице-йорданице, водице-хрещенице, водице-стрітенице… вода-хрещенна – молитвенна, вода-йорданна* (в заговоре от *переляка* (перепуга младенца) ее просят очистить душу и тело, как она очищает камни);

– *Йорданська ріка; вода Ордана… вода Уляна*; *вода йорданська*, *земля тетянська* очищают луга и берега – так бы и человека (новорожденного) от болезни;

– *Добридень, вода йорданна! Ти від Бога прислана, називаєшся Оліяна, очищаєш ліски, піски, каміння, креміння* – очисти и <такого-то> от *гостца*;

– Воду *Ордану* просят обмыть больную от болезни и печали;

– *Водо Осіяна, земле Тетяна, орданська ріко* обливают *луги, береги, каміння, й креміння, і біле коріння, і піски, і тріски* (их просят омыть и очистить корову от *пристріту* (сглаза));

– В заговоре *до колодязя, як коров напувать* призывается вода: *водо гордана (їордана), ти від Бога создана а на мення Титяна*. Ее заклинают: очищаешь луга, берега и т. д. – очисть и скот. Она прибывает *в Дніпрі, в Дністрі і в морі, і в джерелах*, и в реках – так бы прибыла в скотине *корысть* (т. е. польза);

– *Ой, пый, коню, пый сю воду, це орданська вода, не бійсь опою* (в приговоре от *опоя* лошади);

– *Пыйте волыкы іорданську воду, не бійтесь опою. Сей день Божый – свята середа, будьте сыльни, здорови як іорданська вода* (в приговоре от *опоя* волов);

– *Ордань*-воду святую пьет конь в заговоре *гарячого коня поить* (очевидно, от *опоя*);

– *Водо йорданка омиваеш луги, бириги, бирвѣня, корѣня – омий моей пчоли от прозору…* (в *пчелиной* молитве);

– *Орданьску* воду должна набрать (а также *білого камня з скалы влупыты*) бешеная собака в заговоре от *стыклызны* (водобоязни, т. е. бешенства);

– В заговоре на увеличение надоя коровы просят *зорі-зоряниці* принести молоко, спустить его в *Орданню* воду, а затем – в уста, в молочные жилы, в вымя и т. д.

– *Вода Ёрданна, від Господа Бога поданна* – призывается в заговоре над колодцем, куда предварительно был брошен хлеб, который затем дают корове для увеличения надоев; к воде приходят не *по воду, ино по грубый сыр, и густу сметану, и густу маслянку*;

– *Вода ордання і рекання Оляна* упомянута вместе с криницей *Миколаєвной* в приговоре при набирании *непочатой* воды для лечения ночного детского крика;

– В заговоре от *остуды* (т. е. для противодействия отсушке) призывается *Уляно*, святая, *орданская*, ангельская и архангельская – как она прибывает, так бы прибывали добрые люди и девушки или женихи к <такому-то/такой-то>, как она очищает и обмывает различные предметы – так бы смыла *остуду* и другое вредоносное магическое воздействие.

Таким образом, наиболее частое магическое применение иорданской воды связано с очищением больного, прежде всего от колтуна – болезни, проявляющейся в очевидных внешних признаках и ассоциирующейся с нечистотой, – а также от сглаза. Связана она также со сферой ухода за скотом.

В украинском заговоре от *бешыхи* (болезнь) зафиксировано также упоминание собственно *иордани*-проруби: *выйшлы попы и дьякы на Іордань воды святыты, освятывшы усі розійшлыся* – так бы и *бешиха*.

Иорданом в белорусских заговорах может также называться колодец. В частности, *крыніца Іарданная* упомянута в заговоре с Могилевщины от пропажи молока у коровы. В тексте заговаривающий здоровается: *Добры дзень, крыніца Іарданная. У гэтай крыніцы тры чараўніцы: адна мядова, друга вінова, трэцяя малочна. Ні прыйшла вады узяць, а прыйшла армянскі сыр узяць…*

В украинском заговоре на *гостец* нам встретился *Иорданский камень* на одноименной «воде»: *На воде Їорданстѣй, на Їорданском камени* стала пречистая *Мария*, мати *Іисус Христова*, со святым своим сыном.

Изредка в заговорах *Иордан* означает персонифицированный календарный праздник, собственно Крещение. В украинском гуцульском заговоре в большом списке святых и праздников, помогающих от *забиваня кілків*[9], а в немного измененном виде – от *корча*, встречаем последовательность имен з *Різдвом і з Йорданом і з Пасков*. В одном белорусском тексте из Могилевской губернии *святому Ярдани* молятся в небольшом заговоре от *уроков* с огромным молитвенным зачином, в котором призываются персонифицированные календарные праздники. В другом заговоре из того же региона, читаемом при вырывании *залома*[10] во время брызгания *ярданською водою*, находим следующее заклинание: *Идзець святая Ярдань, никого не ўлякаетца… так не ўлякайся нивка ни скоцинка…*

Еще более разноообразные сюжеты и мотивы связаны с Иорданом и Дунаем в календарных песнях, исполнявшихся прежде всего в святочный период (колядки, щедровки, иорданские) а также во время пасхальных обходов домов (волочёбные). Именно материал этих жанров мы использовали в нашей работе. В прочих календарных песнях (масленичные, веснянки, купальские, семиковые, троицкие, духовские, сенокосные, жнивные и дожиночные и др.) упоминается только Дунай, число этих упоминаний невелико, а сюжеты или совпадают с колядными (венок, пущенный в реку; загадка о замерзшем на Петров день Дунае), или варьируют скорее балладные сюжеты об утопленном матерью младенце (или двух младенцах, рожденных вдовой, пущенных в Дунай в лодке и вернувшихся через 20 лет – далее мотив несостоявшегося инцеста с сестрой[11]) или о разговоре матери с «женихом»-Дунаем об утонувшей дочери (отсутствующие, кстати, в указателе Ю. И. Смирнова [1988]). Например, в русских троицких песнях (Орл. губ., Саратовское Поволжье) девушка бросает в Дунай венок и смотрит, тонет он или нет (венок потонул – ее вспомнил милый), или же сидит на берегу Дуная на белом камне под вербой, держит вороного коня, чешет кудри брата, бросает их в Дунай и приговаривает, чтобы они плыли *вдоль по Дунаю* и росли *на три цветочка* (три имени парней), *на три ягоды* (три имени девушек). В смоленских весенних закличках [см.: СМЭС] встречаются мотивы девушки, стоящей на берегу Дуная и зовущей милого, и Дуная, разлившегося *по мхам, болотам и гнилым колодам*.

---

[9] Вредоносная магическая процедура над куклой, сделанной из следа человека, которому хотят причинить вред, сжить со света; центральным действием в ней является вонзание игл в отверстия, предварительно сделанные в кукле.

[10] Результат вредоносной деятельности ведьмы – скрученные и заломленные колосья в поле, прикосновение к которым чревато смертельной опасностью.

[11] Сюжет о матери, пустившей своего младенца в лодке по Дунаю и через 20 лет не узнавшей вернувшегося сына и обвенчавшейся с ним, получил литературную обработку в балладе К. Бальмонта «Тайна сына и матери» [см.: Бальмонт, 1994, *167–169*].

Обилие песенных мотивов, связанных в колядках и волочёбных песнях с рассматриваемыми именами, заставляет нас перечислять их в сплошную строку, отделяя абзацами только сходные группы сюжетов (мотивов). Формы и фонетические варианты имен обусловлены регионом фиксации текста и никак не связаны с сюжетами (мотивами), потому мы даем их отдельным списком.

Иорданом в колядках называется праздник (иногда персонифицированный), река, прорубь и изредка море. В белорусском тексте (Мин. губ.) нам встретилась форма имени *на Ердань* – на нее ходит святое Крещение и святит воду (очевидно, здесь имеется в виду прорубь). В русских колядках встретились формы *на речке Йордане*, *Йордани*, *в Ёрдани* – там Божья матерь/Мария (брала воду и) купала Иисуса Христа. Напротив, украинские тексты (Киев., Под., Полт., Черн. губ., Волынь, Тернопольщина и Закарпатье) предоставляют множество разнообразного материала. Для Иордана-реки нам встретились следующие формы имени: *на Іордани*, *на Іорданї*, *на Іорданѣ*, *на Йордан*, *Йордани*, *Йорданї*, *Йорданї*, *Йордарыни*, *на Йорданах*; *на і Орданах*; *на Ордан*, *в Ордани*, *Ордані*, *Орданї*; *Ардан*, *Ардань*, *Арданї*, *на Ардани*, *в арданьскій*, *в арданцкій*; *Ердани*, *Ердані*, *Єрданї*; *Юрдан*, *на Юрдани*; *Ярдан*, *Ярданъ*, *Ярдань*, *Ярдані*, *Ярданї*, *Ярдами*, *Ярдане*, *на Ярданя*, *на Ярданици*; *на Горданѣ*, *на Горданї*. Обычно его называют рекой или водой: *на ріці*, *на ричи* (*річці*), *на ричьци*, *на рицьци*, *на ритци*, *на ріку*, *на рѣку*; *в арданцкій воді* (*ў арданьскій воді*), *на води*, *на водї*, *на водѣ*, *на водици*, *воду*, *на водах*, *ріках*. В Иордане *вода студеная* (*студиненька*), *тихая вода*, через которую может быть положена *золотая кладка*.

С Иорданом в украинских песнях (колядках, щедровках, иорданских) связан длинный ряд сюжетов и мотивов. Приведем их, попытавшись сгруппировать по сходству. Прежде всего, устойчивый колядный рефрен помещает на Иордан Христа: *Ісус Христос на Ярдани*; на нем Пресвятая Дева родила Христа; после рождения Иисуса Христа Богоматерь искупала Его в Иордане (положила на корабль и пустила *на Дунай*); на Иордане (в его воде) крестился Христос; на нем золотой крест перед нами (или выныривает); на нем выныривает (!) Христос и просит взять его на руки и занести в церковь – дальше сюжет о наречении именем; на *Ордан воду* трое святых (Троица) взяли младенца Христа на праздник Крещения, и там Его окрестил Иоанн Креститель, который наказывал там *трійці робити, вогнем палити, в водї гасити*; там во время крещения Дух Святой слетел с неба в виде голубя свидетельствовать за Иисуса; все хозяева мира во главе с Иоанном Крестителем взяли Сына на Иордан, где искупали Его в иорданской воде; на него ангелы несут *Дитя-Христа*; на Иордане стояла тихая вода, в нем Пречистая Дева купала (купает) Сына (пеленала, колыхала, забавляла, просила монахов(-василиан) окрестить Его); на него 40 ангелов и 12 попов забрали Сына Божьего, чтобы крестить; на нем собрались все святые, чтобы решить, какое имя дать Новорожденному; на нем Пречистая (Мария) стирала ризы, пеленала Сына и колыхала Его на ели.

На Иордане стоят попы с дьяками (а девушка отбеливает холсты); на нем три ангела освящали воду (они крестят Сына и выбирают Ему имя); на нем три ангела святят воду, девушка (Мария, но не Богородица) отбеливает холсты и зовет членов своей семьи забрать их, но приехал только милый; там стоят три неугасимые свечи, девушка отбеливает холсты; там ксендзы с дьяками правят службу, освящают воду, крестят Христа; Мария (девка Маруся) на нем отбеливала ткань (и шила платок/мыла лицо); на нем Пречистая отбеливала одежды и повесила их на ели; Дева Мария ответила евреям,

что спрятала Сына в Иордане, после чего они пошли его *спускать* (обыскивать), искать в нем Христа, *спустили* весь (весь обыскали), но Христа не поймали; там будут святить воду; там (после Рождества) три святителя святили воду и потеряли крест (нашла хозяйка); трое святых святили его и потеряли крест; на нем стоят попы с дьяками, а девушка белит холсты, умывается и просит отца, других родственников, милого приехать за бельем, приедет только милый; там девушка или хозяйка – адресат колядки – стирала ризы (платки, рубашку)/белила холсты; на нем девушка белила холсты и потеряла их (потеряла перстень), нашел только милый; на *Йордан воді* девушка стирала платок милого и потеряла перстень.

На *Иордани на горе* трое святых святили воду; Бог говорит Богородице, что видел, как на *Ярдани* святили воду и обступили, и утопили ее сына-*ангелика*; на льду на *Йордани* ходило стадо коней; парень повел на него коня, а сам припал лицом ко льду; на Иордане парень поит коня, умывает лицо, а полотенце держат все члены его семьи; на Иордане парень поит коня, *перебирает* коней, к нему вышли три мещанки, он берет себе самую красивую; на Иордане парень поит коня и отправляется в гости; на Иордане парень поит коней, под ним проламывается лед, спасает его не отец, а брат.

На Иордане что-то светит в новой *стайне* – там Иван коня седлает; по Иордану плывет *човен мальований*.

Действия, приписываемые Иордану: он разливает воду; он повернул свое течение вспять (*горі си ўбернуў*)[12] после крещения Христа.

Неоднократно в украинских колядках нам встретилось *море Ярдан*. Название отсылает к Иордану (или даже скорее к крещенской проруби-*иордани*), но устойчиво употребляется также как название моря (во всяком случае, собиратели нередко не ставили запятых в зачинах типа *Ой на мори на Ярдани*, что предполагает соответствующую интонацию). Форма имени: *на Ярдани*. Там купались два ангела, которые взяли на небеса ризы, выстиранные Богородицей.

Еще больше различных мотивов связано в колядках, щедровках и волочёбных песнях с Дунаем. В белорусских текстах (Вит. обл., Мин. обл. и губ., смол.) мы обнаружили следующие варианты имени: *на Дунай*, *Дуная*, *на Дунаї*, *за Дунаем*, *па Дунаечку*, *па Дунаїчку*, *Дунаечкем*, *Дунайчыкам*. Он называется *рекой* и изредка *морем*; стандартные эпитеты: *быстры*, *сіні*, *сінім*, *зялёным*, *глыбокая*. У него есть *дно*, а *Дунай-море глубокое* находится *на краю поля широкого*.

Сюжеты и мотивы, связанные с Дунаем в белорусских песнях: на нем (и на море) лежит *кладка брусаваная, а масточкі ўсё каваныя*; *край Дуная* текла речка; посреди него сидит девушка, рвет цветы, вьет венки, третий пускает в Дунай (далее этот венок подает ей молодец); девушка идет на Дунай и думает там о своей судьбе – дно Дуная (его то видно, то не видно) сравнивается ею с добром, которое было в отцовском доме и которого нет в доме свекрови; девушка идет по его берегу или сидит там, чтобы увидеть отчий дом; на него ветры унесли венок с головы девушки (девушка бежит вдоль берега в погоне за венком); девушка свила венок, пустила на Дунай и заговорила: тот, кто его поймает, тот ее и возьмет замуж; за ним девушка моет посуду и ждет потерянный ею венок; девушки переходили через Дунай по мосткам, одна утонула,

---

[12] Ср. описанный выше мотив поворота вод Иордана вспять в украинской псальме, а также мотив остановки его вод в польских и украинских заговорах.

мать в поисках пришла к Дунаю и думает, как его назвать: то ли Дунайчиком, то ли *ціхім патопнічкам*, то ли зятем, потому что он взял ее дочку (этот сюжет встретился нам и в других календарных песнях); к Дунаю идет стежка (на ней камень, на нем три молодца); жена хозяина пошла на Дунай за водой, а зачерпнула *злата-серебра* (смол.); жена пошла на него за водой, принесла и поставила в светлице на скамью/на престоле (смол.); в Дунае утка потопила своих деток.

Обнаруженные нами упоминания Дуная в русских колядках немногочисленны. Форма имени – *Дунай*, он именуется *речка* (*быстренькая*), это река с тихими глубокими заводями, с крутыми красными бережками. По нему плавают два лебедя и две утки, их увидела из дома жена хозяина и захотела лебедей на обед, а уток на ужин, хозяин едет туда охотиться на птиц, стреляет в них, но не может попасть, возвращается ни с чем, но жена говорит, что может обедать без лебедей и ужинать без уток, а без него и часу быть не может.

Наконец, в украинских текстах (Черн. губ., Буковина, Галичина) Дунай представлен чрезвычайно широко и разнообразно. Зафиксированные формы имени: *Дунай*, *Дуная*, *Дунайа*, *Дунаю*, *на Дунайи*, *в Дунаї*, *Дунаєм*, *Дунайом*, *Дунаём*, *по Дунайі*, *Дунайок*, *на Дунаєц*, *Дунаєць*, *на* (*коло*, *по*) *Дунаечку*, *Дунаєчку*, *в Дунаѐчейку*, *Дунай-Дунаєнькум* (тв. п.), *Дунаи* (pl.). Прежде всего Дунай – это *рика*, но достаточно часто и море[13]. Стандартные эпитеты: *тихий* (*тыхый*), *тихій* (*тыхій*), *тыхому*, *тихому*, *в тихім*, *тихі*, *тихонькôм*, *тихесенькім*; *широкий*; *глибокий* (*глыбокій*); *бистренький*; *чистый*; *волоський*. У него есть край (*крутой* или *тихий берег*, *край*; *в краях*), берега (*берегами*, *березинами*; *на бережечку*), вода (*тихая вода*, *тиха водонька*), в Дунае могут быть проруби (*ополонки*). Он может быть основанием для сравнения: урожай уродится, как тихий Дунай; пшеница должна уродиться, как тихий (широкий) Дунай; хлеба у хозяина будут, как (тихий) Дунай[14]. Он приходит в различные состояния и выполняет определенные функции: течет глубоко; несет сплавной лес (Петр ловит); высыхает (от веяния ветра), зарастает травой; его гонит ветер, на нем плавает венок; подплывает под вишневый сад (где девушка белит холсты); замерз (летом) на св. Петра. О его происхождении сообщается, что он разлился из речки, которая потекла из слезы ангела, девушка пришла за водой и увидела ангела на воде; разливается из слезы Бога, Николая или слезы, вытекшей из клубка св. Николая (или возникает из речек, образовавшихся из слез св. Николая); возник из источника, который образовался из крови из-под ногтей Христа; возникал там, где капала кровь из-под ногтей Христа; разлился из серебра, капающего с ветвей чудесного дерева в поле.

В украинских колядках и близких им песнях с Дунаем связано труднообозримое множество сюжетов и мотивов. Перечислим их, попытавшись сгруппировать по относительному сходству.

---

[13] Дунай-море встречается в рефренах типа: *Дунаю море, Гануню зоре!*; *Дунаю, море, дївонька зоре Марія*, где, видимо, устанавливается соответствие Дунай ~ море, девушка ~ звезда (слова *дївонька*, *зоря* и имя адресата колядки *Марія* входят в общее семантическое поле Рождества), где символ ~ означает мелиоративную метафору. Сочетание *Дунаю, море* изначально является, очевидно, фольклорным клише (типа *калинка-малинка*), но оно фонетически, структурно и отчасти семантически «рифмуется» с *дївонька зоре*, приобретая в итоге оттенок метафоричности.

[14] Ср. упоминавшийся выше типологически близкий оборот *дунай дунаем* (о быстрорастущей, буйной растительности), зафиксированный на р. Урал: *Бахчи дунай-дунаем стоит, от как зеленеется* [СРНГ, 8, *257*].

Богоматерь искупала новорожденного Иисуса Христа в Иордане, запеленала, положила на корабль и пустила *на Дунай*; в Дунае купается Христос; в нем купается Христос (Господь) и спорит с Петром, земля или небо больше.

Под море, под Дунай, ведет дорога; на ней колядники встретили Божью Матерь, которая искала Сына.

На берегу Дуная сидела Матерь Божья (*Пречиста*) и стирала (красила) ризы (которые забрали два ангела и отнесли в церковь); *в краях Дуная* была стирана Богородицей рубашка Христа (матерью рубашка сына); жена хозяина на краю Дуная стирала ризы Богу; рубашка Христа (молодца, хозяина) стирана *в краях Дуная* (*в краю Дунаю* или *в тихім Дунаю*); шуба Господа стирана *в краю Дунаю*; на берегу его хозяйка моет чаши; на камне у Дуная хозяйка белит холсты (*біль*) Богу на ризы, святым на хвалу, она засыпает, а ветры относят холсты на берег Дуная (а затем в Иерусалим); в конце Дуная хозяйка стирала ризы для Господа Бога; на его краю стирана сорочка Господа.

В Дунай обратно прыгнула рыба со стола, когда Христос встал из гроба; ветры бросают на Дунай, под крутой берег паро́м со всеми святыми во главе с Христом, все, кроме Христа, пугаются.

На Дунае в начале света сидел голубок; в начале света голубок махал крыльями и упал в Дунай, вылетел оттуда через три года и вынес три вида семян: пшеницу на просфоры, ладан на кадильницы и воск на свечи.

Старики и молодцы решают сделать золотую лодку, пустить ее на Дунай и делать стрелы: кривые пускать в Дунай, а прямые класть в лодку; молодец в золотой лодке стругает стрелы и пускает в Дунай, они должны плыть к его девушке (по ним его узнает мать); за него парень поедет (поехал) за девушкой; около него ездит гордый пан и вызывает на бой турецкого царя (три войны предлагается разными способами уничтожить, причем третью – загнать в Дунай); по нему плавает корабль, в котором сидит пан; дружинники собираются купить золотые ладьи и пуститься *краєм-Дунаєм* в чужую землю (на синее море, *в золоті брами*); молодцы советуются: закажем у кузнеца медную лодку с золотыми (серебряными) веслами и пустимся вниз по Дунаю под Царьград искать доброго пана (другого пана, который будет хорошо платить; они слышали, что там есть добрый пан); молодцы собираются купить золотую (медную) лодку с серебряными веслами и отправиться *краєм Дунаєм* (*края Дуная за тихий Дунай*, *в край Дуная*) искать другого (доброго) пана; семьсот молодцев заблудились и пришли в чистое поле, решили купить лодку и отправиться *краєм Дунаєм* за добрым паном; *мужей громада* решает сковать золотую лодку с веслами, посадить в нее пана и пустить на Дунай резать стрелы, вязать их в пучки и пускать в Дунай (или сортировать их: прямые класть в лодку/посылать девушке, а кривые пускать в Дунай).

На Дунай (на его край, над крутой берег, *до бів каменя*) свозят урожай с поля (обработанного Христом и святыми); на его край свозят урожай и складывают в большую скирду (стог), на которой сидит сивый сокол (смотрит в Дунай, видит рыбу/говорит с ней); около него (на дереве) сидит сивый сокол, смотрит в него, видит *виз-рибу* (*виза*)[15], говорит с ней (ним); на его берегу стоит тонкое дерево, на котором сидит сокол; в лесу выросла сосна, на ней колыбель с ребенком, сидит сокол и видит Дунай

[15] *Виз* (укр.) – крупная промысловая рыба семейства осетровых [НТСУМ, 1, *288*].

(на котором плывет корабль с панной); сокол на сосне в лесу смотрит на край Дуная, где плывет утка, а на ней золотая пава; на Дунай парень пускает сокола; над ним ходит казак и говорит с орлом; сокол обещает паничу перенести панну за Дунай, когда тот пойдет за нею; на тополе сидят четыре сокола: первый полетел в виноград, второй – на Дунай (возвращаясь, несет серебряный перстень), третий – в чистое поле, четвертый – под небеса; сидящий на яворе сокол говорит рыбе, что из ее косточек сделают лук (или стрелы), из его перьев стрелу и пустят ее над Дунаем к славному пану, который хорошо заплатит; около Дуная ходит пан и хочет застрелить сокола на дереве; сивый сокол на горе смотрит *краєм Дунаєм*, там играют на гуслях, поют колядки; по Дунаю плывет корабль, а в нем девушка, она ждет брата из войска, а тот идет и несет дары (она шьет платки свекру, брату и милому/свекрови, матери и милому); по Дунаю плывет корабль, а в нем милый едет из войска, несет три подарка; по Дунаю плывет корабль, на котором золотой стул, на нем девушка, шьет платки деверю, свекрови и милому (держит три напитка, которые пили три пана, но не заплатили, за что она отобрала у них коня, саблю и шубу); девушка плыла у края Дуная (плыла по Дунаю на корабле/на сосновой лодке), приплыла к берегу, отец, мать, сестра и брат поочередно просят перевезти их через реку (подать руку), но перевозит только милого (иногда милому дает обе руки); девушка тонет в Дунае (плывет или упала, набирая воду), ее все просят подать руку, но она подает ее только милому.

Девушка не знает, как передать милому сшитую для него рубашку: пустила бы *краєм Дунаєм*, но он не будет знать, от кого брать; девушка пускает в Дунай шитье для милого, свитое венком; в траве, которой зарос Дунай, *сивий оленець* с тридесятью (тридевятью) рожками, на последнем из рогов терем, в котором молодец играет на органе (серебряная колыбель, в которой сидит девушка и шьет для свекра, свекрови и милого)/на семидесятом роге оленя свечка, в которой девушка шила рубашки отцу, матери и милому/на десятом роге оленя на золотом стуле сидит хозяйка и смотрит *край Дунайа*, где плывет селезень, на котором золотая пава; на берегу Дуная стоял золотой корабль, на котором девушка шила брату рубашку на свадьбу.

На белом камне у реки золотой стульчик, на нем белая постель, на ней девушка чешет косу и бросает в Дунай, паныч загадывает ей загадки, первая – о том, что Дунай замерз на день св. Петра, она ему отвечает, что на Петра зацветет роза; девушка загадывает пану загадку, что Дунай замерз на день св. Петра – он отвечает, что был там, рубил лед, напоил коня, рвал руту и клал за шапку[16]; девушка держит перевоз на Дунае, паныч (королевич) загадывает ей загадку, что Дунай замерз на день св. Петра, и он там был, гулял на коне и пробивал Дунай (она отвечает загадкой о розе, зацветшей на Рождество); к Дунаю приходят заблудившиеся 700 запорожцев и просят пана – адресата колядки – перевезти их; казаки (волошины) говорят девушке-перевозчице, что Дунай замерзал летом, в нем прорубили прорубь и напоили коня[17].

---

[16] См. ниже об эротической символике эпизода.

[17] Мотив перевоза/переправы, как известно, имеет в фольклоре отчетливую брачную символику (очевидно, в связи с «переходным» характером самого обряда), а прорубание проруби и поение коня – эротическую; на рассказ казака, кстати, девушка отвечает рассказом о расцветании зимой розы – символа Девы.

Турки (турки-татары) согнали молодца с берега на/в Дунай, на сине море, но конь его вынес, молодец ничего не замочил; конь обещает хозяину перенести его через Дунай и не замочить; конь просит не продавать его, говоря, что он может перескочить Дунай; в Дунае утонуло стадо коней, только один не утонул; на тихий Дунай, в чистое поле, на золотые мосты ворон загнал стадо, мосты подломились, стадо утонуло; девушка по просьбе милого выводит ему на Дунай коня.

Девушка пошла на Дунай по воду, ее встретили три рыбака, которые загадали ей три загадки и дарили подарки; девушка пошла на Дунай по воду и упала в Дунай, звала на помощь всех членов семьи, но спас только милый; девушка пошла на Дунай по воду и пустила в воду венок, чтобы его поймал и узнал милый, который будет поить коня; конь пьет из него воду; девушка дает коню молодца из него воды; девушка пустила позолоченный венок в Дунай и предлагает молодцам поплыть за ним; девушка шла за водой (или в церковь) по берегу Дуная, буйные ветры унесли ее павлиний (золотой) венок на тихий Дунай, под крутой берег, на белый камень, она просит трех рыбаков сесть в золотую лодку и привезти венок с Дуная (его поймали три рыбака-ангела, за ними у Дуная гонятся братья девушки), рыбаки просят выкуп (венчают девушку венцом и молодцом)/его поймал молодец и просит выкуп); девушка шла на Дунай по воду, ветры сдули ее венок, три рыбака зовут по очереди членов ее семьи, но нашел венок только милый; девушка шла на Дунай по воду, рыбаки загадали ей три загадки; около Дуная ходила пава, а за ней панна, она собирала перья и плела венок, который пустила в Дунай, и просит рыбаков его поймать.

На берегу Дуная девушка стирала и потеряла перстень, нашел только милый; на его берегу (на песке) девушка сажала садик и поливала его; вблизи берега девушка жала пшеницу; в гаю недалеко от Дуная девушка пасла овец, потеряла их, нашел только милый; девушка плавает по нему на корабле, на берегу – молодец, который загадывает ей загадки; по нему плывет девушка; девушка дает молодцу зеленого вина, а его коню – из Дуная воды; парень едет с гор в Германию *Дунаєм морем*[18]; на нем лодка, в которой сидит молодец (красный корабль, на котором девушка (а на берегу молодец)); на нем плавают корабли, на которых паны и старые люди (они судят-рядят об ухудшении нравов, исчезновении правды и расцвете кривды); на его берегу стоит золотой корабль, в котором панна; через него калиновые (золотые) мосты (на них хозяин встречается с ангелами); через него перевоз, на котором перевозчицей девушка.

Над Дунаем чистое поле; на берегу (*бел*, *белый*) камень; в нем *виз-риба*; его краем плывет *качур* (т. е. селезень), на котором золотая *павка*; с него приплыло райское дерево, пустило корень и зацвело; около его берега стояло тонкое высокое дерево с широкими листьями; над ним растет терн; недалеко от него гай; на нем в чистом поле, на берегу, стоит белая (шелковая) палатка, в ней – золотой столик, гордый пан; по нему плавает селезень (или утка), на котором золотая пава; по нему плавает гоголь; в траве, которой он зарос, *тур оленец* с десятью (тридесятью) рогами, на последнем из рогов терем, в котором молодец; через него перевоз; на нем паром, на котором все святые во главе с Христом; к нему приблудились 700 запорожцев; на нем у дороги стояла ореховая корчма (в ней танцует девушка); на его берегу *хатонька мурованая*, в ней танцы; над его

[18] Слова приходятся на стандартный рефрен, но падеж заставляет предположить, что это и указание на место.

берегом стоит новая (ореховая) светлица; над его берегом стоит светлица, в которой ремесленники ладят уборы хозяйки; в нем (так!) расцвела роза; люди просили у Бога погоды, и в итоге пошли дожди, которые наполнили *Дунаи* (pl.).

Дунай может быть отправной точкой или целью различных перемещений: Подолье турки забрали, за Дунай загнали; девушка обручена за Дунай за ремесленника-золотника; за Дунай парень едет за девушкой. Наконец, он может выступать в качестве персонифицированного действующего лица: девушка просит его передать отцу, другим родственникам и молодому, чтобы приехал забрать отбеленные холсты, – приедет по ее просьбе только милый.

Итак, в разных жанрах традиционного магического фольклора с двумя важнейшими реками восточнославянской традиционной «модели мира» связываются совершенно разные сюжеты, мотивы и соответственно представления. Пересечений практически нет. Но это не означает, что перед нами два Иордана и два Дуная. В конце концов, все эти фольклорные жанры встречались и пересекались в сознании крестьянина, участвуя в формировании единой модели мира традиционной культуры. Но интересно наблюдать, насколько строго выдерживаются жанровые каноны, определенные магической интенцией и функцией текстов. Отсутствие какого бы то ни было смешения, интерференции между песенными и заговорными мотивами можно объяснить только ясным пониманием носителей традиции, когда, что и для чего нужно говорить или петь.

Агеева Р. А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста (на восточнославянском материале) // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. С. 132–159.

Архив лаборатории народного творчества Российской академии музыки им. Гнесиных.

Астахова А. М. Заговорное искусство на реке Пинеге // Крестьянское искусство СССР. Вып. 2. Л., 1928. С. 33–76.

Балашов Д. М. Дунай // Русский фольклор. Т. 16. Л., 1976. С. 95–114.

Бальмонт К. Д. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М., 1994.

Барташэвіч – Замовы / Уклад., сістэм. текстаў, уступ. арт. і камент. Г. А. Барташэвіч. М.,

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Березович Е. Л., *Родионова И. В.* Библейские «локативы» в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 1. Екатеринбург, 1996. С. 21–36.

БНПП – Българска народна поезия и проза: В 7 т. Т. 2. Обредни песни / Съст. и ред. Р. Иванова и Т. И. Живков. София, 1981.

Богогласник, или Собрание набожных песнопений с переложением оных песней на ноты. Издание второе Холмского православного Свято-Богородицкого братства, вновь исправленное и дополненное. Киев, 1885. № 4 (17).

Варбот Ж. Ж. Дунай в русской народноэтимологической реинтерпретации // Folia Slavistica: Рале Михайловне Цейтлин. М., 2000. С. 5–9.

Ви, зорі-зориці…: Українська народна магічна поезія: (Замовляння) / Упоряд. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук. Київ, 1991.

Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. Вып. 1. СПб., 1907 (на обложке 1908).

Гаївки / Зібрав В. Гнатюк // Матеріяли до української етнольоґії. Видає етноґрафічна комісія НТШ. Т. 12. Львів, 1909.

Географический, исторический и археологический справочник // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе с приложениями. 2-е изд. Брюссель, 1983. С. 2473–2497.

Гладких Е. П. Рукописная заговорная традиция на Кубани // Живая старина. 1996. № 4. С. 38–39.

Гринченко – Словарь української мови / Упор. Б. Гринченко. Т. 1–4. Київ, 1996.
Грушевський М. С. Історія української літератури: В 6 т., 9 кн. Т. 4, кн. 2. Київ, 1994.
Ефименко – Сборник малороссийских заклинаний / Сост. П. С. Ефименко // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1, отд. 2. М., 1874.
Зоряна вода. Таємниці поліських знахарів / Упор. В. Ф. Давидюк. Луцьк, 1993.
Иванов В. В., *Топоров В. Н.* Дунай // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 171–173.
Коляды и щедривки // Киевская старина. 1887. Т. 17, № 1. С. 182–188.
Колядки та щедрівки. Зимова поезія трудового року / Упор. О. І. Дей. Київ, 1965.
Кондратьева Т. Н. Собственные имена в русском эпосе. Казань, 1967.
Коробка Н. Колядки и щедровки, записанные в Волынском Полесьи // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 261–296.
Короленко П. П. Черноморские заговоры // Сборник Харьковского историко-филологического общества. 1892. Т. 4. С. 274–282.
Летописи русской литературы и древности / Сост. Н. Тихонравов. Т. 3. М., 1861.; Т. 4. М., 1862; Т. 5. М., 1863.
Майков Л. Н. Великорусские заклинания // Записки Имп. Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869. С. 417–580.
Малорусские народные предания и рассказы. Свод М. Драгоманова. Київ, 1876.
Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской мифологии и истории // Русский Север. Л., 1981. С. 110–171.
Милорадович В. Народная медицина в Лубенском уезде Полтавской губ. // Киевская старина. 1900. Т. 68, кн. 3. С. 373–395.
Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким. Ч. 2. Обрядовые песни. М., 1878; Ч. 3. Разночтения и дополнения. Отделение 2. Обрядовые песни. М., 1878.
Невская и др. – *Невская Л. Г.*, *Николаева Т. М.*, *Седакова И. А.*, *Цивьян Т. В.* Концепт пути в фольклорной модели мира (об Балтии до Балкан) // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М, 1998. С. 442–459.
НЗ – Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / Сост. А. В. Коровашко; Отв. ред. К. Е. Корепова. Нижний Новгород, 1997.
НТСУМ – Новий тлумачний словник української мови / Уклад. В. Яременко, О. Сліпушко. Т. 1. Київ, 2001.
Пенушлиски – Обредни и митолошки песни / Избор и ред. д-р К. Пенушлиски. Скопје, 1968.
Песни, сказки, частушки Саратовского поволжья / Сост. Т. М. Акимова, В. К. Архангельская. Саратов, 1969.
Песні Беласточчыны / Уклад. М. Гайдук. Мінск, 1997.
Петров А. Угорскорусские заговоры и заклинания начала XVIII в. // Живая старина. 1891. Т. 2, вып. 4. С. 122–130.
Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 11–410.
Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903.
Поэзия крестьянских праздников / Вст. ст., сост., подг. текста и примеч. И. И. Земцовского. Л., 1970.
Проценко Б. Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов н/Д., 1998.
Пчилка О. Украинские колядки // Киевская старина. 1903. Кн. 4. С. 132–160.
РЗЗ – Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / Под ред. В. П. Аникина. М., 1998.
РЗК – Русские заговоры Карелии / Сост. Т. С. Курец; Науч. ред. Н. А. Криничная. Петрозаводск, 2000.
Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск, 1891.
Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Сост. М. Забылин: Репринтное воспроизведение издания 1880 г. М., 1990.
Сборник материалов по малорусскому фольклору (Черниг., Волынск., Полтавск. и некот. др. губ.) / Собрал Ал. Н. Малинка. Чернигов, 1902.
Сборник песен буковинского народа / Упор. А. Лоначевский. Київ, 1875. С. (3), 86–314 (отд. отт. из «Записок Юго-Западного отделения ИРГО», т. 2).

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999–… . Т. 1–… .
Словесна магія українців / Упор. В. Фісун. Київ, 1998.
Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: (Опыт указателя сюжетов и версий). М., 1988.
СМЭС – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни. М., 2003.
Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для Имп. Академии Наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.; СПб., 1965–… . Вып. 1–… .
Стоин В. Народни песни от Самоков и Самоковско / Сост. и ред. Е. Стоин. София, 1975.
Толстая С. М. Город Иерусалим, гора Сион и царь Давид // Живая старина. 1997. № 3. С. 31–35.
Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край. Юго-западный отдел: Материалы и исследования / Ред. П. П. Чубинский. Т. 1. СПб., 1872.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1986.
Феоктистова Л. А. Номинативное воплощение абстрактной идеи (на материале русской лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
Франко І. Гуцульські примівки // Етнографічний збірник. Видає етнографічна комісія НТШ / За ред. І. Франка. Т. 5. Львів, 1898. С. 41–72.
Хроленко А. Т. Из наблюдений над природой имени собственного в фольклорном тексте // Лексика русского языка и ее изучение: 60-летию профессора В. Д. Бондалетова посвящается. Рязань, 1988. С. 53–60.
Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992.
Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. СПб., 1900.
Шлюбскі А. Матар’ялы да вывучэньня фольклёру і мовы Віцебшчыны: У 2 т. Т. 1. Мінск, 1927.
ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–… . Вып. 1–… .
Юдин А. В. Калиновый мост // Восточноукраинский лингвистический сборник / Отв. ред. Е. С. Отин. Вып. 3. Донецк, 1997а. С. 59–61.
Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997б.
Bartmiński J. O języku folkloru. Wrocław etc., 1973.
Bartmiński J. Kolęda i jej odmiany gatunkowe // Kolędowanie na Lubelszczyźnie / Pod red. J. Bartmińskiego i Cz. Hernasa. Wrocław, 1986. S. 78–84.
Bartmiński J., *Majer-Baranowska U. Dunaj* w polskim folklorze // Etnolingwistyka. Problemy języka i kultury / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 8. Lublin, 1996. S. 167–184.
Bączkowska G. ‘Korowaj’ // Etnolingwistyka / Pod red. J. Bartmińskiego. T. 1. Lublin, 1988. S. 80–99.
Biegeleisen H. Lecznictwo ludu polskiego. Kraków, 1929.
Krekovičová E. Slovenské koledy // Od Štedrého večera do Troch Král’óv. Slowakische Weihnachtslieder. Slovac Carols. Bratislava, 1992.
Łesiów M. Treść i forma językowa ukraińsko-cerkiewnych pieśni na święto Jordanu // W zwierciadle języka i kultury / Pod red. J. Adamowskiego i St. Niebrzegowskiej. Lublin, 1999. S. 491–499.
Moszyński K. Kultura ludowa słowian. Cz. 2. Kultura duchowa. Z. 2. Kraków, 1939.
Pietkiewicz Cz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materjały etnograficzne. Warszawa, 1938.
Plicka K., *Volf F.* Český rok v pohádkách, písních, hráh a tancích, říkadlech a hádankách. Sv. 4. Zima. Praha, 1960.
SSiSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. J. Bartmiński. T. 1. Kosmos. Z. 2. Lublin, 1999.
Sušil – Moravské národní písně s nápěvy do textu vřadenymi / Sebral a vydal F. Sušil. Druhé vydání. Brno, 1860.
Zowczak M. Mitologia zamawiania i mistyka zamów na podstawie współczesnych materiałów z Wileńszczyzny // Literatura ludowa. 1994. Nr. 4/6. S. 3–33.
Zowczak M. Modlitwa ludowa // Polska sztuka ludowa. Konteksty. 1998. Nr. 1 (240). S. 33–42.

* * *

Алексей Валерьевич Юдин – профессор кафедры славистики и восточноевропейских исследований Гентского университета (Бельгия).

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

И. В. Крюкова, В. И. Супрун

К ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ДОНСКОЙ ГИДРОНИМИИ[1]

From the generic point of view the names of rivers and lakes in the Don area can be subdivided onto etymologically transparent names and words of unknown origin. Turkic and Slavic names dominate. Other languages are represented in fewer hydronyms (Kalmuck, Iranian) or regarded as questionable (Finno-Ugric). The derivatives from the names of trees (Olhovka, Dubovka, Beryozovaya) are considered to be undoubtedly Russian, but one cannot rule out the possibility of copying the previously present Turkic or earlier names. We classify such hydronyms as Aksay, Yelan', Kumylga, Buzuluk under unquestionably Turkic ones.

The last discoveries of Volgograd archeologists allow us to enlarge our knowledge of the history of the hydronym Don up to the period of Indo-European Language Community, formed in the steppes of the south of Russia.

Названия рек и озер имеют большую ценность для изучения истории языка и прошлого народа. Это наиболее устойчивые знаки языка, которые почти не подвержены изменениям, часто сохраняются в одном и том же виде веками и даже тысячелетиями. Как определяет Е. Л. Березович, река является организатором пространственных связей региона, с ней связана объективированная система ориентации, заданная естественной ориентированностью самого объекта [см.: Березович, 1999, *23*].

С точки зрения происхождения гидронимы Обдонья (на Дону обычно употребляется такое наименование территории вдоль реки) подразделяются на этимологически прозрачные имена и слова неясного происхождения. При этом следует учитывать, что этимологическая прозрачность названий рек достаточно условна. Поиски в старинных документах первых форм фиксации гидронимов, углубленный лингвистический анализ названий могут опровергнуть кажущуюся понятной этимологию слова, позволят

[1] Попытка комплексного этимологического анализа этого материала уже была предпринята авторами ранее [см.: Крюкова, Супрун, 2002]; в настоящей статье некоторые положения уточнены, предложены новые этимологические решения.

© И. В. Крюкова, В. И. Супрун, 2004

обнаружить древнюю мотивировку неясных ныне слов. Как справедливо отмечает А. И. Ященко, ложная этимология может жить века, оставаясь чуть ли не единственной, пока не установлена настоящая [см.: Ященко, 1968, *257*].

При постоянно сменяющемся национальном составе населения в изучаемом регионе гидронимы могли изменяться до неузнаваемости, регулярно происходило калькирование (перевод) названий с одного языка на другой. Так, вполне возможно, что некоторые *Песчанки* и *Песковатки* являются кальками тюркского гидронима *Кумылга*. Порой такие преобразования касались не всего имени, а только его части, в результате чего в настоящее время существуют гидронимы, в которых часть названия поддается этимологической расшифровке, а вторая вызывает затруднения при истолковании.

Если установлено, например, что в славянской гидронимии весьма редки бессуффиксальные наименования, то следует задуматься об истории речных имен *Медведица*, *Рысь*, *Лось* и др., не вписывающихся в типичную картину. Эту мысль еще в 1958 г. высказал В. А. Никонов, у которого на IV Международном съезде славистов возник «жаркий спор» по поводу этимологии гидронима *Коза* с М. Фасмером [см.: Никонов, 1962, *21*]. Со свойственным ему запалом известный русский ономатолог говорил о невозможности происхождения бессуфиксальных названий рек типа *Баран*, *Сосна* от славянских основ: «Только глухой к языку не слышит этого решающего различия. А при такой глухоте нечего делать в топонимике» [Там же, *33*].

Другой пример: поскольку в системе русской гидронимии необычно название *Голубая*, можно предположить, что это слово возникло в предшествующих языках, а потом было либо калькировано, либо приспособлено по звучанию.

Следует учитывать данные диалектологии. Так, название *Вязовка* в нашем регионе предпочтительнее относить к образованиям от глагола *вязнуть*, чем к гидронимам с флористической основой, поскольку в местных диалектах дерево вяз обычно называется *карагач*, *караич* и пр. (подробнее см. далее).

З. В. Рубцова отмечала, что донской гидронимии свойственна тюркско-славянская чересполосица [см.: Рубцова, 1977, *217*]. Другие языки представлены незначительно (калмыцкий, иранские) или лишь предположительно (финно-угорские). Бесспорно русскими являются гидронимы, образованные от названий деревьев (*Ольховка*, *Дубовка*, *Берёзовая*), но здесь нельзя исключить калькирования некоторых из них с предшествующих тюркских или еще более ранних. К бесспорно тюркским относятся названия *Аксай*, *Елань*, *Кумылга*, *Бузулук*.

Изучение топонимии Волгоградской области, в том числе и Обдонья, было начато доцентом Волгоградского государственного педагогического института (ныне университета) И. Г. Долгачевым. Его книга «Язык земли родного края», выдержавшая в 80-е гг. два издания, в увлекательной форме повествует о происхождении местных географических названий [см.: Долгачев, 1985; 1989]. При анализе гидронимов, прежде всего этимологическом, большое значение имеют исследования в области имен собственных В. Ф. Барашкова, Э. М. Мурзаева и других отечественных и зарубежных авторов.

Рассмотрим подробнее происхождение некоторых гидронимов. Естественно начать анализ с наименования главной реки региона, вокруг которой строится вся экономическая и социокультурная жизнь, к которой тяготеет вся топонимическая система, по которой местные жители названы *донцами*, *донскими казаками*.

Дон стал одной из первых русских рек, известных уже древним грекам и римлянам. Его название *Танаис* (Τάναις) упоминается в V в. до н. э. в трудах отца истории

Геродота, а на рубеже эр о нем пишет Страбон в своей «Географии» [см.: Фасмер, 1, *528*]. На средневековых картах это название сохраняется до XVII в. (иногда в форме *Τάναι*, *Tanai*). А. И. Соболевский определяет первичное значение этого гидронима как «река-овца» [см.: Соболевский, 1926, *10*], «овечья река» [см.: Соболевский, 1924]. З. В. Суганова находит продолжение этого гидронима в тюркской кальке *Койсуг* < *koj*/*kojун* ‘овца’ + *суг*/*су* ‘река’ [см.: Суганова, 1966, *144*]. З. В. Рубцова относит это название к числу архаичных номенклатурных типов тюркского происхождения [см.: Рубцова, 1967, *13*].

Вряд ли справедливо предположение польского ученого Т. Лер-Сплавинского о фракийском происхождении наименования реки: племена фракийцев обитали в древности на северо-востоке Балканского полуострова и северо-западе Малой Азии, что достаточно далеко от Дона [см.: Нерознак, 1990, *561*].

В 1595 г. на Новой карте всей Европы И. Гондиуса указано, что русские называют Танаис *святым Доном* («sanctum Donum vocant») [см.: Библиотека, 1836, *28*]. В последующем это название широко используется в европейской картографии. На карте Гесселя Герарда, изданной в Амстердаме в 1614 г., указывается: «Tanais nunc Don flu<vius> terminus inter Europam et Asiam» [см.: Tabula, 1889].

Этимология гидронима была установлена достаточно рано. Уже А. Х. Востоков в 1812 г. указывает на связь названия Дона с другими речными именами, содержащими звукосочетание *дн-* [см.: Никонов, 1966, *127*]. Практически все специалисты относят этот гидроним к иранским языкам и связывают с осетинским словом *дон* ‘вода’ [см.: Thomas, 1886, *30*; Маштаков, 1939, *447*], с названиями рек *Ардон*, *Садон*, *Гизельдон*, *Доном* в современной Осетии [см.: Egli, 1872, *154*; 1970, *154*]. В ряде работ приводится сопоставление с гидронимами *Днепр*, *Днестр*, *Дунай*; тем самым название *Дон* выводится не только из аланского языка (предшественника осетинского), но и из более древнего периода развития иранских языков – сарматского и скифского. По свидетельству историков, потомки ираноязычных скифских народов когда-то обитали в междуречье Волги и Дона, но потом переселились на Северный Кавказ.

Недавнее открытие волгоградскими археологами во главе с проф. А. С. Скрипкиным в малой излучине Дона у станицы Трехостровской величественного святилища огнепоклонников [см.: Скрипкин и др., 1998], относимого к периоду поздней бронзы (XIV–XIII вв. до н. э.), позволяет углубить историю гидронима до периода индоиранской языковой общности, сложившейся в южнорусских степях [см.: Хелимский, 1990, *189*]. К этому времени, вероятно, следует отнести и первое зафиксированное название Волги *Ра*, которое можно соотнести с санскр. *ramh* ‘течь’, *raya* ‘поток’, *rasa* ‘жидкость, влага’ и др. [см.: Кочергина, 1987, *534*, *539*, *540*]. Оно впервые упомянуто в «Географии» александрийского ученого Клавдия Птолемея (II в. до н. э.) [см. об этом: Ковалевский, 1953, *33*]. На изданной в Базеле в 1550 г. карте С. Мюнстера отмечено: «Rha fluv[ius], secundum Ptolemaemum, secundum Rhuthenos vero Volga & secundum Tartaros Edel» [Кордт, 1899, 1, *X*].

Скорее всего, название *Дон* было дано в низовьях, а в верховьях, занятых славянами, у реки было иное имя, впоследствии позабытое. В говорах донских казаков название главной реки сопровождается эпитетом *тихий*. Благодаря роману М. А. Шолохова словосочетание *Тихий Дон* стало известно всему миру. Между тем течение реки вряд ли можно охарактеризовать как спокойное: вода бежит быстро, основательно сносит пловца или лодку, постоянно подмывает берег.

Возможно, этот эпитет отражает прежнее славянское название реки. После того, как восточные славяне спустились по Дону и вступили в контакт с ясами (аланами), они заимствовали у них сохранившийся с индоиранских времен гидроним, а свое старое наименование стали использовать в качестве эпитета, а также как название донских притоков: одна *Тишанка*, имеющая приток *Сухую Тишанку*, впадает в Дон в Иловлинском районе, другая является притоком Иловли и протекает через одноименное село. Этот гидроним широко распространен в разных регионах России. Многие маленькие пересыхающие речки с медленным, спокойным течением носят такое наименование. В верховьях Дон спокойно протекает среди невысоких отрогов Среднерусской возвышенности.

Е. С. Отин считает, что первоначально словосочетание *Тихий Дон* прилагалось к среднему участку реки, мелководному и малопригодному для судоходства, который назывался также *Мёртвым Доном* [см.: Отин, 1999, *230*].

В фольклорных текстах Дон именуется *Ивановичем (Иванычем)* и *батюшкой*. Последнее дополнение возникло, вероятно, в результате сопоставления с *Волгой-матушкой*, а первое образовано от гидронима *Иван-озеро*, из которого в прошлом река имела исток. Формула уважительного именования реки по отчеству восходит к традициям олицетворения водной магистрали, обращения к ней как к кормилице и поилице (ср. *Днепр Словутич*/*Славутич*).

Многие из притоков Дона имеют названия, уходящие своими корнями в давние времена, отражающие контакты между разными народами, живущими на их берегах. К числу таких гидронимов относится *Хопёр*. А. И. Соболевский считает, что это слово также иранского происхождения, он возводит его к корням *hu* ‘хорошо’ и *pərənа* ‘полный’ [см.: Фасмер, 4, *261*]. М. Фасмер этимологию этого слова выводит из рус. *хопить* ‘хватать, тащить, влечь’ [Там же]. Писатель-краевед Б. Лащилин связывает название реки со словом *хопер* ‘притон диких гусей’, приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Он отмечает, что по реке действительно проходит один из маршрутов весеннего и осеннего перелетов диких гусей и уток [см.: Лащилин, 1968, *171*].

Е. С. Отин предлагает иное объяснение: современная форма *Хопёр* своим происхождением обязана перестановке звуков (метатезе) в варианте *Похорь* (от корня *-пьх-* ‘толкать, быстро течь’) [см.: Отин, 1973, *144–146*]. Это название мы находим в «Хождении Пимена в Царьград в 1389 году», где повествуется, как во время своей поездки митрополит и его спутники миновали левые притоки Дона «и Бетюк-реку и Похорь-реку». Указание на данный вариант имеется также в одном из «Донских дел» 1646 г. Точку зрения Е. С. Отина разделяют некоторые ученые [см., например: Долгачев, 1989, *27*]. Нельзя, однако, исключить обратного: метатеза произошла в самих этих записях, и при фиксации гидронима вместо исконного *Хопёр* появилось *Похорь*.

Неоднозначно решается вопрос и о происхождении названий небольших рек в бассейне Дона. Один из левых притоков Иловли именуется *Бердия*. Названия, образованные от корня **bьrd-*, широко распространены в зоне расселения славянских народов. Ф. Безлай отмечает 50 топонимов с этим корнем в Словении [см.: Bezlaj, 1956, *81*]. О возникновении слова *бердо* ‘возвышенность’ путем развития семантики существительного *бердо* ‘деталь ткацкого станка’ упоминает вслед за Шютцем О. Н. Трубачев [см.: Фасмер, 1, *152*]. На Украине есть река *Берда*, на которой стоит город *Бердянск*, этот же корень имеют топонимы *Бердичев*, *Берды*, очевидно, образованные от *бердо*

‘пропасть, обрыв’ [см.: Долгачев, 1989, *35*]. В названии украинской реки предполагают первичным значение «текущая среди обрывистых берегов» [см.: Янко, 1973, *20*].

Берега донской Бердии вряд ли можно назвать обрывистыми, поэтому можно предположить перенос названия. Впрочем, возможна контаминация славянского и иноязычного корней, поскольку финаль *-ия* не находит убедительного объяснения на славянском материале. Предположения И. Г. Долгачева [см.: Долгачев, 1989, *38*] и других исследователей о тюркском происхождении гидронима не подтверждаются языковыми данными.

Древние корни этимологи усматривают и в наименованиях, которые на первый взгляд кажутся понятными. Один из левых притоков Чира носит название *Добрая*. Гидронимы и топонимы, образованные от **dobr-* ‘очень хороший, отличный’, широко распространены на всей территории России, Украины и Белоруссии (*Добринка*, *Добровка*, *Добрянка*, *Добрятино* и пр.). Есть *Добринка* и в бассейне Дона – это левый приток Медведицы. Аналогичные названия встречаются и в других славянских регионах, например, река в Польше *Dobryca* [см.: Hrabec, 1959, *57*].

Обратим, однако, внимание на то, что все эти названия имеют суффиксы. Ф. Безлай обнаружил в Словении речку с названием *Добра*, первая фиксация этого гидронима относится к 1213 г., однако он полагает, что здесь имеет место народная этимология более древнего названия *dъbrь*, которое первоначально обозначало ‘овраг, лощина, промоина’ [см.: Bezlaj, 1956, *137*; ср.: Фасмер, 1, *490*]. Вероятно, и в нашем случае произошло какое-то переосмысление древнего названия (возможен перенос гидронима с другой территории), а также могли быть осуществлены перевод или приспособление дославянского наименования. Согласно народной этимологии, речка получила такое наименование, потому что была «доброй», богатой рыбой, протекала сквозь леса и луга, в которых водилось много дичи; по другой версии название было дано из-за «доброго, спокойного нрава» [см.: Долгачев, 1989].

Левый приток Хопра *Едовля* имеет название славянского происхождения: по мнению местных жителей, оно образовано от слова *еда*, поскольку в прошлом река была богата рыбой [Там же, *34*]. Местные жители называют речку *Ядовля* и связывают этот гидроним с диалектным *яда*. Однако во многих источниках наименование реки дается в форме *Ендовля* [см.: Маштаков, 1934, *18*; Справочник по водным ресурсам, 1936, *186*]. В этом случае уместнее предположить, что название того же происхождения, что и у находящихся поблизости озер *Ендово*, т. е. «речка, распадающаяся на озерца, ямки» (ср. *ендова* ‘котловина, небольшое округлое и крутоберегое озерко или ямина, провал’ [Даль, 1, *519*], при этом географический термин связан по происхождению со словом *ендова* ‘сосуд для питья’ [Фасмер, 2, *19–20*]).

К русским по происхождению относятся гидронимы, отражающие типичную растительность на берегах рек. Шесть рек в бассейне Дона на территории Волгоградской области именуются *Березовая*: левый приток Медведицы, левый приток Терсы, приток Иловли, левый приток Хопра, левый приток Крепкой, приток Царицы. Некоторые из этих рек и балок называются также *Березовка*, что находит отражение и на картах.

В ономастической литературе существует этимологическая версия, что гидронимы *Березовая*, *Березовка*, *Березайка*, *Березина* восходили изначально к балто-славянскому *бързь* ‘быстрый поток’ и лишь впоследствии стали восприниматься как мотивированные словом *берёза* [см.: Мурзаев, 1995, *19*], но она может быть справедливой по отношению к древним гидронимам, находящимся в местах возникновения и формирования

славянских племен, тогда как указанные притоки находятся на территории позднего заселения русскими.

Это наименование нередко входит в систему ботанических гидронимов, группирующихся вокруг одной реки (например, притоками Царицы являются также *Вязовая*, *Дубовая*, *Липовая*). Отметим, что название *Дубовая* в бассейне Дона на территории области встретилось шесть раз: помимо указанного левого притока Царицы, так называется также правый приток Арчеды, правый приток Чира, правый приток Щелкана, правый приток Мышковы и правый приток Дона у хут. Кумовки (Кумовского) Суровикинского района.

Правый приток Медведицы в Даниловском районе носит наименование *Лубянка*, которое, возможно, того же происхождения, что и название известной московской улицы, возникшей на месте одноименного урочища. По мнению московских краеведов, в этом наименовании отразилось переселение в Москву новгородцев в XV в. (они перенесли с собой несколько видоизмененное название улицы *Лубяницы*) или псковичей в начале XVI в. (в их диалекте слово *лубок* означает ‘лукошко’) [Имена московских улиц, *241*]. Название донского притока может указывать, что на реке росли деревья, с которых драли *луб*, *лубок* ‘кусок коры некоторых лиственных деревьев вместе с волокнистой внутренней частью’ [Ожегов, *333*], идущий «на кровли (под тес), на мочала, а с молодых лип на лыко» [Даль, 2, *270*]. В. И. Даль отмечает, что это слово в разных русских диалектах обозначало также шалаш, балаган из луба (нижней части коры), лоток, желоб из него же, берестовую табакерку и др. [Там же].

Близкое значение имеет название левого притока Медведицы *Лычака*, которое, возможно, связано с *лыко*. В словаре В. И. Даля отмечены лексемы *лычаки* ‘лыковые, мочальные лапти’ и *лычага* ‘веревка, свитая из лыка, мочала’ [Там же, *276*]. Многие местные жители подтверждают, что здесь «промышляли лыком»: драли кору деревьев, вымачивали ее в реке и получали готовое сырье – «лыки», которое шло на мочалы, рогожи, кули, веревки [см.: Долгачев, 1989, *33*].

Большинство исследователей (И. Г. Долгачев, Б. Лащилин и др.) связывают название Вязовки, левого притока Терсы, с вязами. Однако вязы по берегам Вязовки никогда не росли. Кроме того, в Еланском районе эту породу деревьев называют *караушником*. Название реки скорее всего происходит от *вязнуть*, *вязь* ‘болото, топкое место’. Мелкие родники по берегам реки действительно образуют топкие места, что затрудняет подход к воде. Реки с аналогичным или сходным названием (*Вязноватовка*, *Вязунка*, *Вяземка*, *Вязинка* и т. п.) широко распространены в России (в Астраханской, Саратовской, Тамбовской и других областях) и на Украине. Подобное значение имеют и другие топонимы и гидронимы нашей области (*Вязенка*, *Вяжное*, *Завязка*).

О забытых традициях и обычаях народов, обитавших на Дону и его притоках, напоминают некоторые гидронимы тюркоязычного происхождения. Их достаточно много, каждый имеет свою историю и последующую судьбу в русском языке. Левый приток Терсы носит название *Елань*. М. Н. Морозова возводит гидроним к тюркскому *elan* ‘угорь, вьюн’, полагая, что река названа по виду рыбы ([см.: Морозова, 1965, *200*]; ср. турецкое *yilan baligi* [Щербинин, 1989, *165*]). Угорь в Елани не водится, а вьюн не относится к промысловым, поэтому вряд ли его название могло стать основой гидронима.

По свидетельству В. И Даля, слова *алань*, *елань*, *ялань* обозначают ‘ровное, потное, но не поемное травное место’ [Даль, 1, *10*]. В тюркских языках употребляется

многозначное слово *алан* со вторичным начальным *й-/ж-* ‘ровная, открытая и обширная местность’, ‘поле, долина, равнина’, ‘горизонт’, ‘высоты по берегам рек с извилистым течением’ и др. [см.: Севортян, 1974, *134–135*]. Отметим, что территория между Доном, верхней Окой и левыми притоками Днепра и Десны именовалась русскими *Диким полем* [БЭС, *357*], что может быть связано с указанным тюркским топографическим термином.

Обычно гидроним *Аксай* связывают по происхождению с тюркским *аксу* ‘белая вода’ [см.: Брыкалин, 1995, *53*], однако функционирование на некоторых территориях проживания народов тюркской языковой группы гидронима *Аксу* по соседству с *Аксай* заставляет усомниться в достоверности этой этимологии. Именно своеобразное противопоставление двух названий позволяет высказать предположение, что элемент *-сай* в названии реки восходит к тюркскому (среднеазиатскому) *сай* ‘овраг, сухое русло, временная река, пересыхающий водоток’ [см.: Мурзаев, 1974, *103*, *111*, *213*]. Следовательно, название *Аксай* было дано реке в пересыхающих верховьях, а затем распространилось на все течение.

Можно также соотнести второй элемент гидронима с употребляющимся в языках огузо-сельджукской подгруппы (турецком, азербайджанском) словом *чай* ‘небольшая река’ [Щербинин, 1989, *500*]. В ногайском языке звук *ч* отсутствует [см.: Баскаков, 1966, *282*], слово произносилось *сай,* как и в ряде среднеазиатских тюркских языков. В этом случае название главной реки (т. е. Дона) противопоставлялось притокам, побочным речкам.

Что касается первого элемента в гидрониме, то существует обширная литература о значении элемента *ак-* в тюркских гидронимах. Г. Н. Конкашпаев считает, что эти названия характерны для рек с мутной водой, имеющих сильное размывающее течение, тогда как реки с наименованием *Карасу* имеют либо слабое течение, либо вовсе не имеют его, питаются грунтовыми водами, вода в них прозрачна [см.: Конкашпаев, 1969, *75*, *77*]. Е. Койчубаев полагает, что компонент *ак-* свидетельствует об обилии воды в реке, а *кара-* происходит от монг. *хара* ‘простой, обыкновенный’ [см.: Койчубаев, 1965, *184*, *186*]. А. Н. Кононов выдвигает предположение, что *аксу* в древних тюркских языках обозначает ‘текущая вода’ в отличие от *карасу* ‘земляная вода, т. е. вытекающая из родника’ [цит. по: Мурзаев, 1974, *225*]. Как бы там ни было, в начальном элементе гидронима *Аксай* мы имеем дополнительную характеристику, отличающую это название от других названий рек, прежде всего с тюркским словом *кара* или с калькированным наименованием *Черная*. *Аксай*, вероятно, обозначает «побочная (неглавная) степная речка с мутной, белесой водой».

На территории области две соседние реки носят наименование *Аксай* (есть еще третья, расположенная южнее, в Ростовской области). Для их различения употребляются уточняющие прилагательные, образованные от топонимов. У первого гидронима в название дополнительно входит определение *Есауловский*, образованное от наименования станицы, находившейся неподалеку от устья реки. Топоним указывает, что в этом населенном пункте проживает казачий чин, «первый после атамана». Слово *есаул* заимствовано из чагат., тур. *jasaul* ‘распорядитель, исполнитель повелений’ [Фасмер, 2, *27–28*].

Второй донской приток поименован *Курмоярским Аксаем*. Уточняющее определение образовано от названий станиц *Верхнекурмоярская* и *Нижнекурмоярская*, находившихся ранее рядом с местом впадения реки в Дон. Впервые эти топонимы

фиксируются в походном журнале 1-го Азовского похода Петра I (1695) в формах *Курман Яр*, *Нижний Курман Яр* [Походный журнал, 1910, *19*].

Эти наименования восходят к тюркским корням. Первую часть топонима можно связать со словами *курман*, *курманлык* ‘жертва, жертвоприношение’ (ср., например, карачаево-балкарское *къурман*, *къурманлыкъ* [КБРС, *424–425*]). Слово *яр* в XVII в. было заимствовано русским языком из тюркских, ср. тур. *yar* ‘пропасть’, ‘бездна’, ‘круча’, кирг. *жар* ‘обрыв, крутой берег’ и др. [Черных, 2, *471*]; в русском языке стало широко употребляться как топонимический термин (*Красный Яр*, *Черный Яр*, *Капустин Яр* и мн. др.).

Таким образом, в районе протекания Аксая Курмоярского существовала местность, названная тюрками *Курман Яр* – «овраг жертвоприношений; круча, где осуществляются жертвоприношения». Русские, придя на эту территорию, заимствовали топоним, причем вторая часть (*яр*) была им уже известна. От названия оврага, крутого берега получили свое наименование две казачьи станицы. С течением времени словосочетание *Курман Яр* преобразовалось в русских топонимах в *Курмояр(ская)*. Для разграничения протекающей здесь реки *Аксай* и других одноименных топообъектов было использовано уточняющее определение *Курмоярский*, которое может стоять перед исходным гидронимом или после него.

Вероятно, тюркского происхождения гидроним *Арчеда*/*Арчада*, левый приток Медведицы, упоминающийся еще в Книге Большому чертежу (1627): «А ниже Кармыши пала в Медведицу река Арчеда, протоку Арчеды 130 верст...» [КБЧ, *85*]. По предположению Б. Лащилина, это название связано с именем татарского князя Арчака, однако названия рек, образованные от личных имен, – редкое явление в гидронимии. В. И. Даль объясняет слово *арчак* как ‘деревянный остов седла’ и отмечает, что казаки были искусными *арчажниками* [Даль, 1, *25–26*]. Но здесь возникают определенные фонетические и словообразовательные трудности, не позволяющие принять такую этимологию. Более вероятно, что название реки соотносится с употребляющимся в тюркских и монгольских языках словом *арча* ‘можжевельник, сосна, тальник’ [Севортян, 1974, *182–183*], т. е. в этом случае мы имеем сохранившееся без перевода название типа *Сосновки* или *Таловки*.

Нет однозначной этимологической интерпретации у названия *Бузулук* (приток Хопра). Гидроним упоминается в документах 60–70-х гг. XVII в.: например, в документах атамана Ф. Севастьянова, которые хранились в Посольском приказе. Обычно считается, что это тюркское название, означающее «телячий». Б. А. Моисеев отмечает, что до XVI в. тюрки не занимались скотоводством, поэтому в их языке слово *бузау* обозначало детенышей не только коров, но и оленей, поэтому гидроним имел, видимо, значение «река оленят» [см.: Моисеев, 1971, *182*]. На гербе города Бузулук Оренбургской области, где протекает река с таким же названием, изображен олень.

Другая этимология связывает гидроним с общетюркским словом *бозау* ‘околица, окраина’. Б. Лащилин свидетельствует: «Когда-то в прошлом река в своем верхнем течении была пределом кочевья татар, далее которого они не решались продвигаться на запад, отсюда и название» [Лащилин, 1968, *170*]. А у Э. и В. Мурзаевых в «Словаре местных географических терминов» приводятся слова *боз*, *буз* ‘лед’, *бозлык* ‘ледник’, что заставляет предположить исходное значение названия *Бузулук* «ледяная, холодная вода» [Мурзаевы, 1959, *43*].

Сходное звучание, но иную этимологию имеет левый приток Медведицы – *Бурлук*. Это название отмечается в писцовых книгах с 1622 г. Река *Большой Бурлук* есть около Харькова [см.: Минх, 1898, *103*]. Тюрколог Ф. Е. Корш связывал гидроним со словом *burlug* ‘воровство’, но приводящий эту этимологию в своем словаре А. Н. Минх сомневался в ней и высказывал предположение, что название образовано от тюркского слова *бур* ‘мел’, поскольку река протекает по меловым отложениям. Не исключено также, что гидроним образован от тюрк. *bur-* ‘сверлить’ (отраженного, возможно, в рус. *бурав* [Фасмер, 1, *242–243*]).

О сложных процессах взаимодействия разных языков в гидронимии Обдонья свидетельствуют такие красивые, но не вписывающиеся в систему наименования, как, например, *Голубая*. Этот правый приток Дона упоминается в Книге Большому чертежу: «А ниже речки Паншиной, с правой стороны Дону, 50 верст, пали в Дон 2 речки, обе Голубые, протоку тех речек 50 верст» [КБЧ, *85*]. Гидроним фиксируется на картах И. Массы 1633 и 1663 гг. (как левый приток) [Кордт, 1899, *XX*, *XXIX*; 1910, *XLIV*].

На первый взгляд название указывает на особенности цвета воды, но для славян это не очень типично, хотя такой же гидроним встречается в бассейне Днепра [см.: Топоров, Трубачев, 1969, *140*, *145*; Яшкін, 1971, *128*]. Наименования с подобной семантикой характерны для восточных стран: речка Алатау *Кук-Су*, озеро *Куку-Ноор*, река в Пенджабе *Нилаб*, озеро в Гималаях *Нилнаг* содержат в первой части гидронима слово со значением ‘голубой’. Е. Койчубаев определяет значение тюрк. *кӧк-* как ‘небесный’ [см.: Койчубаев, 1965, *187*]. Возможно, русское название является неточным переводом предшествующего тюркского гидронима. В этом случае элемент *кӧк-* мог обозначать не только ‘голубой’, но и ‘зеленый’. В. Н. Попова полагает, что в данном случае речь идет о травянистой реке [см.: Попова, 1997, *47*].

Когда-то по берегам рек Южного Обдонья кочевали калмыки, доходя временами до Даниловки (об этом вспоминает уроженец этой слободы, писатель XIX в. Д. Л. Мордовцев) и даже до Поворина, если считать, что приток Калмычок назван по народу, побывавшему на нем. Но постепенно калмыцкие названия были забыты, заменены русскими или тюркскими (скорее всего тюркские гидронимы предшествовали калмыцким, а затем были восстановлены).

На карте Астраханской губернии упоминается дополнительное название Донской Царицы *Бургуджа*. Этот же гидроним в форме *Бургуста* упоминается также в очерке Н. Барбота-де-Марни [см.: Барбот-де-Марни, 1862, *27*]. Происходит он из калмыцкого языка, ср.: *буриудх* ‘буравить, сверлить, бурить’, *буриисна* ‘верба’ [КРС, *120*]. Предпочтительнее вторая версия, так как она более достоверна с деривационной точки зрения. Укажем, что академик П. С. Паллас упоминает о речке Бургун-Шира в бассейне Сарпы (Сарпинских озер) и переводит ее название с калмыцкого как «ивовая долина» [см.: Паллас, 1788, *191*]. Названия с финалью *-хта*/*-ста* имеют и другие гидронимы калмыцкого происхождения: *Булухта* ‘родниковая’ [см.: Очир-Гаряев, 1983, *19*], *Ласта* ‘тополевая’ [см.: Борисенко, 1983, *38*; ср.: Паллас, 1788, *191*] и др.

Барбот-де-Марни Н. Геолого-орографический очерк Калмыцкой степи и прилежащих к ней земель (с геологическою картою) // Записки Имп. Рус. геогр. об-ва. Кн. 3, отд. 2. СПб., 1862. С. 1–128.

Баскаков Н. А. Ногайский язык // Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 280–300.
Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
Библиотека иностранных писателей о России. Отд. 1-е. Т. 1. СПб.: Тип. III отдел. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1836.
Борисенко И. В. Топонимика Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 35–51.
Брыкалин В. Е. Топонимический словарь Котельниковского района // Ономастика Поволжья: Материалы VII конференции поволжских ономатологов. Волгоград, 1995. С. 52–53.
БЭС – Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.; СПб., 2000.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978.
Долгачев И. Г. Язык земли родного края. Волгоград, 1985.
Долгачев И. Г. Язык земли родного края. Волгоград, 1989.
Имена московских улиц / Под общ. ред. А. М. Пегова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975.
КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
КБЧ – Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.
Ковалевский С. А. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия // Изв. Всесоюзн. геогр. об-ва. Вып. 1. М., 1953. С. 31–48.
Койчубаев Е. Нецветовая сущность топонимических компонентов *ак-*, *кара-*, *кӧк-*, *сары-* // Всесоюзн. конф. по топонимике СССР: Тез. докл. и сообщ. Л., 1965. С. 184–187.
Конкашпаев Г. К. Цветовые слова в тюркских топонимах // Географические науки. Алма-Ата, 1969. С. 72–83.
Кордт В. Материалы по истории русской картографии. Вып 1. Киев, 1899; Вып. 2. Киев, 1910.
Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1987.
КРС – Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б. Д. Муниева. М., 1977.
Крюкова И. В., *Супрун В. И.* Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград, 2002.
Лащилин Б. На родных просторах. Волгоград, 1968.
Маштаков П. Л. Список рек Донского бассейна. Л., 1934.
Маштаков П. Л. Топонимика – «язык земли» // Изв. Гос. геогр. об-ва. Т. 71, №3. М.; Л., 1939. С. 446–447.
Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 1. Литеры *А–Г.* Южные уезды: Камышинский и Царицынский. Саратов, 1898.
Моисеев Б. А. Тюркские названия Оренбургской области // Питания гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 177–182.
Морозова М. Н. Гидронимия Тамбовской области // Питания ономастики: Матеріали II Респ. наради з питань ономастики. Київ, 1965. С. 198–204.
Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
Мурзаев Э. М. Топонимика и география. М., 1995.
Мурзаевы Э. и *В.* Словарь местных географических терминов. М., 1959.
Нерознак В. П. Фракийский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред В.Н. Ярцева. М., 1990.
Никонов В. А. Славянский топонимический тип // Вопросы географии. Сб. 58. Географические названия. М., 1962. С. 17–33.
Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. 32-е. изд., стер. М., 1990.
Отин Е. С. Хопёр // Русская речь. 1973. №1. С. 144–146.
Отин Е. С. Избр. тр. по языкознанию. Т. 2. Донецк, 1999.
Очир-Гаряев В. Э. Термины гидрографии и их топонимизация в монгольских языках // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 3–34.
Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, пол. 2, 1772 и 1773 гг. / Перевел В. Зуев. СПб., 1788.
Попова В. Н. Структурно-семантическая природа топонимов Казахстана (сравнительно-историческое исследование): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Алматы, 1997.
Походный журнал 1695 года. 2-е изд. СПб., 1910.

Рубцова З. В. Географические термины Подонья в их отношении к донской топонимии // Топонимика: Материалы Моск. филиала Геогр. об-ва СССР. Вып. 2. М., 1967. С. 12–14.
Рубцова З. В. Из истории донской топонимии // Историческая ономастика. М., 1977. С. 217–250.
Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
Скрипкин А. С. и др. Предварительные итоги археологических исследований в волгоградском Задонье в 1997 г. // Нижневолжский археол. вестник. Волгоград, 1998. Вып. 1. С. 125–128.
Соболевский А. И. Русско-скифские этюды // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. Т. 27. Л., 1924.
Соболевский А. И. Несколько местных названий Воронежского края // Изв. Воронежского краеведческого общества. Воронеж, 1926. С. 10–11.
Справочник по водным ресурсам СССР. Т. 6. Донской район / Под общ. ред. Л. К. Давыдова; Под ред. Н. В. Смирнова. М.; Л., 1936.
Суганова З. В. Из наблюдений над топонимией Дона // Вопросы географии. Сб. 70. Изучение географических названий. М., 1966. С. 141–144.
Топоров В. Н., *Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.
Хелимский Е. А. Индоиранские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 189–190.
Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1994.
Щербинин В. Г. Русско-турецкий словарь. М., 1989.
Янко М. Т. Топонімічний словник-доводник Української РСР. Київ, 1973.
Яшкін І. Я. Гідронімы і мікрагідронімы Слаўгародчыны // Питания гідроніміки: Матеріали III Республіканської ономастичної (гідронімічної) наради. Київ, 1971. С. 125–130.
Ященко А. И. К этимологии некоторых гидронимов Курской области с начальным *о-* (*об-*) // Теория и методика преподавания русского языка: Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Т. 293. Л., 1968. С. 256–263.
Bezlaj F. Slovenska vodna imena. I diel (A–L). Lubljana, 1956.
Egli J. J. Nomina Geographica: Versuch einer allgemeinen geographischen Onomatologie. Leipzig, 1872.
Egli J. J. Etymologisch-geographisches Lexikon. Unveraenderter Neudruck der Ausgabe von 1880 Wiesbaden: M. Saendig, 1970.
Hrabec St. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1959.
Tabula Russiae ex authographo, quod delineandun curivit Feodor filius Tzaris Boris desumta… ac. Magno Domino, Tsari et Magno Duci Michдeli Feodrowits… dedicate ab Hesselo Gerardo. MDCXIIII. Amstelodami, excusum apud. Hesselum Gerard sub signo Tabulae Nauticae // Изв. Императорского геогр. об-ва. Т. 25, вып. 1. СПб., 1889.
Thomas A. Etymologisches Wörterbuch geografischer Namen, namentlich solcher aus dem Bereiche der Schulgeographie. Breslau, 1886.

* * *

Ирина Васильевна Крюкова – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры языкознания Волгоградского государственного педагогического университета.

Василий Иванович Супрун – доктор филологических наук, профессор, ректор Волгоградского государственного университета повышения квалификации работников образования.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

А. Л. Шилов

НОМЕНКЛАТУРНЫЕ ТЕРМИНЫ В НАЗВАНИЯХ ПОРОГОВ КАРЕЛИИ

The article is devoted to the investigation of vocabulary used in geographical denominations of Karelia. On the base of the etymological analysis of the Russian, Baltic Finnish and Saam languages the author develops the semantic typology of the terms used in nomination of the rivers' rapids of Karelia.

Номенклатура названий речных порогов до сих пор не становилась объектом систематических исследований. Между тем пороги – это своеобразные географические объекты, являющиеся «живыми» элементами природы и обладающие яркой индивидуальностью. В те времена, когда реки были по сути единственными путями сообщения, взаимодействие людей с порогами являлось неизбежным и регулярным. При этом разработка детальной номенклатуры типов порогов становилась жизненно необходимой. Более того, в силу указанной специфики порогов эта номенклатура оказывается весьма оригинальной, не имеющей аналогий в номенклатуре других видов географических объектов. Она оказывается и чрезвычайно подвижной, изменчивой при переходе этноса в иной физико-географический регион.

Ранее уже была предпринята попытка реконструировать систему номинации порогов Карелии и Кольского полуострова [см.: Шилов, 2000]. Однако эта работа грешит поспешностью сопоставлений и выводов (иногда недостаточно обоснованных, порой же просто ошибочных). В некоторых случаях автор слишком доверяет словарным данным. За рамками работы осталась и типология номинации порогов.

Ниже речь пойдет о номенклатуре названий порогов Карелии с привлечением типологически близких данных по Кольскому полуострову, северу Фенноскандии, востоку Ленинградской области и северо-западу Архангельской. Тремя преобладающими этносами, известными истории, в этих землях были саамы, прибалтийские финны (финны, карелы, вепсы) и славяне. При этом в течение ряда веков они проживали в Карелии одновременно. Существенно и то, что на протяжении тысячелетий приемы и средства сплава по порожистым рекам оставались практически неизменными, т. е. все три этноса в этом отношении находились в более или менее равных условиях.

© А. Л. Шилов, 2004

Однако исходно этносы, населившие Карелию, сформировались в условиях разных ландшафтов: славяне – в широколиственных лесах Восточной и Центральной Европы, финские племена – в средней и северной тайге моренного постледникового рельефа. Прошлое саамов не столь определенно – ясно лишь, что наряду с финно-уграми в числе их предков были и аборигены приполярной зоны Европейского Севера. Таким образом, изначальный опыт освоения порогов у этих народов был различным, что не могло не наложить своего отпечатка на соответствующую номенклатуру.

Необходимо принять во внимание и следующее. Саамы и прибалтийские финны (не говоря уже о славянах) все же относительно поздно осваивают территорию Карелии, где до них проживали иные племенные группы. Имеется и достаточно свидетельств того, что в состав финно-угорских племен (еще до их прихода в Карелию) входили древние палеоевропейские этносы, оказавшие значительное влияние на лексику (в том числе и географическую) прибалтийско-финских и саамского языков [см.: Напольских, 1996; Саарикиви, 2002]. С другой стороны, характер рек Карелии (точнее, характер речных препятствий) достаточно резко отличается от такового для рек более южных и юго-восточных территорий, с которых шло заселение карельского региона. Все это могло способствовать появлению в Карелии большого количества новых терминов для номинации речных порогов.

Источниками материала для данного исследования послужили словари, справочники, работы обзорного характера [см.: SKES; KKLS; ГСК; СРНГ; СРГК; СГРС; СлБРС; Бадюдин, 1966; Григорьев, 1956; Север, 1985; Шанько, 1929; Мамонтова, Муллонен, 1991; Мурзаев; Меркурьев; Kujola; Бубновский, 1917; Жилинский, 1919; Swedell, 2001; Nissilä, 1975], отчеты библиотеки Московского городского клуба туристов, отчеты на сайте lib.ru в Интернете, а также личные наблюдения автора (сводку использованных исторических источников см. в статье: [Шилов, 1999а]). В количественном отношении база, на которой основаны выводы работы, такова: 710 названий порогов на 55 реках Карелии, 140 названий порогов на 20 реках Кольского полуострова, 22 названия крупных порогов на 10 реках севера Швеции, более 200 названий порогов на 8 реках востока Ленинградской (Оять, Паша, Капша) и северо-запада Архангельской (Икса, Сывтуга, Кожа, Ундоша, Онега) областей. Итого 1 075 названий порогов на 93 реках. Распределение названий порогов Карелии по языкам-источникам следующее: русских – 335 (не учитываются современные названия, данные туристами), прибалтийско-финских – 230, саамских – 118, неясного происхождения – 27. Реальная картина может быть несколько иной, так как карелы и вепсы зачастую калькировали саамские названия, а русские, в свою очередь, – карельские и вепсские.

Итак, приступим к анализу терминов, которыми обозначались пороги Карелии. Отметим, что к перечню, приведенному в статье А. Л. Шилова [2000], добавлены некоторые термины, указанные в работе [Nissilä, 1975] для Северо-Западного Приладожья, а также выявленные нами в последнее время, в том числе и раритетные (возможно, в дальнейшем они будут обнаружены в составе названий карельских порогов).

Термины русского происхождения

Наиболее общим и широко известным славянским названием естественных речных препятствий служит слово ***порог***. От русских оно усвоено вепсами: ср. *porog* ‘порог на реке’ в говоре шелтозерских вепсов [Муллонен, 1985, *99*], а также вепсские названия порогов *Kuivporog*, *Čogapustporog*, *Platonanporog*, *Miškanporogad*,

Jaškanporogad на р. Капша. Кроме этого слова, являющегося родовым обозначением порогов, на территории Карелии отмечены следующие исконно русские термины.

Быстерь, ***быстредь***, ***быстрица***, ***быстрина*** ‘быстрое стремительное течение; водоворот; мелкое каменистое место на реке; перекат; порожистое место’ [СРГК, 1, *154*; СГРС, 1, *244–246*]: пор. *Быстридя* (р. Колежма). Ср. еще: «[деревня] Быстерка на виру на речке на Черехе» (1587) [СлРЯ, 2, *187*].

Воронуха ‘бурлящий поток воды’ [Меркурьев, *29*], ‘водоворот’ [СРГК, 1, *227*], ***воронец*** ‘речной перекат’, ‘высокая волна’ [СГРС, 2, *181*]. Судя по таким названиям порогов, как *Ворона* (р. Выг, XVI в.) [АСМ, 1, *217*], *Ворониха* (р. Пана на Кольском п-ве), *Воронь* (р. Ивина), термин мог иметь несколько иную форму. Происхождение его не вполне ясно; возможно, он восходит к *вьрети* ‘кипеть’, ср. диал. *вир*, *выр*, *вырь* ‘водоворот; быстрина’ [СРНГ, 4, *291*; 5, *338*; 6, *15*].

Голова. Названия порогов с элементом *голова* встречаются в документах с конца XV в. и локализуются главным образом на Шексне, Свири и в бассейне Онеги. Судя по словарным, текстовым (с XVII в.) данным и топонимам, значение термина эволюционировало следующим образом: ‘верхняя или нижняя часть острова в реке’ → ‘порог у острова’ → ‘порог’ [подробнее см.: Шилов, 2003].

Существует и вепс. *kosken pä* ‘начало (голова) порога’ [СВЯ, *229*]. Ср. также названия порогов *Шурипая* (карел. **Šuuri Pää* «большая голова») на р. Кемь и *Колупаевский* (карел. **kolu pää* ‘начало рыболовного закола’) на р. Кереть[1]. Аналогичная модель имеется в саамском языке: кольск. *vuaivaš*, колт. *kuoška-vuajvaš* ‘начало порога’ при *vuaiv* ‘голова’ [KKLS, *767–768*], ср. пор. *Vuavasch* на р. Печенга, бывший пор. *Вояч* на р. Выг (*Воицкий падун* с двумя островами, откуда *Надвоицы*) и пор. *Войбуч* на р. Водла (расположен у острова, известен с 1563 г. [ПКОП, *186*]).

Представленные названия могут отражать как соответствующее семантическое заимствование, так и независимую для каждого этноса традицию.

Камень: пор. *Быркун Камень*, *Вайгач Камень*, *Игоской Камень*, *Бурец Камень* на р. Свирь, *Большой Камень* на р. Вилига (бассейн р. Оять).

Семантически идентичные названия встречаются в прибалтийско-финской топонимии: ср. названия пор. *Херакиви* (р. Онда), *Мальвикия* (р. Кемь), *Шаврики* (р. Свирь), вторую часть которых можно связывать с приб.-фин. *kivi*, **kii* ‘камень’ [SKES, *203*] (ср. также фин. *kivet* ‘пороги’, букв. ‘камни’ [РФС, *509*]).

Падун, ***падь*** ‘водопад’: «деревня Ковера на реке Туломе у порога Падуна» (1500) [ПКВП], *Большой Падун* (рр. Шуя Беломорская, Винча), *Собачий Падун* (р. Винча), *Падь* (р. Сума, пр. р. Водла), *Падь* (р. Кожа).

К русским терминам восходят фин. литер. *patuna*, карел. *padun(a)*, *padon*, саам. кильд. *padan*, терск. *padin* ‘водопад’ [SKES, *506*; KKLS, *326*], а также вепс. *pado* ‘высокое крутое падение воды в пороге’ [SKES, *504*]. Последнее отразилось в названии пор. *Кивинпада* на р. Видлица (название же пор. *Vanhepado* на р. Важинка означает скорее «старая плотина», нежели «старый порог»).

Семантически аналогичные образования от *pudota* ‘падать’ – литер. *vesi-putous* и диал. *pudoke*, *pudote* ‘водопад’ [SKES, *624*] – имеются в финском языке, но в говорах и топонимии Карелии не зафиксированы. Ср. также сходное по семантике *lankevus* (см. ниже).

---

[1] «По реке Керети от забора до Колупаева порога…» (1574) [СГКЭ, № 138]; см. примеч. 2.

Этим коротким списком исчерпываются исконно русские термины, встречающиеся в названиях порогов Карелии. Мы не находим среди них даже хорошо известных в других местностях терминов *перекат*, *перебор*. Также не подтверждается топонимическими и словарными материалами ряд терминов, соотнесенных с Карелией и смежными территориями в словаре Э. М. Мурзаева: *горлан* ‘порог на реке с выраженным руслом, удобным для лодок’; *забор*, *заборчик* ‘речной порог; выступы коренных пород на дне реки’[2]; *кипень*, *кипун* ‘водоворот в реке, порог’ [Мурзаев, 1, *214–215*, *281–211*, *344*].

Термины финно-угорского происхождения

1. Термины, имеющие общефинноугорские лексические параллели

Карел. ***jürähtmä***, ***dürähtmö*** ‘небольшая крутая гора, холм, бугор’, ***jühermä*** ‘подножие крутой скалы или водопада’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, *33*], фин. ***jyrämä***, ***jyrhämä***, ***jyrkkämä*** ‘небольшой порог, водоворот, глубокая и широкая заводь у подножия порога’ [SKES, *128–129*]: пор. *Юряхмя* (в истоке р. Кемь), пор. *Дяврумакошки* (р. Волома), *Юремский* (р. Уница), возможно (с переосмыслением через личное имя), приливный пор. *Еремеевский* (Белое море).

Финские термины приводятся в статье *jyrä* ‘ручей с крутыми холмистыми берегами, глубокая лощина, овраг; ложбина, по дну которой течет ручей’ (по нашему мнению, *jyrkkämä* следует соотносить с *jyrkkä* ‘крутой’ [SKES, *128*]). Как и фин. диал. *järämä* ‘небольшой порог’ [Там же, *132*], все прибалтийско-финские данные связаны с саам. лул. *årre*, *årem* ‘небольшая долина; глубокая яма в реке; круглая речная бухта’, норв. *jorbme*, ин. *jorrmo*, колт. *jeerm* ‘яма, омут в реке (часто – под порогом)’, удм. *jer*, коми *jir* ‘глубокое место в реке или озере; омут’ [Там же, *128–129*]. Ср. и сев.-рус. *ярма* ‘омут; глубокое место в реке или озере’ [Матвеев, 2001, *192*].

Основа *jär-*, *jyr-* является общеуральской. К отмеченным выше терминам добавим ненец. *ёрявя* ‘глубокое место, русло, фарватер’ (< *ёря* ‘глубокий’) [Мурзаев, 1, *207*], тюрк. *jar* ‘обрывистый берег, крутизна, овраг’ (< *jaar* ‘рассекать, раскалывать, резать, прорываться’) [Мурзаев, 2, *350–351*]; рус., укр. *яруга* ‘глубокий овраг’ (< тюрк. *jarug* ‘щель, расселина’ [Аникин, *728*, *730*]). Укажем в этом ряду и новг. *юрок* ‘водоворот, сувой’ [Мурзаев, 2, *341*], *юр* ‘бойкое место, водоворот, сильное течение’, *юрить* ‘волноваться’, ирк. *юровая яма* ‘глубокое место с сильным течением, обычно на повороте реки, предназначенное для рыбной ловли’ [Аникин, *719*].

Вместе с тем для прибалтийско-финских терминов на *jyr-*, связанных с порогами, нельзя отвергать возможность контаминации с фин. *jyristä*, *jyrähdellä*, карел. твер. *jürähel’l’ä*, вепс. *jurahtada*, саам. норв. *jurrât* ‘(про)греметь, грохотать’, фин. *jyry*, *jyrinä* ‘гром, грохот’ [SKES, *128*] – ср. рус. *гремяха* ‘падающий со скал поток воды’ [Меркурьев, *36*] и названия порогов *Гремяха* (р. Вирма), *Гремячий* (рр. Пинега и Нюхча), озера *Гремяха* и круто падающего ручья *Гремячинский* (бассейн Белого моря).

---

[2] Единственным примером может, казалось бы, служить название пор. *Заборный* на р. Кереть. Но оно скорее восходит к слову *забор* ‘устройство на порожистом участке реки для ловли рыбы’: «а в реке в Керети реке ловля красные рыбы семги, ловят двема заборами всею волостью» (1563) [СГКЭ, № 137].

Саам. колт. ***kårga***, норв. ***gargo*** ‘мелкий порог, перекат’, ин. ***karggu*** ‘риф, мель, луда без растительности; скала в воде’ [KKLS, *90–91*; SKES, *163*]: пор. *Каркус* (ныне *Малая Голова*) на р. Онега в документе 1622 г. [ПКУС, *172*].

Саамский термин считается источником рус. диал. (за пределами Карелии) *карга* ‘мелкое место в воде’ [Аникин, *267*]. В [KKLS, *90–91*] он дается вне связи с саам. *kuargka* и соответствующими прибалтийско-финскими терминами (см. ниже). Похоже, что термин унаследован со времен урало-алтайской общности: ср. якут. *харги* ‘мель, быстрина’, эвенк. *карги* ‘мелководный’, эвен. *карго* ‘перекат, мель на реке’, манч., монг. *харги* ‘быстрина’, др.-тюрк. *карга* ‘нагромождение валунов’ [Мурзаев, 1, *265–266*].

Саам. кильд. ***kuušk***, аккала ***gušk***, терск. ***kišk***, колт. ***kuošk***, ин. ***kuoška***, норв. ***guoikâ*** (но ср. *Maidag-guossk* в районе норвежского Варангер-фьорда), лул. ***kuoihka***, ***guojkka***, швед. ***qweik***[3]; фин. ***koski***, карел. ***koški***, ливв. ***koski***, люд. ***koski***, ***košk***, вепс. ***kos’k*** ‘порог’ (> рус. *кошка* ‘песчаная или каменистая отмель’) [SKES, *222*; KKLS, *178*, *1063*]: пор. *Кошка* на р. Свирь и Воньга, *Малая Кошка* на р. Винча. Ср. также мар. *кашкы*, *кошке* ‘быстрая (река); порог’, коми *kos’*, *kos’k*, *kos’t* ‘перекат, мель, порог’ [КЭСК, *135*; 1, *308–309*].

Этот родовой термин, широко распространенный в названиях порогов, возникает на базе значения ‘сухой’, ср. саам. кольск. *košk’es*, *koššk’e*, ин. *koškes*, норв. *goikes* ‘сухой’ [KKLS, *150–151*], мар. *koškem* ‘сохнуть’, *koštem* ‘сушить’ [Paasonen, *47*], морд. *коське* ‘сухой’, *коштамс*, *коськемс* ‘высохнуть’ [ЭРС, *297*, *300*], коми *kos* ‘сухой; мелкий’, *kos’mini* ‘сушиться’, *kos’tini* ‘сушить, сохнуть’ [Wichmann, Uotila, *122*]. Еще А. И. Попов заметил: «Там, где нет настоящих порогов и водопадов, соответствующие термины обозначают мель, сушу, сухое место… Таким образом, тесно связаны по линии семантических переливов слова, означающие: сухой, суша, мель, порог, водопад…» [Попов, 1957, *62–63*].

В русском освоении саамские и прибалтийско-финские названия порогов с данным элементом часто получают форму с финалью *-ковский*: пор. *Ковский* < **Koski* (р. Ивина), *Суковский* < **Suu-koski* (р. Колода), *Хабаковский*/*Кабаковский* < **Haabu-koski*, *Московский* < **Moask-košk*, *Цапфовский* < **Šapša-košk* (р. Шуя).

В свете указанных данных о саамских терминах пока непонятно наличие в Карелии порогов-падунов с названиями *Койка* (р. Судно), *Койкумбух* (р. Уница), **Койка* (р. Выг) [см.: Шилов, 2000, *74*]. Эти названия не могут быть объяснены из прибалтийско-финских языков. Но и из западных саамских диалектов (см. выше) выводить их нет достаточных оснований, ибо саамский топонимический субстрат Карелии этимологизируется исключительно из данных кольских (в первую очередь – колтовского и кильдинского, реже – аккала) диалектов. Чисто предположительно эти названия можно связать с саам. колт. *koikkšed* ‘топорщиться, дыбиться, стоять вертикально, стоймя’ [KKLS, *141*, *867*], откуда допустимо образование ***koigka*** ‘порог, водопад’ (кстати, финаль названия *Койкумбух* находит объяснение на саамской почве, см. ниже *pok’k’e*).

2. Термины, имеющие прибалтийско-финские и саамские лексические параллели

Саам. лул. ***bårrsjo*** ‘каскад порогов’ (ср. в шведской Лапландии название *Porsi*, саам. *Bårssi*) [Swedell, 2001, *52*], норв. ***borse*** ‘порог с крутыми сливами’ [SKES, *651*].

[3] Восточно-саамскому (Инари, колтовскому, кольскому) сочетанию *-šk-* закономерно соответствует западно-саамское (Луле, норвежское и т. д.) *-ik-* [см.: Керт, 1971, *19*].

Саамские термины можно было бы счесть заимствованием из шв. *fors* ‘порог’ (ср. *forsa* ‘быстро, стремительно течь; кипеть, клокотать’) [SRO, *227*]. Однако в саамских диалектах также имеются глаголы, которые могли бы служить производящими: саам. швед. *porsset* ‘шуметь, бушевать, бурлить, брызгать (о реке)’, лул. *pårsjoot*, норв. *boršot* ‘кипеть, пениться, клубиться’, ин. *porššod*, кильд. *porršsad* ‘плескаться в воде’ [SKES, *650–651*], колт. *porDžed* ‘булькать, пузыриться’, *porDž(i) tšäts* ‘пузырящаяся вода, пена в пороге’ [KKLS, *935*] (ср. топоним *Poršjavr*/*Пыргозеро* у р. Тулома).

С саамскими языковыми данными соотносятся прибалтийско-финские: фин. ***purha*** ‘пена, брызги порога, потока; кипящее место, падун в пороге’ при *purhuta*, *purhata* ‘течь с журчанием’, карел. *purha*, *burha*, ливв. *burhu* ‘кипение, бурун, бурление, бушевание (воды)’ при *burhuta* ‘кипеть, бурлить, бушевать’, люд. *burhu*, *burhe*, *burh*, *burž* ‘пена, кипение (порога)’ при *burhuta*, *buržuta* ‘бушевать, кипеть, бурлить, пениться (о пороге)’, вепс. *burž* ‘бушевание, кипение воды’ при *buršt’a* ‘кипеть, бушевать; журчать’ [SKES, *650–651*]. С этими апеллятивами можно сопоставить название *Бурзун Камень* – часть пор. Сиговец (р. Свирь), там же *Пурхов камень*/*Пурховский порог* (< **Purha-koski*?).

Саам. ***jugge*** ‘яма, омут’ [KKLS, *71*]: ср. р. *Югонька*; фин. ***juka***, gen. *juan*, *juvan*, ‘водопад’, диал. ***juka***, ***juva*** ‘небольшой порог; некрутой, весь в пене порог’, эст. ***juga*** ‘водопад; яма, углубление русла’ [SKES, *121*; Nissilä, 1975, *34*], карел. ***juka*** ‘яма, углубление (в реке, озере); русло’, ливв. ***d’uka***, ***d’uga*** ‘падение воды в пороге’, ***diukku*** ‘подводный обрыв у берега’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, *32*], водск. ***juga*** ‘водопад’: ср. *Jugaječi* (одно из названий р. Нарва, данное по расположенному на ней знаменитому водопаду).

Другие топонимические примеры: пор. *Juvankoški* = рус. *Юга* (Калевальский р-н), *Югокоски* (р. Уксунйоки; «на Югу пороге», 1568 г. [Самоквасов, 1905–1909, *387*]), *Югокоски* (р. Нарвожа), *Большой* и *Малый Юг* (р. Икса), *Юг* (р. Кожа), *Дюгу* (р. Шуя Онежская), *Juvakosk* (порог в реке близ Kuolemajärvi), *Jukakoski* (порог в реке близ Impilahti), *Juvankoski* (порог в реке близ Simpele).

Фин. диал. ***kopru*** ‘водоворот, бурун в пороге’, эст. ***kob(e)r*** ‘пена’ [SKES, *226*] дает в статье *kouru* ‘желоб’ (= *kovera*), сравнивая под вопросом с саам. швед. *kåbre* ‘желоб; подножие обрыва’, норв. *goarve* ‘край горы, сугроба; небольшой порог’, ин. *koarv*^{i}, колт. *kuaBr*^{e} ‘желоб; крутой слив в пороге’ (см. подробнее ниже): пор. *Коврун-Полви* (< **Koprun-polvi*) на Лужме. Некоторые авторы считают финский термин заимствованием из саамского.

Фин. ***korva*** ‘маленький порог, водоворот’ [Nissilä, 1975, *34–35*]: пор. *Korvakosk*, *Hämälaisekorva*, *Ryöpsäkorva* (р. Вуокса) [Там же, *35*], *Тарашенкорва* (р. Охта), *Паяринкорва* (р. Кемь). С саамскими лексемами, указанными выше, термин, видимо, связан отношением метатезы (ср. и саам. ин. *koarv*^{i}, норв. *goarve*), аналогично приб.-фин. *järvi* ~ саам. *jawre* ‘озеро’.

Для финского слова уместен комментарий, ибо в финском языке есть несколько омонимов *korva*. Во-первых, *korva* означает ‘ухо’[4], во-вторых, в качестве послелога

[4] Нами показано, что в топонимии Карелии (*Sulasalmenkorva*, *Sillankorva*, *Seitakorva*, *Turunkorva*, *Каликорва* и др.) прибалтийско-финский анатомический термин *korva* ‘ухо’ выступает в значении ‘заводь, залив реки, озера’ [см.: Шилов, 1999б, *71–72*; 1999в, *101*].

оно означает ‘край, бок’ (ср. *sillan korvassa* ‘у/около моста’), наконец, известно и указанное выше *korva* ‘маленький порог, водоворот’. В финских диалектах употребителен термин *kosken korva*, который в значении ‘край, берег порога’ вошел также в литературный язык. С точки зрения Т. Итконена, это значение вторично [Itkonen, 1959]. Он приводит диалектные данные, согласно которым *korva* означает ‘стремнина, быстрина в пороге’ (*kosken vuolle*). Такое использование термина характерно для северных финских диалектов, что подтверждается и топонимическими данными (ср., впрочем, приведенные топонимические примеры В. Ниссиля и наши, относящиеся к центральной и юго-западной Карелии). Итконен сравнивает *korva* с саам. норв. *goar've* ‘выступающий изогнутый край (земли, скалы, снега); крутой наклон; место в пороге, где вода переливается через камни’. Он указывает, что саамское слово встречается и в сочетаниях типа *goar've-chachche* ‘место порога, где волны «ломаются»’ (при *chachche* ‘вода’). Данное слово, по его мнению, продолжает прасаам. **kopre*, а фин. диал. *korva* скорее всего является его прямым этимологическим соответствием.

Саам. колт. ***kuabre***, ***koabre***, кильд. ***kuobre***, терск. ***kieBre***, норв. ***goarve***, швед. ***kåbre*** ‘желоб’, в колтовских говорах также ‘крутой слив в пороге; крученый кривой вал’ [KKLS, *159*]: пор. *Romman-kuabre* в верхней части пор. Падун, *Siezze-guabre* (р. Тулома); возможно, пор. *Кирпа* (ср. *kieBre*) – вариант названия пор. *Коврун-полви* (р. Лужма).

Саам. колт. ***kuargka***, ***kuerga***, кильд. ***kuorgka***, ***ko(a)rg***, терск. ***kiergka***, норв. ***guorggo***; фин. ***korko***, карел. ***korko***, ***korgo***, ливв. ***korgo*** ‘подводная скала, мель, риф’ (> рус. *корга* ‘то же’) [KKLS, *175*, *1063*; SKES, *219*[5]; Мамонтова, Муллонен, 1991, *41*] (ср. выше *kårga*). Современная семантика слова, казалось бы, не позволяет включить его в список терминов, номинирующих пороги. Но можно предположить, что в прошлом его значение было иным, ср. названия порогов *Пана-корга* (*Корга* в документе середины XVI в. [АСМ 1, *218*]), *Ромежкорки* (р. Выг), *Горбокорко* (р. Воньга), *Собачья корга* (р. Нюхча). Существенно, что в Архангельской области *корга* отмечено не только в значениях ‘мелкое каменистое место, отмель, каменистый островок’, но и в значении ‘перекат, порог’ [Матвеев, 2001, *237*].

Саам. кольск. ***n'ävve***, норв. ***njavve*** ‘небольшой порог или место с сильным потоком’ [KKLS, *296*]; фин., карел. ***niva*** ‘стремнина’. Топонимические примеры многочисленны.

Обращает на себя внимание бытование слова лишь в северных финских диалектах (что на первый взгляд может служить основанием для предположения о заимствовании из саамского языка [SKES, *388*]), однако соответствующие топонимы распространены вплоть до юга Финляндии и Карелии [Närhi, 1962]. Заметим, что вокализм прибалтийско-финского и саамских слов позволяет говорить не о заимствовании, а об общем их происхождении. К прибалтийско-финско-саамскому термину восходит рус. *нива* ‘стремнина, порог на реке, водопад’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, *65*]. Я. Калима и М. Фасмер возводят это русское слово к прибалтийско-финскому, А. И. Попов – к саамскому источнику ввиду распространения слова только в Мурманской и Архангельской областях [Фасмер, 3, *72*; Попов, 1965, *136*].

Вепс. ***pugand*** ‘узкое место с быстрым течением на реке’ восстанавливается на основании ряда топонимов с элементом *пуганда/поганда* на рр. Оять, Свирь и Водла, а также рус. диал. (Пудожье) *пуганда* ‘место с быстрым течением и камнями на реке;

[5] SKES приводит, однако, прибалтийско-финские термины в статье *korkea* ‘высокий’.

узкое русло с быстрым течением' [Муллонен, 1994, *59–61*]. Термин возводится к вепс. *pugetada* 'просовывать, протискивать' [Там же]. Аналогов в других прибалтийско-финских языках И. И. Муллонен не находит, хотя указывает фин. диал. *pukea* 'протискивать' (ср. также люд. *pugoittada* 'просовывать, втискивать', эст. *pugeda* 'пробираться, прошмыгивать' [SKES, *630*]). Нам все же представляется, что существовал и карельский термин ***pugan(d)-**: ср. названия *Погонжи*, *Пугань-кошки* (р. Кемь) и *Поганьдом* (р. Воньга; ср. туристское название этого порога – *Быстрый*), относящиеся к порогам-стремнинам в каменистых узких местах.

В саамском языке известен семантически (и, может быть, этимологически) близкий термин: колт. ***pok'k'e***, уменьш. ***poggaž***, ***pohk***, норв. ***bokke*** 'узкое место в долине, тесное ущелье; скальная узость в реке'. Он также является отглагольным образованием от *pokkaD* 'сверлить; прокалывать дыру', *bokkât* 'сверлить; пробивать дорогу (в снегу)' [SKES, *630–631*; KKLS, *391*].

На р. Тулома (Кольский п-в) есть порог *Galjebokka* (рус. *Калопуха*, 1608 г. [Харузин, 1890, *471*]/*Калепука*, 1675 г. [ААЭ, 4, *549*]), а на р. Печенга – стремнина *Kallipoggaž* [KKLS, *969*, *974*]. Учитывая характер русского освоения данного саамского термина, можно предположить, что он присутствует в названиях порога *Койкумбух* (р. Уница, Карелия) и порожистой стремнины *Буг* (р. Чагодоща, Вологодская обл.).

Саам. ***tseämaž***, gen. *tseäma* 'короткий крутой порог' [KKLS, *628*]: пор. *Tseämaž* (р. Аккайоки, Кольский п-в). Не исключено, что саам. *tseäma* отразилось в финалях названий порогов Карелии *Кинтезьма* (р. Кемь) и *Валазма* (р. Суна), основы которых этимологизируются из саамского языка.

Соответствием указанному саамскому термину может быть утраченный карельский термин ***hämeh**, gen. *hämežen*, очевидно, нашедший отражение в названиях порогов типа *Хемег* (р. Охта), *Хямех* (р. Поньгома), *Хемая* (р. Онда), *Хямекоски* (бывший водопад на р. Янисйоки), *Хяме* (р. Пистайоки), возможно, *Hamach-kos'k* (р. Оять). Ср. также карел. *hammas*, *hammaš* 'устье реки; небольшой водопад', который возводится к приб.-фин. *hammas* 'зуб' [Мамонтова, Муллонен, 1991, *27*].

Саам. колт. ***veggaš*** 'поток, сильная стремнина' [KKLS, *730*]: название стремнины *Kuosme-veggash* (р. Тулома); фин. ***vikiä***, ***vikiö*** 'мощный, быстрый поток' [Nissilä, *34*]: пор. *Pillivikiö* (р. Вуокса), *Вигитус* (р. Чирка-Кемь).

Термин связан с фин. *vikeä*, *vikevä*, карел. *viköva*, *vigevä*, саам. кильд. *vegkad*, *vegktes*, ин. *voohad*, норв. *vâkkâd*, швед. *wakket*, *wikket* 'сильный, быстрый, стремительный' [SKES, *1759*]. С семантической стороны ср. рус. *быстредь* 'быстрое, стремительное течение на реке; мелкое каменистое место на реке, где вода течет быстро, с шумом, перебор' [СГРС, 1, *245*].

3. Термины саамского происхождения

Саам. колт. ***karšt'ša***, уменьш. ***kärštšož*** 'маленький водопад' в [KKLS, *846*] сравнивается с норв. *gordže* 'водопад', чему соответствует швед. ***gårttje***, ***kårtje*** (*-tj-* здесь произносится как *-t'š-*). Ср. название порога *Bassegårttje*/*Passekårtje* [Swedell, 2001, *57*]. Мы предположительно сравниваем этот термин с саам. кильд. *kärs*, терск. *kars*, лул. *karas* 'горло, глотка' (см. ниже фин. *kurkkio*), а также колт. *kardža*, *kardže*, *karšt'šai*, норв. *gardže* 'узкий, тесный' [KKLS, *109*].

В монографии Н. Н. Мамонтовой, И. И. Муллонен [1991, *47*] приводится мнение М. Фасмера, согласно которому *корза*, *корса* 'каменистый мыс, каменная гряда попе-

рек реки, перекат', известное в архангельских говорах, происходит из саам. *gur'šo*, *gor'sâ*, *kor'ša* 'глубокий овраг, узкая глубокая ложбина, по дну которой может протекать река'. Неясно, связано ли с этим словом рус. *карся*, известное по документам XVI в. в непоказательном контексте: «на Длинной Карсе на колье сетная ловля» (р. Свирь) [ПКОП, *136*]; «тоня Карся Болшая, тоня Великая Корга» (Терский берег) [АСМ, 2, *145*].

Саам. кольск. ***kewnges***, ***kewnes***, норв. ***goewnges***, швед. ***geavngis*** 'водопад' (> фин. диал. *köngäs*, карел. *könkäš*, *köünäš* 'водопад', фин. диал. *könkämä* 'короткий крутой порог') [SKES, *266*; KKLS, *126*, *861*]. Примеры в Карелии: пор. *Ливонкеонаш* (р. Ливо), *Кёуняс* (р. Судно), *Кеняйкоски*/*Köüniinkoski* (р. Шуя Онежская). На Кольском п-ве: пор. *K'ewnges*, рус. *Падун* (р. Тулома), *Pajmös-* и *Vuolabaš-keunjes* (р. Печенга), *Suonnija-k'ewnges* (р. Аккайоки), *Tshuon'-jogg-k'ewnges* (р. Суонийоки).

Саамское слово изолировано как в собственно саамской лексике, так и в кругу уральских языков, что позволяет предполагать отражение в нем досаамского субстрата.

Саам. колт. ***loak'k'e*** 'вал, большая волна в пороге' [KKLS, *1064*]: пор. *Loak'k'e-kuošk*/*Lohk-kuošk*/*Luokkuoshka* (р. Лотта). В русском терском говоре зафиксировано *лавка* 'небольшой водопад, через который можно проехать на лодке' [Меркурьев, *79*], 'порог, образованный выходами твердых пород, где вода, однако, переливается через порог относительно спокойно' [Мурзаев, 2, *4*], 'скопление камней на дне узкой реки с быстрым течением, пороги; (небольшой) падун' [СРГК, 3, *87*]. Там же (на р. Варзуга) имеется топоним *Лафка-порог* (ср. и пор. *Лавгуч*/*Лавгутье* на р. Кожа). Географическая приуроченность термина и топонимов позволяет предполагать скорее заимствование из саамского источника, нежели исконно русское *лавка* 'скамья' со сдвигом семантики. Равным образом спорной представляется связь термина с фин. *laukea*, эст. *lauk* 'отмель' [SKES, *280–281*][6]. Впрочем, нельзя исключить изначальное единство финно-угорских терминов с последующим разрушением лексического гнезда.

Саам. кольск. ***nierre***, ***neärre***, норв. ***njaerre*** 'стремнина на отмели' [KKLS, *296*] (> фин. *närä* 'мелкий порог или стремнина') [SKES, *416*]: пор. *Хининняре* (р. Кемь). Этимология неясна.

Саам. ****pietska*** 'падун': кольск. ***pietskas***, attr. *peatska*; ***peatskas***, attr. *peatsk*, норв. ***bæske*** 'крутой' [KKLS, *373*], терск. ***peatska-virre*** 'маленький водопад' [Там же] при *virrad* 'падать' [Там же, *755*]. К саамским данным, очевидно, восходит рус. *печка* 'водоворот' в кольских говорах [Меркурьев, *111*][7]. Пороги, носящие имена *Печки* (р. Водла), *Печко-порог* (р. Охта), *Печка* (р. Нива), *Крутая Печка* (р. Святуха, бассейн р. Свирь), по своему внешнему виду и свойствам таковы, что исходным значением русского термина следует признать 'водопад, крутой слив' (о развитии семантики см.: [Шилов, 1996]). Сам же саамский термин, изолированный в кругу финно-угорских языков (чаще понятие 'крутой' в саамском передается словами *tseägge* или *teer'kk*), представляется по происхождению субстратным [см.: Шилов, 1999а, *104*, примеч. 6].

Саам. ***puolbpe*** 'небольшой водопад' (> фин. литер. *pola*) [KKLS, *408*]. Топонимические примеры не найдены, этимология неясна.

---

[6] Прибалтийско-финское слово было предложено как этимон названия р. Луга (фин. *Laukaanjoki*, водск. *Laugaz*) Ленинградской области ввиду физико-географических характеристик самой реки [см.: Шилов, 1999б, *93*].

[7] Не ясно, имеют ли отношение к этому саамизму русские термины *печка* 'самое мелкое место озерной луды', *печь* 'подводная крутая скала' (Медвежьегорский р-н Карелии) [СРГК 4, *499*, *502*].

Саам. колт. ***pussi***, ин. ***pwosnas*** ‘небольшой водопад, локальный небольшой слив в пороге’ [KKLS, *412*]: *Suelo-kuoshk-pussi* – крутое место в пороге *Suelo-kuoshk* (р. Печенга). В Карелии топонимических примеров не найдено. Этимология неясна.

Саам. ***tseäkke*** ‘крутой порог, водопад, уступ’; согласно [KKLS, *628*], происходит от *tseäkkad* ‘ломать, рубить’ (ср. с этимологией слав. **porgъ*). Ср., впрочем, и саам. *tseägge* ‘крутой’ [Там же, *627*].

4. Термины прибалтийско-финского происхождения

Фин. ***hyppyys*** ‘небольшой падун’ (ср. *hyppy* ‘прыжок’, *hypätä*, *hyppiä* ‘прыгать’) [SKES, *93*]: пор. *Lohjampuroihyppyys* (Соанлахти).

Фин. ***kari*** ‘подводная мель, риф, скала в воде, луда’, карел. ***kari*** ‘каменистый порог, отмель, риф’, ливв. ***kari*** ‘порог, высохшее русло порога’, люд. ***kari***, ***kare***, ***kariččе*** ‘отмель, порог’ возводятся в [SKES, *162*] к скандинавскому источнику: ср. шв. *skär* ‘отмель, риф’, др.-исл. *sker* ‘утес’ (> рус. *шхера*). Если это так (почему *skär* дает не **keri*/**käri*, а *kari*?[8]), то *kari* ‘порог, перекат’ представляет собой результат семантического развития на прибалтийско-финской почве. Неясно, впрочем, как соотносится с *kari* эст. *kärestik* ‘пороги; стремнина’ при *käre* ‘горячий, резкий, пылкий, стремительный’ [Tamm, 1962, *227*] и фин. *käreä*, люд. *käräk*, вепс. *käred* ‘хриплый, грубый (голос); злой, сердитый’, ливск. *kärikseb* ‘шуметь’ [SKES, *261*].

Приб.-фин. *kari* считается источником рус. диал. *карега* ‘порог; место под падуном’, *карежка* ‘речная мель, нанос мелких камней в реке’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, *36*; ср.: Шилов, 1996, *82*].

И карельский, и заимствованный русский термины частотны в топонимии Карелии: см. пор. *Сувенкари* (р. Шуя), *Койкары* (< **Koivu kari*, р. Суна), *Пакан-Аканкари* (р. Охта), *Пушкари* (р. Лужма), *Оринкари*, *Тулемская Карежка* (р. Тулемайоки), *Карежка* (рр. Илекса, Сума, Кереть), *Медная Карежка* (р. Онда).

Люд. ***kohu*** ‘маленький порог’. Слово отмечено в говоре с. Тивдия [Kujola, *145*] и видится производным от *košista* ‘шуметь, бушевать’ (при фин., ливв. *kohista* ‘шуметь, бушевать, бурлить’, *kohin*(*a*) ‘шум, бушевание, бурление’, *kohu* ‘шум’ [SKES, *205*]). Возможно, термин родился не непосредственно из указанной глагольной основы, а через образное именование самого заметного порога данной округи (на р. Нива близ с. Тивдия – ныне через нее направлен основной сток р. Суна).

Фин. ***kurk(k)io*** ‘крутой скальный порог в теснине; падун’, ср. карел. *kurkku*, люд. *kurk(u)*, вепс. *kurk* ‘горло, горловина, узость’ [Там же, *245*]. С семантической стороны ср. фин. *koskennielu* ‘низ, узкое место (дословно – глотка) порога’, эст. *vee-kurk* ‘водоворот’ (дословно ‘водяное горло’) [Там же], саам. *karšt’ša* (см. выше), рус. *горлан* ‘порог на реке с выраженным уступом, удобным для прохода лодок’ [Мурзаев, 1, *159*]. Отражение данного термина можно видеть в названии пор. *Курки* (рр. Войница и Пистайоки).

Карел. ***lankevus***, ***langevus***, ***lankemus***, ***langemus*** ‘вид порога; склон, косогор’ [Мамонтова, Муллонен, 1991, *116*, *119*]. Слово представляется производным от приб.-фин. *langeta* ‘падать’ [SKES, *274*] (ср. фин. *lankeemus* ‘падение’ [ФРС, *311*]). Любопытно, что житель пос. Ведлозеро характеризовал пороги р. Видлица как «косогоры». С уче-

---

[8] Между прочим, из *skär* выводят также фин. *skääri*, *sääri*, эст. *säär* ‘риф, отмель’ [SKES, 1053, *1181*].

том характера этих порогов значение термина может быть уточнено: ‘короткий крутой галечно-каменистый порог без ярко выраженного судового хода’.

Фин. ***nikalmo*** ‘небольшой водопад, порог’, карел. ***nikara*** ‘порог; небольшая гора’ [SKES, *379*]: ур. *Nikara* у д. Толлорека Калевальского р-на. Ср. также фин. *nikara* ‘холм, подъем в гору’, *nikala* ‘небольшая крутая горная вершина’, *nikama* ‘небольшой подъем в гору (возвышение, взлет)’ [Там же]. Этимологических связей этих слов в кругу прибалтийско-финских языков не обнаруживается: при всем богатстве употребления словообразующих суффиксов не находится производящей основы. Представляется возможной связь с саам. *nikkaD* ‘клониться, наклоняться’, *nigke* ‘склон, косогор, наклон’ [KKLS, *300*] (ср. название крутого порога *Никкут* на р. Чирка-Кемь). Таким образом, прибалтийско-финская основа терминов может являться заимствованием из саамского языка.

Фин. ***niska***, карел. ***niska***, ***niška***, ливв. ***nišku***, люд. ***koskenniš(k)e)***, вепс. ***koskenniš*** ‘начало порога; исток реки из озера’ (> саам. кольск. *niške*, *neške*, норв. *niske* ‘начало порога’) [SKES, *385*; KKLS, *302*; Мамонтова, Муллонен, 1991, *65*]. Ср. также рус. *низка* ‘небольшой порог, перекат’ [Меркурьев, *95*; СРГК, 4, *24*]. Топонимические примеры многочисленны: *Vidoinnisku*/*Виданский порог* (в документе 1563 г. *Веданская нежка* [ПКОП, *136*]), *Юманишко* (р. Шуя), *Коссаниски* (р. Суна), *Оянишко* (р. Лужма), *Кивитемска низка* (р. Варзуга) и др.

Фин. ***ryöppy***, ***ryöppä***, ***ryöpsy*** ‘небольшой стремительный порог’ [Nissilä, 1975, *34*]. Ср. *ryöppä* ‘поток’, *ryöpsähdys* ‘поток, струя, брызги’; *ryöp(p)eä* ‘бурлящий, кипящий, сильный (поток); буйный, быстрый’ (< *ryöpytä* ‘литься потоком, бить струей, пениться, клубиться’, *ryöpsähtää* ‘хлынуть потоком’) [SKES, *906–907*]: пор. *Soarnijaisiikoseryöppä* (р. Садейоки), *Ryöpsäkorva* (р. Вуокса) [Nissilä, 1975, *35*], *Рop-порог* (р. Уница).

Фин. ***sahi*** ‘небольшой порог; каменистый водопад в реке; мелкое место в реке, узость, каменная гряда’, ***sahti***, gen. *sahin* ‘мелкий каменистый пенистый порог’, карел. ***šahi*** ‘небольшая стремнина’, ***sahu*** ‘каменистый ручей’ [SKES, *943*; Nissilä, 1975, *34*]: пор. *Саханкоски* (р. Тохмайоки), *Sahi* (р. Эно), *Laimmeesahi* (стремнина в реке близ Корписелькя), *Sahti* (узость в ручье в Китеа), *Saht* (кипящий участок порога *Saariaisienkoski* на р. Садейоки) [Nissilä, 1975, *35*].

Слово представляется производным от фин. *sahista* ‘шуметь’; с семантической стороны ср. рус. *воркун* ‘порог, перекат, покатый водопад’ (Сибирь) [Мурзаев, 1, *135*], коми *борган* – обозначение журчащих речек или порожистых мест, производное от *боргыны* ‘журчать’ [Кривощекова-Гантман, 1985, *114*].

Фин. ***virta*** ‘стремнина, течение’, карел. ***virta***, ***virda*** ‘поток, течение; мель в реке’, ливв. ***virdu***, люд. ***vird*** ‘стремнина, течение’ (> саам. ***virde***, ***virdte*** ‘течение, поток; быстрая река’) [SKES, *1789*; Мамонтова, Муллонен, 1991, *101*]: в Карелии пор. *Pitkävirta* (р. Пистайоки), *Sotavirta* (р. Войница), *Гиренвирта* (р. Судно), *Kalšivirda* (р. Каменная-Хяме), *Хиетавирта* (р. Чирка-Кемь), *Sahivvirta* (порог в реке близ Контиолахти).

В. Томсен в качестве источника финского термина предложил лит. *virtis* ‘водоворот’ [Thomsen, 1890, *243*]. С балтийскими или балто-славянскими источниками связывает происхождение финского термина и Й. Койвулехто: ср. лит. *vyrius*, лат. *virtenis* ‘водоворот, поток’ [Koivulehto, 1999, *155*, *159*]. Но слово могло возникнуть и на собственно финской почве: ср. фин. *virrata* ‘течь, литься струей’, эст. *vird*, *virra* ‘рябь, зыбь’ при *virdama*, *virrata* ‘покрываться зыбью; бродить (о сусле)’ [Tamm, 1962, *660*] – независимо от того, является ли прибалтийско-финский глагол исконным или заимствованным.

Итак, по имеющимся на настоящий момент данным, русские в Карелии для обозначения порогов использовали 6 собственных терминов и 7 заимствованных (всего 13); саамы – 10 общефинских (в том числе 2 финно-угорских), 10 собственных (2 из них, возможно, субстратные) и 3 заимствованных (2 у прибалтийских финнов, 1 у русских) – итого 23; карелы – 10 общефинских (2 финно-угорских), 9 собственных и 4 заимствованных (2 у саамов, 1 у скандинавов, 1 у русских) – итого 23; наконец, у вепсов отмечено 6 терминов, из которых 4 общефинских (1 финно-угорский), 2 заимствованы у русских.

Интересно, что, в отличие от названий иных элементов северного рельефа, в финской терминологии речных порогов не наблюдается заимствований из балтийских языков (кроме, разве что, *virta*). Заимствования из русского являются поздними и, очевидно, избыточными.

Изложенные данные показывают, что разные народности пришли на Север со своим исконным запасом терминов[9], относительно небогатым. Затем происходила выработка необходимых неологизмов и – в гораздо меньшей степени, если не говорить о русских, – заимствование у соседей или аборигенов. В настоящее время очевидно обеднение соответствующей лексики. В связи с утратой тесных связей человека и природы, обусловленной изменениями в типе хозяйственной деятельности, исчезла и необходимость в детализированной терминологии речных препятствий, осколки которой порой сохраняются лишь в топонимах. Разрушение системы терминов особенно наглядно демонстрируют такие примеры, как *печка* и *пуганда.* Это разрушение не возвращает, однако, систему терминов к исходному состоянию: часть исконных терминов заменяется новообразованиями или же заимствованиями. Кстати, это же разрушение (отчасти – забвение) терминологических систем создает впечатление их избыточности. На вышеприведенном материале нетрудно убедиться, что подчас указываемое словарями значение некоторых терминов оказывается довольно размытым, что, кстати, в ряде случаев затрудняет поиск их этимологических связей. Думается, что это связано именно с нечетким осознанием информантами исконного значения того или иного термина.

Можно отметить, что не только у прибалтийских финнов, проживавших в различных типах ландшафтов (сравним, например, карел и вепсов), система номинации порогов оказалась существенно различной. Русская система номинации порогов Карелии, левобережья Онеги и Кольского полуострова также резко отличается от таковой для Вологодской, Новгородской и Архангельской областей. В первую очередь это выражается в отсутствии в Карелии как некоторых общевосточнославянских терминов (*бырь*, *вырь*; *лава*; *борзина*; *опока*, *опочка*), так и терминов, свойственных ряду указанных территорий Русского Севера (например, *борозда*, *груда* на р. Сухона).

Интересен инвентарь моделей образования терминов, номинирующих пороги. Оставив в стороне этимологически неясные термины, мы можем выделить четыре продуктивные модели:

– сдвиг (развитие) семантики существительных со значениями ‘риф, отмель, скала, камень’, ‘яма, обрыв’, ‘склон, наклон’;

– метафоризация анатомических терминов со значениями ‘затылок’, ‘горло’, ‘голова’;

---

[9] Серьезное различие фонда географической лексики в целом у саамов и прибалтийских финнов отмечено Я. Саарикиви [2002]. В нашем случае это различие проявляется еще более резко.

– образование терминов от прилагательных со значениями ‘сухой’, ‘быстрый’, ‘крутой’;

– образование терминов от глаголов со значениями ‘ломать, рубить’, ‘протискиваться’, ‘падать’, ‘прыгать’, ‘течь, литься’, ‘шуметь, греметь’, ‘пениться, клубиться, кипеть, бурлить, бушевать’.

Эти модели активны как в саамских диалектах и прибалтийско-финских языках, так и в русском языке. Немногочисленные, к сожалению, данные, которыми мы располагаем по лексике других языков (славянских, уральских, тюркских, германских), дают тем не менее основания полагать, что представленные модели являются языковыми универсалиями.

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археологическою экспедициею Академии Наук. Т. 1–4. СПб., 1836.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., исправ. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

АСМ 1 – Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

АСМ 2 – Акты Соловецкого монастыря 1472–1584 гг. Л., 1990.

Бадюдин А. Г. Сплавщику Карелии. Петрозаводск, 1966.

Бубновский М. Пути сообщения в Архангельской Карелии // Изв. АОИРС. Архангельск, 1917. № 5. С. 183–202.

Григорьев С. В. Водопады Карелии. Петрозаводск, 1956.

ГСК – Географический словарь Кольского полуострова. Ч. 1. Л., 1939.

Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919.

Керт Г. М. Саамский язык. Л., 1971.

Кривощекова-Гантман А. С. Специфика формантного метода в агглютинативных языках (на материале пермских языков) // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 107–117.

КЭСК – *Лыткин В. И.*, *Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Мамонтова Н. Н., *Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Муллонен И. И. Некоторые наблюдения над вепсской географической терминологией // Топонимия Урала и севера европейской части СССР. Свердловск, 1985. С. 98–106.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т.1–2. М., 1999.

Напольских В. В. Происхождение субстратных палеоевропейских компонентов в составе западных финно-угров // Балто-славянские исследования. 1988–1996. М., 1997. С. 198–208.

Попов А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.

Попов А. И. Географические названия: Введение в топонимику. М.; Л., 1965.

ПКВП – Переписная окладная книга по Новугороду Вотской пятины 7008 года // Временник МОИДР. Кн. 12. 1852.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ПКУС – Писцовая книга 1622 г. Усть-Мошского стана Каргопольского уезда // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 гг. Петрозаводск, 1869.

РФС – Русско-финский словарь / Сост. Н. Ф. Рождественский. М., 1935.

Саарикиви Я. Саамская субстратная топонимия Русского Севера с точки зрения сравнительной финно-угристики // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 94–113.
Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. Т. 2, ч. 2. М., 1905–1909.
СВЯ – *Зайцева М. И.*, *Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.
СГКЭ – Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929.
СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001–… . Т. 1–… . Север. М., 1985.
СлБРС – *Муллонен И. И.*, *Азарова И. В.*, *Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–… . Вып. 1–… .
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–… . Вып. 1–… .
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–… . Вып. 1–… .
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
ФРС – Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос и А. Щербаков. М., 1975.
Харузин Н. Н. Русские лопари // Изв. ОЛЕАЭ при Московском ун-те. Т. 66. Труды этнограф. отд. Кн. 10. М., 1890.
Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.
Шилов А. Л. О некоторых терминах, обозначающих водные препятствия в Карелии // Изв. РГО. Т. 128, вып. 6. СПб., 1996. С. 81–85.
Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопр. языкознания. 1999а. № 6. С. 100–114.
Шилов А. Л. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999б.
Шилов А. Л. «Анатомические» географические термины в топонимии Карелии и Кольского полуострова // Изв. РГО. Т. 131, вып. 4. СПб., 1999в. С. 99–105.
Шилов А. Л. К реконструкции системы номинации порогов на реках Карелии и Кольского полуострова // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 68–78.
Шилов А. Л. Топонимические модели и этимология субстратных топонимов // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 29–42.
ЭРС – Эрзянско-русский словарь. М., 1993.
Ariste P. Über wotische Ortsnamen // СФУ. 1967. Т. 3, № 2. С. 77–84.
Itkonen T. Kosken korva // Kalevalaseuran vuosikirja. № 39. Helsinki, 1959. S. 231–245.
KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1–2. Helsinki, 1958.
Koivulehto J. Verba mutuata. Helsinki, 1999 (MSFOu 237).
Kujola J. Lyydilaismurteiden sanakirja. Helsinki, 1944.
Nissilä V. Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
Närhi E. M. Niva-nimistä // Virittäjä. 1962. S. 385–390.
Paasonen H. Ost-Tscheremissisches Wörterbuch. Helsinki, 1948.
SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.
SRO – Svensk-Rysk Ordbok. Helsingfors, 1905.
Swedell U. Finska och samiska ortnamn i Sverige. Uppsala, 2001 (Opuskula Uralica 4).
Tamm J. Eesti-vene sonaraamat. Tallinn, 1962.
Thomsen V. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. En sproghistorisk undersøgelse. København, 1890.
Wichmann Y., *Uotila T. E.* Syrjänischer Wotschatz. Helsinki, 1942.

* * *

Алексей Львович Шилов – доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института общей и неорганической химии РАН, член Русского географического общества.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

Е. В. Душечкина

ИМЯ ДОЧЕРИ «ВОЖДЯ ВСЕХ НАРОДОВ»[1]

The author of the article makes an attempt to find (at least hypothetical) answers on the two questions, firstly why the Stalin's daughter got the name Svetlana, and secondly how the fact of calling her Svetlana influenced (if it did) on the further fate of this name in Russia.

Проблематика настоящей статьи лежит в русле тех аспектов антропонимики, которые связаны с вопросами имянаречения, а также распространения и функционирования в обществе личных имен [см.: Белоусова, 2001, *302*]. В центре сюжета – событие, произошедшее 28 февраля 1926 г.: в этот день у И. В. Сталина родилась дочь, которая была названа *Светланой*. Это был третий ребенок Сталина. В 1907 г. у его первой жены Екатерины Семеновны Сванидзе родился сын, названный *Яковом*; в 1921 г. вторая жена Сталина Надежда Сергеевна Аллилуева родила ему сына *Василия*. Сыновьям, как видим, были даны традиционные христианские имена. *Светлана* выпадает из этого ряда.

Имя *Светлана* является одним из выдуманных литературных имен второй половины XVIII – начала XIX в. с положительной эмоциональной окраской (типа *Милана*, *Прията*, *Милолика*, *Добрада*, *Блондина*, *Любим* и др.) [см.: Душечкина, 1996; 2001а; 2001б]. Впервые употребленное А. Х. Востоковым в «старинном романсе» «Светлана и Мстислав» (1802), имя *Светлана* было использовано Жуковским в одноименной балладе (1812), имевшей у читателей такой успех, что вскоре после создания она превратилась в хрестоматийный текст. Уже в 1820 г. она была включена Н. И. Гречем в «Учебную книгу по российской словесности» и впоследствии, вплоть до революции 1917 г., входила практически во все школьные и гимназические хрестоматии [см.: Греч, 1820, *345–352*], что сделало ее общеизвестной.

Следствием этой популярности баллады и обаяния созданного в ней образа героини стало возникновение в литературе, фольклоре и жизни образов-двойников *Светланы*, а также ее портретных изображений. В качестве антропонима имя *Светлана* начинает функционировать еще в 1810-е гг., став вторым именем Александры Протасовой (Во-

---

[1] Статья выполнена при поддержке гранта American Council of Learned Societies (ACLS).

© Е. В. Душечкина, 2004

ейковой), которой Жуковский и посвятил свою балладу, прозвищем самого Жуковского в среде арзамасцев, а также именем ряда женских персонажей литературных произведений. С середины XIX в. круг объектов, названных именем *Светлана*, расширяется: оно присваивается морским судам (винтовой фрегат «Светлана», крейсер «Светлана»), пансионатам, промышленным предприятиям и т. п.

Однако, поскольку в святцах это имя отсутствовало, то в качестве официального личного имени *Светлана* в течение долгого времени не функционировала. Родителям, желавшим иметь дочь Светлану, приходилось крестить девочку другим именем, в то время как *Светлана* использовалось как имя домашнее, неофициальное [см., например, об этом: Синицына, 1995, *58*]. И такие случаи не были единичными.

После Октябрьской революции авторитет святцев был поколеблен, что спровоцировало в обществе неслыханный «антропонимический взрыв», следствием которого явилось существенное увеличение количества употребляемых имен – иностранных, литературных, древнерусских и выдуманных [см.: Горбаневский, 1987, *152*]. Большинство появившихся в это время имен (некоторые из них носили курьезный характер) вскоре вышло из употребления, и лишь немногие, закрепившись в русском именнике, стали со временем восприниматься как вполне обычные имена. *Светлана* оказалась среди последних. Специалисты по русской антропонимии, характеризуя антропонимическую картину послереволюционного времени, относят *Светлану* к категории «очень редких» имен. Однако употребление этого имени обнаруживало в то время явную тенденцию к росту, постепенно превращая его в одно из любимых имен как культурной, так и партийной советской элиты. Приведем ряд примеров. В 1920 г. у знаменитого лирического тенора Л. В. Собинова родилась дочь, названная *Светланой*; в 1923 г. тем же именем называет свою дочь Н. И. Бухарин; в 1925 г. дочь *Светлана* рождается у известного советского военачальника М. Н. Тухачевского, а в 1926 г., как уже говорилось, *Светланой* была названа дочь Сталина.

В настоящей работе делается попытка ответить (хотя бы гипотетически) на два вопроса: во-первых, почему дочь Сталина получила имя *Светлана* и, во-вторых, как повлиял (если повлиял) сам факт наречения ее *Светланой* на дальнейшую судьбу этого имени.

У кого и как могла возникнуть мысль из широкого репертуара женских имен выбрать для новорожденной достаточно экзотическое в то время имя, неизвестно. Сама Светлана Аллилуева (Сталина) в книгах, написанных ею в 1960–1980-х гг., относясь, по-видимому, к своему имени как к совершенно ординарному, по этому поводу ничего не пишет.

Свои предположения на этот счет высказал М. Вайскопф в недавно вышедшей книге «Писатель Сталин». Обсуждая проблему «кавказского субстрата» в личности Сталина, М. Вайскопф сближает имя дочери Сталина с его псевдонимом, с одной стороны, и с кавказской мифологией – с другой. В представлении Сталина имя *Светлана* связывалось, по мнению М. Вайскопфа, с именем матери героя нартовского эпоса *Сослана* или *Сосырко* (в переводе – *Стального*, откуда, как он считает, происходит и псевдоним Сталина). Мать этого Сослана *Сатана* – мудрая вещунья, чародейка и отравительница, родившаяся из трупа женщины. Таким образом, Сталин дает своей дочери имя (а М. Вайскопф не сомневается в том, что это был выбор Сталина), «напоминающее о матери эпического Сослана – светозарной Сатане…» [Вайскопф, 2001, *196*].

Когда Светлана была ребенком, Сталин, как отмечает М. Вайскопф, «с совершенно избыточным постоянством обыгрывает ее зловещее детское прозвище»: в письмах к жене (также уроженке Кавказа), упоминая о дочери, он «почти всегда называет ее *Сатанка*» [Вайскопф, 2001, *196*]. После гибели жены (в 1932 г.) Сталин стал заменять *Сатанку* на *Сетанку* якобы для того, чтобы «избежать обидных и непонятных для девочки коннотаций» [Там же]. Сама же Светлана пишет: «Называл он меня (лет до шестнадцати, наверное) “Сетанка” – это я так себя называла, когда я была маленькая» [Аллилуева, 1994, *78*].

Весьма сомнительно, что, выбирая имя для дочери, Сталин не только вспомнил нартовский эпос, но восстановил в своем сознании имена его героев и их мифологические функции – и все это только для того, чтобы назвать дочь именем, ассоциирующимся с матерью Сослана, т. е. с его собственным именем-псевдонимом. Думается все же, что дело обстояло гораздо проще. Варьирование домашнего имени Светланы – *Сетанка*/*Сятанка*/*Сатанка* (а по нашим наблюдениям, все три варианта встречаются на равных в семейном языке) вполне отвечает ассимиляционным закономерностям детского языка: ударное *а* второго слога спровоцировало в языке ребенка безударное *а* первого слога, сначала с сохранением, а затем и с утратой мягкости предшествующего согласного. Девочку ласково называли *Светланкой*, и потому она сама стала звать себя *Сетанкой*/*Сятанкой*/*Сатанкой*, и это ее самоназвание было подхвачено старшими. В письме к Сталину от 21 сентября 1931 г. (когда Светлане было пять лет) Надежда Аллилуева пишет: «Направляю тебе “семейную корреспонденцию”. Светланино письмо с переводом, т. к. ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет». В этом письме рукою самой Светланы сделана подпись: «Твоя Сятанка» [см.: Мурин, 1992, *56–57*]. Кстати, Надежда в известных нам письмах называет дочь *Светланочкой* или *Светланкой*, в то время как в письмах Сталина мы читаем «Здравствуй, Сетанка!»; «Милая Сетанка!». Сталину, как кажется, вообще было свойственно в семейном общении использовать «детский язык»: письма к жене он часто заканчивает словами: «целую кепко ного», «целую очень ного, кепко ного» (т. е. «целую крепко много», «целую очень много, крепко много» [см.: Мурин, 1993, *33*, *35*]. Эффектная концепция М. Вайскопфа представляется нам надуманной и (в данном случае) без особой нужды демонизирующей образ Сталина. Кроме того, эта концепция не учитывает специфики имени *Светлана* в 1920-е гг., о чем говорилось выше. И наконец, есть основания усомниться в том, что имя *Светлана* было выбрано самим Сталиным.

Надежда Аллилуева родила дочь в Ленинграде, куда она приехала к родителям за несколько месяцев до родов и вернулась в Москву, когда девочке было уже около трех месяцев. Б. Бажанов, бывший в 1923–1928 гг. секретарем Сталина, много общавшийся с его женой и, по его словам, «даже несколько подружившийся» с ней, вспоминает: «Через некоторое время Надя исчезла, как потом оказалось, отправилась проводить последние месяцы своей новой беременности к родителям в Ленинград. Когда она вернулась и я ее увидел, она мне сказала: “Вот, полюбуйтесь моим шедевром”. Шедевру было месяца три, он был сморщенным комочком. Это была Светлана…» [Бажанов, 1997, *116–117*].

О причине отъезда беременной Надежды Аллилуевой в Ленинград нам ничего неизвестно, хотя сам этот поступок удивления не вызывает: женщины нередко едут рожать в родительский дом, рассчитывая в первые месяцы после родов на помощь матери. Однако, если вдуматься в этот факт биографии жены Сталина, встает вопрос, почему

она поступила так при рождении своего второго ребенка, в то время как первый (Василий) был рожден ею в Москве? Не стала ли причиной отъезда Надежды Аллилуевой в Ленинград очередная размолвка с мужем, с которым к середине 1920-х гг. ее отношения становятся все более и более напряженными? Странным дополнением к сведениям о рождении Светланы в Ленинграде является фрагмент из ее первой книги «Двадцать писем к другу», написанной в 1963 г., где сообщается, что в 1926 г. у Сталина с женой произошла ссора, результатом которой явился ее отъезд к родителям с обоими детьми (т. е. Василием и Светланой). «Мамина сестра, Анна Сергеевна, – пишет Светлана, – говорила мне не так давно, что в последние годы своей жизни маме все чаще приходило в голову – уйти от отца <…> Как-то еще в 1926 году, когда мне было полгода, родители рассорились, и мама, забрав меня, брата и няню, уехала в Ленинград к дедушке, чтобы больше не возвращаться» [Аллилуева, 1994, *83*; см. также: Такер, 1991, *395–396*]. Некоторые дополнительные детали этого инцидента были получены Светланой от ее няни: «Няня моя рассказывала мне, что отец позвонил из Москвы и хотел приехать “мириться” и забрать всех домой. Но мама ответила в телефон, не без злого остроумия: “Зачем тебе ехать, это будет слишком дорого стоить государству! Я приеду сама”. И все возвратились домой...» [Аллилуева, 1994, *83*].

Таким образом, получается, что либо Надежда Аллилуева на протяжении одного года уезжала к родителям дважды (причем на достаточно продолжительный срок), либо по прошествии тридцати с лишним лет (когда и состоялся у Светланы разговор с теткой об этом событии) время ссоры между Сталиным и Надеждой, приведшей к ее отъезду, сместилось в сознании рассказчицы на несколько месяцев. Так или иначе, но можно с определенной степенью достоверности утверждать, что, рожая дочь, Надежда Аллилуева была в ссоре со своим мужем. Этот факт делает, на наш взгляд, правдоподобной версию о том, что имя для новорожденной выбиралось в его отсутствие и без его участия. В написанном еще из Ленинграда письме Надежды Аллилуевой, адресованном матери Сталина и датируемом 14 апреля 1926 г. (т. е. через полтора месяца после рождения дочери), она уже пишет о ней как о *Светлане*: «Дорогая мама Кэтэ! <…> Недавно я родила вам внучку, очень хорошую девочку, которую зовут Светланой. Родилась она 28/2 в 3 часа ночи» [цит. по: Самсонова, 1998, *35*].

Вполне возможно, что Надежда Аллилуева, будучи личностью независимой и твердой, вопрос о наречении дочери решила сама или же со своими родителями. На выбор имени новорожденной, помимо неуклонно возрастающей популярности имени *Светлана*, могло, на наш взгляд, повлиять и имя дочери Бухарина (родившейся за три года до Светланы Сталиной), с семьей которого в 1920-е – начале 1930-х гг. были близки как Сталин, так и его жена.

Не исключено, однако, что в наречении новорожденной принимал участие и дед Светланы – Сергей Яковлевич Аллилуев (1866–1945), партийный соратник Сталина еще с конца XIX в., который, переехав в 1907 г. в Петербург, начинает служить в Обществе электрического освещения и до конца жизни оказывается связанным с электротехнической промышленностью и строительством электростанций. Профессиональная деятельность деда Светланы, не имеющая на первый взгляд отношения к выбору имени внучки, именно в 1920-е гг. могла оказаться в этом вопросе решающим фактором. Имя *Светлана*, которое в эти годы уже утрачивало связь с героиней баллады (на долгие десятилетия исключенной из школьных программ), в эпоху реализации плана ГОЭЛРО по электрификации страны (согласно провозглашенному в 1920 г. ленинскому лозунгу

«Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны») стало приобретать новые коннотации. Производное от слова *свет*, это имя начинало «впитывать» в себя оттенки, отражающие дух времени, ассоциируясь с выражениями *электрический свет*, *светлый путь*, *свет коммунизма* и т. п. Связь имени *Светлана* с «электрической» семантикой начала возникать еще в дореволюционные годы, когда в 1913 г. в Петербурге «Светланой» было названо отделение электрических ламп (существующее поныне под тем же именем Производственное объединение электронного приборостроения) [см.: «Светлана», 1986, *15*]. Это предприятие производило *свет*овые *ла*мпы *на*каливания, откуда возникла аббревиатура *свет-ла-на*, вошедшая в употребление: в 1920–1930-е гг. это словоупотребление было более распространенным, нежели пресловутая «лампочка Ильича». Видимо, по той же причине название «Светлана» получил и совхоз, созданный вблизи строившейся в 1921–1926 гг. по плану ГОЭЛРО Волховской ГЭС. Широкое внедрение в производство и быт электрической энергии буквально «электрифицировало» эпоху. Не захотел ли электротехник и строитель Шатурской ГЭС С. Я. Аллилуев, старый партиец и атеист (а потому, конечно, не озабоченный проблемой крещения внучки и наречения ее по святцам) назвать ее именем, связанным с «электрической» символикой новой эпохи?

Тот факт, что дочь «гения всех времен и народов», «великого Сталина» звалась *Светланой*, не мог не сыграть роли в дальнейшей судьбе этого имени. Примеру Сталина последовали другие руководители советского государства, писатели, деятели культуры и рядовые граждане. Уже во второй половине 1920-х гг. дочери Светланы рождаются у писателя М. А. Шолохова (1926), у ближайшего сподвижника Сталина В. М. Молотова (1929), у молодого драматурга А. Н. Афиногенова (1929), у генерального конструктора Артема Ивановича Микояна (брата Анастаса Ивановича) и у других. К началу 1930-х гг. имя дочери Сталина стало известно и широким кругам советского общества. Не только на ее отца, но и на нее, стоящую на трибуне девочку, ежегодно 7 ноября и 1 мая были устремлены глаза ликующих демонстрантов [см.: Васильева, 1996, *171*]. 3 августа 1935 г. в «Правде» была воспроизведена фотография «Товарищ Сталин с дочерью Светланой». Так имя *Светлана* начало ассоциироваться со Сталиным, а образ Светланы Сталиной превращался в один из символов времени. В результате возникает связь этого имени с другими «именами идеологического звучания» – *Владилен*, *Вилен*, *Ленина*, *Сталина* и т. п. [см.: Бондалетов, 1976, *38*].

В популяризации имени дочери Сталина определенную роль сыграл и начинающий детский поэт Сергей Михалков, который 28 февраля 1935 г. (как раз в день рождения Светланы Сталиной) опубликовал в газете «Известия» «колыбельную» под названием «Светлана»:

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло на весу…
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.
<…>
Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В темной комнате, Светлана,
Сны веселые смотри.

[Михалков, 1935, *3*]

Сам Михалков в мемуарах появление *Светланы* в качестве адресата «колыбельной» мотивирует стремлением завоевать симпатию своей однокурсницы по Литинституту, носящей это имя. «Мог ли я подумать, – восклицает Михалков, – что в моей судьбе такую роль сыграет случайное совпадение имен моей знакомой девушки и любимой дочери “вождя народов”?!» [Михалков, 1998, *57*]. Это «случайное» совпадение действительно сыграло в судьбе автора «Дяди Степы» определяющую роль, раз и навсегда обеспечив ему расположение Сталина. Рассказывая эту историю, Сергей Владимирович явно не учел того факта, что адресат его «колыбельной», «однокурсница по Литинституту», родилась еще до революции, а потому (как уже говорилось) имела слишком мало шансов быть названной *Светланой*.

Поступок Михалкова, как откровенно карьерный, получил освещение в ряде «непридуманных анекдотов» о Сталине. В изложенном А. Жовтисом варианте за три дня до дня рождения Светланы Сталиной (когда ей должно было исполниться десять лет) Михалков принес в редакцию «Пионерской правды» стихотворение «Светлана». Редактор, осознав, что речь в нем идет о дочери Сталина, вначале испугался, но потом все же отважился рискнуть и опубликовать принесенный Михалковым текст. «Через три дня девочка Светлана открыла “Пионерскую правду”, увидела стихотворение, которое не могло не относиться к ней, поскольку именно ей, а не какой-нибудь другой девочке сегодня исполнилось десять лет, и побежала показывать его папе. Папа прочел стихи, усмехнулся в усы и восхищенно подумал: “Ну и жук!”» [Жовтис, 1995, *18–19*; см. также: Бореев, 1990, *91*]. Несмотря на то, что в данном варианте искажены некоторые факты (во-первых, стихотворение Михалкова было напечатано в «Известиях», а не в «Пионерской правде», во-вторых, Светлане Сталиной в 1935 г. исполнилось не десять, а девять лет), суть дела они отражают верно. «Предполагаю, что много поколений детей нашей страны читало и знает это стихотворение», – простодушно пишет С. В. Михалков [Михалков, 1998, *56*]. И он прав: колыбельная «Светлана» перепечатывалась многократно (каждый раз беспрепятственно получая на это разрешение Главного управления по контролю за зрелищами и репертуаром [см., например: Репертуарный бюллетень, № 3, *17*]), тем самым популяризируя как дочь Сталина, так и ее имя, частотность употребления которого в 1930-е гг. (как в жизни, так и в литературе) неуклонно растет.

Подобно тому как в XVIII в. именник дворянок отражал рост имен, носителями которых были царицы [см.: Никонов, 1971, *134*], так в сталинскую эпоху явную тенденцию к росту обнаружило имя *Светлана*. Имя *Светлана* в повести «Голубая чашка» (1935) дает своей маленькой героине Аркадий Гайдар. О невестке по имени *Светлана* мечтает героиня повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна» (1940): «Засыпая, Софья Петровна старалась представить себе ту девушку, которую полюбит Коля и которая станет его женой: высокую, свежую, розовую, с ясными глазами и светлыми волосами… Ната? Нет, лучше Светлана» [Чуковская, 1990, *23*]. Имя *Светлана* получает и героиня одноименного балета Д. Л. Клебанова (по сценарию И. И. Жиги), в котором она, дочь дальневосточного лесничего, является возлюбленной комсомольца Илько, вступившего в борьбу с диверсантом и шпионом [см.: Репертуарный бюллетень, № 1–2, *9–10*]. Примеры могут быть умножены.

По мере своего распространения в жизни и в литературе, сохраняя в себе и оттенок новизны, и связь с именем дочери Сталина, имя *Светлана* постепенно превращается в обычное, немаркированное имя. О роли Жуковского в судьбе этого имени было

давно забыто. Однако память об этой связи сохранили русские эмигранты первой волны. Когда в 1960-е гг. как в советской, так и в зарубежной печати поднялся шум по поводу бегства за границу Светланы Сталиной (к тому времени ставшей Аллилуевой), ее имя вдруг оживило образ героини Жуковского. Так, в ноябре 1967 г. в парижском журнале «Возрождение» было напечатано письмо в редакцию Ольги Керенской, выразившей свое возмущение по поводу того, что на обложке одного из номеров журнала воспроизведена фотография Светланы Аллилуевой и что в передовой статье о ней говорится как о «воплощении всего русского многострадания и героине». Автор письма видит в этом «моральное оскорбление всему русскому народу» [Керенская, 1967, *127*]. Через номер в том же журнале публикуется заметка Марины Старицкой, выступившей в защиту Светланы и утверждавшей, что и при жизни ее отца Светлана не стояла «рядом со Сталиным, как Берия, как Ежов, как Ягода и другие палачи…» [Старицкая, 1968, *124*]. Старицкая пишет, что впервые она услышала о Светлане в связи с распространившимся слухом о ее заступничестве за Ахматову перед Сталиным (из-за чего якобы Ахматова и не была репрессирована): «Так я узнала, что у Сталина есть дочь с нежным именем из Жуковского “Светлана” <…> И эта Светлана добрая, она заступилась за мою любимую Анну Ахматову <…> Было немного стыдно верить, что в этой страшной шайке убийц, палачей и профессиональных преступников, которые правили нами, в этом страшном, черном и кровавом месиве мог жить кто-то добрый, кто-то чистый и обладающий человеческими чувствами, как мы. Но очень хотелось верить» [Там же, *125*].

Так, через полтора столетия после создания баллады «Светлана» были неожиданно сближены, слившись в единый образ, две Светланы – «милое создание» знаменитого «балладника» и дочь «вождя всех народов», давшие, каждая по-своему, толчок к утверждению в русской культуре имени *Светлана*.

Аллилуева С. И. Двадцать писем к другу. СПб., 1994.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина // Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Кривицкий В. Я был агентом Сталина. М., 1997. С. 116–117.

Белоусова Е. А. Социокультурные функции имянаречения // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001. С. 275–302.

Бондалетов В. Д. Русский именник, его состав, стилистическая структура и особенности изменений // Ономастика и норма. М., 1976. С. 12–46.

Борев Ю. Сталиниада. Рига, 1990.

Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.

Васильева Л. Н. Дети Кремля. М., 1996.

Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М., 1987.

Греч Н. И. Учебная книга по российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе. СПб., 1820.

Душечкина Е. В. «При мысли о Светлане…»: Баллада Жуковского в общественном и литературном обиходе // Имя – сюжет – миф. СПб., 1996. С. 45–64.

Душечкина Е. В. «Красуля по имени Света…»: К вопросу о деформации образа и смысла имени // Чужое имя: Альманах «Канун». Вып. 6. СПб., 2001а. С. 261–272.

Душечкина Е. В. Семантическая история одного имени (От Светланы к Светке) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст: Тез. междунар. науч. конф. 30 января – 2 февраля 2001 г. Ч. 2. М., 2001б. С. 207–210.

Жовтис А. Невыдуманные анекдоты: Из советского прошлого. М., 1995.
Керенская О. Письмо в редакцию // Возрождение (Париж). 1967. № 191, нояб. С. 127.
Михалков С. В. Светлана // Известия. 1935. № 151, 28 февр. С. 3.
Михалков С.В. От и до… М., 1998.
Мурин, 1992 – Надежде Сергеевне Аллилуевой лично от Сталина: (Переписка 1928–1931 годов) / Публ. И. Ю. Мурина // Родина. 1992. № 10. С. 50–58.
Мурин, 1993 – Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива / Сост. Ю. Г. Мурин. Берлин; Чикаго; Токио; М., 1993.
Никонов В. А. Женские имена в России в XVIII веке // Этнография имен. М., 1971. С. 120–141.
Репертуарный бюллетень: Театр, эстрада, музыка. М., 1940. № 1–2, 3.
Самсонова В. Дочь Сталина. М.; Смоленск, 1998.
«Светлана»: История Ленинградского объединения электронного приборостроения. Л., 1986.
Синицына Фаина. «Подлежу уничтожению как класс»: История о «раскулачивании» Максимилиана Волошина [Предисловие] // Родина. 1995. № 2. С. 58–62.
Старицкая М. Еще о Светлане // Возрождение (Париж). 1968. № 193, янв. С. 124.
Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность. М., 1991.
Чуковская Л. К. Процесс исключения. М., 1990.

* * *

Елена Владимировна Душечкина – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

А. А. Фомин

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОНОМАСТИКА В РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

The article investigates the history of the elaboration of Russian literary (or poetic) onomastics and the prerequisites of its appearance. There are also discussed both the modern situation in the given scientific branch and the perspectives of its further development.

Вероятно, возникновение и развитие любой науки обусловлено наличием предпосылок такого развития. Это в полной мере можно отнести и к науке, которая появилась буквально на наших глазах и даже не получила пока общепринятого и устоявшегося названия. Речь идет о литературной ономастике, или, как еще ее называют, поэтической ономастике, или литературно-художественной ономастике, или поэтике онима, или именологии – этот ряд наименований одной и той же дисциплины можно было бы и продолжить. Обычно под этими разными названиями имеют в виду науку, занимающуюся изучением собственных имен в произведениях художественной литературы.

Когда речь заходит о предпосылках развития той или иной научной отрасли, следует различать предпосылки внутринаучные, связанные с состоянием самой науки как инструмента познания на определенный момент времени, и экстранаучные, выходящие за пределы собственно научной парадигмы и связанные с состоянием объектов, подвергаемых изучению, и общества, осуществляющего познание. В отношении лингвистической дисциплины, каковой по своему статусу является литературная ономастика, при всем ее комплексном характере и богатстве междисциплинарных связей, это предполагает разграничение интра- и экстралингвистических предпосылок. Экстранаучной предпосылкой возникновения литературной ономастики является достижение литературой, предоставляющей материал, на базе которого происходит исследование собственных имен, необходимого уровня развития. Далее, для возникновения науки, изучающей ономастику художественного текста, абсолютно необходимо четкое осознание участниками литературной коммуникации (автором текста и его читателями) художественно-эстетического потенциала собственного имени, включенности онима в общую парадигму изобразительных средств произведения. Иными словами, необходимо, что-

© А. А. Фомин, 2004

бы имя собственное получило статус художественного приема, войдя в арсенал художественной поэтики. Без этого возникновение науки о поэтике онима вряд ли возможно.

Трудно сказать с полной определенностью, когда у литературного онима появился этот статус. Во всяком случае, уже в античной литературе собственные имена играют важную роль, решая не только собственно лингвистические задачи, но и выполняя ряд художественных функций, присущих и современной нам литературной онимии. Сошлюсь на Горация, чье обостренное внимание к проблемам поэтической формы хорошо известно. Для него собственное имя является важнейшим изобразительным средством, часто указывающим на существенную черту номинируемого объекта, характеризующим его. Например, упоминая в своей сатире (I, 6) вольноотпущенника, стремящегося к общественно-политической карьере, он присваивает ему имя *Новий* (*Novius*), образованное от латинского прилагательного *novus* 'новый'; *homo novus*'ом во времена Горация называли (часто с отрицательной оценкой) выходца из семьи, где до него никто не занимал высоких должностей. Вполне адекватным смысловым переводом было бы русское слово *выскочка*. Единственным достоинством Новия оказывается в сатире Горация сильный и громкий голос, благодаря которому он может перекричать любого на форуме.

– Tune, Syri, Damae aut Dionysi filius, audes
Deicere de saxo cives aut tradere Cadmo?
– At Novius collega gradu post me sedet uno:
Namque est ille pater quod erat meus. – Hoc tibi Paulus
Et Messalla videris? At hic, si plostra ducenta
Concurrantque foro tria funera, magna sonabit
Cornua quod vincatque tubas: saltem tenet hoc nos.

Привожу данный фрагмент в прозаическом подстрочном переводе:

– Неужели ты, сын Сира, Дамы или Дионисия, осмеливаешься сбрасывать со скалы или передавать Кадму граждан? – Но коллега Новий на одну ступень ниже меня: ведь он то, чем был мой отец. – Поэтому тебе кажется, что ты Павл и Мессалла? Но он, если двести повозок и три похоронных процессии сойдутся на форуме, прокричит так, что перекроет громкие рога и трубы: он по крайней мере этим занимает нас.

Смысл этого насыщенного собственными именами отрывка в общем контексте данной сатиры достаточно ясен: Гораций не видит в честолюбии, влекущем человека к высоким постам, никакой пользы, особенно если честолюбец низкого происхождения. Слава порождает завистников, зависть – злословие, а оно опасно в первую очередь для людей незнатных, не имеющих за своей спиной заслуг многих поколений предков. В качестве иллюстрации к этим рассуждениям и появляется данный эпизод.

Имя *Новий*, присвоенное вольноотпущеннику-выскочке, вероятно, создано Горацием искусственно (во всяком случае, так полагают комментаторы его сочинений). Остальные имена взяты из реального антропонимикона той эпохи. Имена *Сир* (*Syrus*), *Дама* (*Dama*), *Дионисий* (*Dionysius*) – типичные имена рабов, причем по крайней мере два из них указывают на этническую принадлежность раба: *Syrus* буквально означает 'сириец', а имя *Dionysius*, связанное с культом древнегреческого бога Диониса, достаточно широко было распространено на территориях, заселенных древними греками. Два упомянутых латинских имени (*Paulus* и *Messalla*) приводятся не только для противопоставления исконных имен чужеземным, реализуя оппозицию *свое – чужое* с за-

данными аксиологическими параметрами, но и формируют две другие оппозиции, значимые для выражения авторской идеи. Это оппозиции *знатный – низкий по происхождению* и *выдвинувшийся по заслугам – выскочка, возвысившийся незаслуженно*. Под Мессаллой имеется в виду Марк Валерий Мессалла Корвин – римский государственный деятель, оратор и писатель, консул в 31 г. до н. э., покровитель кружка поэтов, в который входил Тибулл. Мессалла происходил из патрицианского рода Валериев, известного своей древностью и заслугами. Гораций с уважением упоминает Мессаллу также в 21-й оде из книги третьей од и в «Послании к Пизонам». Кто имеется в виду под именем Павл, сказать трудно; однако известно, что когномен *Paulus* принадлежал представителям некоторых знатных родов (этим когноменом, например, именовалась ветвь патрицианского рода Эмилиев).

Таким образом, при использовании собственных имен Горацием даже в пределах приведенного отрывка обнаруживается целый арсенал приемов. Это конструирование окказионального собственного имени *Novius* с прозрачной внутренней формой для характеристики упоминаемого персонажа. Это также использование имен с четкой социальной привязкой, социальным «ореолом», применяющимся для создания и характеристики образа. Введение в текст собственного имени реального лица служит для создания хронотопического эффекта достоверной, приближенной к читателю современности описываемых событий (той же цели, видимо, служит упоминание имени палача Кадма, но об этом можно только догадываться, так как более подробных сведений об этой фигуре до нас не дошло). Составление синтагматически сопряженных рядов онимов, обладающих общим признаком (*Сир*, *Дама*, *Дионисий*, с одной стороны, и *Павл*, *Мессалла* – с другой), приводит к формированию на их основе текстовой ономастической оппозиции по существенным для автора концептуальным признакам; такая оппозиция необходима для создания антитезы образов, которая конструирует композицию данного фрагмента. Наконец, в использовании имен *Павл* и *Мессалла* можно видеть антономасию[1]. Для каждого из перечисленных приемов мы легко обнаружим аналог в произведениях русской литературы.

Итак, уже античная литература предоставляла тот материал, на основе которого в принципе было возможно возникновение специальной науки о собственных именах в художественном тексте.

Намного позднее сформировались интралингвистические предпосылки развития литературной ономастики. По сути дела, лишь в прошлом веке лингвистика в достаточной мере апробировала ряд важнейших идей, легших в основание новой дисциплины. Это прежде всего представления о системности языка и знаковом характере слова, и в частности имени собственного, предполагающие выделение в нем плана выражения и плана содержания, означающего и означаемого. При изучении знака в его художественной ипостаси, когда эстетическая установка произведения активизирует оба плана знака, это особенно важно. Существенную роль в понимании того, как функционирует оним в тексте, сыграло четкое разграничение языка и речи, так как именно в речевой коммуникации собственное имя реализует свой богатый и разнообразный семантичес-

[1] Н. В. Подольская определяет этот прием как «метафорическое применение ИС [имени собственного] для обозначения лица, наделенного свойствами широко известного по литературе или истории носителя этого имени» [Подольская, 1988, *31*].

кий потенциал. Несомненно также, что новая дисциплина могла сложиться только в тот момент, когда лингвистика сместила общий вектор своих интересов с языковой системы, где ономастика поневоле занимает достаточно скромное место, на речь, где имя в силу своей лингвистической природы становится эффективнейшим инструментом порождения и конденсации разнообразных смыслов. Когда выработанные в рамках структурализма строгие научные методы были перенесены на исследование речевых феноменов, это послужило одной из важнейших предпосылок становления и развития литературной ономастики.

Не менее продуктивным оказалось внедрение структурных методов в литературоведческую науку, осуществленное русской формальной школой в 20-е гг. прошлого века, и творческое развитие и переосмысление их московско-тартуской семиотической школой в 60–70-е гг. Литературная ономастика, будучи принципиально комплексной, пограничной наукой, могла быть разработана в полной мере только тогда, когда были накоплены необходимые знания и теоретические обобщения не только в области лингвистики, но и литературоведения, а также логики, семиотики и герменевтики, на чьи достижения она опиралась и опирается в своем развитии.

В русской литературе объектом рефлексии собственные имена как особый лексический разряд впервые стали в художественной практике классицистов. Рациональная нормативность классицистических произведений потребовала строгой кодификации лексических средств, и в том числе ономастической лексики. Примечательно, что М. В. Ломоносов, совместивший в своем подходе к литературе позиции теоретика и практика, видел в именах собственных один из мощных тексто- и стилеобразующих факторов [см. об этом: Кондратьева, 1967]. Впрочем, гораздо чаще к именам обращались в связи с определенной интерпретацией тех или иных персонажей. Имя при этом не выделялось из художественной и языковой ткани всего произведения в качестве самостоятельной смысловой сущности и отдельного объекта исследования, а воспринималось как атрибут персонажа или даже целого литературного направления и привлекалось только в связи с их анализом. Поэтому на протяжении XVIII–XIX вв. мы почти не находим более или менее развернутых рассуждений о статусе и функциях литературного имени: в сферу интересов лингвистики литературные онимы не попадают, а исследователи литературы и литературные критики ограничиваются отдельными краткими замечаниями, иногда, впрочем, достаточно точными и интересными. Скажем, В. Г. Белинский в ряде своих критических разборов и рецензий[2] обращается к проблеме соответствия художественного антропонимикона антропонимикону реальному, к вопросу о допустимой степени окказиональности литературного имени, о потенциале онима в интертекстуальных отношениях при маркировании им определенной литературной традиции и т. д. Все эти замечания, однако, не развернуты, поскольку автора интересуют совершенно другие вопросы, а ономастический материал привлекается им по ходу дела для аргументации декларируемых взглядов на рецензируемое произведение. Приведу лишь один показательный пример.

Рассматривая образ Печорина и сравнивая героя с Онегиным, критик замечает: «Несходство их между собою гораздо меньше расстояния между Онегою и Печорою.

---

[2] См., например, «Ничто о ничем, или Отчет г. Издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», «О русской повести и повестях Гоголя», «Сочинения Александра Пушкина» и др.

Иногда в самом имени, которое истинный поэт дает своему герою, есть разумная необходимость, хотя, может быть, и не видимая самим поэтом…» [Белинский, 1954, *265*]. Если развернуть это вскользь брошенное замечание, в терминах современной литературной ономастики мысль критика можно интерпретировать следующим образом: имя лермонтовского героя определяет его относительно пушкинского персонажа, и, следовательно, онимы *Онегин* и *Печорин* являются коррелирующими знаками; они создают в читательской проекции лермонтовского романа интертекстуальную ономастическую оппозицию, выражая перекличку образов; образы при этом оказываются в отношениях объекта читательской рефлексии и фона для этой рефлексии, а внутренняя форма фамилий выступает в качестве знака, манифестирующего концептуально важный компонент содержательной структуры произведения через сближение означаемых данных имен. Белинский, впрочем, не настаивает на обязательном наличии рационально осознанной авторской установки такого сближения имен и номинируемых ими персонажей. По его мнению, интуитивный характер создания ономастической номинативной единицы не препятствует закономерному осознанию интертекстуальной переклички со стороны читателя. Проницательное суждение критика имеет, однако, мимолетный характер, так как в центре его внимания не лингвистические или семиотические механизмы выражения определенного художественного содержания, а само это художественное содержание и его отношение к внешней реальности.

Таким образом, литературный ономастикон оказывался вне компетенции основных филологических дисциплин, поскольку ни лингвистика, ни литературоведение не видели в нем своего объекта.

Первые работы, посвященные непосредственно собственным именам, появляются в начале XX в. Их заслуга состоит в том, что они впервые поставили в центр научного поиска имя, переведя его из разряда удобных и всегда имеющихся под рукой иллюстраций или аргументов в категорию объектов, имеющих полноценное право на исследовательский интерес. Впрочем, работы эти весьма немногочисленны и, как правило, невелики по объему. Упомяну для примера небольшие статьи В. И. Чернышева [1908] и Л. В. Васильева [1909] и особенно статью А. Г. Горнфельда [1912], содержащую некоторые интересные размышления о фамилии *Халтюпкина* у Л. Н. Толстого.

Как уже было сказано, большой вклад в постепенное формирование литературной ономастики внесли представители формальной школы. Хотя ономастика никогда не была для них главным и непосредственным объектом исследования, обращение к собственным именам носило в их разысканиях достаточно регулярный характер. Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, исследуя произведения А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского и других русских писателей, на конкретном материале формулируют ряд положений, оказавших заметное влияние на последующее развитие данной дисциплины [см.: Тынянов, 1921, *21*; 1929, *416*, *419–424*, *428–430* и др.; Эйхенбаум, 1919, *153–156*; Виноградов, 1929, *339–340* и т. д.]. Так, Ю. Н. Тыняновым была высказана глубокая идея о принципиальной мотивированности литературного онима художественным образом, следствием чего является характеризующий потенциал имени; в произведении, по его мнению, нет и не может быть «неговорящих» имен, всякое имя в каком-либо отношении характеризует образ и потому представляет собой средство достижения художественной выразительности [см.: Тынянов, 1929, *27*].

Принятие и усвоение идеи художественной ценности литературного имени потребовало изучения собственных имен как в лингвистическом (в качестве языкового и

стилистического феномена), так и в литературоведческом (в качестве компонента литературного произведения) аспекте. Поэтому понятно обращение к собственным именам лингвистов и литературоведов 1930–1940-х гг. На фоне этого интереса появляется (хотя и за пределами России) первая крупная статья о литературной антропонимии у Ф. М. Достоевского [см.: Бем, 1933]. В. В. Виноградов в фундаментальном труде о стиле Пушкина рассматривает некоторые собственные имена, использованные писателем в своих произведениях, в стилистическом аспекте [см.: Виноградов, 1941]. Практические исследования позволяют ему несколько позже выдвинуть в качестве одной из важнейших и перспективных для науки о русском литературном языке задач изучение истории имен и фамилий персонажей русской литературы XVIII–XIX вв. [см.: Виноградов, 1946, *238*]. Несомненно, этому интересу со стороны лингвистов к именам в произведениях художественной литературы немало способствовали и достижения исторической ономастики по изучению становления русского антропонимикона[3].

Не менее активно со своих позиций анализировали собственные имена и литературоведы. Например, сразу несколько авторов юбилейного сборника статей, выпущенного к 150-летию со дня рождения А. С. Грибоедова, рассматривая его комедию «Горе от ума» в различных аспектах, прибегают к ономастическим наблюдениям [см.: Штейн, 1946, *28*; Анциферов, 1946, *174* и др.]. В том же году опубликована большая статья Ю. Н. Тынянова в другом посвященном творчеству Грибоедова сборнике, в которой исследователем на основании сближения фамилий главного героя пьесы и исторически реального П. Я. Чаадаева предлагаются параллели между литературным и историческим персонажами [см.: Тынянов, 1946]. Известный историк языка П. Я. Черных публикует в 1948 г. небольшую заметку об антропонимии грибоедовской комедии, где историко-лингвистический и литературоведческий подходы во многом сливаются [см.: Черных, 1948].

Естественно, антропонимия не одного А. С. Грибоедова привлекала внимание специалистов-филологов в этот период[4]. И все же буквально считанные работы посвящены в 1940-е гг. непосредственно литературным собственным именам; по большей части они по-прежнему рассматриваются как интересный, но вспомогательный материал.

Безусловно, определяющими для возникновения русской литературной ономастики стали 1950-е гг., точнее, их вторая половина. Именно тогда происходит всплеск интереса к литературным именам и, как следствие, резкое увеличение количества научной продукции. Так, среди библиографических материалов по русской литературной ономастике, которые имеются в нашем распоряжении, только три статьи относятся к первой половине 50-х гг. [см.: Каценеленбоген, 1950; Привалова, 1952; Михайлов, 1954], тогда как, судя по тем же материалам, работ, относящихся ко второй половине 50-х гг., насчитывается уже девятнадцать. Однако гораздо важнее те качественные изменения, которые происходят в подходе исследователей к изучаемому объекту. Утверждается

---

[3] Так, в 1948 г. появляется классическая работа А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и отчеств», опубликованная В. Г. Чичаговым уже после смерти автора.

[4] См., например, работу В. Филиппова, где определенное место уделено поэтике собственных имен в пьесах А. Н. Островского [Филиппов, 1946, *122–131*]. В том же году опубликована книга Г. А. Гуковского, в которой автор неоднократно в ходе рассуждений обращается к анализу собственных имен у ряда русских и зарубежных писателей [см.: Гуковский, 1946].

представление о самостоятельной ценности имени собственного как объекта филологического анализа. Это не значит, разумеется, что литературные онимы перестали привлекаться в качестве иллюстративного лингвистического или литературоведческого материала. Такого рода работы, конечно, продолжают появляться [см., например: Бушмин, 1959, *391–395*; Янко-Триницкая, 1957], но все больше становится таких, которые посвящены специальному рассмотрению литературных антропонимов. Начинается этап накопления данных и эмпирического освоения разрозненного фактического материала.

Естественно, что внимание исследователей прежде всего привлекли произведения русской классики XIX в., прочно вошедшие в культурный фонд и лучше всего изученные в филологическом отношении. При этом для анализа обычно выбиралась ономастика писателей, употреблявших литературные имена с яркой внутренней формой или очевидным социальным колоритом, которые сразу бросались в глаза и облегчали распознавание характеризующих функций этих имен. Так, среди упомянутых двадцати двух публикаций, вышедших в 1950-е гг., пять работ было посвящено ономастике Некрасова, по четыре – Салтыкова-Щедрина и Чехова (в основном, раннего), три – Гоголя; остальным писателям (Л. Толстому, Достоевскому, Н. Успенскому, Слепцову, Решетникову) посвящены единичные работы. В то же время начинается разработка более общих вопросов поэтики собственного имени и основных теоретических понятий, необходимых для этого. Следует упомянуть в связи с этим статьи М. И. Приваловой [1952] и М. И. Черемисиной [1958], а также работу Р. П. Шагинян и Э. Б. Магазаника [1958], где исследование ведется на материале произведений ряда авторов. В 1956 г. защищается первая кандидатская диссертация по литературной ономастике, обобщившая накопленные сведения об антропонимии художественного текста и знаменовавшая собой новую стадию изучения собственных имен в художественном тексте [см.: Михайлов, 1956]. По всей видимости, вторую половину 1950-х – начало 1960-х гг. и следует считать датой рождения новой научной дисциплины. Именно в это время окончательно утверждается мнение о самостоятельности ее объекта, эмпирическим путем ищутся методы исследования, накапливается материал, начинает определяться круг задач, вырабатываются основы терминологии. Таким образом, на настоящий момент современной русской литературной ономастике не более 50 лет.

С начала 1960-х гг. началось активное развитие новой науки. Темпы этого развития можно проследить по неуклонному и достаточно быстрому увеличению количества научных публикаций, посвященных самым разным вопросам литературной ономастики.

В составленном нами библиографическом списке, отнюдь не претендующем на исчерпывающую полноту, содержится в общей сложности около 850 названий работ по данной проблематике, которые отражают движение русской литературной ономастики от ее истоков к современному состоянию. Из них шестидесятыми годами датируется 48 работ (более 5 % общей численности), семидесятыми – 116 работ (более 13 %), в восьмидесятые годы вышло 229 работ (около 27 %), а в девяностые и в первые годы нового тысячелетия появилось 434 публикации (более 51 %). На остальные работы, вышедшие до 60-х гг. прошлого века, приходится менее 3 % общего числа публикаций. В грубом приближении можно считать, что после возникновения данной дисциплины количество новых исследований по литературной ономастике с каждым десятилетием удваивается. Особенно впечатляет рост количества опубликованных работ в 1990-е гг., ставшие трудным периодом для российской науки. После распада СССР в ближнем зарубежье оказались сильнейшие ономастические школы, бывшие

центрами развития литературной ономастики в Советском Союзе. Так, в 1960–1980-е гг. собственные имена активно изучались филологами Самаркандского и Ташкентского университетов в Узбекистане, среди которых специалистам по ономастике, пожалуй, наиболее известны имена С. И. Зинина и Э. Б. Магазаника.

На Украине вокруг Ю. А. Карпенко, В. Н. Михайлова и Е. С. Отина возникли целые научные направления, во многом определившие пути развития литературной ономастики. После получения республикой независимости в их деятельности произошли определенные изменения, и в центре внимания украинских ономастов закономерно оказалась родная литература, хотя и к русской словесности интерес в этих школах вовсе не был утрачен. Сейчас украинская литературная ономастика активно развивается, ставя и решая проблемы, во многом схожие с теми, которые стоят перед российскими ономастами. В этих условиях контакты между нашими учеными могли бы быть весьма плодотворными, но приходится констатировать их довольно эпизодичный характер. Очень мало поступает с Украины в Россию и из России на Украину новой литературы по данной тематике, что, несомненно, мешает эффективному сотрудничеству в развитии новой дисциплины.

Таким образом, в приведенных библиографических данных по литературной ономастике 1990-х гг., к сожалению, недостаточно полно отражены работы исследователей из стран ближнего зарубежья. В то же время этот факт делает особенно наглядным высокий темп развития литературной ономастики в России. Даже по количественным параметрам следует сделать вывод об устойчивом росте интереса ученых к функционированию собственных имен в художественных текстах, начавшемся со второй половины 1950-х гг. и продолжающемся по настоящее время. Впрочем, чтобы этот вывод не показался излишне субъективным, его можно проверить на материале других библиографических изданий. Как известно, в 1976 и 1978 гг. были изданы библиографические указатели, включающие обширный список работ по самым различным разделам ономастики, опубликованных в России [см.: Ономастика, 1976; 1978]. Первый из них охватывает восемь лет и содержит 2 509 названий. Второй охватывает пять лет и содержит 2 006 названий работ (а также 792 работы в приложении, относящиеся к периоду с 1918 по 1962 гг., что составило в сумме 2 798 работ). Работ по литературной ономастике (в основном, по антропонимам в художественном тексте) насчитывается в общей сложности 69 на страницах первого указателя (примерно 2,7 % общего количества) и 104 – на страницах второго (без учета 12 работ, приведенных в приложении, это составляет приблизительно 5,2 %). Таким образом, за первое пятилетие 1970-х гг. новых публикаций по литературной ономастике появилось на 50 % больше, чем за восемь предыдущих лет, что, во-первых, несомненно, говорит о высоких темпах развития литературной ономастики в данный период, а во-вторых, вполне соответствует тем количественным параметрам роста, которые были определены выше. Литературная ономастика бурно развивается, и это объективно установленный факт.

Сейчас накоплен значительный материал как по общим вопросам литературной ономастики (специфика литературных онимов, их функции в художественном тексте, взаимодействие с другими единицами текста и тропами, приемы и способы выражения именами разнообразных смыслов и т. д.), так и по конкретным авторам и произведениям. Конечно, как всегда бывает при развитии молодой научной отрасли, собранный и изученный материал представлен очень неравномерно: одним проблемам, писателям, произведениям уделяется значительно больше внимания, чем другим. Встречаются ла-

куны, заполнение которых – дело будущего. Это хорошо видно при сопоставлении количества работ по авторам одного хронологического периода: к примеру, если по ономастике А. С. Пушкина в библиографии, собранной нами, имеется 57 работ, то по ономастике М. Ю. Лермонтова – всего 7, а по антропонимам у А. С. Грибоедова – 9. Немало работ по собственным именам в произведениях Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, М. Горького, тогда как проза И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, И. А. Бунина, А. И. Куприна изучена в этом отношении гораздо хуже. Произведения современных авторов вообще крайне редко привлекают внимание исследователей литературной онимии, хотя перспективность их изучения в ономастическом аспекте вряд ли у кого-то из лингвистов, занимающихся литературной ономастикой, вызывает сомнение.

Неравномерно изучены разряды литературных онимов: основная масса работ посвящена изучению антропонимии, намного меньше работ по литературным топонимам, а исследования по другим разрядам ономастической лексики (зоонимам, астронимам, хрематонимам и т. д.) буквально единичны[5]. Этот факт, несомненно, объясняется количественным преобладанием и функциональным превалированием антропонимии в художественном тексте, что, в свою очередь, находит объяснение в принципиальной антропоцентричности художественного текста. Следует признать, что изучение литературной антропонимии – это магистральное направление в современной литературной ономастике.

Наличие определенных лакун в материале, безусловно, требует их заполнения, но главная перспектива ближайшего времени, на наш взгляд, связана все же с другим. Накопленный фактический материал и эмпирические наблюдения многих исследователей, рассыпанные по многочисленным публикациям, обусловливают потребность литературной ономастики в теоретической концепции, которая могла бы послужить основой дальнейшей научной деятельности[6]. Современная литературная ономастика находится на той стадии, когда особенно плодотворно обобщение полученных результатов, выявление в описанных фактах общих закономерностей и определение приоритетных, наиболее перспективных направлений их изучения. Такая работа не может быть осуществлена в рамках статьи или даже ряда статей; для достижения этой цели необходимо обращение к жанру монографии, жанру, нужно признать, достаточно редкому в современной русской литературной ономастике. Действительно, к настоящему моменту на русском языке опубликовано не более десятка книг по данной дисциплине, весьма различающихся между собой объемом, подходом к объекту исследования, методиками анализа и поставленными целями. Это разнообразие закономерно: оно отражает реально существующие расхождения между исследователями в понимании предмета литературной ономастики и ее места в филологической парадигме.

---

[5] Показательно, что из 69 работ по литературной ономастике, указанных в библиографическом указателе за 1963–1970 гг., 61 посвящена антропонимам, 6 – топонимам и 1 – зоонимам; из 116 работ в указателе за 1971–1975 гг. и приложении к нему антропонимы рассматриваются в 93, топонимы – в 14, зоонимы – в 1, а 8 работ, собранных под рубрикой «поэтическая онимия», выполнены в основном на антропонимическом материале.

[6] Эта потребность ощущается и украинскими исследователями литературной ономастики [см., например: Калинкин, 1999, *18–20*].

Можно констатировать, что среди опубликованных по указанной теме монографий явно преобладают работы лингвистического характера. Осознание того, что собственное имя является лингвистической единицей, функционирующей в специфическом контексте и выполняющей специфические художественные задачи, объединяет большинство данных исследований. Пожалуй, только книга М. С. Альтмана демонстрирует чисто литературоведческий подход к объекту – ономастике Ф. М. Достоевского [см.: Альтман, 1975]. Остальные авторы при рассмотрении ономастической лексики так или иначе обращаются к понятиям и идеям современной лингвистики. Это характерно и для двух работ В. Н. Михайлова [1965; 1981], выросших из практических потребностей преподавания соответствующей лингвистической спецдисциплины в рамках вузовской программы , и для работы Э. Б. Магазаника [1978], делающей упор на изучении художественных свойств собственных имен и их потенциала в области поэтики, и для книги О. И. Фоняковой [1990], попытавшейся ввести литературную ономастику в круг смежных лингвистических дисциплин, прояснить их взаимоотношения и показать разнообразие конкретных методов исследования литературной онимии. Все перечисленные труды выполнены на обширном материале разных авторов и произведений русской литературы. В этом отношении от них отличается книга Г. А. Силаевой [1986], где автор делает объектом своего изучения ономастику одного писателя.

Очень продуктивным для литературной ономастики оказался рубеж тысячелетий, когда появилось сразу три крупных монографии, отразивших напряженный поиск этой наукой новых путей развития. Вместе с тем они показали и многоаспектность современной русской литературной ономастики, разнообразие ее интересов и различное понимание ею своих задач. Предметом исследования А. Б. Пеньковского, например, стал литературный оним *Нина*, который позволил автору в результате лингвокультурологического и герменевтического анализа употребления этого имени в ряде произведений русской литературы сделать весьма интересные выводы о его концептуальном наполнении [см.: Пеньковский, 1999]. Исследованию положения ономастической системы в языке и отражению ее свойств в художественной речи посвящена монография В. И. Супруна [2000]. Наконец, определенный итог изучению поэтики собственных имен в литературе на настоящий момент подводится в книге украинского ученого В. М. Калинкина [1999]. Обращает на себя внимание очевидная закономерность в появлении крупных монографических работ по литературной ономастике: чаще всего они выходят в конце десятилетия или в начале следующего, когда возникает потребность в обобщении накопленных научных данных. Так, книги Э. Б. Магазаника и В. Н. Михайлова суммировали результаты, полученные ономастами 1970-х гг., книга О. И. Фоняковой отразила достижения ученых 1980-х гг., а монографии А. Б. Пеньковского, В. И. Супруна и В. М. Калинкина вобрали в себя новые идеи, развивавшиеся учеными в 90-х гг. прошлого века. Все это также свидетельствует о поступательном движении литературной ономастики, постепенно занимающей достойное место в кругу других филологических дисциплин.

Перспективы дальнейшего развития литературной ономастики, как и любой молодой научной отрасли, связаны с потребностями ее самопознания. Необходимо на основе имеющихся теоретических и практических достижений четко определить ее предмет, задачи, место в современной лингвистической и общефилологической научной парадигме и внутреннюю структуру новой науки. С самого начала к изучению имени собственного вообще и литературного онима в частности обращались специалисты очень разных научных областей и интересов. Естественно, что задачи, которые они пытались

разрешить, и подходы к объекту исследования в их работах сильно различались. В настоящий момент общая картина, отражающая процесс становления новой науки, характеризуется чрезвычайной пестротой.

С известной долей условности можно, пожалуй, говорить о четырех линиях в изучении литературной онимии. Первая может быть названа «философской», так как имя здесь рассматривается в его отношении к другим философским категориям и традиционной философской проблематике. К этому направлению принадлежат работы С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева, А. А. Флоренского и некоторые другие. Вторая линия («логическая») представлена работами специалистов по логике естественного языка, обратившихся к анализу имен собственных [см., например: Руденко, 1988; 1990; Руденко, Сватко, 1993]. В этих работах оним рассматривается в контексте теории референции и в парадигме логических категорий. Третья линия представлена работами традиционной литературоведческой, а четвертая – лингвистической направленности. Степень близости между двумя последними гораздо больше, поскольку они имеют дело с проблематикой смежных наук и, вдобавок, при изучении очень специфичного и многоаспектного по своей природе явления – языковой единицы в литературно-художественной коммуникации.

Из четырех названных направлений наиболее перспективным для литературной ономастики представляется последнее, так как именно в его рамках, на наш взгляд, наиболее полно и объективно могут быть учтены и рассмотрены факторы, влияющие на возникновение и интерпретацию художественного текста. Желательно лишь, чтобы лингвист, исследующий литературные онимы, не ограничивался констатацией тех или иных особенностей языкового «материала» произведения, а обращался бы к анализу смыслообразования на образном и концептуальном уровнях, т. е. стремился бы к решению герменевтических задач. Это в полной мере соответствует повороту современной лингвистики от изучения статической языковой системы к исследованию «языка в его действии». Появившиеся в результате такого поворота новые лингвистические дисциплины – когнитивная лингвистика, теория дискурса, теория интертекста и др., а также активно развивающиеся лингвистика текста и поэтика, – это те науки, с которыми литературная ономастика может сегодня эффективно взаимодействовать при решении своих задач.

Вполне определенно, однако, нужно сказать, что без учета опыта и других путей в исследовании литературного имени развитие новой науки вряд ли будет успешным. Особенно это касается работ с литературоведческой доминантой. По сути, лингвисты и литературоведы часто идут разными дорогами к общей филологической цели – интерпретации текста. Работы всех направлений обогащают литературную ономастику свежими идеями и концепциями, позволяя взглянуть на ее предмет под новым углом зрения. Можно сослаться, к примеру, на теорию референции, логическую по своей сущности, которая может быть применена и при анализе литературной онимии. Вообще, нам представляется, что с излишней строгостью и однозначностью очерченные границы данной научной отрасли только препятствовали бы развитию литературной ономастики и упрощали реальную сложность ее генезиса, ограничивая возможности дальнейших исследований.

Включение литературной ономастики в лингвистическую парадигму предполагает решение ряда внутринаучных задач. Сейчас ею испытывается насущная потребность в формировании собственной методологической базы и инвентаризации терминологического аппарата. Тщательному анализу, в частности, должно быть подвергнуто цент-

ральное понятие литературной ономастики – понятие литературного онима (или поэтонима, как его еще называют) с точки зрения его языковой природы и статуса в тексте, а также внутритекстовых и интертекстуальных связей. В этом отношении может оказаться полезным обращение к теории номинации, изучающей номинативные средства и механизмы текстопорождения. И здесь хочется подчеркнуть эффективность широкого комплексного подхода к материалу исследования: к сфере компетенции литературной ономастики, по нашему мнению, должны быть отнесены не только факты употребления имен собственных в художественном тексте, но и случаи импликации литературных онимов, художественно мотивированного отказа от их употребления (своеобразный «нуль-прием»), и закономерности взаимодействия с ономастической номинацией номинации апеллятивной и местоименной, и т. д.

Даже этот, отнюдь не претендующий на какую-либо полноту перечень задач и проблем, встающих перед новой наукой, наглядно свидетельствует о перспективах ее развития.

Альтман М. С. Достоевский: по вехам имен. Саратов, 1975.

Анциферов Н. Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов, 1795–1829. М., 1946. С. 150–183.

Белинский В. Г. Герой нашего времени: Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1954. С. 193–270.

Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборникъ въ честь на професоръ Л. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863–1933). София, 1933. С. 409–434.

Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М.; Л., 1959. С. 391–395.

Васильев Л. В. (*Васильев Л.*). Что значит фамилия Тентетников? // Русский филологический вестник. Т. 61, № 2. Варшава, 1909. С. 223–226.

Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и Достоевский. М., 1929.

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.

Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII–XIX вв. // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1946. Т. 5, вып. 3. С. 223–238.

Гораций. Собр. соч. Л., 1993.

Горнфельд А. Г. Об одной фамилии у Льва Толстого // Горнфельд А. Г. О русских писателях. Т. 1. СПб., 1912. С. 255–261.

Гуковский Г. А. Очерки по истории русского реализма. Ч. 1. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.

Калинкин В. М. Поэтика онима. Донецк, 1999.

Каценеленбоген М. Г. Функции собственных имен в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе. 1950. № 1. С. 8–15.

Кондратьева Т. Н. М. В. Ломоносов о собственных именах как стилистическом средстве // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Вып. 1. Казань, 1967. С. 97–115.

Магазаник Э. Б. Ономапоэтика, или «Говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978.

Михайлов В. Н. Роль собственных имен в произведениях Н. В. Гоголя // Русский язык в школе. 1954. № 2. С. 40–48.

Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование. Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1956.

Михайлов В. Н. Собственные имена как стилистическая категория в русской литературе. Луцк, 1965.

Михайлов В. Н. Лингвистический анализ ономастической лексики в художественной речи. Симферополь, 1981.

Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР с 1963 по 1970 год. М., 1976.
Ономастика: Указатель литературы, изданной в СССР в 1971–1975 гг. с приложением за 1918–1962 гг. М., 1978.
Пеньковский А. Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 1999.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
Привалова М. И. Функции личных имен и фамилий в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. Ленинград. ун-та. Сер. филол. наук. 1952. № 161, вып. 18. С. 129–148.
Руденко Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопр. языкознания. 1988. № 3. С. 55–68.
Руденко Д. И. Имя в парадигмах философии языка. Харьков, 1990. С. 217–251.
Руденко Д. И., *Сватко Ю. Н.* Философия имени: в поисках новых пространств. Харьков, 1993.
Силаева Г. А. Антропонимия художественных произведений Л. Н. Толстого. Рязань, 1986.
Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград, 2000.
Тынянов Ю. Н. Достоевский и Гоголь: к теории пародии // Сборники по теории поэтического языка. Вып. 4, ч. 5. Пг., 1921.
Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.
Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горя от ума» // Литературное наследство. Т. 47–48. М., 1946. С. 148–188.
Филиппов В. Язык персонажей Островского // А. Н. Островский-драматург: К 60-летию со дня смерти, 1886–1946. М., 1946. С. 78–131.
Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
Черемисина М. И. К вопросу о функциях личных имен в очерках М. Е. Салтыкова-Щедрина «За рубежом» // Уч. зап. Тул. пед. ин-та. Т. 11. Тула, 1958. С. 45–65.
Черных П. Я. Заметка о фамилиях в «Горе от ума» // Докл. и сообщ. филол. ф-та Моск. ун-та. Вып. 6. М., 1948. С. 46–49.
Чернышев В. И. Имена действующих лиц в сказках Пушкина о царе Салтане, о Золотом Петушке, о Мертвой Царевне (Салтан, Гвидон, Дадон, Чернавка) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 6. СПб., 1908. С. 128–132.
Шагинян Р. П., *Магазаник Э. Б.* Экспрессия собственных имен в русской художественной литературе // Тр. Узбек. ун-та. Сер. Новая. Вып. 93. Самарканд, 1958. С. 103–126.
Штейн А. Национальное своеобразие «Горя от ума» // А. С. Грибоедов, 1795–1829. М., 1946. С. 7–38.
Эйхенбаум Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика: Сб. по теории поэтического языка. Пг., 1919. С. 151–165.
Янко-Триницкая Н. А. О некоторых особенностях имен собственных // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. Т. 42. М., 1957. С. 235–250.

* * *

Анатолий Аркадьевич Фомин – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

М А Т Е Р И А Л Ы

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

И. В. Родионова

ДЕРИВАТЫ БИБЛЕЙСКИХ АНТРОПОНИМОВ В НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

(Словарные материалы)[1]

Данная публикация представляет собой часть материалов к словарю вторичных отантропонимических номинаций, а именно лексические и фразеологические производные от имен библейских персонажей, принадлежащие русской диалектной традиции. За рамками этой публикации остались, во-первых, производные от таких имен, как *Андрей*, *Иоанн* (*Иван*), *Павел*, *Петр*, *Мария*, которые, с одной стороны, связаны с библейской традицией, с другой – вошли в русский языковой узус в качестве реально функционирующих антропонимов, породив при этом ряд дериватов, практически не коррелирующих с библейскими образами. Во-вторых, нами не берутся во внимание единицы хрононимического происхождения (типа *ильинская вода* ‘вода, спущенная из плотины перед Ильиным днем’; *христовская скатерть* ‘скатерть, которую стелют на стол на Пасху’) в силу того, что эти факты информативны скорее с точки зрения представлений о календарном периоде, чем для реконструкции народных образов библейских персонажей.

Отбор материала. Представленные языковые единицы были собраны путем фронтального просмотра диалектных словарей. Кроме того, при отборе материала во внимание принимались факты, почерпнутые из других источников и принадлежащие в первую очередь другим языковым традициям – литературной (церковно-книжной) и арготической. Эти языковые единицы были включены в наш словарь выборочно, в том случае, если возникало предположение об их тесной корреляции с соответствующими диалектизмами, их релевантности народной культуре. Такие факты сопровождаются пометами: **&** – книжное, **& ?** – предположительно книжного происхождения, **¡** – арготизм. Дериваты, связь которых с заглавным именем вызывает сомнения, маркируются знаком вопроса (**?**).

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта президента Российской Федерации № МК-3565.2004.6 («Поддержка молодых российских ученых»).

© И. В. Родионова, 2004

Принцип расположения языкового материала – гнездовой: самой крупной структурной единицей является совокупность словарных статей, представляющих дериваты от одного антропонима, которая репрезентируется под соотвествующим именем-заголовком. Алфавитная последовательность заглавных имен является порядком представления деривационных гнезд.

Внутри каждого гнезда материал располагается по структурно-алфавитному принципу. Во-первых, дериваты последовательно распределяются по группам с точки зрения их формальной структуры:

1. Одиночные лексемы: 1) имя в исходной форме (*Адам*, *Ирод*); 2) деминутивные формы имени (*христосик*, *лазарёк*); 3) дериваты-субстантивы (*адамина*, *адамовик*); 4) дериваты-адъективы (*христовый*); 5) дериваты-вербативы (*прихристоситься*, *пилатить*); 6) дериваты-адвербативы (*аредом*).

2. Дериваты-композиты (*христозащитница*).

3. Раздельнооформленные устойчивые сочетания: 1) стяженные атрибутивные сочетания (*адам-трава*); 2) атрибутивные сочетания с согласованным определением (*адамова трава*); 3) атрибутивные сочетания с несогласованным определением (*слёзы Адама*); 4) предикативные субъектные сочетания (*Христос ночевал*); 5) предикативные объектные сочетания (*Христа под пятку замять*); 6) прочие сочетания.

Во-вторых, внутри разделов языковые единицы располагаются по алфавитному принципу; при этом в разделах, где поданы атрибутивные сочетания, учитывается сначала отыменной дериват-атрибутив, затем субстантивный компонент; для других типов сочетаний алфавитный порядок устанавливается по начальному элементу сочетания.

Структура словарной статьи является в целом традиционной для диалектной лексикографии.

Заглавная лексема (словосочетание, фразеологизм) подается в начальной грамматической форме (фразеосочетание – в том виде, как оно зафиксировано в источнике). Ударение отражается в том случае, если оно присутствует в словаре-источнике.

Формулировка значений и порядок их расположения (в случаях полисемии) отчасти заимствуются из источников (иногда с корректировкой), отчасти являются результатом обобщения и типологизации имеющихся данных. В отдельных случаях дефиниция сопровождается комментариями составителя источника (как правило, они касаются номинируемой реалии).

Иллюстрации извлечены из источников, но представлены выборочно. Фонетическое оформление контекста, имеющееся в источнике, в большинстве случаев не сохраняется.

Географическая идентификация дается в системе сокращений, принятых в «Словаре русских народных говоров».

Ссылки на источник даны посредством условных сокращений, список которых прилагается.

В некоторых случаях словарная статья завершается ссылкой на синоним. То есть, если в одном источнике два или более вариантов названия одной реалии указаны как существующие на одной территории, то в словарных материалах каждая из таких номинаций помещается на своем алфавитном месте, а при ней с пометой «то же, что…» приводятся варианты. Если же варианты принадлежат разным источникам либо фиксируются на разных территориях, их связь не отражается.

ААРОН

АРО́Н. Растение *Arum*. Без указ. места [Анненков, 1878, *50–51*].

АРО́НЬ. Цветок. Арх. [СРНГ, 1, *277*].

ААРОНОВА БОРОДА. Растение *Arum maculatum* L. Без указ. места [Анненков, 1878, *50–51*][2].

АРОНОВА БОРОДА. а) Растение *Ligularia sibirica* (L.) Cass., сем. сложноцветных; бузульник сибирский. Калуж. [СРНГ, 3, *110*].

б) Растение *Arum*. Без указ. места [Анненков, 1878, *50–51*].

ОРО́НОВА БОРОДА́. Длинный мох, растущий преимущественно на елях. *Шаста – оронова борода научно, а по-нашему шаста* [КСГРС].

АВРААМ (АБРАМ)

АБРА́М. 1. а) О человеке с бородой. Олон. *По бороде абрам, а по делам хам* [СРНГ, 1, *191*].

б) Седой благообразный старец с бородой. *Дед у них такой абрам, борода до сих мест, весь белой. Дедушко такой заметный, абрам такой, седой, с бородой, как боженька* [СГРС, 1, *11*].

2. Бранное выражение. *Ой ты, Абрам! – уставленье давают, ругают* [АОС, 1, *62*].

(?) АБРА́МКА. Железный лом. Влад., Казан., Олон. [СРНГ, 1, *191*].

(?) АБРА́ШКА, АБРАШКА́. Железный крюк четверти две длиной на темляке или короткий багор для ловли рыбы. Астрах., Гурьев., Урал. «Большой рыболовный крючок, надеваемый на кисть руки у ловца». «Ручной железный крючок на темляке, коим учужные водолазы подсекают изручь рыбу, стоящую под учугом или заколом». «Якорек с четырьмя крючками на бечевке, которым агенты рыболовного надзора разыскивают тайно поставленные запрещенные снасти (крючья и пр.)» [СРНГ, 1, *191*].

ОБРАМУ́ХА. Несъедобный гриб. *Обрамухи-то и губами зовут – обрамовы губы* [ЯОС, 7, *19*]. То же, что ОБРА́МОВА ГУБА́.

ОБРАМУ́ШКА. Съедобный гриб (какой?) [ЯОС, 7, *19*].

& ? АВРАА́МОВО ДЕРЕВО. Кустарник *Vitex Agnus castus*, из сем. железняковых, железняк; агнец-непорочный. Без указ. места [Даль, 1, *4*].

АБРА́МОВА ГУБА́. Гриб (какой ?) [ЯОС, 1, *19*].

(?) ОБРАЛИМ КОРЕНЬ. Приворотное зелье (?). Курск. *Помогу женке в нелюбви мужниной, на то у меня обралим-корень* [СРНГ, 22, *195*].

ОБРА́МОВА ГУБА́. Несъедобный гриб. *Обрамухи-то и губами зовут – обрамовы губы* [ЯОС, 7, *19*]. То же, что ОБРАМУ́ХА́.

АВЕЛЬ

МЕ́СЯЦ А́ВЕЛЯ НЕСЕТ. О народившемся месяце [КСГРС].

КА́ИН И А́ВЕЛЬ, КА́ИН И Е́ВЕЛЬ, КА́ИН И КА́ВИЛЬ, КА́ИН И Я́ВЕЛЬ, КА́ВАН И А́ВАН, КА́ВЕЛЬ И А́ВЕЛЬ. См. **КАИН**.

КА́ИН И А́ВЕЛЬ НА ЛУНЕ́ БОРЬБУ́ ВЕДУ́Т. См. **КАИН**.

---

[2] Растение *Arum* имеет в официальной ботанической номенклатуре название *аронник* [БСЭ, 3, *115*], возникшее вероятнее всего при отталкивании от латинского наименования и от названия семейства (*ароидные*).

АДАМ

АДА́М. 1. **и** АДА́М-АДА́МОМ. О человеке огромного роста. Моск., Самар. *Здоровая барыня – просто Адам-Адамом; у ней лапища, кажется, она убьет человека сразу* [СРНГ, 1, *205*].

2. а) Лекарственное растение (горичник?) [КДЭИС].

б) Травянистое растение башмачок настоящий [Кондратьева, 1983, *19*].

АДА́М И Е́ВА. О пятнах на Луне [КСГРС].

АДА́МИНА. 1. О человеке огромного роста. Симб., Тамб. [СРНГ, 1, *205*].

2. О большой прожорливой лошади. Влад. *Такая адамина – два пуда сена в сутки съест* [СРНГ, 1, *205*].

АДА́МИХА. Травянистое лекарственное растение (какое?). Арх. [АОС, 1, *63*; СГРС, 1, *13*; СРНГ, 1, *205*]. *Есть лечебная трава, она на двенадцать родимцев идет* [АОС, 1, *63*]. *Есть какая-то трава, вот испугаешься – так пить. Адамиха называется. Адамиха – лечебная травка, адамиху от простуды заваривали* [СГРС, 1, *13*].

АДА́МИЧ, АДА́МЫЧЕК. Помидор. Терск. [СРНГ, 1, *205*, *206*].

АДА́МИЩЕ. О человеке огромного роста. Саратов., Тамб. [СРНГ, 1, *205*].

(?) АДА́МКА. Большой и широкий ремень для правки бритвы. Яросл. [СРНГ, 1, *205*].

АДА́МОВИК. Белый олений мех. Арх. [СРНГ 1, *206*].

АДА́МОВКА. Травянистое растение ландыш [АОС 1, *63*].

АДА́МОВЩИНА. 1. а) Ископаемые стволы и куски древесины; стволы березы с сучьями, корнями и корой, которые встречаются в крутых берегах озер в Сибири, между Яной и Индигиркой. Арх., Сиб., Якут. [СРНГ, 1, *206*].

б) «Ископаемое дерево и кости; первое идет на топливо и поделки; местами такое неокаменелое еще дерево зовут *но́евщиной*, а окаменелое *ада́мовщиной*, *ада́мовой-костью*». Арх., Сиб. [Даль, 1, *5*].

2. Вековой лед, составляющий иногда в Ледовитом океане целые горы. Камч., Сиб. [СРНГ, 1, *206*].

АДА́МЩИНА. Глубокая старина. Якут. *То было еще при адамщине* [СРНГ, 1, *206*].

ПОЛУАДАМЬЕ. а) Растение *Eringium palnum* L., сем. зонтичных. Перм. [СРНГ, 29, *135*].

б) Растение, похожее на адам-траву (*Senecio paluster*, крестовник болотный); синеголовик плосколистный (?). *Как есь адам, но в силе половинной; это ненастояшиа адамова трава, схожа только* [Коновалова, 2000, *162*].

АДАМ-ТРАВА. а) Растение *Cypripedium calceolus* L., сем. ятрышниковых. По поверью, полезна от всяких болезней. Костр. [СРНГ, 1, *206*]. То же, что АДА́МОВА ТРАВА.

б) Растение *Senecio paluster*, крестовник болотный. «Травянистое растение с красноватым стеблем, шершаво-опушенными листьями и голубыми или фиолетовыми цветками, собранными в метелки. Растет в болотистых местах, по берегам водоемов. Используется как болеутоляющее средство при болезнях органов пищеварения. При передозировке вызывает расширение зрачков, сердцебиение, галлюцинации». *Это колдовска трава, на её наговаривают, чтоб болесть утишить; оно всё лечебно, вся травка, парят свежу и сушут от печенки ли, от желудку ли…* [Коновалова, 2000, *17*].

АБА́НОВА ГОЛОВА́. Растение мордовник. *Абанова голова, она от головы* [КДЭИС]. То же, что АДА́НОВА ГОЛОВА́.

АДА́МОВ КО́РЕНЬ. а) Растение горичник. *От головы пьют. Выкопаешь корень, настоишь на самогоне – доброе лекарство от простуды получается* [КДЭИС].

б) Лекарственное растение мордовник обыкновенный. Употр. в народной медицине: корень в настойке от головной боли, от головокружений, отвар от поноса у ребят [Кошкарева, 3, *29*].

в) Растение *Pedicularis palustris*, мытник болотный; *Pedicularis sceptrum carolinum*, мытник-царский скипетр. «Болотное травянистое растение с розовыми или красноватыми цветками, собранными в пирамидальные метёлки, невысоким стеблем и мясистыми клубнями. Цветет с середины лета до осени. Ядовито. В незначительных дозах используется для обезболивания в составе знахарских настоев». *Клубешки-те пекчи можно, как печенки, в золе, сердце укреплят; у ёго корень-от с кулак будёт, скотина поест, дак рвёт её, отравленьё како, видно* [Коновалова, 2000, *18*].

г) Лекарственное растение (какое?) [СРГСУ, 1, *25*].

АДА́МОВ ЧЕ́РЕП. Лысая голова. *У меня у мамы брат плехатой был, говорили – адамов череп, голова, как шар* [АОС, 1, *63*].

АДА́МОВА БОРОДА́. а) Растение *Asparagus officinalis* L., обыкновенная или съедобная спаржа. Казан. [СРНГ, 1, *205*]. Корни и побеги прежде употреблялись в медицине [Анненков, 1878, *52–53*].

б) Растение черный сот [ССРЛЯ, 1, *52*].

АДА́МОВА ВИ́ЛКА. Пальцы. Без указ. места [СРНГ, 1, *206*].

АДА́МОВА ГЛАВА́. Растение (какое?). Карел. *Адамова глава, она длинна да толста, как палки, на парализованное место клади. Как кого парализует, так адамову главу используют, она длинна, а букеты толсты* [СРГК, 1, *333*].

АДА́МОВА ГОЛОВА́. 1. а) Человеческий череп. Без указ. места [Балдаев, 1, *14*; Даль, 1, *5*].

б) ¡ О лысом человеке [Балдаев, 1, *14*].

2. О человеке с большой головой. Костр. [СРНГ, 1, *206*].

3. а) Растение *Atropa mandragora*, сем. пасленовых. Волог. [Даль, 1, *5*; СРНГ, 1, *205*].

б) Растение *Campanula glomerata*. Употр. в народной медицине от укуса бешеными животными, от головной боли, лихорадки и пр. Влад. [Анненков, 1978, *80*].

в) Растение *Centaurea nigrescens* Willd. Курск. [Анненков, 1978, *90*].

г) Растение *Centaurea scabiosa* L., сем. сложноцветных. Сиб. [СРНГ, 1, *205*].

д) Растение *Centaurea sibirica* L. Употр. в Пермской губернии после родов от расстройства живота, от головной боли, шума в голове. Перм. [Анненков, 1878, *395*].

е) Растение *Cypripedium calceolus* L., сем. ятрышниковых. Арх., Волог., Вят. [ОСВГ, 1, *22*; СРНГ, 1, *205*].

ж) Растение *Echinops Ritro* L. Употр. в народной медицине внутрь от головной боли. Перм. [Анненков, 1878, *398*].

з) Растение *Echinops spaerocephalus*, мордовник шароголовый. «Луговое травянистое растение с длинным (от метра и выше) опушенным стеблем, колючими резными листьями и голубоватыми шарообразными щетинистыми цветками… Цветет в июле-июне. Медонос. “Адамову голову надо положить в церковь под престол и дать полежать там 40 дней. Цветок этот обладает самыми разнообразными и универсальными свойствами: кто хочет высоко лезть – бери эту траву, и с ней никакого ужаса нет, и земля кажется близка, давай эту траву беременной женщине – и она легко родит и т. п.” (Г. Попов). …Эту траву использовали охотники: они окуривали травой снаряжение для ловли уток, считалось, что эта трава, сорванная в ночь на Ивана Купалу, после великого четверга становилась чудодейственной». *У нас на конеферме лошадям дают, чтоб*

пропотели, когда немочь, а так в сухи букеты на зиму ставят; детям, чтоб не пугались, адам-голову под подушку надо [Коновалова, 2000, *18*].

и) Растение *Eringeum campestre* L. Колючки. Растет на бесплодных полях, при дорогах. Настой дают роженицам при трудных родах. Курск. [Вержбицкий, 1898, *414*; СРНГ, 1, *205*].

к) Растение мордовник обыкновенный; имеет цветок в виде голубой колючей шишечки [КДЭИС; Кошкарева, 3, *29*]. Употр. в народной медицине: корень в настойке от головной боли, от головокружений, отвар от поноса у ребят [Кошкарева, 3, *29*]. *Адамова голова ото всех болестей. Адамова голова от больной головы помогае, вон, гляди, по угору шарики голубые колючие. Голова болит колды, пьют* [КДЭИС].

л) Растение *Symphytum officinale* L. Употр. в народной медицине (корень) при переломе костей, при кровохаркании и кашле и др. Костр. [Анненков, 1878, *345–346*].

м) Растение лабазник, таволга вязолистная; имеет высокий стебель и шапку белых цветов. *Адамова голова, голова от нее начинает болеть. Высока, тоненька, две-три головки беленьки у нее* [КДЭИС].

н) Вид кактуса. *Шишечка, она разрастается… С колючками колбёшка, шапкой растет* [СРДГ, 1, *2*].

о) Растение ландыш [АОС, 1, *63*].

п) Растение стрелолист [ОСВГ, 1, *22*].

р) Растение семейства орхидных, с продолговатыми складчатыми листьями и оригинальными желтыми цветками, напоминающими туфлю; венерин башмачок. Употр. при головной боли. *…Идет, у кого голова болит* [СГСол, *111–112*].

с) Травянистое растение (какое?). *У Адамовой головы листик, как у цвета. …Шишечка чёрная, на голову, говорят, пристаёт* [АОС, 1, *63*].

т) Травянистое лекарственное растение. *Адамова голова – в рицьках она ростет, от головы ее пьют, жёлтой наверху цветёт. Адамова голова цветёт, как колтышки. От желудка очень помогает адамова голова* [СГРС, 1, *13*].

у) Растение (какое?). Дон., Симб., Том. [СРНГ, 1, *205*].

ЖЁЛТАЯ АДАМОВА ГОЛОВА. Растение *Convallaria poligonatum* L. Употр. в народной медицине от ломоты, ревматизма, укуса бешеной собаки, от порезов и ран, от грыжи у младенцев и мн. др. Волог. [Анненков, 1878, *106–107*].

АДА́МОВА ГОЛО́ВКА. Цветок растения *Cypripedium Calceolus*, которому приписывается чудодейственная сила. Волог. [СРНГ, 1, *205*].

АДА́МОВА КО́СТЬ. 1. Окаменелое дерево; окаменелое дерево, выбрасываемое морем. Арх., Сиб. [Даль, 1, *5*; СРНГ, 1, *205*].

2. Ископаемые останки допотопных животных. Без указ. места [СД, 2, *628*].

АДА́МОВА ЛО́ЖКА. Горсть. Без указ. места [СРНГ, 1, *206*].

АДА́МОВА ОВЦА́. Верблюд. Астрах. [СРНГ, 1, *206*].

АДА́МОВА ПОЛА́. Парус. Астрах. [СРНГ, 1, *206*].

АДА́МОВА СВЕЧА́. а) Растение коровяк обыкновенный; медвежье ухо. Считается ценным лечебным средством от головной боли, от «родимчика» у детей [Кошкарева, 3, *29*].

б) Растение *Licopodium*, вид плауна; суконная плеть, царская свечка, лучинник. «Лесное травянистое растение с плоским ползучим стеблем, от которого поднимаются вверх, как свечки, прямые, темно-зеленые мохнатые ветви». *Это когда она засыхат, дак горит красиво, с искрам; адамова свеча, потому что сама загоратца, зажигать не надо, как стемнят, она вспыхиват, далеко видно по лесу* [Коновалова, 2000, *18–19*].

АДА́МОВА ТРАВА́. Растение *Cypripedium Calceolus* L., сем. ятрышниковых. Арх., Волог., Вят., Костр., Урал. [ОСВГ, 1, *22*; СРНГ, 1, *205–206*]. То же, что АДА́М-ТРАВА́.

АДА́МОВО ДЕ́РЕВО. Растение *Paulownia imperialis* Sieb. Крым. [СРНГ, 1, *205*].

АДА́МОВО РЕБРО́. а) Растение *Valeriana officinalis*, сем. мауновых; валериана лоснящаяся. Херсон. [СРНГ, 34, *362*].

б) Растение горичник. В народной медицине Сибири применялось при эпилепсии, для улучшения пищеварения, как мочегонное средство [КДЭИС].

АДА́МОВУ ВЕ́КУ. Очень древний, давнего происхождения [АОС, 1, *63*].

АДА́МОВЫ ВЕ́КИ. 1. Старина. *То было еще при адамшине, при адамовых веках* [ФСС, *16*].

2. Большой промежуток времени; длительный период. *Соломы накачено на адамовы веки* [НОС, 13, *11*].

АДА́МОВЫ ДЕРЕ́ВЬЯ. Ископаемые остатки деревьев. Арх. [СРНГ, 1, *205*].

АДА́МОВЫ ЛЕТА́. С давних пор [Богданов, 1981, *14*].

АДА́МОВЫ СЛЁЗЫ. а) Лесное травянистое растение с невысоким стеблем, маленьким одиночным цветком, издающим сладковатый ванильный запах (какое?). *Цветок-от склонятца, дак из его капелюшки падают, как есь адамовы слёзы* [Коновалова, 2000, *19*].

б) Горох посевной. Без указ. места [Кондратьева, 1983, *19*].

АДА́МСКАЯ РУ́ЧКА. Лекарственное растение ночная фиалка. *Шибко хотела она детишек. Насоветовали ей пить адамску ручку* [СРГПрб, 1, *15*].

АДА́НОВА ГОЛОВА́. Растение мордовник [КДЭИС]. То же, что АБА́НОВА ГОЛОВА́.

КАК У АДА́МА ГОЛОВА́. 1.Очень большая голова [СРДГ[2], 1, *17*].

2. Очень сообразительный и умный (о человеке) [СРДГ[2], 1, *17*].

СЛЁЗЫ АДАМА. Растение *Cypripedium calceolus*; венерин башмачок. «Лесное травянистое растение с розовато-жёлтым цветком в форме кувшинчика. Обладает слабым сладковатым запахом. Медонос». *Слёзы адама я слыхала, знать-то, от женских болезней, а в лицо не знаю* [Коновалова, 2000, *184*].

АДА́МОМ СИДЕ́ТЬ (ЛЕЖА́ТЬ и т. п). Быть больным. Ленингр. [СРНГ, 1, *205*].

ИЗ-ПОД АДА́МА. Очень давно. Псков. [Никитина, 1998, *128*].

АМАН

(?) АМА́Н. Скряга, скупец. Влад., Костр., Яросл. [СРНГ, 1, *249*].

ГОГ И МАГОГ

(?) ГАГА́Й-МАГА́Й. *Междом.* Употр. для выражения недовольства громко говорящим, кричащим человеком. Волог. [СРНГ, 6, *86*].

(?) ГАЙ ДА МАГА́Й. Ни уму ни сердцу, ни туда ни сюда, ни то ни сё. Сиб. [СРНГ, 17, *289*].

(?) ХАЙ ДА МАЙ. Всякий сброд. «Выражение употребляется применительно к сброду, плохим людишкам (что хают и мают?). Ср. нем. *Hack und Mach*. …Является самобытным русским оборотом, образованным на основе рифмовки» [СРФ, *600*][3].

---

[3] В источнике дано с пометой *обл.*

ЕВА

АДА́М И Е́ВА. О пятнах на Луне [КСГРС].

ЕНОХ

ЕНОХА ПРАВЕДНЫЙ. «Простак, но всегда молчаливый, тихий, от своей беды себя не защищающий человек. Говорят в укор: “Да чего же ты смотрел, Еноха праведный? В глазах деревня сгорела – проспал!”». Влад. [Макаров, 1846, *78*].

АНОХА. О простофиле, простаке, глупце. Влад., Иркут., Моск. [СГПм, 1, *16*; СРНГ, 1, *261*]. *Пошло на свете плохо, указчиком Аноха! В его указ что ферт, что аз: похерит хоть кого!* [СРНГ, 1, *261*]. *Когда человек простак, простофиля, что хошь отдаст ни за что, аноха это. Ах ты, аноха, всё тебе нипочём, ничего не жалко* [СГПм, 1, *16*]. **и** АНОХА-ПРАВЕДНИК (ПРАВЕДНЫЙ). Влад. [СРНГ, 1, *261*].

и АНО́ХУ АНО́ШИТЬ. Бездельничать, валять дурака. *Ходит со двора на двор, аноху аношит целые сутки, ничё не хотит делать по домашности* [ФСС[2], *3*]

и АНО́ХУ СТРОИТЬ. Представляться простофилей, простаком, глупцом. Сиб. *Эта баба хитрюща, она любит аноху строить* [СРНГ, 1, *261*; ФСС[2], *192*].

ИАРЕД

А́РЕД 1. Дряхлый старик, который всем в тягость. Калуж. [СРНГ, 1, *272*].

2. а) Злой, жестокий старик. Дон. [СРНГ, 1, *272*].

б) Ворчливый старик. Без указ. места [СРНГ, 1, *272*].

3. Старый и злой колдун, знахарь. Курск., Новг. [СРНГ, 1, *272*].

4. Злой, жестокий, зловредный, бессердечный человек. Арх., Волог., Ворон., Забайкал., Калуж., Карел., Курск., Ленингр., Новг., Олон., Сев.-Двин., Тамб., Яросл. [СГРС, 1, *21*; СРГК, 1, *21*; СРНГ, 1, *272*; ЯОС, 1, *23*]. *От етого ареда нигде спокою не найдешь* [СРНГ, 1, *272*]. *Люди нонче как ареды стали, дурные, сердитые, вон Тихон меня чуть не заколол, тоже аред* [СГРС, 1, *21*]. *Ишь, какой аред! Злой человек, старается назлить* [СГРС, 1, *21*]. *Все он кого-нибудь высмеивает, поддевает, ехидничает, вот аред какой*; *Камни такие большие в воде. Так старик старуху на этот камень высадил, так она и вертелась там, такой был аред, над человеком издивляться, ведь человек не кошка. Зять-то мой аред, богохульник, ругается, как зачну про бога говорить* [СРГК, 1, *21*].

5. а) Чрезвычайно скупой человек, скряга; жадный, алчный человек. Арх., Амур., Влад., Волог., Калуж., Костр., Курск., Мурм., Новг., Олон., Сев.-Двин., Твер., Тул., Яросл. [АОС, 1, *73*; КСГРС; СГРС, 1, *21*; СРГК, 1, *21*; СРНГ, 1, *272–273*; ЯОС, 1, *23*]. *Элакой аред, зимой снега не даст. Тамока ареды живут, чаем не напоят* [СГРС, 1, *21*]. *Воно оне какие ареды, жаднеющие, над каждой копейкой трясутся* [ЯОС, 1, *23*]. **и** А́РЕД КРОМЕ́ШНЫЙ. Жадный человек. *Аред кромешный, зимой снегу не выпросишь* [КСГРС].

б) Жадный на еду человек, обжора. *Аред несчастной! Неможно накормить сатану, всё пихать и пихать в его пузу* [СГРС, 1, *21*].

6. Очень трудолюбивый, жадный на работу человек. Арх., Волог., Карел. [СГРС, 1, *21*; СРГК, 1, *21*]. *Аред лупит, ни дня ни ночи не знает, ни воскресений, ни праздников. Кто аредом живет, тому тридцать рублёв пенсии дали, а лодырям по сто. Ноне аредов-то нет, ноне поменьше бы робить, больше исть* [СГРС, 1, *21*]. *Этот аред, говорят, все ему мало, работает, ночь его не загонит* [СРГК, 1, *21*].

7. Лентяй. *Которы работают, а аред за их спиной все сидит* [СГРС, 1, *21*].

8. а) Назойливый, надоедливый человек [КСГРС; СГРС, 1, *21*]. *Ты молодая девушка, к тебе парень подходит, а ты не хочешь с ним гулять, он – аред* [КСГРС]. *Человек навязался, как аред* [СГРС, 1, *21*].

б) Надоедливый, непослушный ребенок. *Ну, каки ареда надоедливые, все балуетесь! Дети плачут, надоедают – замолчи ты, аред!* [СГРС, 1, *21*].

9. а) Озорник, шалун. Арх., Волог., Карел., Ленингр. [СГРС, 1, *21*; СРГК, 1, *21*]. *Аредами зовут тоже непослушных детей, кто падает и плачет. Аред значит непослушный, плохой, вот ареды надоели. Ареды, демоны, девкам прямо по глазам хлещут* [СРГК, 1, *21*]. *Замолчите, покончите, ареда; шумят, шалят ареда-те* [СГРС, 1, *21*].

б) Бранное слово (часто по отношению к тем, кто хулиганит). Арх., Курск., Новг., Тул. [АОС, 1, *73*; КСГРС; СРНГ, 1, *273*]. *Щё ареды, куда насели* (окрик на кур) [СРНГ, 1, *273*]. *Уж самое последнее ругательство на непослушного – аред* [КСГРС].

10. а) Шум, беспорядок. Смол. *Во якей аред у их в хате* [СРНГ, 1, *273*].

б) Беспорядок. *И на что мне нужон аред?* [НОС, 1, *41*].

11. Нечистый дух, черт. Калуж., Курск., Новг. *У, аред тебя подхвати* [СРНГ, 1, *272*].

12. Неопределенная болезнь. Калуж. [СРНГ, 1, *273*].

А́РЕДА. Чрезвычайно скупой человек, скряга. Ворон. [СРНГ, 1, *273*].

АРЕДО́ВКА. Злая, сварливая женщина, девушка. *Вот хто ругается шибко, аредом зовут, а баба или девка – ой ты, аредовка* [СГРС, 1, *21*].

А́РЕДЬ. Сыпь, зуд, почесуха, свербеж, свороб. Арх. [СРНГ, 1, *273*].

АРЕДЮ́КА. Скупой, бессердечный человек. Курск. [СРНГ, 1, *273*].

А́РЕДНЫЙ. 1. *В знач. сущ.* Черт. **u** А́РЕДНЫЙ ЕГО ВОЗЬМИ. Черт его возьми. **u** А́РЕДНЫЙ ЕГО ЗНАЕТ. Черт его знает [СОГ, 1, *46*].

2. Бранное слово. *Куды ты прёшь, аредный, не видишь, тут яма?* Тул. [СРНГ, 1, *273*].

А́РЕДНИЧАТЬ. Скупиться, жадничать, поступать как скряга. Зап.-Сиб. [СРНГ, 1, *273*].

А́РЕДОМ. 1. Целиком, полностью, сразу, в один прием, всё вместе (осуществить что-либо, стать чем-либо и т. п.). Волог., Дон., Карел., Ленингр., Новг., Олон., Петерб., Псков., Твер. [НОС, 1, *41*; ПОС, 1, *68*; СГРС, 1, *21*; СРГК, 1, *21*; СРНГ, 1, *273*]. *Как пойду на гулянье, девок аредом расцелую* [СРНГ, 1, *273*]. *Упадёшь, так вся аредом расшибёшься. Они всю смолу аредом взяли* [СРГК, 1, *21*]. *У него ноги аредом будут мокрые* [ПОС, 1, *68*]. *Вся картошка аредом поломана, аредом всё протоптано* [НОС, 1, *41*]. **u** А́РЕДОМ ВЗЯ́ТЬ. Сделать всё сразу, в один прием. *Вот пришли мужики, всё быстро сделали, вот и говорят: аредом взяли. И розетку-то всё аредом взяло* (от удара молнии) [СГРС, 1, *21*].

2. **u** А́РЕДОМ БРА́ТЬ. Брать напористостью, дерзостью. Ленингр. *Аредом всё берёт, пьяный дюжинный, всех возьмет, характер такой в нём был* [СРГК, 1, *21*].

3. В беспорядке. *Топерь покос, дома всё аредом* [КСГРС]. **u** А́РЕДОМ ВЗЯ́ТЬ. а) Устроить беспорядок. Новг. *Надо клуб закрыть, а то, наверше, всё аредом взяли* [СРГК, 1, *21*].

б) **u** А́РЕДОМ ВЗЯ́ТЬ [КСГРС; НОС, 1, *41*]. **u** А́РЕДОМ ПОБРА́ТЬ (ПОЙТИ́, СДЕ́ЛАТЬ) [НОС, 1, *41*]. Быстро и целиком испортить, поломать, разрушить и т. п. *Коровы изломали угород, всё аредом взяли. Всё взять аредом, всё перевернуть* [КСГРС]. *Сад-то горазно доброй был, а топерь ить всё аредом взято. После смерти мужа всё наше хозяйство аредом пошло* [НОС, 1, *41*].

4. а) **u** А́РЕДОМ ПОЙТИ (ПРОПАСТЬ). Ленингр., Новг. [Даль, 1, *21*; СРГК, 1, *21*; СРНГ, 1, *273*]. **u** А́РЕДОМ ВЗЯ́ТЬ. Волог. [СРГК, 1, *21*]. **u** А́РЕДОМ РАССЫ́ПАТЬСЯ.

Без указ. места [Даль, 1, *21*]. Пропасть напрасно, впустую, пойти прахом. *Нажили, а аредом всё пошло, ничего не осталось. Бабушка Настя, а у меня всё аредом пропало. Целое поле сворошило жита с землей, всё аредом взяло* [СРГК, 1, *21*]. *Рассыпься аредом, да не доставайся скаредам* [Даль, 1, *21*].

б) **u** А́РЕДОМ ВЫШЛО. Стошнило, вырвало. Орл. [СРНГ, 1, *273*].

5. **u** ПРОВАЛИ́ТЬСЯ А́РЕДОМ. Бранное выражение. Ленингр. *Провались ты аредом* [СРГК, 1, *21*].

А́РЕДОВА ГОЛОВА. Бестолковая голова. Смол. *У него аредова голова, с ним не столкуешься* [СРНГ, 1, *273*].

А́РЕДОВЫ ВЕКИ (ЖИТЬ), (БЫТЬ) АРЕДОВЫХ ВЕКОВ, ДО А́РЕДОВЫХ ЛЕТ (ЖИТЬ, ПРОЖИТЬ). Жить очень долго, быть очень старым [Даль, 1, *21*; СРЯ XVIII, 1, *87*; ССРЛЯ[2], 1, *219*][4].

А́РЕДСКОЕ ДЕЛО. Самое злое, ехидное, сатанинское. Без указ места [Даль, 1, *21*].

А́РИДОВ КО́РЕНЬ. Вид водоросли (рдест?). Корни растения употреблялись в пищу. *Аридов корень на воде, а корни толстые* [КДЭИС].

ИИСУС ХРИСТОС

ХРИСТО́СИК. Святоша. Юж. Урал. [КСРНГ].

ХРИСТО́СИКИ. 1. Лыковые лапти, «обувь Христова человека». Курск., Тул. [Даль, 4, *565*; КСРНГ; Опыт, *250*].

2. Летняя обувь, босоножки. *То в христосиках на улицу выбежит* [КСГРС].

НЕ́ХРИСТ. 1. Не христианин, иноверец, нехристь. Курск., Яросл. [СРНГ, 21, *204*].

2. Несправедливый, бессовестный, бессердечный человек. Курск., Яросл. [СРНГ, 21, *204*; ЯОС, 6, *144*].

НЕ́ХРИСТЬ. 1. Не христианин, иноверец [ССРЛЯ, 7, *1264*].

2. О бессовестном, несправедливом человеке [ССРЛЯ, 7, *1264*].

3. Человек, вызывающий неприязнь. Карел. *Нехристь какая на деревне ходит* [СРГК, 4, *19*].

РАСХРИ́СТА. Неаккуратный, ходящий с незастёгнутой одеждой, обнажённой грудью. **u** РАСХРИ́СТОЮ (БЫТЬ, ХОДИТЬ и т. п.). Смол. *Расхристою ходить людям насмех* [Добровольский, *788*; СРНГ, 34, *305*]. То же, что РАСХРИ́СТАННЫЙ.

(?) ХРЕСТОВНИК. Растение *Melilotus officinalis* Lam. Медоносное, увеличивает количество молока, используется в народной медицине. Нижегор. [Анненков, 1878, *212–213*].

ХРИСТЁНОК. а) Ласковое обращение к ребёнку. *Ух ты, христёнок ты мой* [КСГРС].

б) Маленький ребенок. *Привезли в Чагоду, говорят, тамировать будут, такого христёнка, и резать хотели, я в крик* [КСГРС].

ХРИСТЁНОЧЕК. Ласковое обращение к ребенку. *Дак всяко называли, когда и хорошеньким, когда и христёночком. Христёночек ты мой, ангелочек ты мой христовый* [КСГРС].

¡ ХРИСТОВКА. Церковь, часовня, монастырь [Балдаев, 2, *128*].

ХРИСТО́ВНИК. 1. Нарядная праздничная одежда, кафтан, сарафан. Костр. [Даль, 1, *565*; Опыт, *250*].

---

[4] В этом словаре выражение фиксируется с пометой *простореч.*

2. Плохая одежда, напоминающая о собирании милостыни христовым именем. Ветл. [КСРНГ].

ХРИСТО́ВУШКА. а) Ласковое обращение: милый, дорогой, хороший. Волог. [Даль, 4, *565*; КСРНГ; Опыт, *250*].

б) Ласковое обращение к ребенку. Волог. [КСРНГ].

РАСХРИ́СТАННЫЙ. Одетый в распахнутую, разорванную одежду [ССРЛЯ, 12, *970*]; ходящий с незастегнутой рубашкою, обнажённой грудью [Добровольский, *788*]. То же, что РАСХРИ́СТА.

ХРИСТО́ВЫЙ 1. Добросердечный, милосердный человек. Костр. [Опыт, *250*].

2. Ласковое обращение. *Я уж забыла всё, христовая! Заходи, христовая, откуда ты?* [КСГРС].

3. Бедный, несчастный, терпящий невзгоды (в обращении). *Христовая ты моя,как живёшь без дедушка-то?* [КСГРС].

4. Плохой. Новосиб. *Мужики христовые, все в дырявых дерюжках* [КСРНГ]. То же, что ХРИСТО́ВЕНЬКИЙ.

5. Большой. *У нас была христовая семья* [СРГНО, *573*].

ХРИСТО́ВЕНЬКИЙ. Плохой. Новосиб. *Хлеб христовенький, серый* [КСРНГ]. То же, что ХРИСТО́ВЫЙ (в 3-м знач.).

ВЕРБОВО́Й-ХРИСТОВО́Й. Растение незабудка [КДЭИС].

ЗАИСУ́СИТЬ. Начать говорить, повторять имя Иисуса Христа. Иркут. *Найдёт на него, заисусит, и беда тогда – сумасшествует* [СРНГ, 10, *105*].

ЗАХРИ́СТАТЬСЯ. Закутаться. Смол. [СРНГ, 11, *163*].

(?) ЗАХРИ́СТИТЬ. Засверкать (о молнии). Ленингр. *Молния-то захристила* [СРГК, 2, *234*].

НАХРИСТИ́ТЬ. Попросить. Арх. *Нахристила: «Маша, заплати за меня растрату»* [СРГК, 3, *399*].

¡ ОТХРИСТОСИТЬ. Нецензурно обругать [Балдаев, 1, *290*].

ПРИХРИСТО́СИТЬСЯ. Притвориться тихим, смирным, несчастным. Урал. *Казак не гордый человек: где смелостью возьмет, а где прихристосится* [СРНГ, 32, *52*].

РАСХРИ́СТАТЬСЯ. Расстегнуть на себе одежду. Краснодар., Смол., Ставроп. [СРНГ, 34, *305*].

ХРИСТА́ТЬ. Просить милостыню. Карел. [КСРНГ].

ХРИСТАРА́Д. Нищий, просящий милостыню. Юж. Урал. [КСРНГ]. То же, что ХРИСТАРА́ДНИК, ХРИСТАРА́ДНИЦА.

ХРИСТАРА́ДИТЬ. Нищенствовать, побираться, просить милостыню Христовым именем. Яросл. [КСРНГ]. То же, что ХРИСТАРА́ДНИЧАТЬ.

ХРИСТАРАДИУРО́ДЛИВЫЙ. Увечный человек, просящий милостыню. *Принимал христарадиуродливых* [СРГСУ-Д, *558–559*].

ХРИСТАРА́ДНИК. Нищий, просящий милостыню. Частот. [Даль, 4, *565*; КСГРС; КСРНГ; ССРЛЯ, 17, *475*]. То же, что ХРИСТАРА́Д.

ХРИСТАРА́ДНИЦА. Жен. к ХРИСТАРА́ДНИК. Частот. [Даль, 4, *565*; КСРНГ; ССРЛЯ 17, *475*].

ХРИСТАРА́ДНИЧАТЬ. Нищенствовать, побираться, просить милостыню Христовым именем. Частот. [Даль, 4, *565*; КСРНГ; ССРЛЯ, 17, *468*]. То же, что ХРИСТАРА́ДИТЬ.

ХРИСТАРА́ДНЫЙ **и** ХРИСТАРА́ДНЫЕ КУСКИ́. Собираемые нищими в подаяние куски хлеба [Подвысоцкий, *185*].

ХРИСТАРА́Й-СУРАЙ. Нищий, бедный человек, шалтай-болтай. Оренб. [КСРНГ].

ХРИСТОВА́ЛЬНИЧЕК. Платочек. *…Божья сирота, открывайте ворота шелковым платочком, христовальничком, утиральничком* [КСГРС].

ХРИСТОДА́ННЫЙ. 1. Ласковое обращение к детям [Подвысоцкий, *185*].

2. Незаконнорожденный ребенок [Меркурьев, *174*].

ХРИСТОЗАКРО́ЙНИЦА. Растение *Aconitum*. *Христос когда спасался от погони, когда Иуда его продал, он спрятался под листьями этой травы, а евреи копьями эти листья протыкали, большой-большой лист, как разрезанный* [КСГРС]. То же, что ХРИСТОЗАЩИ́ТНИЦА.

ХРИСТОЗАЩИ́ТНИЦА. Растение *Aconitum* [КСГРС]. То же, что ХРИСТОЗАКРО́ЙНИЦА.

ХРИСТОМАС. Бранное выражение. Киров. [КСРНГ].

ХРИСТОМО́ЛКА. Об очень набожной женщине. *Она така богомолка да христомолка, от неё мужик-от и бегат* [КСГРС].

ХРИСТОПОКРОЙ. Растение *Aconitum* (?). «Ядовитое травянистое растение с резными листьями и темно-синими цветками в длинном соцветии. Растет на лугах и лесных опушках. В народной медицине используется как обезболивающее средство». *Мало кто христопокрою без молитвы-то найдет, да и знать надо, как пользовать* [Коновалова, 2000, *201*].

& ХРИСТОПРОДА́ВЕЦ. Предатель, изменник [ССРЛЯ, 17, *475*].

ХРИСТОПРОДА́ВКА. а) Растение *Aconitum excelsum*. Корень служит отравою от волков, собак, кошек, мышей. Листья употребляются в народной медицине России против сифилиса, водобоязни, падучей болезни, простуды, сыпи. Волог. [Анненков, 1878, *7*]. То же, что ХРИСТО́ВО КОПЬЁ (в знач. «а»), УКРОП ХРИСТОВ.

б) Растение *Aconitum Zycoctonum* Z., сем. лютиковых. «Тёплый настой этого растения пьют… от колотья в боках и груди, от шума в голове. Корень растения очень ядовитый, употребляется для травления волков». Волог. [КСРНГ]. То же, что ХРИСТО́ВО КОПЬЁ (в знач. «б»).

ХРИСТОХОРОНКА. Растение *Ajuga reptans* L. Употр. в народной медицине. Костр. [Аненнков, *19*].

ХРИСТОВ БРАТ. Крестный брат. Моск. [КСРНГ].

ХРИСТОВ ЗАСТЕН. Растение *Campanula cervicaria* L. Употр. во время поноса у скота, от лишаев и пр. Костр. [Анненков, 1878, *79*]. То же, что ХРИСТОВ ПОСОХ (в знач. «в»).

ХРИСТО́В ПОКРО́В. Высокое травянистое растение с широкими перистыми листьями (*Aconitum*?). *Раньше кто-то нападал на Христа, дак он под ним спасался, а жиды его истыкали, дак он неровной* [КСГРС].

ХРИСТОВ ПОКРО́Й. Высокое травянистое растение с широкими перистыми листьями (*Aconitum*?). *Трава с меня ростом, длинная, растет на лагмазине; когда Иисуса Христа искали, он сидел под этой травой* [КСГРС].

ХРИСТОВ ПОСОХ. а) Растение *Fritilluria imperialis*, царский венец. Вят. [КСРНГ].

б) Растение *Campanula glomerata*. Употр. в народной медицине от укушения бешеными животными, от головной боли, лихорадки и пр. Волог. [Анненков, 1878, *80*; КСРНГ].

в) Растение *Campanula cervicaria* L. Употр. во время поноса у скота, от лишаев и пр. Костр. [Анненков, 1878, *79*]. То же, что ХРИСТОВ ЗАСТЕН.

ХРИСТО́В ПРИКРЫТ. Растение *Atragene sibirica*, княжик сибирский. «Ядовитое полукустарниковое растение с ползучим стеблем, обвивающим деревья и кустарники, с желтовато-белыми крупными цветками. Растет в темнохвойных лесах. Широко используется в народной медицине при нарушениях обмена веществ, ревматизме, простудных заболеваниях и пр.». *Это у нас сусед как-ту помирал на охоте, силов не было уж, дак цветки собрал с христова прикрыту, запарил и нечё, добрался; христов прикрыт от разного помогат, кому от чё* [Коновалова, 2000, *200–201*].

ХРИСТО́В ПРИКРЫ́Ш. Растение лютик (*Aconitum*) [Подвысоцкий, *185*]. То же, что ХРИСТО́В УКРО́Й.

РАЙ ХРИСТОВ. Хорошо, великолепно, прекрасно. *Сичас рай Христов народу жить* [Никитина, 1998, *127*].

ХРИСТО́В УКРО́Й. Растение лютик (*Aconitum*) [Подвысоцкий, *185*]. То же, что ХРИСТО́В ПРИКРЫ́Ш.

ХРИСТОВ УКРОП. Растение *Aconitum excelsum*. Волог. [Анненков, 1878, *6*]. То же, что ХРИСТОПРОДАВКА (в знач. «а»), ХРИСТОВО КОПЬЕ (в знач. «а»).

& ? ХРИСТО́В ЧЕЛОВЕК. То же, что божий человек, блаженный. Обычно о страннике, нищем, юродивом [ССРЛЯ, 17, *825–826*].

ХРИСТОВА БОРОДКА. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Моск. [Терновская, 1977, *126*].

ХРИСТО́ВА ВОДИ́ЧКА. 1. Вода в месте слияния рек. Костр. *Христовой водички черпали, спорной водички; кто болеет, дак пили* [ЛК ТЭ].

2. Целебная вода в ручье, ключе. Костр. *Там в ключе христова водичка течет, целебная* [ЛК ТЭ].

ИГОЛКА ХРИСТОВА. Растение *Paliurus australis*, куст терновый. Без указ. места [Дубровина, 1999, *8*].

ХРИСТО́ВА ЛОПОТИ́НКА. Растение зверобой. *Христова лопотинка полезна, от всяких болестей собирали* [КСГРС].

ХРИСТО́ВА ПОДСТИ́ЛКА. а) Травянистое растение *Antennaria dioica* Gärth. Сиб. [ФСС^2, 141].

б) Растение горлянка. Без указ. места [КСРНГ].

ХРИСТОВА РАНА. «Скромная, терпеливая страдалица, добрая ко ближним; то же относится и к мужчинам подобного характера». Волог. [КСРНГ].

ХРИСТОВА РОСА. Растение манжетка (?). *Встанешь пораньше, помолишься и на луг, она тамо одна сверкат изо всех, вот и берёшь; со христовой росой глазки промывают, благостна трава; у ей листочки-те таким бы кружавчикам, а посерёдке капелюшечка есь* [Коновалова, 2000, *201*].

ХРИСТО́ВА РУБА́ШКА. 1. Последний сноп, в который перед связыванием вкладывают два впоследствии скрещивающихся серпа. Моск. [Терновская, 1977, *127*].

2. Первый покров снега. Перм. [Подюков, 1990, *24*].

ХРИСТО́ВА ХЛАМИ́НА. Травянистое растение, сорняк (какое?). *Ишь, как христова хламина, никуды от нее не денешься* [КДЭИС].

ХРИСТО́ВАЯ ЖИЗНЬ. Богатая, радостная жизнь. *Ноне-то христова жизнь, а ране-то лешаковы года* [СРГСК, *320*].

ХРИСТОВО КОПЬЁ. а) Растение *Aconitum excelsum*. «В Никольске Волог. губ. говорят, что название этого растения основано на форме листьев с разрезанными долями, будто истыканного или изорванного копьем, которым жиды кололи Христа, спрятавшегося под листьями этого растения. В д. Куловой Тотем. уезда находят истыканным не листья, а корень». Широко применяется в народной медицине, а также как отрава для волков, мышей. Волог. [Анненков, 1878, *7*]. То же, что ХРИСТОПРОДА́ВКА (в знач. «а»), ХРИСТОВ УКРОП.

б) Растение *Aconitum zycoctonum* Z., сем. лютиковых. «Тёплый настой этого растения пьют… от колотья в боках и груди, от шума в голове. Корень растения очень ядовитый, употребляется для травления волков». Волог. [КСРНГ]. То же, что ХРИСТОПРОДА́ВКА (в знач. «б»).

ХРИСТО́ВСКАЯ НО́ЧЬ. 1. Ночь накануне Пасхи. Волог., Карел. [КСГРС; СРГК, 4, *50*][5]. *Христовская ночь была, всеношну стояли* [КСГРС].

2. а) Бессонная ночь. *Сёдня христовскую ночь проводил, ни минуты не спал* [КСГРС].

б) Беспокойная ночь. Карел., Ленингр. *Ну, девочки, устроили вы мне Христовскую ночь, всю ночь не спала, ходила походя. Христовская ночь была: в это окно поглядела, там толкуют, бьются, больно знаешь, что они там делают* [СРГК, 4, *50–51*].

ХРИСТО́ВЫ ГЛА́ЗКИ. Растение *Coreopsis tinctoria* L., сем. сложноцветных; кореопис красильный. Вят. [СРНГ, 6, *190*].

ХРИСТОВЫ ОНУЧИ (ОНУЧКИ). «Блинцы, испеченные из гречневого, овсяного или пшеничного теста. В день Вознесения Господня простолюдины рязанские, напекши дрочен-близнецов и лестниц, ходят с ними в зелени, и там, попировавши, оставляют несколько блинцов и лестниц, веря, что Христос, обувшись в онучки (блинцы), восходит по лестнице на небо» [Диттель, 1898, *225*]. «В день Вознесения пекут дрочену, блинцы и лесенки, пируют в леске, на воле, и покидают там дрочену, на снедь Христу; блины, Христу на онучи; лесенки, чтобы самому взойти на небо». Без указ. места [Даль, 4, *565*].

ХРИСТО́ВЫ РЁБРЫШКИ. Растение валериана. *Как сердце-то заболит, дак эти христовы-то рёбрышки и варят, их еще корешком аверьяновым кличут* [СРГСУ-Д, *559*].

ХРИСТО́ВЫ РУ́ЧЕНЬКИ. Умелые, «золотые» руки. *Христовы рученьки у парня, играет-то как* [КСГРС].

ХРИСТО́ВЫЙ ОБЗА́ДОК. О бойком человеке или животном. *Ой, воронушка, христовый обзадок, как носится* [КСГРС].

ХРИСТОСОВЫ РЁБРА. Растение *Centaurea scabiosa* L., сем. сложноцветных; василек прижатый. «В Перм. губ. траву пьют от боли в пояснице». Перм. [Анненков, 1878, *91*; СРНГ, 34, *362*].

ИИСУ́СА ХРИСТА́ КОПЬЯ́. Растение *Veronica longifolia*, сем. норичковых; вероника длиннолистная. Тобол. [СРНГ, 14, *307*].

ТРАВА ИИСУСА ХРИСТА. а) Растение *Gliceria aquatica*, манник водяной. «Травянистое растение с прямым толстым высоким стеблем и зеленовато-фиолетовыми колосками, собранными в метелку. Растет в сырых местах. Все растение и его семена имеют сладковатый вкус, считается отличным кормом». *Называтца трава Исуса Христа, потому что всегда есь чё поись* [Коновалова, 2000, *193*].

---

[5] В качестве исключения приводим данный хрононим по причине наличия у этой лексемы производных значений.

б) Растение *Cephalantera rubra* Rich., пыльцеголовник красный. «Лесное травянистое растение с высоким ветвистым стеблем и мелкими красноватыми цветками, собранными в колос. Цветет в конце лета». *Трава Исуса Христа кровь останавливат, ей всяку немочь можно заговорить* [Коновалова, 2000, *193*].

в) Растение ятрышник (?) [Коновалова, 2000, *193*].

г) Растение саранка (?) [Коновалова, 2000, *193*].

ХРИСТА ПРИКРЫТ. Растение *Atragene sibirica*, княжик сибирский. *Христа прикрыт ото всех прикрыт, в лесу он, где мало кто ходит; от рака только христа прикрыт помогат, да и не кажной знат, чё с им делать* [Коновалова, 2000, *200–201*]. То же, что ХРИСТОВ ПРИКРЫТ.

ИСУ́С БЫВА́Л (НОЧЕВА́Л). О хлебе со вздувшейся коркой. Костр. *Исус бывал, скажут, хлеб-от неудача. Эко вздулося, Исус ночевал* [ЛК ТЭ].

КАК ИСУ́С ХРИСТО́С В ЛАПТЯ́Х ПРОЕ́ХАЛ. Олон. *Саднит в горле. Продрало горло – после похмелья. Как Исус Христос в лаптях проехал* [СРНГ, 32, *133*].

КАК ХРИСТО́С В ЛАПОТКА́Х ПРОШЁЛСЯ. О приятном, блаженном состоянии. Горьк. *Вот бог спасет, Дунюшка, все утро с похмелья маялся, сейчас как Христос в лапотках прошелся* [СРНГ, 32, *150*].

СПАСИ ХРИСТОС. Ответ на приветствие «бог помочь», а также при прощании. Юж. Урал. [КСРНГ].

(?) СУСУ́Й БЫВА́Л. О хлебе со вздувшейся коркой. Костр. *Вздулось эко, Сусуй бывал* [ЛК ТЭ].

(?) СУСУ́Й НАСРА́Л (НОЧЕВА́Л, ПОБЫВА́Л). О выстывшей бане. Костр. *Жары-то нет, Сусуй насрал. Про выстывшую баню говорят: Сусуй ночевал* [ЛК ТЭ].

ХРИСТОС БОСЫМИ НОГАМИ ПО ПУЗУ. О быстром переваривании лёгкой пищи [Никитина, 1998, *127*].

ХРИСТОС ГОГОЧЕТ. Об обильном угощении, большом количестве пищи [Никитина, 1998, *127*].

ХРИСТО́С НАВСТРЕЧУ. Пожелание уходящему. *Ну пошла, дак с Богом, Христос навстречу!* [КСГРС].

ХРИСТО́С НОЧЕВА́Л. О хлебе со вздувшейся верхней коркой. Перм. [Подюков, 1990, 40].

ХРИСТО́С С ТОБОЙ (С ВАМИ, С НИМ и т. п.). а) Пожелание благополучия, счастья, покоя [ССРЛЯ, 17, *476*].

б) Выражает согласие, нежелание спорить с кем-нибудь [ССРЛЯ, 17, *476*].

в) Возглас, выражающий испуг, удивление, предостережение [ССРЛЯ, 17, *476*].

ХРИСТЫ́ ТЕБЯ́ ПОСЛА́ЛИ. Выражение удивления чем-либо, неожиданным действием, поступком кого-либо; бог с тобой! что ты! Ирк. [СРНГ, 30, *174*].

ЗАВИВАТЬ (ЗАВИТЬ) БОРОДУ ИИСУСУ (ХРИСТУ), ОСТАВИТЬ НА БОРОДКУ ИИСУСУ. Обычай заканчивать жатву, оставляя недожатыми несколько колосьев («на бороду Иисусу»), которые завязываются узлом. Яросл. [Терновская, 1977, *90–91*; ЯОС 4, *58*].

И В ХРИСТА́ И В БО́ГА КАТИ́ТЬ. Сквернословить [СРСГСП 2, *9*].

КАК У ХРИСТА (БОГА) ЗА ПАЗУХОЙ (ЖИТЬ). Жить хорошо, беззаботно, в полной безопасности [СРФ, *608*; ССРЛЯ, 9, *33*].

ОСТАВЛЯТЬ (КОЛОСЬЯ) ХРИСТУ НА ПОСТЕЛЬКУ. В дожинальном обряде оставлять несжатой одну полоску. Сиб. *Устанет, ходя-то, он, батюшка, може и прилечь захочет, може и на моей соломке приляжет* [Терновская, 1977, *101*].

С ХРИСТОМ (ИДИ). Иди тихо, благополучно. Сиб. [КСРНГ].

У ХРИСТА В ПА́ЗУХЕ (ЖИТЬ). Жить вольготно, без забот. Кемер. [СРНГ, 25, *150*].

ХРИСТА́ ЗАДАВИТЬ. Совершить грех; согрешить. *В саму-та Паску качули-те не ставили, говорили – Христа-де задавит* [СПГ, 1, *282*].

ХРИСТА́ ПОД ПЯ́ТКУ ЗАМЯ́ТЬ. Не признавать ничего святого. Горьк. *Счас молодежь-то Христа-то уж под пятку замяла, что хотят, то и делают* [СРНГ, 33, *228*].

ХРИСТА ТЯНУТЬ. Идти крестным ходом. Моск. [КСРНГ].

ХРИСТУ́ НА БОРО́ДКУ. О несрезанной горсти колосьев в дожинальном обряде. Пронский, Наровчат. у. [Терновская, 1977, *127*]. «(Крестьянин) ломтик хлеба с солью… завязывает в ржаные колосья… и оставляет хлеб в поле, крестясь и приговаривая: “Христу на бородку”». Казан. [СРНГ, 2, *111*].

ХРИСТУ́ (ПОПУ́) НА ГАЛИ́ЧКИ. Так оправдывалась смерть первого ребенка. Горьк. [КСРНГ].

ВОТ ТЕБЕ́ (ТЕ, ВАМ) ХРИСТО́С. Возглас, подтверждающий правдивость, достоверность сказанного; правда, честное слово [ССРЛЯ, 17, *476*].

ЖИТЬ О ХРИСТЕ́ БО́ЖЕ. Жить бедно [КСГРС].

НА ХРИСТЕ́ ХРИСТО́М. Очень плохо. *Жисть была худая, ели – куды как на христе христом* [ФСС², *214*].

НА ХРИСТОС И БОГОМАТЕРЬ. Клянусь Христом и богоматерью. Курск. [СРНГ, 19, *102*].

НАД ХРИСТО́М. Ей богу. Калуж. [СРНГ, 19, *221*].

О ХРИСТЕ ИИСУСЕ. Едва справляется. Сиб. [КСРНГ].

ПО КАКО́МУ-ТО ХРИСТУ́. Незаконно, каким-то образом. *Четыре-то добавили по какому-то Христу* [СРСГСП, 3, *20*; ФСС², *214*].

СВЕТ ТЫ ХРИСТО́С. В знач. *междом*. Выражает восторг, удивление. Перм. [СРНГ, 36, *253*].

СВЕТ ХРИСТО́С! Междометие. *Ведь машины бросили, всё бросили, свет-Христос*! [КСГРС].

ХРИСТА́ РА́ДИ (ЖИТЬ, КОРМИТЬСЯ и т. п.). Из милости [ССРЛЯ 17, *476*].

ХРИСТА́ РА́ДИ (РА́ДИ ХРИСТА́). а) Возглас, с которым нищие просили милостыню [ССРЛЯ, 17, *475*].

б) Выражение усиленной просьбы; пожалуйста, очень прошу [ССРЛЯ, 17, *475*].

ХРИСТА́ РА́ДИ ПРОСИТЬ (ПОБИРАТЬСЯ и т. п.) Жить милостыней, нищенствовать [ССРЛЯ, 17, *476*].

ХРИСТА́ РА́ДИ СЗА́ДИ-СПЕ́РЕДИ НЕ ПОГОРЕ́ЛО. Выражение со значением «Слава Богу». *Так и жили, хлеба собирали по деревням, Христа ради сзади-спереди не погорело* [КСГРС].

АНГЕЛИ ХРИСТОВЫХ РОДИТЕЛЕЙ! Восклицание при сильном ощущении и неожиданности [Подвысоцкий, *1*].

БЕЗ ХРИСТО́ВОЙ ПА́МЯТИ. Без зазрения совести. Рост. *А она все в дом тянет без христовой памяти* [СРДГ, 2, *220*; СРНГ, 25, *191*].

ХРИСТО́ВЫМ ИМЕНЕМ (ЖИТЬ, ИДТИ и т. п.). Нищенствуя, собирая «Христа ради» [ССРЛЯ, 17, *474*].

ИЛЬЯ

ИЛЬЯ́. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. *Последний клок носит название Ильи.* Жиздр. [Терновская, *94*].

ИЛЬЯ́ ВЕЛИКИЙ. Гром. *Илья Великий гудит. Илья Великий не грянет, никто и не помянет, а как грянет, так всяк перекрестится.* Нижегор., Пенз. [СРНГ, 12, *187*].

(?) ИЛИЯ. Значение неясно. *А это Илия. Илея. Вот Илей собирались на Рождестве. Женщины. Придут, соберутся, значит, и девочки придут там с матерям, с бабушкам ли. Это Илея. Эти прибаутки пели. Ну кому какая песенка достанется…* [ДЭИС, *57*].

ИЛЬЯ́-БОРОДА́. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Кологрив. у. [Терновская, *94*]. То же, что ИЛЬЕ́ БОРОДА́, ИЛЬЮ́ШКИНА БОРОДА́.

ИЛЬИН ЦВЕТ. Растение семейства лютиковых; живокость растопыренная. Урал. [СРНГ, 12, *185*].

ИЛЬИНА́ БОРОДА́. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Орл. [Терновская, *94*].

ИЛЬИ́НСКАЯ ТРАВА. Растение *Parnassia palustris* L., сем. камнеломковых; белозер болотный. Твер. [СРНГ, 12, *185*].

(?) ИЛЬИНЫЙ РО́ТИК. Растение львиный зев; он же – львиный ротик. *Вот это ильиные ротики, они бывают красные, белые, жёлтые.* Дон. [СРНГ, 35, *205*].

ИЛЬЮ́ШКИНА БОРОДА́. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Кологрив. у. [Терновская, *94*]. То же, что ИЛЬЕ́ БОРОДА́, ИЛЬЯ́-БОРОДА́.

ЗАВИВА́ТЬ (ЗАВИ́ТЬ) БОРОДУ́ (БОРО́ДКУ) ИЛЬЕ. Оставить несрезанной последнюю горсть колосьев в дожинальном обряде. Волог., Яросл. [Терновская, *90–91*].

ЗАВЯЗАТЬ ИЛЬЕ́ БОРОДУ. В крестьянском обряде окончания жатвы – бросить пучок стеблей на полосу для обеспечения будущего урожая. Ворон., Курск. [СРНГ, 12, *187*; Терновская, *90–91*].

ЗАПЛЕСТИ БОРОДУ ИЛЬЕ. Обряд по окончании полевых работ. Арх., Волог. [СРНГ, 3, *109*].

ИЛЬЕ́ БОРОДА́. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Кологрив. у. [Терновская, *94*]. То же, что ИЛЬЮ́ШКИНА БОРОДА́, ИЛЬЯ́-БОРОДА́.

ИЛЬЕ́ НА БО́РОДУ. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Орл. у. [Терновская, *94*].

ИЛЬЕ́ ПРОРО́КУ БОРО́ДКА. Несрезанная последняя горсть колосьев в дожинальном обряде. Волог. [Терновская, *94*].

ЗАВИ́ТЬ ИЛЬИНУ́ БОРО́ДКУ. Совершить обряд по окончании жатвы, закрутить (завить) верхушки с колосьями оставленного в конце поля несжатого хлеба [СРГСУ, 1, *166*].

ИОВ

¡ ЙОВА-ДРУ́ЖБА. «Так, по имени травки, которой приписывают в народе чудодейственную силу открывать все замки и запоры (Иова-дружба, разрыв-трава), называется… поддельный ключ» [Козловский, 1, *118*].

ЙОВЫ (ЙОВА) СЛЁЗЫ. Растение *Coix Lacrima* L. «Иова слёзы – род злаков, высокие широколиственные травянистые растения». Вят. [СРНГ, 12, *206*].

ИРОД

ЙРОД. 1. О крайне злом, жестоком человеке [ССРЛЯ, 5, *427*].

2. О жадном человеке. *Нешто у этого ирода выпросишь*. Курск., Тул. [СРНГ, 12, *210*].

3. Урод. *В симье ни биз ираду* [СРГО, 1, *244*].

4. Растение *Acorus calamus*; аир, ирный корень. «Трава с синими цветами, растущая во влажных местах. Корень используется при заболеваниях органов пищеварения. “По преданию, его завезли к нам чужеземные конники во время монголо-татарского нашествия. В переметных сумах всегда носили они с собой аир, ирный корень, считая, что из рек и озер, где растет эта пахучая трава, можно без опасения пить воду и людям и лошадям. Переплывая на лошадях реки, бросали пучки корневищ в воду, и растение-новосел начало быстро приживаться на Руси. Корневища его жевали во время эпидемий холеры, тифа, испанки (гриппа). В Древней Руси он стал предметом купеческих сделок” (В. С. Моложавенко). “Корень имя ему ир, ростет в воде, не во всяком озере, рост его лежит по земле, трава на нем высока, цвет кругол, что палец, а мочно от того корени сидеть водки в вине горячем и сквозь пиво яшное; а годны те водки пить: будет какого человека держит удушье, или одышка, и цынга, тот корень те болезни исцеляет; а сыскано не много, 12 корешков” (М. Д. Торэн)» [Коновалова, *19*].

ИРОДОВ КОРЕНЬ. Род лекарственного растения [СРЯ XI–XVII, 6, *249*].

И́РОДОВА ДУША. Бранное выражение [ССРЛЯ, 5, *427*].

И́РОДОВА ОБРАЗИНА. Бранное выражение [ССРЛЯ, 5, *427*].

ИУДА

ИУДА. 1. **& ?** Предатель, изменник, действующий под маской дружбы, расположения [ССРЛЯ, 5, *596*].

2. Скупой человек [Никитина, *128*].

3. Бранное выражение [ССРЛЯ, 5, *596*]; бранное выражение (с переоформлением по женскому роду). *Вот иуда проклятая полетела* (о кошке) [Никитина, *128*].

ИЮ́ДА. 1. Жадный, скупой человек, скряга. Калуж. [СРНГ, 12, *276*].

2. Двуличный, коварный, ехидный человек. Арх. [СРНГ, 12, *276*].

(?) НАЮ́ДИТЬ. Донести, насплетничать. *Это тот тебе наюдил на меня.* Даг. АССР [СРНГ, 20, *306*].

(?) Ю́ДИТЬ. Клеветать, ябедничать [Расторгуев, *293*].

& ? ИУ́ДИНО ПЛЕМЯ (ОТРОДЬЕ и т. п.). О предателях, изменниках [ССРЛЯ, 5, *597*].

ИУДИНО УХО (УШКО). Род грибов. *«В число смертельнаго яду считаются и грибы, растущие под бузинным деревом, и иудины ухи называемые»* [СРЯ XVIII, 9, *175*].

ИУ́ДИНО ДЕ́РЕВО. Осина. Сев.-Двин. [СРНГ, 12, *276*].

КАИН

КА́ИН. 1. **& ?** Предатель, тяжкий преступник, братоубийца [ССРЛЯ, 5, *679*].

2. «Самый наглый сорванец, отчаянная голова, готовый на всё». Без указ. места [Даль, 2, *75*].

3. **& ?** Бранное выражение [СРЯ XVIII, 9, *200*].

4. О работящем человеке. *Лентяк да каин, работает – опять неладно* [КСГРС]. **u** КАК КА́ИН (НА́ МОРЕ). Как проклятый (трудится? – *И. Р.*). *Целый день в неводу ходили, рыбу добывали, как Каин на море* [СРГНО, *209*; ФСС[2], *90*].

5. **u** КАК КА́ИН. В полной изоляции, в одиночестве. *Издила к дочерям, а как ни*

мягка у них постеля, все не дома; оне на работу – все на замке сидишь. Как вот каин сидишь, никуда не выйдешь [СПГ, 1, *372*].

КА́ИН И А́ВЕЛЬ. О пятнах на Луне. Костр., Перм. [Подюков, *29*].

КА́ИН И Е́ВЕЛЬ. О пятнах на Луне [КСГРС].

КА́ИН И КА́ВИЛЬ. «Изображение Каина и Авеля, убиваемого братом, будто бы находится на Луне». *Глядел на месяц: Кавиля видел, а Каина – не* [Добровольский, *3*].

КА́ИН И Я́ВЕЛЬ. О пятнах на Луне [КСГРС].

ВА́НЬКА-КА́ИН. Буян, отчаянный сорванец (по имени персонажа старой русской повести). *Стали звать окаянных грабителей Ваньками Каинами* [Михельсон, 1, *93*; ССРЛЯ, 5, *679*].

КА́ВАН И А́ВАН. Созвездие (какое?). *Звезды в кучке, двух человечков показывают* [КСГРС].

КА́ВЕЛЬ И А́ВЕЛЬ (А́ВЕЛЬ И КА́ВЕЛЬ). О пятнах на Луне. *Месяц идет, там Кавель и Авель сидят, Кавель Авеля убил. Ночью Авель и Кавель видны, стоят на Луне два мужика, один другого убить хочет молотком. Старики говорили, Авель Кавеля на спине носит, убил брата своего, легенда такая. Авель и Кавель, два брата, один другого убил коромыслом, так на Луне они и остались. На большой Луне Авель и Кавель видны, изуродовал брат брата, топеря вишь где они* [КСГРС].

КАЙ́НКА. «Самый наглый сорванец, отчаянная голова, готовый на всё». Без указ. места [Даль, 2, *75*].

КАЯ́Н. Демонологическое существо, которым пугают детей. *Ну-ко, не реви, перестань, не то каян-то унесет тебя. Каяном-то у нас малых пугают, кто не слушает* [СПГ, 1, *385*].

КА́ИНОВ СЫН. Бранное выражение. Олон. [СРНГ, 12, *323*].

КА́ИНОВА РО́ЖА. «Каинова рожа, ночное солнышко – так называют иногда месяц». Костр. [СРНГ, 12, *323*].

КА́ИН И А́ВЕЛЬ НА ЛУНЕ́ БОРЬБУ́ ВЕДУ́Т. О пятнах на Луне [КСГРС].

ЛАЗАРЬ

ЛА́ЗАРЬ. 1. а) Слепец, нищий, просящий милостыню пением стихов. Твер. [ДО, *98*]. О нищем, попрошайке [ССРЛЯ, 6, *32*]. **& ? u** БЕДЕН, КАК ЛАЗАРЬ. Об очень бедных людях, нищих, попрошайках [СРФ, *330*].

б) Бедный, несчастный, убогий человек, вызывающий жалость. **& ? u** БЕДЕН, КАК ЛАЗАРЬ. О крайне несчастном, жалующемся на судьбу и трудности человеке [СРФ, *330*]. **u** ЛАЗАРЬ УБОГИЙ. **u** УБОГ, КАК ЛАЗАРЬ [Даль. Пословицы, 1, *76*].

2. а) Попрошайка. Псков., Твер. [ДО, *98*].

б) О навязчивом, настойчивом в своих просьбах и требованиях человеке. Псков., Твер. [СРНГ, 16, *242*].

3. О льстивом человеке; о человеке, который с помощью лести, угодничества стремится добиться чьего-либо покровительства, милости, доверия. Нижегор., Пенз., Перм., Тамб., Том. [СРНГ, 16, *242*].

4. Лицемер, ханжа. Пенз., Самар. [СРНГ, 16, *242*].

5. О ловком, действующем в корыстных целях человеке. *Ишь, какой он лазарь!* Калуж. [СРНГ, 16, *242*].

6. О ленивом, плохом ученике. *Эх ты, лазарь! Сидишь первым снизу.* Перм. [СРНГ, 16, *242*].

(?) ЛАЗАРЁК. Приятель, друг. Сарат. [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРИТЬ. Просить, выпрашивать; побираться. Нижегор., Петерб., Псков., Твер. [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРНИЧАТЬ. 1. Просить, выпрашивать; побираться. Псков., Твер. [СРНГ, 16, *242*].

2. Добиваться чьего-либо расположения с помощью лести. Тамб. [СРНГ, 16, 242].

ЗАТЯНУ́ТЬ ЛА́ЗАРЯ. Неумело запеть какую-нибудь песню. Яросл. [СРНГ, 16, 242; ЯОС, 4, *108*].

ЛА́ЗАРЕМ ПРИКИНУТЬ. Прикидываться несчастным. Калуж. [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРЕМ ПРИКИДЫВАТЬСЯ (ПРИКИНУТЬСЯ), ПРИТВОРЯТЬСЯ (ПРИТВОРИТЬСЯ). Притворяться больным и несчастным, прибедняться [СРФ, *330*].

ЛА́ЗАРЕМ ПЕТЬ. Жаловаться, плакаться, прикидываться несчастным, стараясь разжалобить, выпросить что-либо [СРФ, *330*]. То же, что ЛА́ЗАРЯ ПЕТЬ.

ЛА́ЗАРЯ КОРЧИТЬ. Прикидываться несчастным[6]. Ворон., Яросл. [СРНГ, 16, *242*; ЯОС, 5, *118*]. *Ну, довольно тебе лазаря корчить из себя!* [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРЯ ПЕТЬ (ТЯНУТЬ, ЗАПЕВАТЬ). Жаловаться, плакаться, прикидываться несчастным, стараясь разжалобить, выпросить что-либо [СРФ, *330*; ССРЛЯ, 6, *32*]. То же, что ЛА́ЗАРЕМ ПЕТЬ.

ЛАЗАРЯ ПЕТЬ ЗАСТАВИТЬ. Проучить. Смол. [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРЯ ПОДБИВА́ТЬ. Нищенствовать. Нижегор. [СРНГ, 16, *242*].

ЛА́ЗАРЯ СТРО́ИТЬ. Прикидываться несчастным. Калуж. [СРНГ, 16, *242*].

НА МАМА́Й (ЛА́ЗАРЯ). Как вздумается, как придется, наугад [СОГ, 6, *106*].

НАОБУ́М ЛА́ЗАРЯ. Без подготовки [ССРЛЯ, 6, *32*].

НА ЛА́ЗАРЕВО СЧАСТЬЕ (ДЕЛАТЬ, СДЕЛАТЬ). Делать что-либо без надежды на успех. Смол. [СРНГ, 16, *241–242*].

МОИСЕЙ

МОИСЕ́ЕВ ПА́ЛЕЦ. Созвездие Большая Медведица. Вят., Костр. [КСГРС; СРНГ, 18, *206*].

МОИСЕ́ЕВ ПО́СОХ. Созвездие (какое?). Нижегор. [СРНГ, 18, *206*].

МОСЕ́ЕВ ПА́ЛЕЦ. Созвездие Большая Медведица. Вят. [СРНГ, 19, *206*].

МОСЕ́ЕВЫ ПА́ЛЬЧИКИ. Созвездие (какое?). *Есь Мосеевы Пальчики, шесь штучек вместе, шесь пальчиков* [КСГРС].

МОИСЕ́ЕВА ДОРО́ГА. Созвездие Млечный путь. Костр., Нижегор., Оренб., Перм., Самар., Ставроп. [КСГРС; СРНГ, 18, *206*].

МОИСЕ́ЕВА ПА́ЛИЦА. а) Созвездие Малая Медведица. Арх. [СРНГ, 18, *206*].

б) Созвездие (какое?). Вят. [СРНГ, 18, *206*].

---

[6] Цитируется дефиниция, данная выражению в ЯОС; в СРНГ значение этого фразеологизма (а также приводимых здесь вариантов ЛА́ЗАРЯ СТРОИТЬ и ЛА́ЗАРЕМ ПРИКИ́НУТЬ) определяется как ‘Лазаря петь’, что представляется не очень корректным. Выражения ПРИКИДЫВАТЬСЯ ЛАЗАРЕМ и ПЕТЬ ЛАЗАРЯ синонимичны, однако возможности определения одного через другое препятствует тот факт, что имя в них употребляется в разных смыслах: в первом случае *лазарь* ‘нищий, убогий’, во втором имелся в виду духовный стих о Лазаре, который часто исполнялся нищими (см. анализ выражения ЛАЗАРЯ ПЕТЬ: [Бетехтина, *93*]).

МЫСЕ́ЕВА ДОРО́ГА. Созвездие Млечный путь. Орл. [СРНГ, 19, *61*].

НОЙ

НО́ЕВЩИНА. Полуокаменевшее дерево, долго пролежавшее в земле или в воде. Сиб., Таймыр., Тобол. [СРНГ, 21, *268*]. «Ископаемое, но не окаменевшее дерево, на вид моложе АДА́МОВЩИНЫ». Сиб. [Даль, 2, *553*].

НО́ЕВ ПОТО́П. О сильном проливном дожде. *Не буде давши Ноев потоп, не буде сильного дождя.* Карел. [СРГК, 4, *34*].

С НОЕВА ПОТОПА. Издревна [Никитина, *128*].

ПИЛАТ

ПИЛА́Т. 1. **&** Мучитель, палач [СРЯ XI–XVII, 15, *45*].

2. О жестоком человеке, мучителе. *А муж-то у ней пилат настоящий! Пилаты чистые: детей не любят.* Калуж. [СРНГ, 27, *27*].

3. Лекарственное растение (какое?). Дон. [СРНГ, 27, *27*].

ПИЛА́ТИК. Растение рогоз. Влад. [СРНГ, 27, *27*].

ПИЛА́ТИТЬ. 1. Мучить, тиранить, истязать. Ворон., Курск. [СРНГ, 27, *27*]. *Кто бьёт ни за что, тиранит, опричи муж какой попадется бедовый, вот говорят: тиранит он свою жену.* Калуж. [СРНГ, 27, *27*].

2. Бить, сечь кого-либо. Волог. [СРНГ, 27, *27*].

3. Упрекать кого-либо, «пилить». Курск. [СРНГ, 27, *27*].

4. Резать. Тамб. [СРНГ, 27, *27*].

ПИЛА́ТИТЬСЯ. Мучиться. Курск. [СРНГ, 27, *27*].

(?) СПИЛАТИТЬ. Украсть. *На деньги польстился, смытарил, спилатил.* Без указ. места [Кондратьева, *84*].

САМСОН

(?) САМОСО́Н. Значение неясно. Поговорка: *Сон-самосон не запашет загон.* Иван. [СРНГ, 36, *103*].

(?) САМСОНИКИ. Растение *Pulsatilla* Adans., сем. лютиковых; прострел. Курск., Орл. [СРНГ, 36, *113*].

(?) САМСОНЧИК. Растение *Anemone patens* L. Употр. в народной медицине: ванны от разных сыпей, соком натирают онемевшие члены, поят женщин во время родовых потуг и пр. Ворон. [Анненков, *35*].

(?) САМСОНЧИКИ. Растение *Anemone pratensis* L. Употр. в народной медицине при параличном состоянии органов зрения. Курск. и др. [Анненков, *35*].

(?) САМСО́НКА. Брюква. *Самсонка-то долгая, как редька. Самсонку я ране садила.* Перм. [СРНГ, 36, *113*].

СОЛОМОН

СОЛОМО́Н. 1. Лист с цифровым кругом для гадания. На круг бросали зерно или восковые шарики и по цифре, на которую они падали, находили предсказания [КСГРС; СРГСУ-Д, *513*]. *Я ворожила на соломоне: такой круг, мужик нарисован и написано там, чего к чему* [КСГРС].

2. Детская игра. *Ребятишка соломоном играли, ты будешь соломон сёдни. Соломоном играли, соломона становят в середку, чего-то с им делают* [КСГРС].

3. Двуличный человек, проныра. *Ну, такой соломон, он и нашим, и вашим. Ну, соломон, всюду заберется* [КСГРС].

4. Болтун. *Соломон, соломоха, замолоха – говорит очень много* [КСГРС]. То же, что СОЛОМО́ХА.

5. Неумелый, неопытный, неловкий, глуповатый человек. *Соломоном ругали, кабыть, соломон – такой нерасторопный человек, не больно подвижный. В армии первогодка называют салага, а здесь говорят соломон или салабон: в бригаде работают девять человек, пришёл молодой паренёк, могут так назвать. Ну, как Соломон говорит, не понимает, недоразвитый, не скоро понимает* [КСГРС].

6. Озорной ребенок. *Озорные, наверное; ну, ты, соломон, кто созлит. Что, соломоны, забегали тут, хватит всем бегать* [КСГРС].

СОЛОМО́НЧИК. 1. Вид конфет. *Раньше конфеты были соломончики, вот по этим конфетам и называли* [КСГРС].

2. Фантик. *Соломончики мы собирали, это обёрточки от конфет* [КСГРС].

3. Ребенок с круглым лицом [КСГРС].

(?) СОЛОМОНИ́ЧКА. Растение щавель. Новг., Петерб. [Даль, 4, *267*; ДО, *250*].

СОЛОМО́ХА. Болтун [КСГРС]. То же, что СОЛОМО́Н.

(?) ОСОЛО́МОТИТЬ. Обмануть, провести. *Так ты меня осоломотила, цто я на тебя на суд подам, все денюжки выцыганила.* Карел. [СРГК, 4, *251*].

(?) ПОДСОЛОМО́НИТЬ. Приврать. *Я вчера им подсоломонила немножко, когда рассказывала.* Карел. [СРНГ, 28, *190*].

СОЛОМО́НОВА ПЕЧА́ТЬ. а) Растение коровяк обыкновенный. Применяется в народной медицине как средство от бессонницы, кашля, кишечных расстройств. *Соседку я соломоновой печатью вылечила. Он единый от кашля хорош* [КДЭИС; СРГСУ, 6, *40*].

б) Растение *Polygonatum officinale*, купена аптечная [СРГСУ, 6, *40*]. «Лесное травянистое растение с повислыми колокольчатыми цветочками, гладкими удлиненными листьями с желтоватыми прожилками. После отцветания на стебле появляются крупные иссиня-чёрные ягоды, используемые в народной медицине при сердечно-сосудистых заболеваниях, отравлениях. Корневища, испеченные в золе, используются при лечении ожогов и ран». «Названо так потому, что каждый год отмершие стебли оставляют на своем толстом узловатом корневище рубец» [Коновалова, *116–117*, *186*]. «…Растение, похожее на печать» [Кондратьева, *92*].

(?) СОЛОМО́ШКИНА ЛАДО́ШКА (РУ́ЧКА). Растение *Geranium wlassovlanum* Fisch., герань Власова. *Лист как ладонь. Раньше-то бабушки сами лечились, докторов не было, заготавливали соломошкину ручку. Эту травку назвали так, потому что доктор был такой* [СРГП, *280*].

(?) СОЛОМО́НЫ ОПУСКАТЬ. Значение неясно. *Илью празднуют, косят, жнут, соломоны опускали.* Ленингр. [СРГК, 4, *229*].

ХРИСТОС. См. **ИИСУС ХРИСТОС**.

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб., 1878.
АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–... . Вып. 1–... .
Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997.
Бетехтина Е. Н. Фразеологизмы с библейскими именами (в русском и английском языках). СПб., 1999.
Богданов В. Н. Талицкий словарь (Диал. лексика русского старожильческого населения Талицкого сельск. совета Усть-Каменского р-на Горно-Алтайск. автономной обл.). Барнаул, 1981.
БСЭ – Большая советская энциклопедия: В 51 т. М., 1949–1954.
Вержбицкий Т. И. Некоторые лекарственные растения, употребляемые простым народом Курской губ. // Живая старина. 1898. Вып. 3–4. С. 409–420.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
Даль. Пословицы – Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. М., 1994.
Диттель. Сборник Рязанских областных слов // Живая старина. 1898. Вып. 2. С. 203–230.
ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
Дубровина С. Ю. Библейские сюжеты в народных легендах о растениях // Живая старина. 1999. № 2. С. 8–9.
ДЭИС – *Востриков О. В.* Традиционная культура Урала: Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2000–... . Вып.1–... .
КДЭИС – Картотека этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области (хранится в Свердловском Областном Доме Фольклора).
Козловский В. Собрание русских воровских словарей: В 4 т. N. Y., 1983.
Кондратьева Т. Н. Метаморфозы собственного имени: Опыт словаря. Казань, 1983.
Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
Кошкарева А. М. Материалы для областного словаря: Специальная лексика северных районов Тюменской обл.: В 4 т. Нижневартовск, 1992–1993.
КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького).
КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге.
ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького).
Макаров М. Н. Опыт русского простонародного словотолковника. М., 1846.
Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
Никитина – Картотека Псковского областного словаря (материалы взяты из: *Никитина Т. Г.* Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии. Псков, 1998).
НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
Опыт – Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
ОСВГ – Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996–... . Вып. 1–... .
Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры. Пермь, 1990.
ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–... . Вып. 1–... .
Расторгуев – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
СГПм – Словарь говоров Подмосковья. М., 1995–... . Вып. 1–... .
СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–... . Т. 1–... .
СГСол – Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь, 1973.
СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти т. М., 1995–... . Т. 1–... .
СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4. Орел, 1992–1996. Вып. 5–8.
СПГ – Словарь пермских говоров. Пермь, 2000–2002. Вып. 1–2.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1995–... . Вып. 1–... .
СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
СРГО – Словарь русских говоров Одесщины: В 2 т. Одесса, 2000.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
СРГПрб – Словарь русских говоров Прибайкалья. Иркутск, 1986–1989. Вып. 1–4.
СРГСК – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964–1988.
СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение. Екатеринбург, 1996.
СРДГ – Словарь русских донских говоров: В 3 т. Ростов н/Д., 1975–1976.
СРДГ[2] – Словарь русских донских говоров. Т. 1. Ростов н/Д., 1991.
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966–... . Вып. 1–... .
СРСГСП – Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Вып. 1–3. Томск, 1992–1993.
СРФ – *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1999.
СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–... . Вып. 1–... .
СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984–... . Вып. 1–... .
ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. М., 1948–1975. Т. 1–17.
ССРЛЯ[2] – Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. М., 1990–... . Т. 1–... .
Терновская – *Терновская О. А.* Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла (Материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 77–131.
ФСС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972.
ФСС[2] – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

* * *

Инна Валерьевна Родионова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и культуры речи Уральского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

Лейпцигский ономастический симпозиум 2003 г.

1–2 октября 2003 г. в Лейпцигском университете состоялся симпозиум, посвященный названиям этносов, стран и местностей («Völkernamen, Ländernamen, Landschaftsnamen»). Организаторами выступили ономасты Лейпцига и Регенсбурга. В работе симпозиума приняли участие более 80 ученых из Германии, Швейцарии, Австрии, а также отдельные представители Дании, Швеции, Нидерландов, Чехии, Польши и России. Рабочим языком симпозиума был немецкий, общее направление – германистика, индоевропеистика и западная славистика (языковые контакты с германским ареалом). В рамках симпозиума состоялось вручение премии Хеннинга Кауфманна, которая, начиная с 60-х гг. XX в., раз в три года присуждается немецкому ученому, работающему в области исторической ономастики. В 2003 г. лауреатом этой премии стала доктор Инге Били (I. Bily), научный сотрудник Саксонской академии наук, славистка и германистка, много и плодотворно работающая в области немецко-славянской контактной ономастики. О ее поистине самоотверженном труде и существенном вкладе в немецко-славянскую топономастику говорил в своей речи в жанре *Laudatio* (полагающейся по такому случаю) профессор *Фридхельм Дебус* (*F. Debus*). «Лауреатский» доклад *И. Били*, посвященный типологии древнелужицких топонимов, был выслушан с большим интересом. К началу работы симпозиума вышел в свет подготовленный под руководством И. Били второй том «Атласа древнелужицких типов топонимов» (Atlas altsorbischer Namentypen: Studien zu toponymischen Arealen des altsorbischen Gebietes im westslawischen Sprachraum / Hrsg. E-Eichler; Unter der Leitung von I. Bily. H. 2. Leipzig; Stuttgart, 2003).

В целом за два дня работы симпозиума было прочитано 15 докладов, полный текст которых войдет в сборник с таким же, как и конференция, названием[1].

В первый день были прочитаны следующие доклады:

1. *Торстен Андерсон* (*T. Andersson*) (Уппсала, Швеция). «Местности – племена – царства. Языковые связи в древнескандинавскую эпоху». В докладе шла речь об отражении топографических мотивов в этнонимах и топонимах. Развитие могло идти по двум направлениям: от топографии к племенным названиям, а затем к названиям местностей или от топографии к названию местности, а затем к этнониму.

2. *Эрнст Эйхлер* (*E. Eichler*) (Лейпциг, Германия). «Названия племен и территорий в области немецко-славянских контактов». Эта область, *Germania Slavica*, представляла и будет представлять интерес для историков-ономастов. В ее топонимах обнаруживаются наслоения пяти языковых эпох: индоевропейской (особенно это касается древнеевропейских гидронимов), германской, древней западнославянской (древнелужицкий и древнеполабский), древнесаксонской, древне- и средневерхненемецкой и, наконец, современной немецкой.

3. *Альбрехт Гройле* (*A. Greule*) (Регенсбург, Германия). «Гидронимы как базис для хоронимов и

---

[1] *Eichler E.*, *Tiefenbach H.*, *Udolph J.* (Hrsg.). Völkernamen – Ländernamen – Landschaftsnamen. Leipzig, 2004. Книга выходит в издательстве Лейпцигского университета. Адрес, по которому ее можно заказать: Leipziger Universitaetsverlag GmbH, Oststr. 41, D-04317 Leipzig. Цена будущего издания – 55 евро.

этнонимов». В докладе на германском, романском и кельтском материале были рассмотрены проблемы переноса названий одного класса онимов на другой. Этот процесс может происходить либо посредством транспозиции без специальных морфологических признаков, либо с помощью деривации (суффиксации) и словосложения. В заключение была предложена гипотеза многоступенчатой этимологии хоронима *Шлезия* (< **Silingia*), вызвавшая оживленную дискуссию.

4. *Клаус Дитц* (*K. Dietz*) (Берлин, Германия). «Древнеанглийские этнонимы и хоронимы». Развитие одной из основных тем конференции на древнеанглийском материале.

5. *Барбара Чопек-Копцюх* (*B. Czopek-Kopciuch*) (Краков, Польша). «Польские названия стран и национальностей. История и современность». Богатство славянской суффиксации всегда поражало воображение неславянской аудитории.

6. *Матиас Шпрингер* (*M. Springer*) (Магдебург, Германия). «Наследство, которым пренебрегли: Рудольф Мух и его объяснение германских этнонимов». Р. Мух (R. Much) (1862–1936) – венский историк, германист, который также занимался ономастикой (в частности, собственными именами у Тацита).

7. *Мартина Питц* (*M. Pitz*) (Саарбрюккен, Германия). «К происхождению хоронимической пары *Lothringen – Lorraine*». По многочисленным средневековым источникам автор прослеживает двойное название Лотарингии.

8. *Криста Йохум-Годглюк* (*C. Jochum-Godglueck*) (Саарбрюккен, Германия). «Названия стран и регионов в качестве топонимов. Наблюдения над переносом наименований». Подобные переносы, прослеженные автором по региону Саар – Мозель, могут осуществляться на основе таких факторов, как память об исконном происхождении жителей, сходство геоморфологических, а также других, более субъективных (и более интересных для исследователя) характеристик.

9. *Вольфганг Хаубрихс* (*W. Haubrichs*) (Саарбрюккен, Германия). «Названия родов и этнонимы. Проблема типологии названий объединений людей». В этнонимах (*nomina gentium*) и названиях родов (*nomina stirpium*/*genealogiarum*/*generum*) автор выделил признаки, по которым осуществлялась номинация. Он заметил, что мотивация этнонимов осуществляется в категориях, которые средневековые авторы, в частности Исидор Севильский (VII в.), считали конституирующими для народов (*gentes*): *origo* (происхождение), *lex* (закон), *mores* (обычаи), *lingua* (язык).

Докладами второго дня симпозиума были:

10. *Петер Эрнст* (*P. Ernst*) (Вена, Австрия). «Хоронимы в Австрии». В докладе автор проследил историческое разделение Австрии на регионы (от 1796 г. до нашего времени) и дал новое определение термину *хороним*.

11. *Вольф-Армин барон фон Райтценштайн* (*W.-A. Frh. v. Reitzenstein*) (Мюнхен, Германия). «Этнонимы в Баварии: этнос в топосе». Судя по тщательно собранным автором этнотопонимам, Баварию можно считать поистине многонациональным государством.

12. *Йорг Рике* (*J. Riecke*) (Гессен, Германия). «Этнонимы, названия стран и регионов в микротопонимии Южного Гессена». В докладе, имевшем подзаголовок «Встречи с чужим», рассматривалось отражение в микротопонимии «неавтохтонных» этносов. Одна из возможных встреч с «чужим» – это военный конфликт, при котором возникают, по формулировке автора, «военные названия» (*militärische Namen*).

13. *Дамарис Нюблинг* (*D. Nuebling*) (Майнц, Германия). «О степени проприализации синтагмы *новые федеральные земли*». В одних случаях синтагма *die neuen Bundeslaender* (имеется в виду территория бывшей ГДР) ведет себя как апеллятивная, в других – как онимическая. Автор ввела 11 параметров этого различия и проследила употребление данного выражения на корпусе современных текстов, насчитывающем почти 2 млрд слов.

14. *Людвиг Рюбекайль* (*L. Ruebekeil*) (Цюрих, Швейцария). «Между кельтами и германцами: социальная топика и этнические этикетки». Отталкиваясь от текстов Тацита, Птолемея и Цезаря, автор рассматривает этимологию и семантику двадцати германских и кельтских этнонимов.

15. *Рольф Макс Кулли* (*R. M. Kully*) (Солотурн, Швейцария). «Orbis Latinus». В докладе продемонстрированы латинские и латинизированные топонимы от античности до Нового времени.

Участники конференции выразили благодарность ее организаторам, особенно сотруднице Отдела немецко-славянской ономастики Дитлинд Крюгер. В заключительном слове профессор *Х. Тифенбах*, один из организаторов симпозиума, подчеркнул высокое качество докладов и плодотворность дискуссий. Действительно, в 15 докладах был использован большой и разнообразный языковой материал

(германские, скандинавские, кельтские, романские, славянские языки в разные исторические эпохи). Интердисциплинарность ономастики была продемонстрирована докладом историка, профессора М. Шпрингера, выступление которого вызвало, пожалуй, самую бурную дискуссию. Почти каждый докладчик использовал хендауты (некоторые, как у профессора В. Хаубрихса, достигали девяти страниц), что при таком обилии фактического материала является *conditio sine qua non* для создания интерактивного режима. Показательно, что к традиционным для исторической ономастики методам описания материала прибавился прагматический аспект. Также знаменательно, что этот факт отметили ономатологи, работающие в диахроническом аспекте. Особенно это касается проблемы перенесенных топонимов, которые нельзя анализировать без учета номинатора и его интенций, равно как и тех дополнительных смыслов, которые возникают при этом у пользователей. Профессор П. Эрнст считает, что во введении когнитивно-прагматического параметра нуждается и давно вошедшее в терминологический обиход, но все еще продолжающее оставаться предметом дискуссий понятие ‘хороним’. К объективным дифференциальным признакам этого понятия (это области, связанные с природным ландшафтом, исторически сложившиеся, в современной жизни связанные с экономико-географической ситуацией) следует добавить, по его мнению, параметр «существующие в сознании говорящего как отдельная единица».

В заключение нельзя не отметить прозвучавший в докладе профессора Э. Эйхлера призыв к созданию «еврономастики», т. е. к объединению усилий ономастов Европы, особенно в области исторической и контактной ономастики.

Следующий симпозиум решено провести осенью 2004 г. в г. Саарбрюккен (Германия); тема будущего симпозиума – «Имена и многоязычие».

Н. В. Васильева, канд. филол. наук,
старш. науч. сотр. отдела прикладного языкознания
Института языкознания РАН (Москва)

Ономастическая проблематика на XIII Международном съезде славистов (Любляна, 15–21.08.2003)[1]

Крупнейший мировой славистический форум – XIII Международный съезд славистов, проходивший 15–21 августа 2003 г. в Любляне (Словения), – собрал более 800 участников, обсуждавших современное состояние и тенденции развития славистики. На съезде были представлены и ономастические доклады, большинство из них было прочитано на специальном секционном заседании.

Председатель ономастической комиссии при Международном комитете славистов *Э. Жетельска-Фелешко* (*E. Rzetelska-Feleszko*, Польша) в своем докладе «Проблема ономастических школ в славянских странах» («Problem szkoł onomastycznych w krajach słowiańskich») указала, что традиции ономастической науки в некоторых странах были заложены в начале XIX в., но в большинстве стран ономастические штудии получили развитие во второй половине XX в. Ономастические школы в разных странах имеют различный статус, что зависит от нескольких причин: 1) длительности традиций научного изучения собственных имен; 2) состояния «материальной массы» – источников изучения собственных имен (словарей, ономастиконов), времени их создания и объема; 3) характера конкретных исследований, осуществляемых определенной школой; 4) существования коллектива единомышленников и «продолжателей традиции»; 5) преемственности ономастикона в данной стране и уровня языковых норм; 6) моно- или полилингвальной языковой ситуации в данном регионе; 7) характера иноязычного влияния – субстрата, суперстрата, языковой интерференции. Докладчица дала краткую характеристику состояния ономастических школ в 12 славянских странах, опираясь при этом на мате-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04–04–00274а.

риалы энциклопедии «Славянская ономастика», первый том которой был выпущен к съезду (Słowiańska onomastyka: Encyklopedia. Warszawa; Kraków, 2002. T. 1).

А. Чесликова (*A. Cieślikowa*, Польша) посвятила свой доклад «Leksykalne innowacje w różnych kategoriach nazw własnych» современным тенденциям в развитии различных ономастических разрядов, в первую очередь в области искусственной ономастики. Инновации могут быть отмечены на разных уровнях и в разных языковых сферах. Например, в сфере словообразовательной деривации ярко проявляются тенденции к аббревиации и к «многоименности» (одно имя – как правило, неудобное для произношения составное официальное наименование – дает множество различных дериватов); в сфере онимизации наблюдается резкое увеличение количества апеллятивов, которые положены в основу собственных имен; в сфере трансонимизации – существенный рост возможностей межкатегориальных переходов имен; в сфере графического оформления – появление новых способов выделения имени на письме (например, использование знака @ в именах, являющихся адресами электронной переписки) и т. п.

А. М. Мезенко (Беларусь) в докладе «Анамастыкон аднаго славянскага горада: сутыкненне форм рознага славянскага паходжання» проанализировала особенности развития ономастикона г. Витебска в период с XVII до начала XXI в., уделяя особое внимание характеристике именника с точки зрения языковой ситуации. Урбонимы Витебска рассмотрены как специфическая часть языковой системы белорусского языка, при этом универсальные и идиоэтнические особенности имен выявляются в сравнении с русской, польской, украинской урбонимией. Автором определены принципы организации ономастической системы, описан характер системных связей в разных ономастических классах, установлены связи имен с производящими апеллятивами. Кроме того, в докладе выявлены те черты именника, которые отражают специфику культурного и религиозного развития общества в рассматриваемый период.

Доклад *П. Амбросиани* (*P. Ambrosiani*, Швеция) «Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма – итоги проекта» основан на архивных материалах Великого Новгорода и Новгородской земли времен шведской оккупации 1611–1617 гг. Это преимущественно скорописные дозорные книги, в которых имеется большой топонимический материал: ойконимия и гидронимия 50 погостов Водской и Шелонской пятины. На этом материале решаются вопросы, важные для изучения топонимии по письменным источникам: идентификация географических объектов, соотношение разных названий одного и того же населенного пункта (как русских, так и прибалтийско-финских, а в некоторых случаях шведских), значение топонимических данных для исследования истории заселения северо-запада России разными этническими группами – славянами, ижорой, водью, финнами и др.

Л. Димитрова-Тодорова (Болгария) в докладе «Структурни типове съставни български ойконими в съпоставка със западнославянски ойконими (принос към славянския ономастичен атлас)» предложила подробную словообразовательную классификацию составных болгарских ойконимов. Среди них автором выделены ойконимы-словосочетания и ойконимы-композиты; каждая из этих групп подвергнута дальнейшей уточняющей рубрикации. Для болгарских структурных типов обнаружены параллели в западнославянских языках: например, болгарские композиты типа *Повалѝръж*, *Пържѝграх*, образованные по формуле «глагольный императив + существительное», изоморфны польским названиям типа *Zawichost*, *Żmigród*.

Доклад *Р. М. Козловой* (Беларусь) «Славянские континуанты праслав. **kъld-*, **skъld-* // **čьld-*, **ščьld-* (этимология, реконструкция)» содержал анализ имен собственных (топонимов и антропонимов), которые, по мнению автора, являются продолжениями праслав. **kъld-*, **skъld- // *čьld-*, *ščьld-* (эти корни докладчица считает образованиями с детерминативом *-d-* от и.-е. **(s)kel-* ‘гнуть, сгибать, поворачивать’). В круг дериватов рассматриваемых корней включаются, в частности, такие факты, как топонимы *Кандалакша*, *Колдонеми*, *Skaudukalnis*, *Scaudupelis*, этнонимы *Čoldas*, *Čoldicz*, *челдоны*, антропонимы *Аскольд*, *Кальдимир*, *Кайдан*, *Киндырь*, *Дъдиколдъ*, *Ковдижадъ*, *Kondak* и др.; в подавляющем большинстве эти реконструкции представляются глубоко ошибочными.

М. И. Орос (*M. I. Oros*, Румыния) в докладе «Water Names of Slavic Origin in Romania/on Romanian territory» отметил, что гидронимия Румынии включает большое количество названий славянского происхождения, древнейшими из которых являются однословные топонимы. Фонетические характеристики ряда гидронимов служат индикатором языка их создателей (*Dîmbovita*, *Liscov*, *Oreva*, *Volovăț*), но во многих случаях звуковой состав гидронима не позволяет произвести такую идентификацию

(*Bistro*, *Cerna*, *Crasna*). В процессе идентификации славянской диалектной основы, на базе которой сложились гидронимы, большую роль играют данные лингвогеографии, а также соотнесение гидронимического материала с другими разрядами ономастики.

Е. Л. Березович (Россия) в докладе «Топонимическая этносемантика», выполненном на материале русской народной топонимии, отметила, что модель семантики топонима, выстраиваемая в этнокультурной перспективе, включает два измерения: вертикальное и горизонтальное. Вертикальное измерение создается иерархией смысловых пластов – уровня мотивационных значений конкретных названий, уровня коннотативных значений (коннотация проявляется при анализе ряда однотипных названий и их системных связей, ср. коннотации *живых* топонимов – 'имеющий проточную воду', 'полноводный', 'имеющий ключевую, бьющую из-под земли воду', 'не замерзающий зимой', 'соотносимый с берегом, землей' и др.), уровня топонимической макросемантики (здесь предполагается выявление набора семантических полей, функционирующих в топонимии, особенностей их внутреннего строения и взаимоотношений друг с другом). Появление горизонтального измерения в семантике топонима предполагает расширение смысловой базы имени при трансонимизации и деонимизации; такое имя является прецедентным, поскольку отсылает к важному для традиции культурному феномену.

Тезисы докладов опубликованы в вышедшем к началу работы съезда сборнике «13 Mednarodni Slavistični Congres, Ljubljana, 15–21 avgusta 2003: Zb. povzetkov. Del. 1: Jezikoslovje» (Ljubljana, 2003)[2].

Вообще, следует отметить, что ономастические доклады играли очень скромную роль: всего 13 докладов из 843 заявленных были связаны с ономастикой; реально прочитано было 8. Таким образом, на долю ономастики приходится всего 1,5 % всей съездовской проблематики. Обзор показывает, что доклады распределялись как по традиционным для ономастики, так и по новым линиям: состояние и перспективы развития ономастических исследований в славистике, морфолого-словообразовательные особенности топонимов, ономастическая этимология, ономастика в письменных источниках, искусственная ономастика, тенденции развития ономастической системы, этнолингвистический аспект ономастических исследований. Уровень представленных докладов по преимуществу был весьма высок, но в то же время ощущались некоторые «узкие места». Во-первых, подходы к анализу материала иногда несколько отстают от тех, которые реализуются за рамками ономастики, так сказать, в «большой» лингвистике (особенно это касается попыток рассмотреть имя собственное в антропологической парадигме исследования языка). Во-вторых, ощущается нехватка свежего материала народных традиций, извлеченного не из письменных источников и современных рекламных каталогов. В-третьих, раритетны контрастивные доклады, посвященные сопоставлению данных разных славянских языков. Причины тому разные; одна из важнейших – невысокий уровень развития ономастической (особенно топонимической) лексикографии: несмотря на существенные достижения отдельных стран в этой области, у нас практически нет сопоставимых (по объему, детальности описания) ономастических словарей.

Представляется, что съездовская ситуация симптоматична и диагностична: ономастика действительно испытывает сейчас кризис и некоторую стагнацию, становится все менее популярной, «цеховой» наукой. Думается, что Международному комитету славистов к следующему съезду необходимо

---

[2] Помимо представленных выше докладов, сборник включает также тезисы тех докладов, чьи авторы не смогли принять участие в работе съезда: *I. Bily* (Германия). «Der Atlas altsorbischer Ortsnamentypen. Ergebnisse und Perspektiven»; *I. Burci* (Румыния). «Молдавская антропонимия славянского происхождения (конец XVIII – начало XIX в.)»; *E. Eichler* (Германия). «Res onomastica: Der Beitrag der Onomastik zur slavischen Sprachwissenschaft»; *К. Пеев* (Македония). «За македонската топонимска номенклатура во Албанија низ призмата од истражувањата на А. Селищев»; *М. ШСепановиС*(Сербия). «Дробњачки ојконим Превиш и проблем перинтеграције морфема у српској топонимији». Полные тексты докладов опубликованы либо в специальных изданиях национальных комитетов славистов, приуроченных к съезду, либо в иных изданиях. В сборнике докладов российской делегации, опубликованном к съезду (Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003 г.: Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован. М.: Индрик, 2003), представлены два доклада: *М. Э. Рут* «Русская народная астронимия на общеславянском фоне» (с. 524–533); *Е. Л. Березович* «Топонимическая этносемантика» (с. 19–34).

уделить специальное внимание ономастическим докладам, привлечь к участию в работе съезда новые имена. И еще один важный организационный момент. Ситуация в ономастике во многом порождена, как уже говорилось, ее нынешней проблемной и методологической изоляцией от «апеллятивной» лингвистики – отсюда наше убеждение в том, что не следует выделять отдельную ономастическую секцию (как на съезде, так и на других «общих» конференциях). Более целесообразно, думается, «растворить» ономастов в других секциях (семантических, этимологических и т. п.), чтобы происходил взаимообмен идеями и материалом между «апеллятивными» и «проприальными» докладами.

Хозяева конференции посвятили ономастическим проблемам приуроченный к съезду очередной (восьмой) выпуск ежегодника «Jezikoslovni zapiski»: Jezikoslovni zapiski: Glasilo Inštituta za slovenski jezik Frana Ramovša ZRC SAZU. 2002. № 8. Slovensko imenoslovje / Urednik Janez Keber. Ежегодник имеет высокий научный уровень, и практически все собранные в нем работы носят характер аналитических проблемных обзоров по важнейшим направлениям ономастических штудий.

Журнал открывается статьей *А. Шивиц-Дулар* (*A. Šivic Dular*) «Zgodovina imenoslovja v Slovenii», которая представляет собой детальный очерк истории ономастической науки в Словении, имеющей богатые традиции, связанные с именами Ф. Миклошича, Л. Пинтара, Ф. Рамовша, Ф. Безлая. Автор характеризует этапы становления и состояние ономастической теории (вопросы статуса ономастики, ее взаимодействия с другими лингвистическими дисциплинами, проблемы ономастической терминологии, типологии имен собственных, методологии ономастики и др.), а также представляет виднейших исследователей, институции, работающие в указанной области, наиболее заметные монографии и словари.

В статье известного этимолога *М. Сноя* (*M. Snoj*) «O etimologiji osebnih in zemljepisnih imen na Slovenskem» рассматриваются проблемы этимологического изучения словенских топонимов и антропонимов в течение последних полутора веков. Особое внимание автор уделяет проблеме учета при этимологизации как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

М. Фурлан (*M. Furlan*) в статье «Predslovanska substratna imena v slovenščini» выделяет критерии, выработанные для идентификации древнейшего слоя субстратной ономастики (географических названий) в Словении. По мнению автора, этот слой унаследован из языка альпийских славян. Проблемам контактологии посвящена также вторая статья *М. Сноя* – «Adstratni in superstratni vplivi na slovensko imensko leksiko», в которой рассматривается вопрос об адстратном и суперстратном влиянии на словенскую ономастику со стороны языков соседних народов – романских, германских, венгерского и южнославянских.

Еще одна обзорная работа – статья *Я. Кебера* (*J. Keber*) «Rojstna imena, hišna imena, vzdevki, psevdonimi v Sloveniji», в которой представлены различные в плане функционирования разряды словенских антропонимов: официальные личные имена (мужские и женские, заимствованные, новые, славянские и мусульманские и т. п.), неофициальные «домашние» имена, прозвища и псевдонимы.

В статье *С. Торкара* (*S. Torkar*) «Priimki na Slovenskem» анализируются словенские фамилии с точки зрения их происхождения и функционирования. Автор выделяет четыре основных источника фамилий: личные имена, географические названия, прозвища и обозначения профессий. Как указывает автор, в словенском фамильном антропонимиконе 70 000 единиц, причем наиболее типичные фамилии оформляются на *-šek* и *-nik*, а самой частотной является фамилия *Новак*.

В. Майдич (*V. Majdič*) в статье «Imena vasi in mest v Sloveniji» рассматривает названия деревень и городов в Словении в связи с процессом славянской колонизации, а также описывает их семантические и словообразовательные особенности (в связи с пространственно-временными факторами), грамматические категории (род, число, склонение) и акцентологию. Особое внимание в статье уделяется составным топонимам, особенностям эволюции названий (новым и новейшим именам).

Статья *Д. Чопа* (*D. Čop*) «Gorska, terenska (ledinska) in vodna imena v Sloveniji» системно представляет такие разряды словенской ономастики, как оронимия, микротопонимия и гидронимия, с точки зрения их происхождения, значения и диалектных особенностей. Кроме того, автор характеризует состояние разработки вопроса в современной словенской ономастике и приводит перечень литературы по данной проблематике (словари и исследования).

В статье *А. Гложанчевой* (*A. Gložančeva*) «Hrematonimi» дается обзор словенской хрематонимии, в котором наиболее подробно представлены названия социально-политических и административных объединений, а также фирм и предприятий. Изучается вопрос о роли культурно-языковой политики в формировании данной области ономастикона. К примеру, делается вывод о том, что наличие инос-

транных наименований у словенских компаний не связано с нуждами маркетинга и не вытекает из потребностей глобализации, а является следствием языковой и культурной моды. Автор говорит о необходимости междисциплинарного подхода к изучению эргонимии, в котором бы объединялись усилия лингвистов, социологов, специалистов по праву и маркетингу.

П. Мерку (*P. Merkù*) в статье «Slovensko imenoslovje v Italiji» приводит краткий обзор словенской ономастики (топонимии и антропонимии) в Италии, сформировавшейся в период после заселения этого региона предками современных словенцев.

Статья *М. Козар* (*M. Kozar*) «Slovensko imenoslovje v Porabju» характеризует особенности словенской ономастики в Порабье – бассейне р. Раб, являющейся правым притоком Дуная и протекающей в Австрии и Венгрии. Приводимый в статье иллюстративный материал демонстрирует влияние венгерского языка на изучаемую ономастическую систему.

Завершает журнал терминологический словарик («Slovarček imenoslovnih in drugih jezikoslovnih izrazov»), составленный *Я. Кебером*. Учитывая терминологический разнобой современной ономастики, следует признать, что этот свод терминов весьма ценен и является необходимым в подобных изданиях.

Е. Л. Березович, доктор филол. наук, проф. кафедры
русского языка и общего языкознания Уральского государственного
университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

РЕЦЕНЗИИ

Новые работы по антропонимии Урала

Мосин А. Г. **Уральский исторический ономастикон. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2001. – 516 с.;**

Он же. **Уральские фамилии. Материалы для словаря. Т. 1. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. – 496 с.**

Назаров А. И. **Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. – Алматы: Комплекс, 2003. – 180 с.**

В исследованиях по антропонимии наряду с решением теоретических проблем весьма актуальным оказывается выявление и изучение конкретного материала отдельных территорий России, которое позволит максимально собрать как современные данные, так и антропонимы ушедших эпох. На протяжении нескольких десятилетий в разных областях страны проводится сбор, исследование и лексикографирование местного антропонимического материала [см.: Щетинин, 1972; Никонов, 1988; Чайкина, 1995; Королева, 1999 и др.]. Особенно повезло в этом отношении Уралу: в конце прошлого столетия были опубликованы отдельные словари пермских фамилий (т. е. фамилий Западного Урала или Прикамья) [см.: Шумилов, 1991, раздел «Фамилии»; Полякова, 1997] и лексикографическое сопоставительное описание фамилий, функционирующих одновременно в Пермской, Курганской областях (Уральский регион) и в Архангельской области [см.: Житников, 1997]. В самом начале XXI в. появились новые, очень содержательные исследования по уральским прозвищам и фамилиям, актуальные для антропонимистов, лексикологов, историков не только Урала, но и всей России.

Разработанный доктором исторических наук А. Г. Мосиным «Уральский исторический ономастикон» (далее – УИО) является первым и очень успешным опытом подготовки и публикации регионального труда особого жанра. В нем собраны и рассмотрены прозвища (или некалендарные имена) русских, а также имена (прозвища) представителей нерусских народов, зафиксированные в документах XV – первой половины XVIII в. на обширной территории – от Прикамья до Западной Сибири. Автор отмечает, что в книгу включены также «сведения о населении сибирских городов Тюмени и Тобольска с уездами, составлявшем единое целое с населением Среднего Урала и Зауралья» [УИО, *4*].

А. Г. Мосиным изучено большое количество памятников письменности разных жанров (главным образом переписных документов) в государственных архивах Свердловской и Тюменской областей, Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике, Российском государственном архиве древних актов, архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук, Российской государственной библиотеке. Кроме того, в УИО включены данные антропонимических словарей и исторических исследований, в которых представлены прозвища жителей Урала изучаемого времени или людей, временно связанных с этой территорией (*Василий Андреевич Ковер*, князь, русский наместник Перми Великой, 1505; *Едигер*, князь сибирских татар, 1555–1556). Это важно, так как делает доступным для читателя материал, опубликованный в раритетных или малотиражных изданиях. В результате в УИО представлено более чем 2 700 прозвищ.

Следуя традициям, заложенным в таких трудах, как «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова [1903] и «Ономастикон» С. Б. Веселовского [1974], А. Г. Мосин разрабатывает далее структуру словарной статьи и создает оптимальный, на наш взгляд, ее вариант. Помимо заглавного слова – прозвища (некалендарного или нерусского имени[1]), в статью включаются полный антропоним, в котором фиксируется прозвище (например, *Богдашка Загвазда*, *Тренка Кирьянов Варзуга*, *Еремка Матвеев сын Скобелка*, *Ивашка* прозвище *Ляпа Борисов*, *Степан Федоров сын Бурмагин* «по назвищу» *Мужик*). Во многих случаях в памятниках отмечен антропоним из одного слова, особенно это касается иноязычных именований: *Атыкай*, *Аючей*, *Кабык*, *Екберда*. Фамилии, как в «Ономастиконе» С. Б. Веселовского, в УИО не рассматриваются, и это оправданно: хотя в памятниках XVI – первой половины XVIII в. фамилии и называли прозвищами, они были иначе грамматически оформлены и выполняли другую функцию, нежели собственно прозвища или некалендарные имена.

В УИО включены преимущественно однословные прозвища, хотя в редких случаях отмечаются и словосочетания: *Антон Деревянные Ноги*, крестьянин с. Покровского Богоявленского монастыря, 1698; крестьянин Чусовского Верхнего городка *Алешка Михайлов сын Долгие Дрова*, 1623; *Фетка Короткие Руки*, ямщик в туринской Ямской слободе, 1624. Нередко однословные прозвища имеют в основе два корня: житель Соли Камской *Ивашка Филипов сын Коротколап*, 1623; *Ивашко Семенов сын Корноух*, тюменский казак, 1641, что характерно для многих тюркских антропонимов: *Девлеткилдей*, *Дивлеткирей*, *Девлетбай*, *Баймет*, *Баймурат*, *Баймурза*, *Байсара*, *Караабыз*, *Карабай*, *Карабаш* и т. д.

В каждой статье приводятся также данные о месте проживания носителя прозвища, его занятии и дата фиксации антропонима: *Ивашко Вершинин Теплоух*, пашенный крестьянин Туринского острога, 1641; *Илейка Устинов Каргополец*, тюменский посадский, 1623; крестьянин д. Кривец на р. Обве *Якушко Васильев сын Дехтярь*, 1623; *Иван Селиверстов Кокшар*, пришлый («меж дворы скитаеца Христовым именем»), в 1710 жил в д. Пожарище Беляевской слободы.

У носителей нерусских именований указывается выявленная из источника или предполагаемая (также на основании источника) национальная принадлежность.

После каждой характеристики человека с тем или иным прозвищем или некалендарным именем сделана ссылка на источник: *Пятунка Табанаков*, тюменский конный стрелец, 1641 (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1, Д. 43. Л. 209 об.[2]).

В том случае, когда в памятниках содержатся какие-либо другие сведения о человеке, дающие возможность рассматривать особенности возникновения или употребления его прозвища, они тоже представлены в словарных статьях. Так, указание на место рождения или на населенный пункт, откуда прибыл человек, раскрывает основание, мотивировку оттопонимического прозвища: *Захарко Ярофеев сын Кокшар*, родился в д. Березовке, в Кокшенской чети Важского уезда, в 1680 – пашенный крестьянин Невьянской слободы; *Матюшка Иванов сын Кукарец*, родился в Кукарском городке Казанского уезда, в 1691 – крестьянин в д. Черемисской на р. Исети; *Тимофей Ларионов Усолец*, «пришлый человек Соли Камские», в 1710 – в Калиновской слободе; *Федка Мокеев сын Колмогорец* (из Холмогор. – *Е. П.*), родился в вотчине Антониево-Сийского монастыря под Архангельском, в 1680 г. – оброчный крестьянин Камышловской слободы.

Таким образом, УИО хорошо отражает путь от катойконимов, гидронимов, названий волостей к личным прозвищам и содержит значительное количество оттопонимических именований. Здесь представлены прозвища, полностью совпадающие по форме с названием населенного пункта (с нулевым антропонимическим суффиксом), и параллельно – прозвища от тех же ойконимов, оформленные суффиксами *-ец*, *-анин*, *-енин*, *-итин*, ср.: *Богдашко Кокшар – Левка Осипов сын Кокшарец*, *Корнило Семенов сын Колмогор – Ивашка Кузмин сын Колмогорец*, *Ивашко Вологда – Богдашко Вологжанин*, *Ивашко Колуга – Вечай* (*Нечай*) *Григорьев сын Калуженин*, *Евгений Леонтьев сын Кострома –*

---

[1] В очень редких случаях в УИО вошли производные имена, образованные от календарных полных: *Макидонко* от *Македоний*, *Егоша* от *Егор* из *Георгий*, *Елеферка* от *Елеферий*.

[2] Используются принятые в археографии аббревиатуры, в данном случае: РГАДА – Российский государственный архив древних актов, Ф – фонд, Оп – опись, Д – дело, Л – лист, об. – оборотная сторона.

Федка Костромитин. От ойконимов и гидронимов возникали прозвища с исходом *-ак*, ср.: *Ивашко Унжа – Михайло Григорьев Унжак*, р. *Юг – Семейка Прокопьев Южак*. УИО сохраняет все варианты оттопонимических прозвищ: *Полуянко Ларионов сын Южак – Молчанко Южанин – Пашко Юженин.*

Оттопонимические именования играют большую роль в исследованиях историков и лингвистов, так как характеризуют источники заселения Урала и миграции населения на самом Урале и в Западной Сибири. Значительная его часть пришла на Урал с Русского Севера (*Вага*, *Важанин*, *Верхолалец*; *Вологда*, *Вологжанин*, *Вологженин*; *Каргопол*, *Каргополец*; *Колмогор*, *Колмогорец*; *Лалета*, *Лалетин*; *Мезеня*, *Мезенец*; *Пинега*, *Пинежанин*, *Пенежанин*; *Поморец*; *Сольвычегодской*; *Сысоленин*, *Сысолец*, *Сысолянин*; *Устюжанин*). Показания антропонимии весьма актуальны для рассмотрения источников западно-уральских, среднеуральских и западно-сибирских русских говоров.

Заселение восточного склона Урала и Западной Сибири в тот период шло преимущественно через Прикамье (Пермь Великую, Соль Камскую, Кунгурский уезд, Осинский уезд[3]), что нашло отражение в оттопонимических прозвищах прикамского происхождения, зафиксированных в УИО: *Верхокамец*, *Еговец*, *Инвинец*, *Искорец*, *Косинец*, *Кунгур*, *Кунгурец*, *Майкарец*, *Пермитин*[4], *Соликамской*, *Сурможской*, *Сылвинец*, *Усолец*[5], *Чердынец*, *Чусовитин*, *Чусовской*, *Яйвинец.* Оттопонимические прозвища свидетельствуют о постоянной миграции на Среднем Урале и в Западной Сибири: *Верхотурец*; *Пелымец*, *Пелымской*; *Сургуцкой*; *Тагилец*; *Тюменец*, *Тюменской*, *Тюмянин.*

В целом же оттопонимические прозвища говорят об очень широкой географии связей уральцев в XVI–XVIII вв. не только с разными территориями России (*Калуженин*, *Колуга*; *Кострома*, *Костромитин*; *Кукара*, *Кукарец*[6]; *Москаль*, *Москва*, *Москвитин*; *Свияжанин*, *Свияженин*; *Синбирец*; *Томянин*; *Туленин*; *Чебоксар*, *Чебоксарец*; *Юрьевец*; *Ярославец*), но и за ее пределами (*Копланда Бухаретин*, служилой татарин в Тюмени, 1633).

О связях Урала с другими территориями говорят также апеллятивы и прозвища этнонимического характера. Апеллятивы, показывающие национальную принадлежность жителей Урала, характеризуют прежде всего постоянное население исследуемой территории – представителей финно-угорских и тюркских народностей. В УИО множество именований угров – манси (вогулов) и хантов (остяков): *Кабак Брилин*, тагильский ясачный вогул, 1626; *Айдар Сангилков*, вишерский ясачный вогул, 1605; *Апсеит*, чусовской ясачный вогул, 1626; *Атук Тончаров*, туринский ясачный вогул, 1625; *Калман Нергиев*, ясачный вогул на р. Ляле, 1626; *Калис Вельцын*, ляпинский остяк, 1643; *Акилдейко Андреев*, сылвенский остяк, 1606; *Азяхмат Ероно*, кодский остяк, 1663; *Акберда Алвгузов*, невьянский остяк, 1626; *Анка Конжиков*, кодский остяк, 1662/1663. Из финноязычных жителей Урала апеллятивами определяются только марийцы (черемисы): *Алкобай*, сотник оброчных черемис, 1685; *Бекмерзачко Бахтыбаев*, черемисин, пришел в Колчеданский острог, 1682; *Башкильда Бакшизов*, черемисин на р. Ирени, 1623.

Среди представителей тюркоязычных народностей чаще всего отмечаются татары (*Енбат Менлыбаев*, ясачный татарин в Верхних Терсяках на р. Чусовой, 1626; *Акбашка Кинбаев*, татарин в Кунгурском у., 1675; *Байбулатко Тенигашев*, татарин, родился на р. Таныпе в Уфимском у., 1693; *Бече Чирантеев*, пелымский татарин, 1598; *Байгоза Бактеряков*, сылвенский татарин, 1653) и башкиры (*Абдулла Кашкынов*, башкир, старшина Салзауцкой вол., 1737; *Балила Бахтиразин*, башкир на р. Тулве по Осинской дороге в Уфимском у., 1642; *Кашкильда*, башкирский сотник, жил у оз. Порохова, недалеко от Катайского острога, до 1695). Иногда упоминаются мещеряки: *Кайбиско Узеев*, мещеряк Осинской дороги Уфимского у., 1682; *Тохтар*, ясачный мещеряк, уведен в полон башкирами, 1736. В ряде случаев отмечено крещение нерусских и появление у них христианского имени: *Баймурза Артыбашев*, чусовской вогул, после крещения *Павлик Артыбашев*, 1621.

---

[3] Изначально – Осинская дорога Казанского уезда.

[4] *Пермитин* – житель Перми Великой (Чердыни) любой национальности.

[5] Имеется в виду Усолье Камское, как первоначально назывался Соликамск: *Ивашко Микитин сын Усолец*, сын соликамского посадского, пашенный крестьянин Невьянской слободы, 1660; *Алешка Петров сын Усолец*, родился в Соликамске на посаде, с 1679 в Краснопольской слободе.

[6] Ср.: *Матюшка Иванов сын Кукарец*, родился в Кукарском городке Казанского уезда, в 1691 – крестьянин д. Черемисской на р. Исети.

Иногда точно установить национальную принадлежность не представляется возможным, и А. Г. Мосин, опираясь на данные памятников, указывает ее предположительно: *Еразбай*, верх-уфинский ясачный татарин или вогул, 1626; *Бекберда*, верх-уфинский ясачный татарин или вогул, 1626; *Ачай Баувеков*, ясачный татарин или остяк на оз. Аяте (Аятском), 1626. Многие имена/прозвища тюркского происхождения в УИО отмечаются одновременно у разных народностей: *Бекбай* (башкир, татарин), *Бекберда* (татарин, вогул), *Камай* (татарин, башкир), *Канмурза* (остяк, вогул).

Апеллятивами показана также национальная принадлежность людей, попавших на Урал из различных европейских государств: *Бергнус*, капитан, пленный швед в Соликамске, 1713; *Анца Пеккуев*, «немчин» («латыш»), сослан в Тобольск через Верхотурье, 1601; *Кашпир Орховский* (*Ольховский*), тобольский жилец, литвин, 1601; *Рейнгольд-Иеган Эгельбрест*, драгун, пленный швед, послан на жительство в Соликамск с сыном Эрнцем-Иеганом, 1713; *Федка Иванов сын Казанец*, «родом поляк, жил в Казани в бобылях», крестьянин Камышевской сл., 1695.

В то же время этнонимы закреплялись и как личные прозвища, которые впоследствии становились основой многих фамилий. Прозвища этнонимического происхождения, зафиксированные в УИО, дают более широкую картину национального многообразия Урала, чем апеллятивы: житель Соли Камской *Родка Чуваш*, 1623; *Иван Черкас*[7] *Александров*, атаман ермаковских казаков, 1583; *Тимошка Черкаской*, беломестный казак Пышминской сл., 1664; *Филип Трофимов сын Турчанин*, «родом он турецкой породы», в Соликамске, 1707; *Олешка Югрин*, туринский ямщик, 1622; *Омелка Яковлев сын Калмык*, пашенный крестьянин Беляковской сл., 1690; *Казарин Волнин*, атаман, против Кучума, 1598; *Васка Михайлов сын Калмык*, оброчный крестьянин Ирбитской слободы, 1666; *Чердынец Андрюшка Корела*, 1579; *Афонька Васильев сын Нахрат*, в Лябове Городище на р. Каме, 1623; *Катайко Петров*, тюменский пашенный крестьянин, бывший ямщик, 1623.

Только прозвища являются свидетельством происхождения коми-зырян и коми-пермяков, когда указания на их национальную принадлежность в виде апеллятивов отсутствуют: *Тимошка Борисов сын Зырян*, родился в Зюздинской волости Кайгородского у., 1674; *Васка Степанов сын Зырян*, родом вычегжанин Еренского городка с Усть-Выми, 1677; *Семейка Федоров Зырянин*, тюменский посадский, 1623; *Якунка Пермин*, бобыль, жил в д. Ерзовке возле Верхотурья, 1621; житель Чусовского городка *Киприянко Константинов сын Пермин*, двинянин, 1647; *Игнашка Семенов сын Пермяк*, родился в Медянской вол. Вятского у., 1695. Это объясняется, видимо, тем, что коми-зыряне и коми-пермяки, принявшие христианство, записывались составителями документов с русскими календарными именами и отчествами (и полуотчествами), что отличало их от жителей Урала других религий (тюркоязычных и угроязычных), и писцы не считали необходимым давать им этническую характеристику. Даже в тех случаях, когда в антропониме было имя или прозвище коми, национальная принадлежность человека не указывалась: *Юг*[8] *Леонтьев*, крестьянин д. Федорово на р. Обве, 1579; *Данилко Чипиш*[9], крестьянин в Невьянской сл., 1624; *Лунежко*[10] *Нестеров* в д. Нестерове на р. Косе, 1579. И в обширных словарных статьях на прозвища *Зырян*, *Зырянец*, *Пермин*, *Пермяк*, содержащих большое количество примеров из текстов памятников, все имена и отчества являются христианскими, пришедшими в коми языки через русский язык.

Большое количество словарных статей на нерусские прозвища/имена весьма ценно для ономатологов, изучающих не только тюркскую или финно-угорскую ономастику, но и для русистов, так как в современной топонимии многих русских территорий и в русских фамилиях значительную часть основ дали иноязычные прозвища.

Однако основную массу рассмотренных в УИО антропонимов составляют русские прозвища. Помимо прямых указаний на род деятельности, профессию человека (*Ивашко Михайлов Касим*, винокур в Верхотурье, до 1665), зафиксировано большое количество прозвищ, свидетельствующих о занятиях людей: *Бердник*, *Бортник*, *Бочкарь*, *Кадошник*, *Каменщик*, *Кожевник*, *Колесник*, *Колокольник*,

---

[7] *Черкасами* в XVI–XVII вв. называли украинцев.

[8] Ср.: коми *юг* – молния [ССКЗД, *450*]. У русских на Урале в XVI в. вместо слова *юг* (название части света) употреблялось слово *полдень* [СПП, 4, *92*].

[9] Ср.: коми *чипыш* – берестяная солонка, торба для дачи овса лошади, короб из драни [ССКЗД, *412*].

[10] *Лунежко* от *Лунег* – коми-пермяцкого имени с формантом *-ег* [Кривощекова-Гантман, 1976, *92*].

Конюх, *Кормщик*, *Красильник*, *Кузнец*, *Проскуряк*, *Рыболов*, *Салдат*, *Судовщик*, *Скудельник* и т. д. По приведенным текстам обычно очевидно, что мы имеем дело с прозвищем – именем собственным, так как в словарных статьях даются сведения и о других занятиях носителей прозвищ: *Сенька Колокольник*, плавильщик, «послан из Соликамска в Верхотурье по рудному делу», 1644; о нем же: «послан от медного дела плавильщик Сенька Колокольников» (видимо, плавильщик Сенька лил медные колокола).

Отмечаются также подобные «профессиональные» прозвища у пеших и конных стрельцов: *Андрюшка Ларионов Бортник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Тихонко Иванов Кожевник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Осташко Дементьев Сапожник*, тюменский стрелец, 1641. Среди стрельцов, как свидетельствует УИО, было много людей, получивших прозвища по роду занятий: сапожников (*Семейка Михайлов Сапожник*, тюменский стрелец, 1623; *Жданко Малафеев Сапожник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Володка Сапожник*, верхотурский стрелец, 1649), коновалов[11] (*Васка Коновал*, верхотурский стрелец, 1620; *Томилко Фокин Коновал*, тюменский стрелец, 1641), кожевников (*Тихонко Иванов Кожевник*, тюменский конный стрелец, 1641; *Филка Кожевник*, верхотурский стрелец, 1665). Прозвища свидетельствуют о том, что их носители имели побочные занятия, не связанные со службой.

Вместе с тем подобные прозвища также имели, судя по данным УИО, беспашенные крестьяне, бобыли, для которых занятие каким-либо делом, ремеслом было актуальным и нередко основным (беспашенный крестьянин пог. Кольчуг *Ивашко Каменщик*, 1579; чердынский беспашенный крестьянин *Степанко Колашник*, 1579; *Первушка Ларионов сын Черепан*, бобыль в Орле-городке, 1623). Такие именования находятся на грани между апеллятивами и именами собственными, и в некоторых случаях за прозвище принимается апеллятив: *Васка Ондреев Литвин Трубач*, тюменский конный казак, 1623. По приведенным в УИО текстам также видно, как основой прозвища становился апеллятив. Так, в 1623 г. упоминается *Митка Токманаев*, тюменский толмач (апеллятив, свидетельствующий о роде занятий) и его сын – тюменский конный казак *Куземка Толмач* (уже прозвище).

Особый интерес исследователей вызывают прозвища, характеризующие людей по их индивидуальным качествам (*Горбатой*, *Горбач*, *Горбун*; *Говорливый*, *Говоруха*; *Долган*, *Долгой*; *Коряк*, *Коряка*; *Лысан*, *Лысой*; *Суморок*; *Тонкой*), причем нередко они появлялись на основе метафоры – сравнения с птицами (*Селезень*, *Соловей*, *Баклан*, *Клест*), рыбами (*Ерш*), животными (*Крыса*, *Собака*, *Соболь*, *Конь*, *Кляча*, *Коза*), насекомыми (*Клещ*), растениями (*Капуста*, *Сосна*), различными предметами (*Клин*, *Колода*, *Кокора*, *Копыл*), продуктами питания (*Коврига*, *Простокиша*), явлениями природы (*Падера*, *Полдень*). Метафорические антропонимы в ряде случаев выступали как имена некалендарные: *Зайко Шипицын*, крестьянин Камышловской слободы, 1698.

Такие именования позволяют реконструировать значительный пласт нарицательной лексики, которая существовала в живой речи на различных территориях России, но часто не могла попасть в памятники письменности, так как не было подходящей ситуации для ее отражения в текстах. Однако она сохранилась в ономастике, в частности в прозвищах.

Особенно важна реконструкция на основе антропонимов забытых или диалектных слов: *Матвей Федоров Брусница*, крестьянин д. Елуниной в Белоярской сл., 1710; *Мишка Павлов сын Кекурской* (от *кекур* ‘скала на равнине’), пашенный крестьянин д. Ключевской на р. Нице, 1680; *Григорей Алексеев сын Коточиг* (от *коточиг* ‘кочедык, шило для плетения лаптей’), крестьянин Багаряцкой сл., 1719; *Ивашко Офонасьев сын Падера* (от *падера* ‘метель’), крестьянин Камышловской слободы, 1680; *Якунка Простокиша* (от *простокиша* ‘простокваша’), туринский служилый, 1641; *Карсак* (от *карсак* ‘корсак, степная лисица’), служебник Далматовского монастыря, 1673; житель Соли Камской *Ивашка Вакорев* (от *вакорь* ‘кривое низкое дерево’) *сын Лалетин*, 1623; житель Соли Камской *Иван Григорьев сын Воронихин Верещага* (от *верещага* ‘тот, кто верещит; крикливый человек’), XVII в.

Важно, что в УИО не просто фиксируются такие прозвища из диалектизмов, но отмечаются территории, где жили носители таких прозвищ, т. е. места, где эти слова были обычными в живой речи, всем понятными и употребительными. В исторической лексикологии русского языка предстоит еще очень многое сделать для реконструкции и изучения территориально ограниченной лексики. И для накопления материала к этой работе весьма необходимы такие издания, как УИО.

---

[11] *Коновал* – ветеринар, конюх.

Интересные данные представляют прозвища для исследования исторического словообразования антропонимов. В памятниках письменности, особенно в переписных документах, редко фиксировались женские антропонимы, так как там переписывались главы семей – налогоплательщики. Однако отдельные случаи записи именований женщин (вдов или нищих) отмечаются: *Анюта Казанка*, нищая в слободке Новое Усолье, 1623. Обычно вдов записывали с прозвищем на *-иха*: вдова казачья *Семейкинская жена Марьица* прозвище *Козачиха*, жительница Тюмени, 1624; *Матрона Диомидова* дочь *Коневалиха*, вдова крестьянина Троицкого Рафайлова монастыря, вкладчица Далматовского монастыря, 1698; с Арамилю вдова *Феодосия Моториха*, вкладчица Далматовского монастыря, 1685. В XVII в., видимо, именование женщин прозвищем на *-иха*, образованным от антропонима мужа, было настолько естественным и принятым, что даже, записывая их в монастырских документах с полными каноническими именами (*Матрона Диомидова дочь*, *Феодосия*), а не адаптированными к русскому языку (*Матрена Демидова дочь*, *Федосья*), сохраняли прозвища на *-иха*, возникшие в живой речи.

А. Г. Мосин очень бережно относится к текстам памятников. В цитируемых материалах сохраняется орфография антропонимов: обычные в скорописи XVI – первой половины XVIII в. выносные буквы, обозначавшие и твердые, и мягкие согласные, вводятся в строку, как это принято в публикациях текстов памятников, без специального обозначения мягкости (*Сенка* вместо произносившегося *Сенька*, *Васка* вместо *Васька*); в нерусских словах передается начальный звук [ы] (мансийские, хантыйские, татарские имена *Ынир*, *Ылпай*, *Ыян*, *Ышберда*), [ы] после звука [к] (*Кычан*, *Кызылбай*), после [ч] (*Чыныр*) и др. Принятая в научных публикациях точная передача записи антропонимов в документах XV–XVIII вв., за исключением изъятия некоторых отсутствующих в русском гражданском шрифте букв кириллицы («зело», «и десятеричное», «юсы», «ять», «фита», «ижица», «кси», «пси», «е йотованное»), приводит к различному написанию одного и того же прозвища/имени: *Кадаул*, *Кодаул*, *Кодуал*; *Карабай*, *Коробай*. Сомнительные формы антропонимов из рукописей или публикаций памятников нередко комментируются: «*Демка* прозвище *Шарапко Инфантов* (очевидно, *Нифантов*. – *А. М.*)», хотя в каких-то случаях комментарий отсутствует (*Ихдевлет Карьев*, но он же *Ишдевлет Карьев*[12]; *Топсянин* и *Тотсянин*[13]).

Объем словарных статей зависит от того, насколько широко представлено прозвище в памятниках письменности. Большие статьи посвящены обычно оттопонимическим именованиям (*Пермитин*, *Чусовитин*, *Пинежанин*) и антропонимам, выступающим одновременно в качестве прозвищ и некалендарных (древнерусских) имен (*Бажен*, *Богдан*, *Первой*, *Третьяк*, *Шестак*). Ср. *Баженко Безсонов* прозвище *Чебыкин* и *Ивашко* прозвище *Баженко*; *Первушка Иванов сын Осолихин* и *Лучка* прозвище *Первушка Наумов сын Кункин*.

Материал ряда словарных статей дает возможность проследить (иногда предположительно) родственные связи людей и происходящие изменения в их наследуемом оттопонимическом прозвище, что впоследствии могло отразиться на появлении разных фамилий. Так, в Туринском остроге записано, по-видимому, три поколения одной семьи: в 1624 г. – торговый человек *Климко Тимофеев сын Тетюшской* «з детми с *Феткою* да с *Матюшкою*», в 1641 г. – пашенный крестьянин *Матюшка Тетютской*, в 1680 г. – его сын *Игнашка Матвеев сын Тетюйской*.

Прозвища оказываются актуальными для изучения топонимии, так как многие из них явились основой ойконимов: *Амфилохий Анчук*, основатель д. Анчуковой на р. Тече на землях Далматовского монастыря, до 1719 г.

В конце издания помещен именной указатель, в котором представлены прозвища, получившие далее суффиксы *-ов-*, *-ев-*, *-ин-*, *-ых-* (*Коуров*, *Кряжев*, *Дедюхин*, *Бочкаревых*), т. е. практически фамилии на основе прозвищ на самой первой ступени своего существования.

Все сказанное выше, во-первых, дает надежное основание для изучения рассмотренных в УИО антропонимов в лингвистическом и историческом аспектах и, во-вторых, свидетельствует о том, что рецензируемый труд может послужить моделью для разработки подобных ономастиконов по другим регионам.

---

[12] Видимо, опечатка при публикации текста В. Н. Шишонко.

[13] Видимо, *Тотмянин* или *Тотьмянин* (из Тотьмы).

А. Г. Мосину принадлежит и другое основательное антропонимическое исследование – «Уральские фамилии. Материалы для словаря» (далее – УФ), которое открывает проектируемую многотомную публикацию материалов для будущего «Словаря уральских фамилий» и вместе с тем уже сейчас является самостоятельным словарем фамилий, функционировавших в первой четверти XIX в. в Камышловском уезде Пермской губернии (ныне территория Свердловской и Курганской областей). Это уже иной период в истории русской антропонимии, нежели освещенный в УИО, – время в основном сформировавшихся фамилий. Однако многие материалы этих двух изданий исторически связаны.

Автор подошел к этой работе как историк. Рассматривая историю формирования фамилий, он подчеркивает, что на Русском Севере, с населением которого генетически связана значительная часть населения Среднего Урала, жили преимущественно государственные (черносошные) крестьяне, у которых уже в XVI–XVII вв. происходило становление фамилий, что отражалось в переписях населения. То же имело место и в Приуралье, через которое шло за Урал значительное число крестьян, посадских, ямщиков, стрельцов. Их антропонимы было необходимо фиксировать в переписях, что способствовало закреплению фамилий в деловом языке.

Таким образом, «ранняя фиксация фамилий на Урале, а также высокая степень оседлости основной массы населения края и хорошая сохранность источников позволяют считать издание “Словаря уральских фамилий” делом вполне реальным» [УФ, *5*]. Однако выходу в свет такого многотомного словаря должно предшествовать издание материалов для него: не менее шести томов по числу восточных уездов бывшей Пермской губернии. Одному из них (Камышловскому) и посвящено первое издание материалов.

В качестве базового источника используются исповедные росписи как тексты, фиксирующие антропонимы всего населения. Вместе с тем А. Г. Мосин привлекает для изучения и сопоставления обширный материал, начиная с писцовых книг Урала XVI–XVII вв. и кончая современными материалами (книга «Память», телефонные справочники и др.). На такой убедительной основе разрабатываются словарные статьи (расположенные по алфавиту), характеризующие более двух тысяч фамилий отыменного и отпрозвищного происхождения.

Словарные статьи хорошо структурированы, в каждой из них несколько блоков. В статье определяется этимология фамилии – по возможности указывается, от чего она образована, и в результате сопоставления с данными антропонимических, диалектных, двуязычных и других словарей и лингвистических исследований характеризуется основа фамилии (имя или прозвище). Так, рассматривая основу фамилии *Алябышев* (*Олябышев*), автор приводит данные о значениях диалектного[14] слова *алябыш*: ‘маленький каравай из ржаной или овсяной муки’, ‘особого рода блин’ [СРНГ], ‘булочка или лепешка (пшеничная, картофельная); сдобная булочка; оладья’ [СРГСУ], ‘вид пирога’ [Фасмер], *олябыш* ‘род ватрушки, лепешки’ (арх.), ‘сочень из теста, запеченный в масле’ (записано в Соликамском у. Пермской губ.) [СРНГ] и т. д. Он отмечает: «Известна колядка: “Хозяйка в дому, как оладья в меду, а детушки, как олябышки”; того же происхождения фамилия *Алябьев* (Даль)». Вместе с тем приводится и другое значение слова *олябыш* – ‘удар, оплеуха’, а также мнение Н. А. Баскакова о тюркских корнях фамилии *Алябышев*.

Еще пример: основой фамилии *Мещеряков* является слово *мещеряк*, которое одни исследователи рассматривают как этноним – название финноязычных или позднее тюркских племен (Б. О. Унбегаун, В. Ф. Житников, Ю. А. Федосюк), другие в конкретных случаях подчеркивают его оттопонимический характер (с. *Мещеры* – Р. Г. Скрынников) и связывают его как основу фамилии уже с русским населением рязанского левобережья Оки (В. А. Никонов). А. Г. Мосин в лаконичной форме приводит разные взгляды на это слово. Таким образом, в словарных статьях представлен обзор различных точек зрения на этимологию основ фамилий.

Далее в словарных статьях представлен исторический блок: сведения о фиксации рассматриваемой фамилии в разные периоды на различных территориях России. Например, опираясь на материалы словарей и исследований фамилий и прозвищ (работы Н. М. Тупикова, С. Б. Веселовского, Н. Н. Покров-

---

[14] Однако автор почему-то не пользуется принятыми в лингвистике терминами *диалектное слово* или *диалектизм* и называет диалектные слова *говорными*.

ского, Ю. И. Чайкиной), А. Г. Мосин показывает распространение фамилии *Быков*: «*Быков*, отчинник белозерский, XV в., первая половина; *Андрей Быков*, черниговец, 1654 г.; *Иван Иванович Суморок Быков*, 1499 г.; *Быков Заяц Тихонов*, дьяк новгородского владыки, 1559/1560 г.; *Осип Быков*, казачий десятник; *Андрей Быков*, служилый в Томске, 1648 г.; с 1711 г. фамилия фиксируется в Вологде». Охват значительной территории функционирования одинаковых фамилий свидетельствует об их самостоятельном возникновении в разных регионах.

В книге в связи с анализируемыми фамилиями нередко упоминаются исторические события, имевшие существенное значение на Урале, например при рассмотрении фамилии *Бабинов*: «В 1595–1597 гг. мастер дорожного дела, житель с. Верх-Усолки Артемий Софронович Бабинов руководил строительством дороги, соединившей западный склон Урала с бассейнами сибирских рек[15]. Его потомок С. Бабинов в 1670 г. проложил на свои средства дорогу Верхозим – Верхотурье длиною в 200 верст».

Конечно, невозможно было охватить в словаре все случаи употребления фамилии в России, но, как правило, здесь указаны некалендарные имена/прозвища и фамилии, отмечающиеся в Приуралье, так как многие из них были непосредственно принесены на Средний Урал и в Сибирь: крестьянин д. Ныров Погост на р. Косе *Бык Архипов*, 1579; крестьянин пог. Вильгорт на р. Колве *Пронька Быков*, 1579.

В статьях уделяется внимание и фиксации исследуемых фамилий в различных уездах и населенных пунктах на Среднем Урале, в Зауралье: ср. фамилию *Бабин*, отмечаемую в д. Бабино Верхотурского уезда, в Белоярской Течинской слободе, Арамильской слободе, Уктусе, в документах Далматовского монастыря.

В значительной части статей присутствует топонимический блок, отражающий связи антропонимов и топонимов: фамилия *Глухарев* (от прозвища *Глухарь*) – д. *Глухарёво* в Режевском р-не, пос. *Глухариный* в Ивдельском районе, пос. *Глухарь* в Шалинском районе; фамилия *Куликов* – д. *Куликова* была в Невьянской слободе, д. *Куликовская* – в приходе Прокопьевской слободы, д. *Куликова* есть в Слободотуринском районе. Большой топонимический неуральский материал привлечен по данным Кировской области: фамилия *Коробейников* – в разных районах Кировской области есть пять деревень с названием *Коробейники*; фамилия *Куликов* – в Кировской области д. *Кулики* (Тужинский р-н), *Куликово* (Верхнекамский, Лузский р-ны), *Куликовская* (около Кирова) и *Куликовщина* (Халтуринский р-н).

Самую большую часть словарных статей составляют материалы исповедных росписей Камышловского уезда, причем не просто перечисляются его жители 1822 г., но во многих случаях дается характеристика их семейных связей или их предков: «В числе предков заводских непременных работников и мастеровых Каменского завода мог быть драгун этого завода Тимофей Иванович Зыков, живший с отцом Иваном Саввичем (Савиным) в с. Покровском в Камышловской слободе (сейчас в Каменском районе); отец дьячка Камышловской сл. Кирилла Дмитриевича Зыкова, уроженца Верх-Ницынской сл., “был у церкви в пономарях” (перепись 1680 г.), что позволяет предположить связь исходного прозвища с пением в церкви[16].

В конце каждой словарной статьи дан цифровой ключ, который позволяет по представленным в приложении схеме деления Камышловского уезда на приходы и таблицам о составе приходов Камышловского уезда Пермской губернии в 1822 г. установить место (или места), где зафиксирована фамилия, – названия прихода, населенного пункта в 1822 г., наименование в настоящее время и отнесение его к району и области по современному административному делению. Для установления состава приходов А. Г. Мосиным было проведено топонимическое исследование территории Камышловского уезда в сопоставлении с современной ойконимией изучаемой территории, выявлены сохранившиеся, изменившиеся или утраченные впоследствии ойконимы, исчезнувшие поселения.

В материалах для словаря «Уральские фамилии», как и в УИО, последовательно выдержаны принятые в источниковедении правила публикации текстов памятников и весьма корректно используются (с постоянными ссылками на авторов) исследования по истории и этимологии исследуемых именований.

---

[15] Речь идет о знаменитой Бабиновской дороге от Соли Камской (Усолья Камского) до Верхотурья, сократившей в несколько раз путь за Урал. Раньше это был в основном речной путь: он шел из Перми Великой (Чердыни) по Вишере и ее восточным притокам через Уральский хребет в притоки Сосьвы.

[16] *Зык* – человек с громким голосом.

Таким образом, в словаре «Уральские фамилии» представлен очень тщательный анализ обширного антропонимического и топонимического материала, что дает надежные данные ономатологам, лингвистам, историкам, этнографам, географам и краеведам.

Иной этап лексикографии уральских фамилий представлен в книге А. И. Назарова «Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков», посвященной подготовке к составлению словаря, – подробному анализу становления и функционирования фамилий казаков, проживавших в бассейне р. Урала (Яика) на землях бывшего Уральского казачьего войска, центр которого, город Уральск, был образован в 1613 г. (возможно, и ранее – в 1584). В книге рассмотрены фамилии одного сословия (в прошлом основного для этой территории), но всех его представителей различных конфессий и конфессиональных течений. Фамилии изучены по материалам 1586–1920 гг. (т. е. на протяжении трех с половиной веков их формирования и функционирования) в разных аспектах и весьма детально.

В основу исследования положен обширный рукописный материал Центрального государственного архива Республики Казахстан XVIII–XX вв. – документы Уральского казачьего войска: исповедные книги, духовные росписи, духовные ведомости, метрические книги, списки казаков, служащих по найму, копии приговоров и приказов на осужденных, документы освидетельствования испытуемых в Уральской войсковой больнице, книги брачных обысков и др. Источниками, особенно важными для изучения истории фамилий, оказались метрические книги и исповедные ведомости, так как они содержат фамилии отца или матери (последнее для незаконнорожденных), фамилии и возраст умерших, а также вступающих в брак.

Кроме того, для привлечения материалов более раннего периода использованы обширные сведения из печатных источников – работ по истории уральского казачества. Это позволило обнаружить многие семейные связи носителей фамилий и проследить возникновение исследуемого антропонима, передачу его по наследству в разных поколениях, что особенно важно для рассмотрения путей формирования фамилии как самостоятельного явления в русской антропонимической системе, для установления хронологии разных этапов становления конкретных фамилий.

Рассматривая на исследуемом материале дискуссионный вопрос о процессе становления фамилии как самостоятельного члена сложного антропонима, А. И. Назаров полагает, что для этапа XVI – начала XVII в. правомерно говорить еще не о фамилиях, а о родовых именах, т. е. именованиях, восходящих к имени или прозвищу не отца, а более далекого предка[17], но в каких-то случаях – об отчествах или прозвищах. Долгое время фамилиеобразующие суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-* в документах уральского казачества использовались непоследовательно, наблюдаются колебания в оформлении именования одного и того же человека (*Будан* и он же *Буданов*, *Щербак* и *Щербаков*, *Железный* и *Железнов*), и только к концу XVIII в. формы фамилий стабилизируются, что свидетельствует об окончательном утверждении этого вида именования людей.

Большое внимание в работе уделяется характеристике основ фамилий уральского казачества, около четверти которых (20–25 %) составляют образованные от полных календарных имен и их производных[18]. Отыменные фамилии характеризуются в сопоставлении с результатами изучения их различными исследователями (Ю. А. Федосюком, В. А. Никоновым, Л. М. Щетининым, М. Б. Серебренниковым, Б.-О. Унбегауном, В. А. Митрофановым) по другим источникам.

Однако для решения вопроса о времени формирования фамилий казачества актуален прежде всего анализ отпрозвищных именований. Он позволил утверждать, что бóльшая часть фамилий уральских казаков имеет местное происхождение, многие их основы прослеживаются в именованиях, быто-

---

[17] Так, по мнению автора книги, в сложных антропонимах именования *Барабоша*, *Боров*, *Гайдук*, *Гугня*, *Дуда*, *Зезя*, *Лысой*, *Мещеряк* могут быть истолкованы либо как вторые имена (индивидуальные прозвища), либо как родовые имена.

[18] В книге приведены данные разных исследователей о календарных именах как основе фамилий: Ю. А. Федосюк – более половины от христианских имен, Л. М. Щетинин – 35 %, М. Б. Серебренников – четвертая часть всего фамильного фонда и т. д. Данные А. И. Назарова, как и данные М. Б. Серебренникова, представляются нам наиболее реальными как результат исследования больших массивов фамилий, они совпадают с результатами исследования пермских фамилий, в которых также около 25 % составляют образованные от календарных имен и их производных.

вавших на Яике в XVII–XVIII вв., а иногда отмечаются и в последней четверти XVI в. Значительную часть предков уральских казаков составляли беглые солдаты или крестьяне, которые, будучи ранее крепостными, либо не имели официально зафиксированных фамилий, либо скрывали их, чтобы не быть опознанными и возвращенными прежним владельцам. Автор исследования постоянно подкрепляет свои выводы результатами наблюдений над антропонимами: «Так, беглый солдат Михаил Волков на Яике стал именоваться Краснощековым. Во время допроса в 1723 г. он сказал, что прозвище переменил нарочно, чтобы не узнали».

Местное происхождение ряда фамилий подтверждается ссылками на их основы, пришедшие (через прозвища) из апеллятивов, называвших представителей флоры и фауны в бассейне Урала (*тудак* – вид дрофы, *сайгак* – вид антилопы), а также из местных топонимов.

В связи с необходимостью подробно рассмотреть фамилии, образованные от индивидуальных прозвищ или некалендарных имен[19], А. И. Назаров классифицирует фамилии уральских казаков, опираясь на классификацию отпрозвищных фамилий и прозвищ А. М. Селищева и вместе с тем дополняя ее. Подробно рассматриваются антропонимы, образованные от названий профессий, занятий, должностей, званий, титулов (*Ружейников*, *Оружейников*, *Стрельников*, *Сотников*, *Десятников*, *Караульщиков*, *Солдатов*, *Воеводин*, *Комиссаров*, *Казаков*), фамилии, в основах которых отражаются особенности хозяйственной деятельности проживавших в бассейне Урала (*Бударников* – от *бударник* ‘мастер, изготовляющий будары – рыбацкие лодки’, *Белужников* – от *белужник* ‘рыбак, промышляющий белугу’, *Пролубщиков* – от *пролубщик* ‘тот, кто прорубает и очищает от льда проруби’, *Корабельщиков* – от *корабельщик* ‘начальник или владелец судна’). Интересно, что среди казачества были носители фамилий, образованных не только от прозвищ из названий профессий, актуальных, например, для конных казаков (*Ковалев*, *Кузнецов*, *Жеребятников*, *Пастухов*, *Кожевников*, *Мясников*, *Овчинников*)[20], но и характерных для разных слоев населения (*Блинников*, *Калашников*, *Мельников*, *Пивоваров*, *Толоконников*, *Солодовников*, *Изюмников*, *Бочкарев*, *Ведерников*, *Дегтярев*, *Железнов*, *Кирпишников*, *Корчажников*, *Котельников*, *Мостовщиков*, *Плотников*, *Портнов*, *Слесарев*, *Стекольников*, *Токарев*, *Чеботарев*, *Черепанов*, *Шароварников*). Они могут свидетельствовать и о побочных занятиях самих казаков.

Большое внимание уделено анализу оттопонимических и отэтнонимических фамилий. Сравнение оттопонимических антропонимов словарей А. Г. Мосина и книги А. И. Назарова показывает, насколько различными были территории, откуда шло основное население в изучаемые ими края. Если в Предуралье и на Среднем Урале преобладали прозвища и фамилии, образованные от топонимов Русского Севера (*Пинягин*, *Вологжанинов*, *Мезенцев* и др.), то среди уральского казачества, судя по прозвищам и фамилиям, преобладали выходцы с Волги (в ее среднем и нижнем течении) и с территорий к югу от Москвы (*Азовсков*, *Астраханкин*, *Воронжев*, *Казанцев*, *Калугин*, *Муромцев*, *Резанов*, *Самаркин*, *Саратовцев*, *Свиягин*, *Тамбовцев*), хотя отмечаются и выходцы с Верхней Волги и из Прикамья (*Осинсков*, *Чердынцев*[21]), а иногда и с Русского Севера (*Ко(л)магоров*).

Значителен список отэтнонимических фамилий уральских казаков (*Вотяков*, *Волохов*, *Грузинцев*, *Калмыков*, *Малороссиянцев*, *Мещеряков*, *Мардвиничев*, *Поляков*, *Турчев*, *Хохлов*, *Хивинцев*, *Цыганов* и др.). Специальное рассмотрение этнонимов, вошедших в антропонимию, представляет интерес не только для ономатологов, но и для лексикологов – исследователей апеллятивной лексики. Так, в уральских кунгурских актах 1707 г. упоминаются кизылбашские (персидские) кружева («Два портища кружив кизылбашских шестерных») [СПП, 2, *152*], что свидетельствует о связях с Востоком. А. И. Назаров отмечает, что среди яицких казаков в XVIII в. жили *кизилбаши/кызылбаши* – потомки туркмен и персов, о чем говорят именования казаков-калмыков (*Казылбашев*, *Казылбяшев*, *Козылбашев*, *Кызылбашев*), а в русской антропонимии, возможно, фамилия *Козылбацков.*

---

[19] Четкую границу между некалендарными именами и индивидуальными прозвищами обычно провести невозможно, однако в текстах памятников выявляются некоторые внутрисемейные именования, которые можно считать вторыми (некалендарными) именами: *Ждан*, *Бажен*, *Любим*, *Первуша*, *Перша*, *Вторыйка*, *Вторышка* и др.

[20] Необходимо было лошадей подковывать, пасти, оставшиеся от них шкуры и кожи выделывать и т. д.

[21] *Оса* и *Чердынь* – города современной Пермской области.

Большое внимание в книге уделяется исследованию фамилий казачества с основами из иноязычных слов и имен. Такие именования отмечались у казаков, предками которых были нерусские (татары, башкиры, калмыки, мордва и др.), принявшие православие. Но их нерусские именования сохранялись в качестве родовых либо вторых (некалендарных) имен, употреблялись в живой речи и при образовании фамилии как официального антропонима, обычно становясь ее основой, к которой присоединялись принятые фамильные русские суффиксы *-ов-/-ев-*, *-ин-*: *Асанов*, *Баимов*, *Кадыров*, *Аблаев*, *Сапаев*, *Кабаев*, *Джангарин* и др.

Для исследователей ономастики, обращающихся к антропонимическим материалам, несомненный интерес представляют данные в качестве приложения три списка фамилий и вариантов фамилий уральских казаков: «*А*. Казаки-русские и обрусевшие казаки», «*Б*. Фамилии казаков-татар и прочих казаков-тюрков», «*В*. Фамилии казаков-калмыков». В списке *А* представлены фамилии от календарных полных и производных имен (*Агапов*, *Ананьев*, *Еремин*, *Емелин*), русских апеллятивов, вошедших в фамилии через прозвище (*Жеребятников*, *Жуков*, *Полозов*, *Шадрин*) и от иноязычных имен и прозвищ (*Алимов*, *Джеляманов*, *Кадыров*, *Юлаев*). В списках *Б* и *В*, где отмечаются фамилии татар и калмыков, наряду с тюркскими и калмыцкими (монгольскими) основами зафиксированы и отдельные фамилии от календарных православных имен и русских прозвищ (*Белоусов*, *Андрейкин*, *Гришкин*), но все фамилии в списках *Б* и *В* оформлены суффиксами *-ов-/-ев-*, *-ин-*, как и в списке *А*. Любопытно, что в последнем нет фамилий «природных» казаков на *-ский/-ской*[22] (они тоже в итоге имеют суффикс *-ов-*: *Азовсков*, *Березовсков*, *Дубовсков*) и на *-их-/-ых-* (*Белых*, *Высоких*), которые отмечаются в Предуралье и на Среднем Урале (но не для казаков).

В книге подробно рассмотрены вопросы разработки проектируемого «Этимологического словаря фамилий уральских (яицких) казаков»: его источники, проблема определения вариантов фамилий, вопросы графики, состав словника (в том числе вопрос о представлении в нем фамилий казаков разных национальностей), структура словарной статьи и др.

Изучив вопрос о датировке фиксации фамилий в исторических антропонимических словарях, А. И. Назаров приходит к выводу о том, что осуществить датировку фамилий уральских казаков можно начиная только с 1723 г. (времени ранней переписи). Составленные до этого документы не отражают всех фамилий казаков, эти даты рассматриваются как случайные, поэтому приводить их нет смысла. Однако в некоторых помещенных в книге пробных словарных статьях ранние даты фиксации фамилии все-таки указываются: БОРОДИН. Яицкий казак *Прошка Михайлов сын Бородин Саратовец*, 1632; ЗАМАРЕНОВ. Яицкий казак *Егор Максимович Замаренов*, 1709; КАЛМЫКОВ. Яицкие казаки *Сенка Васильев Калмык*, 1632; *Иван Степанов Калмыков*, 1723. Вместе с тем значительная часть фамилий в пробных статьях представлена без датировки (*Кабаев*, *Куджаев*, *Кочемасов*, *Курилин*, *Мартышкин* и др.).

В этимологической части словарной статьи предполагается установление источника фамилии: антропоним – личное имя (календарное, некалендарное, иноязычное) или прозвище, – топоним, катойконим, этноним, словосочетание. Будет дана и дополнительная информация о лексических источниках основ фамилий: «МУРОМЦЕВ… Основа восходит к катойкониму *муромец*. *Муромец* – “житель/уроженец Мурома”. *Муром* – древнерусский город, известный с 862 г. [Города России 1994, 285]».

В том случае, если фамилия могла быть производной от различных форм имени или от имени и прозвища, все возможные варианты указываются в словарной статье: «МАРТЫШКИН. Основа восходит к антропониму *Мартышка* {1. Уменьшительное к *Мартын* – русской народной форме крестильного имени *Мартин*, в основе которого отразилось имя римского бога войны Марса [Суперанская 1998, 232]. 2. Возможно, его источником является уральско-казачье диалектное *мартышка* – “чайка” [Сборник слов 1913, 39]}».

Предполагается, что словарь будет лингвокраеведческим, а именно включающим информацию об известных носителях фамилии, принадлежащих к уральскому казачеству: сподвижниках Емельяна Пугачева (Чике-Зарубине, Овчинникове, Шигаеве), писателе и этнографе И. И. Железнове, публици-

---

[22] Антропонимы на *-ский* (*Романовский*, *Ставровский*) отмечены среди фамилий так называемых «неприродных», т. е. нерусских по происхождению казаков.

стах и этнографах А. П. Хорошихине, Н. Ф. Савичеве, историке А. Б. Карпове, ихтиологе и историке Н. А. Бородине и др. В каких-то случаях будут приводиться и сведения о лицах, не имевших непосредственного отношения к уральскому казачеству, например в статье о фамилии *Чапаев*: «Основа восходит к татарскому мужскому имени *Чапай*… Возможно, и фамилия героя Гражданской войны В. И. Чапаева имеет то же самое происхождение. Как известно, он родился в крестьянской семье на территории нынешней Чувашии, до революции 1917 г. входившей в состав Казанской губернии, т. е. сам В. И.Чапаев и его предки жили в окружении тюркоязычных народов – чувашей, татар. От них-то и могло быть заимствовано имя *Чапай*».

Безусловно, предстоит еще очень большая работа по написанию и совершенствованию текста словаря фамилий уральского казачества (выработка более жесткой терминологии[23], определение границ краеведческого материала и т. д.), но и сделано уже очень многое, сделано главное – получен и систематизирован очень большой материал, не известный ранее антропонимистам, и подготовлены материалы (лингвистические, исторические, этнографические и др.) для сопоставления. Такой словарь заполнит очень большую лакуну на ономастической карте границы между Европой и Азией. И это весьма необходимо, тем более что сами исследуемые именования отражают связи языков разных семей.

Итак, три больших книги по антропонимии обширной территории от Северного Урала до бассейна р. Урал (вплоть до ее устья) – это и результат значительного труда, проделанного их авторами, и начало еще бóльшей работы, в результате которой появятся новые антропонимические словари. Пожелаем же успеха их составителям! Ономатологи с нетерпением ждут появления новых книг и словарей об уральских фамилиях!

Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
Житников В .Ф. Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. Челябинск, 1997.
Королева И. А. Фамилии Смоленского края в прошлом и настоящем. Смоленск, 1999.
Кривощекова-Гантман А. С. Фамилии от имен на *-ег*, *-ог* // Ономастика Поволжья. 4. Саранск, 1976. С. 91–94.
Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.
Полякова Е .Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.
СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е. Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь, 1993–2001.
ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Словарь. Вологда, 1995.
Шумилов Е. Н. Тимошка Пермитин из деревни Пермяки. Пермь, 1991.
Щетинин Л. М. Русские имена: Очерки по донской антропонимике. Ростов н/Д., 1972.

Е. Н. Полякова, доктор филол. наук,
проф. кафедры общего и славянского языкознания
Пермского государственного университета

[23] Так, для православных календарных имен используются дублетные именования: *календарное*, *крестильное*, *церковное имя*. Читателю удобнее видеть в стандартном тексте какое-то одно из них.

***Sosnowski J.* Toponimia rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi. – Łódź: Wydawnictwo Unywersytetu Łódzskiego, 2002. – 203 s. (Rozprawy habilitacyjne Unywersytetu Łódzskiego)**

В конце 2002 г. в издательстве Лодзьского университета (Польша) в серии «Rozprawy habilitacyjne» (что примерно соответствует монографиям, издаваемым в России перед защитой докторских диссертаций) вышла в свет книга Яна Сосновского «Русская топонимия XVI века: Названия сельских населенных пунктов».

Во вступительной части автор дает краткий обзор работ по изучаемой проблеме, характеризует материал, определяет цели и задачи, методы исследования. Уже в первом абзаце (с. 5) перечисляются имена восточнославянских ученых, внесших, по мнению автора, наибольший вклад в изучение русской топонимии в минувшем веке. Список выглядит вполне убедительным, хотя в нем названы и авторы одной-двух статей по топонимике, но при этом недостает ряда имен, таких, например, как В. Ф. Барашков, Е. Л. Березович, И. В. Борисенко, Г. В. Глинских, Э. Д. Головина, Л. М. Дмитриева, И. Г. Долгачев, Л. А. Климкова, О. Т. Молчанова, Е. С. Отин, В. Н. Попова, З. В. Рубцова, А. И. Соболевский, Л. Г. Хижняк и др., работы которых являются во многом основополагающими для исследования современной русской ойконимии.

Важным является определение роли польских ученых в исследовании русской топонимии: в работе анализируются труды Г. Борека, С. Храбеца, Я. Ригера, С. Роспонда, а также самого автора монографии. Я. Сосновский высоко оценивает вклад М. Фасмера в изучение восточнославянских географических названий. Анализируя конкретные труды русских ученых по заявленной проблематике, автор особо выделяет работу А. М. Селищева «Из старой и новой топонимии», называя ее пионерской работой, не потерявшей своего значения и в наши дни (с. 6).

Я. Сосновский указывает на различия между разными типами населенных пунктов в России, подчеркивая при этом, что на Новгородской земле *деревня* может обозначать и поселение с церковью (т. е. *село*) или с усадьбой помещика (*сельцо*). *Починок* обычно обозначает поселение на выкорчеванном месте (на подсеке), но может значить и новый населенный пункт (*nowe osiedle*, *kolonia*), а *погост* – селение при церкви, состоящее из домов священника и церковнослужителей, кладбища и храма. В редких случаях встречаются *слободы*, *слободки*, которые обозначают то же, что и *деревня* (первоначально ‘поселение свободных, не зависящих от помещика крестьян’ и ‘поселение ремесленников’).

Всего автором собрано около 7 тысяч ойконимов (с. 9), относящихся к 12 тысячам сельских населенных пунктов Псковской и Новгородской земель, Рязанского края, Подмосковья, ряда уездов Центральной России. Предметом анализа в монографии стали названия не только заселенных, но и опустевших деревень, пустошей (с. 7). Автор опирается на классификацию топонимов С. Роспонда, в которой выделены: 1) первичные (*prymarne*), 2) вторичные (*sekundarne*), 3) составные (*zestawienia*) и 4) предложные (*przyimkowe*) названия. При этом Я. Сосновский уточняет, что ойконимы типа *Криволучье* отнесены им во вторую группу, а третью составляют именования-словосочетания (с. 6). Каждой группе посвящена отдельная глава, где ойконимы рассматриваются в семантическом и словообразовательном аспектах.

В первой главе анализируются первичные названия (*nazwy prymarne*), которые составляют от 7 до 31 % топонимов на разных территориях. Больше всего их обнаружено в Новгородском уезде – 29–31 %, тогда как в Орловском уезде подобных единиц только 7 %. От 70 до 90 % первичных названий составляют существительные. Примерно половина топонимов образована от названий природных объектов, треть – от обозначений культурных реалий (с. 14).

К числу наименований, связанных с лексикой природы (*nazwy naturalne*), отнесены ойконимы, образованные от обозначений объектов ландшафта (*Берег*, *Болото*, *Брод* и др.), от названий растительного (*Березовик*, *Ельник*, *Липяги* и др. – 117 топонимов) и животного (*Волчья*, *Жаба*, *Лось* и др. – 18) мира, от характеристик особенностей местности (*Песок*, *Камень*, *Холуй* < *холуй* ‘мусор и ил, нанесенные водой на луг’, и т. п. – 51). В эту последнюю подгруппу автор совершенно справедливо относит ойконим *Бологое*, истолковывая его при этом почему-то через семантику старославянизма *благой*/*благий* ‘плохой, неподходящий’ (с. 18), что вряд ли правомерно: ср., например, смол., пск. *болозе* ‘хорошо’ [ССГ, 1, *215*; ПОС, 2, *87*].

К названиям, возникшим от обозначений культурных реалий (*nazwy kulturowe*), относятся топонимы, характеризующие тип населенного пункта (*Городец*, *Крень* < *крень* ‘селение, основанное переселенцами’, *Погост* и др.), его соотнесенность с сельскохозяйственными угодьями (*Клин*, *Овсища*, *Репное* и др.), занятия поселенцев (*Бортки* < *борть*, *Колища* < *колище* ‘место на реке, где ловят рыбу, загораживая реку кольями и прутьями’, *Меленка*, *Меленки* < *меленка* ‘небольшая мельница’ и т. п.) и др. Около 45 топонимов можно отнести и к природным, и к культурным: *Колодезь* < *колодезь* ‘источник; вырытая и укрепленная яма для получения воды’, *Середнее* «расположенное в центре» или «небольшое по размеру» и др.

Примерно 100 русских топонимов входят в группу патронимических названий: *Гостиловици*, *Радгостици*, *Житковичи*, *Любуници*, *Неговичи* и др. 35 ойконимов характеризуются как образованные от родовых и семейных имен. Характеризуя их структурные особенности, автор, к сожалению, не упоминает о плюрализации как способе образования этих топонимов: *Чювики*, *Новики*, *Перепеки*, *Шипули* и др. (с. 33–34). К названиям, образованным от этнических имен, Я. Сосновский относит и производные от катойконимов, которые в русской ономастике традиционно отделяются от этнонимов [см.: Подольская, 1988, *64–65*]: *Казари*, *Меря*, *Мордвинцы* и др., но также *Костромичи*, *Резанцы*, *Моложане* (< гидроним *Молога*).

К наименованиям по владельцу (*nazwy dzierżawcze*) относится около 60 топонимов: *Кий*, *Быслав*, *Калита*, *Тарута*, *Жиробуд*, *Коваль* и др.

Исследователь выделяет также относительные названия (*nazwy relacyjne*), под которыми понимает ойконимы, образованные от гидронимов, т. е. возникшие путем трансонимизации (транстопонимизации): *Клязьма*, *Плюса*, *Студенец*, *Ветка*, *Рва* и др.

Рассматриваемые во второй главе вторичные названия (*nazwy sekundarne*) составляют от 57,5 до 86 % общего числа анализируемых топонимов. Больше всего подобных названий в Тверском уезде и в окрестностях Москвы (85–86 %), меньше – в Новгородском уезде (57,5–63 %) (с. 37). Они распределены по деривационным типам.

Около 2 730 единиц образовано с помощью суффикса *-ов-/-ев-*, причем в районе Пскова, Твери и Москвы они составляют 60–63,5 % всех топонимов. Ойконимы могут иметь окончания всех трех родов. 90 % из них относится к именованиям по владельцу: *Акишево*, *Хороброво*, *Мамаева*, *Ортемово*, *Спасибогово*, *Вешнякова*, *Жданов*, *Жизнѣево* и др. Встречаются также ойконимы, образованные от имен и прозваний первопоселенцев, что подтверждается материалами писцовых книг: *Починок Понурцово* – «во дворѣ Гаврилко Понурец» (с. 44). Около 20 единиц возникло с помощью суффикса **-j-* от основ на губной согласный, что привело к появлению сочетаний «губной + л’»: *Есиплева*, *Щиплева*, *Козодавлево* и др.

С суффиксом *-ин-* образовано около 1 360 топонимов, чаще всего такие названия встречаются в районе Твери, Костромы, Владимира, Москвы: *Харино*, *Бородино*, *Добрынина*, *Олешкино*, *Оринкино*, *Звягино*, *Столыпино* и др. Здесь тоже выделяются как имена владельцев, так и первопоселенцев: «в той же деревнѣ в Окулининой, что владел Григорей Окулинин»; «починок Ракулин… Ракуля кузнец» (с. 49).

Примерно 590 топонимов образовано с помощью суффикса *-ск-*. В районе Тулы и Старой Рязани такие имена составляют 29,5–32 % всех топонимов, в других местах – 5–15 % (с. 51). Эти названия восходят к топографическим терминам или гидронимам: *Глинско*, *Ижевск* < р. *Ижевка*, *Липецк* < гидроним **Липец*. Родовые показатели суффикса связаны с типом поселения: *-ская* – деревня, *-ское* – село (иногда и деревня), *-ской* (редко встречается) – починок, погост (с. 52). К этому же типу относятся названия от экклезионимов: *Архангельское*, *Троицкое*, *Благовещенское*, *Здвиженское* и др. Отмечены также именования по владельцу: *Щербининская*, *Карповская*, *Топоровской*; «Деревня Поповское попа Игнатия… во дворѣ сам поп Игнатей» (с. 57).

С суффиксом *-ец-* образовано только 39 топонимов, чаще всего они встречаются в Новгородской и Псковской земле: *Осиновец*, *Козловец*, *Жиравец* и др. Автор выделяет также форманты *-ца*, *-це*, *-ица*, *-иха*, *-уха*, *-оха*: *Сольца*, *Раменейцо*, *Лапотница*, *Вячиха*, *Новуха*, *Ситоха* и др. 42 топонима образовано с суффиксом **-j-*, все они являются названиями по владельцу: *Радогощ*, *Радонеж*, *Чудиславль*, *Утрогощ*, *Витогощ*, *Ждимерь* и др. В Новгородском уезде отмечены топонимы с суффиксом *-‘[j]e-* и его вариантами, чаще всего относящиеся к образованиям от топографических терминов: *Багонье*, *Подчеренье* < *черень* ‘дубовый лес’, *Примошье* < *при мхе* (*мох* ‘болото’), *Забродье*, *Загарье*, *Загорье* и др.

85 топонимов образовано с помощью суффикса *-к(а)* и его вариантов: *Воскресенка*, *Богдановка*, *Каменка*, *Бобровка*, *Хмелевка* и др., – при этом ойконимов на *-овка* почти нет в Новгородском уезде (только 4 примера), тогда как топонимы на *-ка* встречаются здесь чаще. В монографии анализируются также топонимы с суффиксами *-як-*, *-ик-*, *-ок-*, *-аль-*: *Доляк*, *Озерник*, *Мокрик*, *Кузовок*, *Ружаль*.

67 ойконимов образовано с помощью суффикса *-н-*, в новгородской земле они составляют 3–7 % вторичных наименований, причем обычно это формы среднего рода (с. 70). Автор не упоминает о том, что этот формант является адъективным, поэтому все названия фактически представляют собой субстантивированные краткие прилагательные: *Озеречно*, *Песочна*, *Дарна*, *Борщевна*. Я. Сосновский предполагает (вслед за Г. Смолицкой и др.), что этот же формант содержится в топониме *Коломна*, образованном от фин. *kalma* ‘смерть’, *kalmisto* ‘кладбище’ (с. 72).

Далее в работе проводится анализ дериватов с суффиксами *-н’-*, *-он(я)*, *-ун(ь)*, *-ын(я)*: *Городень*, *Дорогоня*, *Хотунь*, *Любыня*, *Радыня*. 13 топонимов, образованных от имен владельцев, содержат формант *-щина*: *Давыдовщина*, *Ратковщина* и др. Около 30 названий образовано с помощью суффикса *-ищ(е)*, половина из них употребляется под Новгородом: *Розливище*, *Овинища*, *Хмелище* и др.

С помощью каждого из суффиксов *-аш(а)*, *-уш-*, *-ат-*, *-лив-*, *-еж-*, *-уж-* образовано от одного до трех топонимов. Только два слова автор относит к префиксальным дериватам. Отдельно рассматриваются случаи так называемого парадигматического словообразования, при этом выделяются субстантивы и адъективы. К субстантивам относятся предложные формы, которые другими исследователями считаются префиксальными (*Нагора*, *Подъелки*, *Заборки*, *Закаменка* (< р. *Каменка*)) и образования с помощью корня *усть-* (*Усть-рѣка*, *Усть-Орловка*).

Адъективы составляют названия типа *Бѣлая*, *Озяблое*, *Десятское* и др. В эту же группу автор включает имена, возникшие посредством плюрализации гидронима: *Бѣлицы* < р. *Бѣлица*. 15 названий возникло путем сложения – как чистого, так и с дополнительной суффиксацией: *Милолюб*, *Гниловодье*, *Доброселово*, *Тредубье* и др.

В третьей главе рассмотрены составные наименования деревень. Такие топонимы чаще встречаются в окрестностях Старой Рязани (12 %) и в Орловском уезде (20 %), тогда как в целом они составляют только 5–8 % ойконимов. Всего зафиксировано 670 названий. В их число входят прежде всего составные топонимы, входящие в соотносительные ряды: *большой – малый*, *меньшой* (*Большой Остров – Меньшой Остров*, *Поповское Большое – Поповское Малое*), *старый – новый* (*Бутурлино Старое – Бутурлино Новое*), *верхний*, *вышний – нижний* (*Верхней Крутец – Нижней Крутец*, *Вышние Мокрица – Нижние Мокрица*), *сухой – мокрый* (*Сухие Микуличи – Мокрые Микуличи*). Один из компонентов ряда может иметь нулевой показатель: *Новый Городенеск – Городенеск*, *Подборовье Нижнее – Подборовье*, *Заднее Подолье – Подолье*, *Середние Водосы – Водосы*. Отмечены многокомпонентные соотносительные ряды, возможно, утратившие некоторые звенья: *Коробейна Меньшая – Коробейна Большая – Коробейна Третья*, *Голодные Сычи – Середние Сычи – Третьи Сычи*. Вне подобных рядов употребляются названия с другими прилагательными: *Коровей Враг*, *Красная Слобода*, *Вострая Лука* и др.

Вторую группу составляют сочетания существительного с притяжательным прилагательным: *Крюково Раменье*, *Лучкина Роспаш*, *Слободка Ерофеева* и т. п. Отдельно проанализированы сочетания «существительное + существительное», предложно-именные словосочетания и прочие формы составных топонимов: *Сельцо Горки*, *Дубовая Рамень под Круглым Мхом*, *Страстотерпец Георгий*, *Святые Отцы* и др.

В короткой четвертой главе (всего две страницы) рассмотрены предложные конструкции, которые составляют только 3 % исследуемого материала. В окрестностях Тулы подобных топонимов отмечено около 8 %. Чаще всего употребляется предлог *на*, далее следуют предлоги *над*, *под*, *у*, *в*, *за*. В эту же главу включаются наименования с корнями *-усть-* и *-верх-* в том случае, если в источниках они отмечаются отдельно от других частей топонима (заметим, что этот подход строится на таких зыбких основаниях, как неупорядоченность правописания в рукописях XVI в., привычки писца, описки и пр.). Всего Я. Сосновский собрал 140 единиц этого типа: *На Колодезе*, *На Сухом Бенску*, *Под Липовым кустом*, *У Пяти Лип*, *Во Бзу* (< *боз* ‘сирень’), *Усть Полоны рѣки*, *Верх Ларева колодезя* и др.

В пятой главе собрано около ста оставшихся без анализа названий, некоторые из них, по мнению автора, могут быть отнесены к финно-угорским заимствованиям. Почему-то в их состав включены ойконимы *Гачи* (ср. *гачи* ‘штаны; штанины’ [СРНГ, 6, *154*]), *Пырьеватая* (ср. *пырей*), *Уполозы* (ср. *уползать*, *ползать*).

Завершают исследовательскую часть монографии подробные выводы (с. 93–103). Автор сравнивает русские, украинские и белорусские названия деревень и утверждает, что главное отличие между ними состоит в слабой (всего 2 %) представленности у русских ойконимов, восходящих к названиям жителей, тогда как на Украине в XVI в. таких единиц фиксировалось от 25 до 55 %, большое количество их было и в Белоруссии (с. 101). В русской топонимии доминируют образования от имен владельцев с суффиксами *-ов-/-ев-*, *-ин-*, *-ск-*. На Украине и в Белоруссии незначительно число топонимов, образованных от экклезионимов, тогда как в русской ойконимии подобных названий достаточно много. На северо-западе России обнаруживаются субстратные топонимы финского и балтийского происхождения: *Вердуга*, *Мягры*, *Пельгуи* (добавим, что антропоним *Пелгуй* известен русским с 1240 г. и упоминается в житии Александра Невского). В новгородской топонимии автором выявлены польские включения: *Косиба*, *Радлици*, *Шереги*, *Погвизд* (ср. восточнославянское имя сына св. Владимира *Позвизд*) и др., – что заставляет еще раз задуматься о Несторовых словах относительно легендарных Вятко и Радима, которые были «от Ляхов». Убедительно проанализирован топоним *Сѣдло* как содержащий западнославянское сочетание *-дл-* (с. 102).

Монография содержит указатель названий населенных пунктов сельского типа, куда включены сведения о типе населенного пункта, источнике, из которого извлечен ойконим, и о главе работы, в которой он рассматривается. Некоторые трудности связаны с поиском составных наименований: они приводятся только в том виде, в каком отмечены в источнике, поэтому *Меншое Бахталово* и *Бахталово Большое* находятся в разных местах указателя. В приложении содержатся таблицы с указанием количественных данных о разных типах русских топонимов XVI в., о семантических функциях формантов и др., а также карты, иллюстрирующие различия в употреблении тех или иных типов и формантов на разных территориях.

Книга вышла тиражом всего в 150 экземпляров. Будем надеяться, что хотя бы часть из них попадет в российские библиотеки, поскольку без учета этой монографии теперь уже нельзя приступать к изучению истории становления русской топонимии, к реконструкции древних вариантов наименований русских населенных пунктов, к сравнительному анализу славянской топонимии, к изучению субстратных названий и т. п.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988. С. 64–65.
ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–… . Вып. 1–… .
СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–… . Вып. 1–… .
ССГ – Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–… . Вып. 1–… .

В. И. Супрун, доктор филол. наук, проф.,
ректор Волгоградского государственного университета
повышения квалификации работников образования

Калинкин В. М. Поэтика онима. – Донецк, 1999. – 408 с.[1]

Монография Валерия Михайловича Калинкина представляет собой фундаментальное исследование в той «вечной» области филологии, которая исследует собственные имена в художественных текстах. Книга сразу поражает своим объемом и разнообразием иллюстративного материала: автор привлекает художественные тексты на русском, украинском, польском, английском и французском языках. Главную задачу своей книги автор видит в создании и теоретическом осмыслении поэтики

[1] Вариант рецензии, напечатанной на немецком языке в журнале «Namenkundliche Informationen» (Leipzig, 2002, 81/82. S. 291–294).

онима как особого научного направления. Это направление отличается от чисто лингвистического – как он это называет – подхода к имени собственному (далее – ИС) в тексте, популярного в исследованиях украинских ономастов последних лет, когда онимы изымаются из текста и рассматриваются как список, например, с точки зрения словообразовательных моделей. По мнению автора, оним в художественном тексте (В. М. Калинкин предлагает свой термин – *поэтоним*) должен изучаться в тесной связи с общей поэтикой художественного текста. Возвращаясь к давнему спору о названии дисциплины, занимающейся анализом ИС в художественных текстах, В. М. Калинкин справедливо полагает, что выбор термина (*литературная*, *стилистическая* или *поэтическая ономастика*[2]) отражает исследовательскую парадигму. Самому автору ближе термин *поэтическая ономастика*.

При самом общем взгляде на исследование ИС в художественных текстах, можно, как нам кажется, выделить две основных группы работ в этой области. Те исследования, в которых сначала анализируются ИС в конкретных текстах, а затем делаются теоретические обобщения, можно условно назвать индуктивными. Те же, где сначала строится теория ИС, а тексты служат иллюстративным материалом, resp. дедуктивными**.** Книга Калинкина, бесспорно, принадлежит ко второму направлению. Вводную часть монографии можно резюмировать так: существует очень много хороших конкретных исследований ИС, однако отсутствует обобщающая теория. Эту теоретическую лакуну и призвана заполнить данная книга.

Монография содержит три раздела (главы). Первый раздел называется «Пролегомены, аксиомы и постулаты общей теории поэтики онима» (с. 21–124). Обосновывая статус поэтики онима как особой научной дисциплины, автор тщательно прорабатывает весь науковедческий ритуал (предмет, методы, связи с другими дисциплинами) и формулирует в духе логики и семиотики положения, относящиеся к роли и функциям ИС в художественном тексте. Из них отметим аксиому знаковости поэтонима (всякое имя в художественном тексте есть знак фиктивного существования означенного) и аксиому контекста (связь поэтонима немыслима вне связи с ближайшим и широким контекстом). Из постулатов поэтики онима особого внимания заслуживают постулаты специфики значения онима: она складывается из того, что оним в пределах литературного произведения никогда не подвергается информативному и содержательному «опустошению», поскольку всегда реализуется хотя бы часть его семантического потенциала.

Раздел второй называется «Феноменология, семасиология, контекстная семантика и поэтика онима» (с. 125–276). В ней несколько издалека – от Э. Гуссерля и А. Ф. Лосева[3] – В. М. Калинкин подходит к обсуждению природы семантики поэтонимов, а также коннотативных свойств онимов. Автор соглашается с термином *коннотоним*, предложенным Е. С. Отиным для ИС, у которых денотативное (лучше сказать, референциальное) значение сосуществует с культурно-языковыми коннотациями. Ценным в этой главе является внимание автора к заменителям ИС в тексте, т. е. дескрипциям и перифразам, которые он называет *контекстными синонимами*. Перифразы понимаются как тропы, поскольку имеют переносное значение и, в отличие от дескрипций, принадлежат поэтическому языку. Те из них, которые включают в себя ИС, автор называет *ономастическими перифразами* и детально классифицирует. Их анализ вскрывает механизмы текстообразования, а также создания подтекста. Перспективным представляется выдвигаемое автором положение о роли контекста и классификация типов контекстов для ИС (микроконтекст, расширяющийся контекст и т. п.), а также понятие *валентности* онима, конструирующее микроконтексты. Заметим, что автор, хотя и не называет лингвистику текста «сестринской» дисциплиной для пропагандируемой им поэтики онима, анализом контекстов и введением понятия валентности вносит существенный вклад именно в нее.

Раздел третий «Функционирование поэтонимов» (с. 277–368) посвящен «вечной теме» литературной ономастики – функциям ИС в художественном произведении[4]. По-новому звучит в этой книге

---

[2] Ср. нем. *literarische Onomastik* («литературная ономастика»), а также более ранее, но незакрепившееся *dichterische Onomastik* («поэтическая ономастика»).

[3] О взглядах А. Ф. Лосева и других русских философов на имя см.: [Султанов, 2000].

[4] В каждой национальной ономастической традиции найдутся свои классические труды на эту тему. Так, для немецкой ономастики это работа Дитера Лампинга [см.: Lamping, 1983]; ее автор – литературовед, но взята эта книга на вооружение прежде всего ономастами-лингвистами. Слово *функции* нередко даже выносится в заглавие исследований [см., например: Dolny, 1996].

рассмотрение функций имен по языковым уровням: как звукобуквенного комплекса, как слова (лексико-грамматические и словообразовательные средства), как элемента синтаксической структуры. Не прошел автор мимо обращения и риторических фигур с ИС.

В заключение автор формулирует общие принципы изучения ИС в художественных произведениях, главным из которых признается принцип исследования поэтики онима одновременно по двум линиям: от ономастики и от поэтики.

Несмотря на некоторую перегруженность далековатыми от непосредственного анализа ИС экскурсами, книга оставляет очень хорошее впечатление. Во-первых, ее просто интересно читать. Во-вторых (на самом деле это, конечно, главное), перед нами поистине фундаментальный труд в области литературной ономастики (хотя сам автор предпочитает другую терминологию), содержащий оригинальную концепцию и много интересного материала, а также, что особенно ценно, задающий перспективы.

Вместе с тем книга заставляет задуматься о следующем: если взглянуть на библиографию, насчитывающую 308 наименований (из них 22 на латинице), бросается в глаза хорошее знакомство автора с польской литературной ономастикой. Однако за информационным «железным занавесом» остались для автора не только многие европейские ономасты, но и русская исследовательница из Санкт-Петербурга О. И. Фонякова, признанный авторитет в области литературной ономастики [см.: Фонякова, 1990; 1995]. Понятно, что параллельное развитие литературной ономастики в разных странах и на разных языках связано с информационными и языковыми барьерами. В то же время успехи в теории, как демонстрирует эта книга, не связаны с владением и обработкой международной информации. А раз так, то не является ли литературная ономастика в принципе региональной дисциплиной, где гармонично сосуществуют «родной» материал и теоретический взгляд на него? И не является ли она преимущественно индуктивной дисциплиной, где именно текст (жанр, язык, на котором он написан) диктует, какой должна быть теория? Впрочем, сформулированные вопросы нисколько не умаляют достоинств этой замечательной книги, автор которой открыл и подробно обосновал новый аспект никогда не теряющей актуальности проблемы изучения собственных имен в художественных текстах.

Султанов А. Х. Краткий очерк по истории русской философии имени. М., 2000.
Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.
Фонякова О. И. Имя собственное в художественной картине мира писателя // Словоупотребление и стиль писателя. СПб., 1995. С. 47–61.
Dolny C. Literarische Funktionen der Personeneigennamen in den Novellen und Erzählungen von I. S. Turgenev. Bern e.a. 1996 [= Slavica Helvetica 51].
Lamping D. Der Name in der Erzaehlung: Zur Poetik des Personennamens. Bonn, 1983.

Н. В. Васильева, канд. филол. наук,
старш. науч. сотр. отдела прикладного языкознания
Института языкознания РАН (Москва)

Чужое имя: Альманах «Канун». Вып. 6) / Российская академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – СПб., 2001. – 438 с.

Альманах «Канун», вышедший в Санкт-Петербурге в 2001 г. под заголовком «Чужое имя», включил в себя произведения разных жанров (статьи, публикации, эссе, стихотворные переводы), посвященные одному объекту – имени – и объединенные сходной направленностью – стремлением объяснить феномен онома и связанную с ним именующую деятельность с общих семиотических позиций. Имя предстает в качестве социокультурного знака, обладающего ценностью и способного подвергаться новым интерпретациям в разных культурных контекстах и разных гранях деятельности человеческого сознания. Различия в выборе фокуса исследовательского видения имени делают мате-

риалы альманаха взаимодополняющими, они демонстрируют богатый смысловой потенциал имени и его вовлеченность во множество культурных кодов.

«Чужое имя» получает в дискурсе альманаха многочисленные истолкования. Как известно, противопоставление *свое – чужое* относится к фундаментальным культурным оппозициям и может кодироваться на разных онтологических уровнях культур – от социально-бытового до мировоззренческого. В рецензируемом сборнике дуальное смыслополагание в зависимости от расстановки акцентов динамически развертывается в разных интерпретационных схемах: чужое имя – принадлежащее иной культуре; чужое – второе (псевдонимное), заменяющее первое; чужое – чуждое, не ставшее своим; чужое – уже принадлежавшее кому-то и когда-то, имеющее прежних носителей; чужое – относящееся к инобытийной, сверхъестественной реальности и т. д. Таким образом, в кружение трактовок категории «чужого» в равной мере вовлекаются и горизонтальное (контекстуальное или текстуальное), и вертикальное (трансцендентное – мистическое, сакральное) восприятие и осмысление имени.

Остановимся на нескольких сквозных темах, формирующих, на наш взгляд, проблемный каркас сборника. Одна из них – природа имени как языкового знака и общие механизмы порождения смысла – обсуждается в работах Т. В. Черниговской «В своем ли мы имени?» и И. В. Утехина «Знак в поисках другого. О некоторых аспектах понятия асимметрического дуализма». В частности, Т. В. Черниговская с ссылкой на данные детской и кросс-культурной психологии и антропологии ставит под сомнение условность именного знака и выдвигает новаторскую гипотезу о сосуществовании кардинально отличных координат его измерения: с одной стороны, имя может осознаваться как конвенциональный знак, отделенный от своего носителя (чему способствует упорядочивающая роль языка и способность к рефлексированию, свойственная развитому сознанию), с другой стороны, имя нередко воспринимается синкретично, «гештальтно» – «как полноправная часть человеческой субъектности» (с. 246). Переход с одной системы отсчета на другую объясняется специфическими функциями левого и правого полушарий головного мозга, которые несут ответственность за разные типы сознания и, соответственно, разные семиотические системы: «Аристотелевская четкость левого полушария разбивается о диффузность, гештальтность правого: они с трудом сосуществуют, но не дублируют друг друга, а меняют шкалу предпочтений» (с. 250). Привлекая понятие виртуальной реальности, активно обсуждаемое в последние годы в ряде наук, автор соотносит с ним не только современные компьютерные миры, но и «большой набор иных “реальностей”, издревле человеку знакомых: сны, мифы, шаманство, игры, многие виды искусства и, наконец, особые состояния сознания, вызываемые различными причинами, – от естественных до патологических. Все они подразумевают, как правило, переидентификацию субъекта, в том числе и с эксплицитной сменой имени» (с. 251).

Разные миры даны человеку в силу двойственной природы головного мозга, большие полушария которого обеспечивают семиотическую гетерогенность, возможность дублирования, двоякого прочтения внешней и внутренней информации – вероятно, именно эти «альтернативно настроенные» субстраты и провоцируют появление всех возможных виртуальных миров, ведя некий диалог. Сходные мысли в отношении «мозгового диалога» отмечены у Л. В. Выготского, Вяч. Вс. Иванова, В. С. Библера, М. М. Бахтина (считавшего, что событие жизни текста, понимаемого в широком смысле, всегда развивается на рубеже двух сознаний), Ю. М. Лотмана (проводившего параллель между двуполушарной структурой мозга и культурой, в семиотической организации которой важен принцип биполярности).

К интерпретации антропонима в свете идей философии имени обращено внимание И. П. Смирнова («Философия имени: из лекций о самозванстве») и А. Шишкина («К философии литературного имени: Вячеслав, Вольфинг, Велимир и другие»).

Статья А. Шишкина посвящена псевдонимам конца XIX – начала XX в. Этот период интересен не только для истории русской антропонимической системы и псевдонимов как ее составной части, но и для истории отечественной философской и филологической мысли. Напряженное внимание к имени (и шире – к логосу, слову), увлеченность его тайной в равной мере отмечает и религиозно-философские искания, и художественные эксперименты. «Внешняя и внутренняя форма слова, архаика слова, связь его с первобытным магнетизмом, по-разному представая в поэтической мысли символистов, акмеистов и футуристов, в целом сосредотачивает на себе основное внимание эпохи. Высшее, трансцендентное отношение к слову в эту эпоху – учение имяславцев, приравнивающих слово к иконе» (с. 17).

На широком фактографическом материале, источником которого послужили мемуары, частная переписка, художественные тексты, Андрей Шишкин раскрывает подробности создания и смыслового

наполнения литературных имен А. Белого, Вяч. Иванова, Э. Медтнера, В. Хлебникова и др. Тонкий, детализированный анализ погружен в контекст культуры Серебряного века, что позволяет прояснить связи псевдонимов с эстетической позицией и творческим кредо их носителей, участие творческих имен в рождении личных мифов и «предрешении» судеб художников.

Иной, отличный от псевдонима, вариант самоименования предстает в феномене самозванства. В статье И. П. Смирнова самозванство (самозванчество) оценивается в свете тех объяснений, какие в целом получает знаковая специфика антропонима в разных парадигмах философии имени: в религиозно-философских учениях С. Бердяева, П. Флоренского, А. Ф. Лосева, в структуралистских взглядах Р. О. Якобсона, в постмодернистской философии С. Крипке и Ж. Дерриды.

Своеобразный «полифонический» материал в отношении народных и литературных трактовок самозванчества содержится в статье голландского исследователя Сандер Бауэр «Тема самозванчества в русской литературе: традиции, преемственность, новаторство». Автор раскрывает сложный комплекс фольклорных и литературных реминисценций, создающих смысловую глубину образа самозванца Ставрогина в романе Ф. М. Достоевского «Бесы».

Еще одну сквозную тему альманаха можно условно выделить в связи с обсуждением в ряде работ динамики и сложных модификаций смыслового «шлейфа» имени и соотнесенного с ним образа. Так, Е. Багно («Дон Хуан и Дон Кихоте») прослеживает формирование мифов о Дон Жуане и Дон Кихоте, разнообразие их вариативного развития в мировой и русской культуре, семантическое сближение и отталкивание при художественном освоении в отечественной литературе.

Изящный, тонкий анализ семантического резонанса, связанного с именем и образом фольклорного Буки в тексте стихотворения А. С. Пушкина «Сказки. Noël», выполнен в статье В. В. Головина («“Чужой” Бука – русский царь: к проблеме комментария пушкинского ноэля»).

Яркая и убедительная картина синтеза разнородного культурного и именного материала представлена в работе А. Ф. Некрыловой («“Дамма” в народной драме»), посвященной поэтике имен персонажей в народном театре, возникшем «на стыке городской низовой культуры, профессионального театра и фольклорной (крестьянской) традиции, элементы, отголоски того, другого и третьего прослеживаются в различных его составляющих, в том числе наборе собственных имен» (с. 189).

Интереснейший поворот тема смысловой модификации имени и образа в исторически меняющемся социальном и культурном контексте получает в статьях Е. В. Душечкиной (о сложной и противоречивой судьбе имени *Светлана*, некогда опоэтизированном В. Жуковским) и П. А. Клубкова (о коннотациях высокочастотных фамильных имен *Иванов*, *Петров*, *Сидоров*, способных обозначать условных персонажей или подчеркнуто простых, рядовых граждан, и о формировании особой трехчленной формулы с участием этих антропонимов).

Семиотическое наполнение самого акта называния, именования человека и отношение носителей языка к личному именному знаку также составляют один из «лейтмотивов» научного дискурса и в ряде публикаций занимают центральное место. В народной традиции, имеющей типологический характер и прозрачную социальную мотивацию, наречение – действие, совершаемое другими, теми, кто наделяет младенца именем, приобщая его тем самым к своим – человеческому сообществу, роду, семье. Об этом в полной мере свидетельствуют рассмотренные А. К. Байбуриным народные представления об имени («Заметки о прагматике имени в народной культуре»), которые подтверждаются как фольклорным, так и этнографическим материалом. А. К. Байбурин ссылается на поверья о принадлежности ребенка до получения имени скорее к иному миру, нежели к человеческому («без имени ребенок – чертенок»), на верования в охранительные свойства крестильного имени, призванного оберегать своего носителя и в земном, и в потустороннем мире.

Категория «чуждости» («чужести») в народной именующей практике, по мысли автора, обнаруживает двойственное «прочтение». С одной стороны, она используется как средство для обмана нечистой силы: изменение имени в случае болезни ребенка, по сути, имитировавшее его подмену, должно было помочь представить ребенка «чужим» и тем самым уберечь его (А. М. Селищев считал, что с обрядом «мены» связаны такие имена, как *Продан*, *Найден*, *Куплен*, *Ненаш* и др.).

С другой стороны, чужое имя – имя, уже кем-то ранее использовавшееся, и обряды перечисления имен и окликания новорожденных, не подающих признаков жизни, трактуются как своеобразное приглашение к диалогу. Откликнуться в этой ситуации означает «вернуться» к жизни. «Собственно выбор своего имени осуществляется самим новорожденным. Вместе с тем его ответ означает и появление нового человека (с именем) среди живых» (с. 213).

«Возвращающую» функцию имени отчетливо прослеживает в культуре коренных народов, населяющих северо-восток Сибири и западные районы Аляски, Н. Б. Вахтин («Возвращение умерших и наречение имен на северо-востоке Сибири»). Отмечая ключевую роль представлений о непрерывности жизни в традиционной картине мира северных народов, автор выводит инвариантную модель осмысления связи между миром живых и мертвых: новорожденный ребенок считается новым воплощением кого-то из «вернувшихся» (родственников, односельчан, приметных животных и т. п.). Однако сходная религиозной семантика в обрядах именования у северных этнических групп не отменяет существования вариаций, что Н. Б. Вахтин со ссылками на материалы ряда исследователей убедительно доказывает. Фактографическую ценность придают статье собственные полевые наблюдения автора за современным функционированием системы наречения у азиатских эскимосов, чуванцев, чукчей и юкагиров, позволяющие судить о смысловых преобразованиях существующей по сей день традиции возвращения некронима – яркость представлений о переселении душ снижается, «глубинная основа этих представлений начинает забываться и меняться, замещаясь концепциями “генов”, “крови”, а также идеей уважения к предкам» (с. 229).

Поведенческий стереотип именования в честь старших родственников преобладает в настоящее время у русских, утверждает, основываясь на дискурсе семейных рассказов, И. А. Разумова («Второе имя (феномен “парности имен” по современным рассказам об имянаречении)»). Автор делает попытку обобщить современные мотивы выбора личного имени, показать наиболее типичные пути его поиска, охарактеризовать функциональное распределение парных имен, представить рефлексии в отношении того, какое из имен носители языка склонны признавать «своим». «Имя переживается и отчуждается носителем, если оно не соответствует его самоощущению, наблюдаемым и приписываемым характеристикам. С этим обстоятельством связано, в частности, самопереименование, которое может осуществляться в любом возрасте» (с. 341).

Безусловно интересный, имеющий самостоятельную информационную значимость фрагмент публикации – это сами тексты семейных рассказов об обстоятельствах появления вторых имен, об отношении к ним и способах их присвоения.

На столь же небанальном, свежем материале – рассказах об именах любимых игрушек (как правило, лишь эпизодически попадающем в поле зрения исследователей) строит свои наблюдения А. А. Литягин («Имена игрушек. “В раннем детстве всех кукол называла Катями...”»). Предметом публикации является специфика детского восприятия имени собственного и функционирование игровых имен. Основываясь на рассказах информантов двух поколений 1968–1974 гг. и 1980–1984 гг., А. А. Литягин отмечает отражение в мире «игрушечных» имен некоторых процессов, свойственных обычным, «взрослым» именам, и включенность их в социокультурный контекст конца XX столетия.

В целом, подводя итог эскизному обзору сборника «Канун», еще раз подчеркнем редкое созвучие представленных в нем научных идей, согласованность принципов и подходов к анализу семиотических свойств собственного имени, новизну и оригинальность привлекаемых материалов, а также их интерпретаций.

М. В. Голомидова, доктор филол. наук, проф.,
проф. кафедры гуманитарного и социального образования
Уральского института социального образования
(Екатеринбург)

Крюкова И. В. Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие: Учеб. пособие по спецкурсу. – Волгоград: Перемена, 2003. – 100 с.

В учебном пособии И. В. Крюковой «Рекламное имя: рождение, узуализация, восприятие» во главу угла ставятся задачи исследовательского характера: определить положение рекламных имен в ономастическом пространстве, выявить специфику полевой организации рекламных имен, проследить процессы создания и вхождения в язык рекламного имени, выявить закономерности их создания, восприятия и функционирования, особенности номинативной стратегии и тактики.

В первом разделе («Рекламное имя как факт языка») И. В. Крюкова определяет лингвистический (ономастический) статус рекламных имен, относя к ним названия любых товаров в широком смысле слова, объединяемые прагматической направленностью и принадлежностью к языку рекламы.

Полевое структурирование ономастического пространства (см. работы Е. Л. Березович, В. И. Болотова, А. В. Суперанской, В. И. Супруна и др.) позволяет выделить в нем периферийную зону, в которую, в частности, входят словесные товарные знаки (*прагматонимы*), названия коммерческих предприятий (*эргонимы*), названия средств массовой информации (*гемеронимы*), названия фестивалей, конкурсов и концертов (*геортонимы*). У этих разрядов свойства имени собственного представлены слабо, от ядерных онимов они отличаются непостоянством состава, недолговечностью, структурно-семантическим разнообразием.

Особое внимание уделяется семантике рекламных имен, которая складывается из собственно ономастического (референтного, денотативного, сигнификативного) и доономастического компонентов, а также коннотаций различного рода, способствующих восприятию рекламных названий. Они, как и любые онимы периферийных разрядов, стремятся к сохранению внутренней формы, которая помогает ориентироваться в многообразии называемых объектов, отражая коммуникативно значимые признаки реалий.

Хотя рекламные имена не образуют жесткой системы, существуют традиции именования объектов одного типа по определенным семантическим моделям, например: использование названий цветов, камней, имен оперных героинь для обозначения парфюмерной продукции (*Белая сирень*, *Черный жемчуг*, *Кармен*), указание на место изготовления в названиях русских и украинских автомобилей (*Волга*, *Москвич*, *Запорожец*). Отмечается также наличие у объектов со сходными свойствами сходных по структуре имен: названия средств массовой информации включают слова с общим значением ‘информация’ или ‘способ передачи информации’ (*ведомости*, *известия*, *новости*, *итоги*, *курьер*, *голос*, *слово*), а также с общим временным значением (*время*, *вечерний*, *неделя*, *сегодня*); серия эргонимов включает общий компонент, усеченную часть ключевого слова: *-маш* (*машиностроение*) – *Волгоградмаш*, *Уралмаш*; *-строй* (*строительная организация*) – *Волгодонстрой*, *Вазстрой* и т. п.

Изменчивость объектов (предприятий, обществ, товаров и т. д.) делает рекламные названия подвижными, подверженными различного рода влияниям и перестройкам; в сфере рекламных имен распространено сознательное наименование и переименование. Внешние причины изменчивости связаны с социальными преобразованиями, внутренние обусловлены развитием системы языка – изменением лексического состава, фонда словообразовательных средств, эволюцией номинативной техники. Вывод о недолговечности, изменчивости, открытости для инноваций подтверждают синхронные срезы эргонимов (в основном это названия волгоградских предприятий), которые проводились в 1988, 1993, 1998, 2003 гг. (с. 32–35).

Второй раздел («Рождение рекламного имени») начинается с определения понятия искусственной номинации как сознательной целенаправленной коммуникативной деятельности (см. работы Н. Д. Голева, М. В. Голомидовой, А. К. Матвеева и др.). Отмечается, что в акте создания рекламных имен как акте искусственной номинации особенно ярко проявляются интенции номинанта (субъективность в выборе мотивировочных признаков, объективное стремление прогнозировать восприятие имени адресатом), благодаря чему успешно выполняются информативная и эстетическая функции имени.

Для рекламных названий выделяются сходные принципы номинации (см. работы А. В. Беспаловой, М. В. Голомидовой, Е. Г. Микиной и др.). В собранном И. В. Крюковой материале (с. 40–41) выделяются большие группы имен, отражающие существенные признаки реалий: характер деятельности предприятий (эргонимы), основные свойства товаров (прагматонимы), тематику средств массовой информации (гемеронимы), а также место расположения предприятия, производства товара, издания газеты или журнала. Известны названия-посвящения, названия, указывающие на основателя (владельца) предприятия, на авторов (ведущих) радио- и телепередач. В качестве специфических принципов искусственного наречения выделяются символический (*Заря*, *Звезда*, *Маяк*, *Авангард*) и условно-символический (ткань *Снежинка*, предприятие по перевозке грузов *Фаэтон*, журнал *Домострой*, скорый поезд *Красная стрела*).

Основными способами номинации у рекламных названий являются: лексико-семантический (онимизация – кафе *Волна*, трансонимизация – кинотеатр *Россия*, журнал *Лиза*, заимствования, аббревиация), словообразовательный (аффиксация, субстантивация, словосложение – *Прагмабанк*, *Финист-банк*),

лексико-синтаксический, фонетический (*Леда*, *Триалон*, *Кодак*); комплексный (*Югспецавтоматика*, *Трансросэфир*).

В этом разделе пособия рассматриваются общие положения теории речевых актов (см. работы Н. Д. Арутюновой, Н. Г. Михальской, Дж. Л. Остина и др.). Автор рассматривает акт присвоения названия как акт-установление декларативного типа, в результате которого происходит императивное закрепление нового имени за средством массовой информации, предприятием или выпускаемой продукцией. В акте присвоения названия существенно поведение именующего субъекта и его отношение к именуемому объекту (ядро ситуации) и адресату.

Выделяются следующие типы речевых актов присвоения названия:

1. Акт, иллокутивной функцией которого является сообщение сведений об объекте. Основной способ реализации такого акта – лексико-семантический, представленный преимущественно онимизацией и трансонимизацией (*Поволжье*, *Горная Поляна*, *Волжские Окна*, *Сады Придонья*), а также аббревиацией (*Волгоканцопт*);

2. Акт, иллокутивной функцией которого является отражение в названии личных черт и пристрастий именующего субъекта. Отсубъектные названия создаются в основном путем трансонимизации антропонимов (кафе *Лаура*, предприятия *Довгань*, *Торговый дом братьев Макаровых*, *Ковалев-центр*);

3. Акт, иллокутивной функцией которого является привлечение внимания адресата. Результатом такого акта является создание отадресатных названий, при этом используются нетрадиционные средства для установления эмоционального контакта именующего субъекта и адресата: имена-фразеологизмы (названия телепередач *Пальчики оближешь*, *Проще простого*, *Пятое колесо*), идентификационные формулы с местоимениями (прагматонимы *Я*, *Мой сад*; гемеронимы *Все для Вас*, *Мы*), с фольклорными и литературными аллюзиями (ломбард *Золотая рыбка*, мебельная фирма *12 стульев*, пиво *Три медведя*) и др.

Речевой акт присвоения названия в области рекламных имен предполагает выбор номинатором принципа и способа номинации, а также языковых средств. В пособии предлагается анализ рекламных имен с точки зрения соответствия определенным правилам, по которым осуществляется речевой акт присвоения названия: правила истинности, новизны, краткости, благозвучия, грамматичности, благоприятности ассоциаций (Дж. Р. Серль). Если акт присвоения названия производится в соответствии с указанными правилами, то имя закрепляется за рекламируемым объектом и успешно функционирует в современном языке; в противном случае оно оценивается как коммуникативная неудача (например, название турфирмы *Иван Сусанин-Тур*).

В третьем разделе описывается процесс узуализации рекламного имени, который предполагает целенаправленные действия по закреплению авторской языковой единицы в общей системе языка и связан с официальным оформлением названия и включением его в рекламные тексты. По наблюдениям исследователей (М. В. Голомидова и др.), узуализация рекламного имени происходит в ускоренном темпе, что обусловлено особым социальным заказом. Этому способствуют письменная фиксация названия (вывески, этикетки, рекламные каталоги), сохранение постоянного графического облика, устное оглашение названия через радио и телевидение и т. п.

Рассматривая набор паралингвистических средств, определяя их функции и мотивы выбора средств для оформления рекламного имени, автор обращается к работам Е. Е. Анисимовой, Д. Огилви, Б. А. Плотникова, Е. Ф. Тарасова, В. И. Чепурных и др. В пособии особое внимание уделяется разнообразным сочетаниям графического (изобразительного) и словесного компонентов, наиболее употребительным в рекламных названиях.

Паралингвистические средства в рекламных именах несут разную функциональную нагрузку. По наблюдениям И. В. Крюковой, техническая, информативная и эстетическая функции по сути универсальны, эмотивная, символическая и характерологическая функции являются частными.

Графическое оформление рекламного имени дает ему дополнительные семиотические возможности. Разнообразные комбинации вербальных и невербальных компонентов в названии делают его информативным и воздействующим средством. Уменьшение наглядности усиливает внутреннюю мотивированность. Конструирование визуального облика названия ведется с учетом его дальнейшей узуализации в рекламном тексте.

С введением искусственного названия в рекламный текст начинается второй этап его вхождения в узус. Рекламный текст является одним из компонентов рекламы наряду с коллективным автором

(художник-иллюстратор, фотограф, специалист по составлению словесных текстов и др.) и массовым реципиентом. Рекламный текст четко структурирован, включает комбинированный слоган, информационный блок и блок «средств обратной связи». Каждый из элементов, являясь смысловой частью целого текста, решает ряд задач в рамках общей коммуникативной цели – побуждение потребителя к прогнозируемым действиям. Со ссылкой на работы И. А. Гусейновой, М. В. Томской, О. А. Дмитриева, Е. Песоцкого и др. в пособии раскрываются особенности построения текста рекламы.

Рекламный текст, как правило, обусловливает усиление ономастического значения имен товаров, которые являются ключевыми словами рекламного текста. Вербальные и невербальные знаки рекламного текста стремятся к семантизации (реализации дооономастического значения) и/или этимологизации (повторение номинативного акта) имени, созданию новых ассоциаций. Названия известных товаров в тексте рекламы исполняют функцию идентификации. Контекст названия нового товара должен передавать информацию, вызывать ассоциации, влиять на чувства и установки реципиента. Путем многократного повторения в составе готовых речевых клише (рекламных слоганов) рекламные имена быстро входят в язык, употребляясь в разнообразных речевых ситуациях, и могут выступать в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс ассоциаций.

В четвертом разделе «Восприятие рекламного имени» особое внимание уделяется позиции адресата, объекта речевого акта. Для определения особенностей восприятия современных рекламных имен носителями русского языка автор предлагает провести свободный ассоциативный эксперимент, который активно применяется при исследовании собственных имен (см. работы И. А. Астафьевой, Е. Л. Березович, Р. И. Козлова, В. И. Супруна, Д. А. Яловец-Коноваловой) и предлагает свой вариант методики его проведения.

В пособии приводятся результаты экспериментального исследования, направленного на определение характера воздействия рекламных имен на адресата и выявление ассоциативного потенциала данных имен. Полученные данные позволяют автору говорить о многоплановости семантики рекламных имен и на этом основании выделить практически равные по количеству реакций ряды ассоциаций: денотативные (собственно ономастические), дооономастические и контекстуальные. Ономастические ассоциации ориентированы на объект ассоциирования. Внутренняя форма лексемы, составившей рекламное имя, порождает дооономастические ассоциации. Контекстуальные ассоциации связаны с рекламным текстом. Употребляемые в разнообразных коммуникативных ситуациях рекламные имена сохраняют и удерживают ассоциативный потенциал, что способствует появлению у них новых коннотаций, оживляющих и обновляющих уже существующие.

В заключительной части утверждается ономастический статус рекламных имен на основании общности лингвистических свойств, сходных условий создания и функционирования.

Контрольные вопросы, следующие за текстом, привлекают внимание к основным положениям работы, помогают систематизировать теоретический материал. Выполнение практических заданий, а также участие в сборе названий и в ассоциативных экспериментах способствуют формированию у студентов-филологов навыков анализа и оценки рекламных имен (в том числе проведения их лингвистической экспертизы), создания названий или составления рекламных текстов. Темы, предложенные для обсуждения и реферативных сообщений, предполагают творческий подход к решению сложных проблем ономастики.

В. В. Бардакова, канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе
Волгоградского государственного педадагогического университета

НОВЫЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО ОНОМАСТИКЕ (1999–2003)[1]

1999

1. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1999.
2. *Булановская Т. А.* Особенности образования нарицательных имен от географических наименований: (На материале англ. и рус. яз.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1999.
3. *Медведева Н. В.* Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте: (На материале перепис. документов по вотчинам Строгановых): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999.
4. *Монраев М. У.* Проблемы современной калмыцкой антропонимики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 1999.
5. *Мусанов А. Г.* Топонимия Верхнего Прилузья: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Марийский гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999.
6. *Нестерова Т. В.* Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 1999.
7. *Попова Э. Ю.* Этнонимия Русского Севера: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 1999.
8. *Самарова М. А.* Микротопонимия Верхней Чепцы: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 1999.
9. *Сироткина Т. А.* Антропонимы в лексической системе одного говора и их лексикография в недифференциальном диалектном словаре: (На материале говора деревни Акчим Красновишер. р-на Перм. обл.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999.
10. *Сунгчугашев Р. Д.* Оронимия Хакасии: Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 1999.
11. *Шомахова Т. Х.* Исследование апеллятивов кабардинских (черкесских) фамилий: (В сопоставлении с англ. и рус. антропоосновами): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т. Нальчик, 1999.

2000

1. *Авдонина Т. П.* Типология и функционирование русских антропонимов в конце XVIII–XX в.: (На материалах г. Москвы и Бронниц. уезда): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. пед. ун-т. М., 2000.
2. *Алишина Х. Ч.* Историко-лингвистическое исследование ономастикона сибирских татар: (На материале Тюменской области): Дис. … д-ра филол. наук. Казань, 2000.
3. *Бардакова В. В.* Специфика литературной ономастики детской художественной прозы: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.
4. *Воеводкин Н. Ю.* Имя собственное в политических ритуальных актах социально-институциональной коммуникации: Дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2000.

---

[1] При составлении данного указателя использовались самые различные источники, в том числе Летопись авторефератов диссертаций: Государственный библиографический указатель Российской Федерации. М., 1999. № 1–12; М., 2000. № 1–12; М., 2001. № 1–12; М., 2002. № 1–12; М., 2003. № 1–12.

5. *Воробьев Ю. К.* Латинский язык и отражение греко-римской мифологии в русской культуре XVIII века: Автореф. дис. … д-ра культурологии / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000.

6. *Воронова И. Б.* Текстообразующая функция литературных имен собственных: (На материале эпич. произведений XIX–XX вв.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.

7. *Вотякова И. А.* Формы имен в русском литературном языке второй половины XVIII века: (На материале писем А. В. Суворова): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2000.

8. *Гарагуля С. И.* Имя личное как культурно-историческая категория современного английского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2000.

9. *Головина К. М.* Сопоставительный анализ идиоэтнических топонимов и антропонимов русского и казахского языков: Дис. … канд. филол. наук. Алматы, 2000.

10. *Горяев С. О.* Номинативные интенции субъекта ономасиологической номинации (на материале русских прагмонимов): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000.

11. *Гаррапова Г. Х.* Поэтическая ономастика прозы Мухаммета Магдеева: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2000.

12. *Забанова Л. Е.* Дистрибуция антропонимических моделей в бурятском и английском языках: Дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000.

13. *Завьялов А. А.* Семантика, синтактика и прагматика мифонимов немецкого языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Нижегор. гос. лингвистич. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2000.

14. *Золтаева Л. Е.* Онимическая лексика современного монгольского языка: (Мотивы, номинации, семантика основ): Дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000.

15. *Калинкин В. М.* Теоретические основы поэтической ономастики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Киев, 2000.

16. *Карданова М. А.* Стилистические функции антропонимов в современной кабардинской прозе: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2000.

17. *Козлов Р. И.* Эргоурбонимы как новый разряд городской ономастики: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000.

18. *Королева И. А.* Становление русской антропонимической системы: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Моск. гос. пед. ун-т. М., 2000.

19. *Лукошкова О. И.* Система именований персонажей в русской народной и литературной сказках первой половины XIX в.: (На материале произведений В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, П. П. Ершова): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000.

20. *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Марийский гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2000.

21. *Рабаданова С. М.* Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Дагестан. гос. ун-т. Махачкала, 2000.

22. *Рацен Т. Н.* Лингво-культурная адаптация христианского именника в русских пословицах и поговорках: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2000.

23. *Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000.

24. *Санжеева Л. Ц.* Ономастика эпоса «Гэсэр»: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Улан-Уде, 2000.

25. *Семыкин Д. В.* Антропонимия Чердынской ревизской сказки 1711 года: (К проблеме становления офиц. рус. антропонима): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2000.

26. *Сиражитдинов Р. А.* Башкирская этнонимия: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т истории яз. и лит. УНЦ РИН. Уфа, 2000.

27. *Сундеева Е. В.* Апеллятивное и проприальное словообразование в современном монгольском языке: Дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000.

28. *Супрун В. И.* Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. в форме науч. доклада … д-ра филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2000.

29. *Топорова Т. В.* Проблемы лингвистической реконструкции германской космогонии: Дис. в форме науч. докл. … д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2000.

30. *Трифонова Т. Д.* Отономастические дериваты с суффиксом *-к-* в современном русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Белгор. гос. ун-т. Белгород, 2000.

31. Филиппова Н. И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я). Якутск, 2000.

32. Хисаметдинова Р. Ф. Топонимы и их дериваты в языковой системе: (На материале нем. и рус. языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башкир. гос. ун-т. Уфа, 2000.

33. Цветкова Е. В. Топонимия Костромской области (Междуречье Покши и Мезы): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Кострома, 2000.

34. Чжэн Инкуй. Русские зоонимы в комплексном лингвистическом рассмотрении: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2000.

35. Яровая Т. Ю. Личные собственные имена в дореволюционном творчестве И. А. Бунина: отбор и использование: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2000.

2001

1. аль-Дукейл М. А. С. Структурно-семантические особенности артефактонимов русского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001.

2. Антышев А. Н. Формирование и развитие антропонимической системы немецкого языка. Дис. … д-ра филол. наук. М., 2001.

3. Багомедов М. Р. Структура и семантика топонимических единиц даргинского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Дагестан. гос. ун-т. Махачкала, 2001.

4. Бакшеева М. Г. Топонимическая конверсия географических апеллятивов: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2001.

5. Беляев А. Н. Семантика и структура немецких гидронимов: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2001.

6. Березкина Е. С. Этнонимическая лексика в устном народном поэтическом творчестве: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2001.

7. Буркова Т. А. Функция антропонимов в немецкой художественной прозе XX века: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2001.

8. Васильева В. В. Функциональные особенности и прагматика антропонимов в романе Энтони Берджесса «Any Old Iron»: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001.

9. Вышенская Ю. П. Социокультурные и стилистические коннотации личного имени собственного: (На материале произведений «артуровской» лит.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2001.

10. Гайдук И. В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001.

11. Гасанова Е. Л. Основные словообразовательные модели фамилий жителей Прохоровского района Белгородской области (конец XX в.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Белгор. гос. ун-т. Белгород, 2001.

12. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2001.

13. Демина А. В. Номинация чужих этнических групп в английском языке новоанглийского периода: Автореф. дис. … канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2001.

14. Иванова И. С. Акцентология фамилий Тамбовской области: (На материале словаря-справочника «Фамилии Тамбов. обл.»): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2001.

15. Кондакова Ю. В. Гоголь и Булгаков: поэтика и онтология имени: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2001.

16. Кульдеева Г. И. Антропонимическая система современного казахского языка: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2001.

17. Куровская Ю. Г. Структурно-семантическая асимметрия категории грамматического рода в сфере немецких антропонимов: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Нижегор. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2001.

18. Ламожапова И. А. Исконные личные имена у монгольских народов: структура, семантика: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Иркутск, 2001.

19. Лысова Т. В. Фамилии православного духовенства: (Структурн.-семант. описание ареал. антропонимиконов): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2001.

20. Махмудов В. М. Имя собственное в дагестанских и русском языках: (Сопоставит. аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2001.

21. Маюрова Ж. Д. Сложные прозвища у бурят: структура и семантика: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Иркутск, 2001.

22. Ожеред Л. В. Апеллятивация в английском языке новоанглийского периода: Автореф. дис. … канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2001.

23. Петрова И. А. Парадигматические отношения имен собственных и способы ономастической номинации героев в фольклорном тексте: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001.

24. Пономарева Н. И. Употребление прописной буквы в официонизмах: (Проблема совершенствования орфографической нормы): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2001.

25. Ратушная Е. Р. Антропонимирующая парадигма русской фразеологии: семантика, формирование, функционирование: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Курган, 2001.

26. Романова Т. Н. Российские фамилии украинского происхождения: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2001.

27. Смирнова О. С. Термины полеводства и их отражение в топонимии Русского Севера: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2001.

28. Ткачук Е. А. Имена существительные собственные и их производные в составе существительного и других частей речи современного английского языка: (Аспекты «внутренних» и «внешних» признаковых связей): Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2001.

29. Шагеев Р. Ш. Историко-лингвистический анализ микротопонимии Юго-Восточного Закамья Татарстана: (На материалах Азнакаев., Альметьев., Бавлин., Бугульмин., Лениногор., Муслюмов., Сарманов., Ютазин. р-нов): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2001.

2002

1. Ангархаев А. Л. Этимологическое исследование древнемонгольских онимов: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2002.

2. Биджиева Ф. И. История возникновения и развития карачаевских фамилий (XIV – конец XX в.): Дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2002.

3. Ван Яньлун. Онимы в функции сравнения: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2002.

4. Виноградова Н. В. Имя в художественном тексте: функционально-семантическая типология: Дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2002.

5. Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2002.

6. Глебко Г. И. Ойконимия бассейна Нижней Печоры: Автореф. дис. … канд. филол. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2002.

7. Гордова Ю. Ю. Ономастика Ряжской Засечной черты (XVI–XVII вв.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 2002.

8. Данилова Н. В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2002.

9. Дарзаманова Г. З. Фразеологические единицы и паремии с антропонимами в русском, татарском, английском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.

10. Езиева Х. А. Ономастические элементы в афористике кабардино-черкесского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. Нальчик, 2002.

11. Жамсаранова Р. Г. Топонимия Восточного Забайкалья: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2002.

12. Иванелашвили Н. А. Ономастика Сарагеджойского района: (фонетико-структурный и семантический анализ): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тбилис. гос. ун-т им. И. Ждавахишвили. Тбилиси, 2002.

13. Ишутин А. А. К семантике древнерусской теонимии: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002.

14. Казакова И. О. Топонимия сербского и хорватского поэтического фольклора: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2002.

15. Королева Ю. Г. Топонимия южновеликорусских отказных книг первой половины XVII в.: (Проблемы топоним. системы): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2002.

16. Кравец Т. И. Название газеты: ономасиологический и стилистический аспекты: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002.

17. Лаптандер Т. Б. Сравнительная антропонимия коми и ненецкого языков в ареале Ямало-Ненецкого автономного округа: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Марийский гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2002.

18. Лекова П. А. Способы передачи аварских антропонимов в русском тексте: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Дагестан. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2002.

19. Ли Инъин. Русская и китайская ойконимия в сопоставительном освещении: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2002.

20. Лиштованная Т. В. Гидронимы бассейнов озер Байкала и Лемана: опыт комплексного сопоставительного анализа: Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2002.

21. Мартыненко Ю. Б. Антропонимы в поэзии В. Хлебникова и О. Мандельштама: Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 2002.

22. Мирзоева Д. Д. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно-сопоставительном плане: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2002.

23. Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий: опыт историко-антропонимического исследования: Дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

24. Парфенова Н. Н. Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья): Автореф. дис. … д-ра филол. наук / РАН, Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова. М., 2002.

25. Попов Ю. М. Имяобразование кораблей и судов отечественного флота во времена правления Петра I: Автореф. дис. … канд. ист. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2002.

26. Разумова Л. В. Стилистические аспекты вторичной номинации имен собственных в структуре художественного текста: Автореф. дис. … канд. филол. наук / [Челяб. гос. ун-т]. Челябинск, 2002.

27. Сагидуллин М. А. Тюркские этнонимы в русской топонимии юга Тюменской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2002.

28. Салимзянова Ф. С. Историко-лингвистический анализ татарской антропонимической системы нагорной стороны Республики Татарстан: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2002.

29. Тимирханова Г. С. Антропонимия татар г. Набережные Челны Республики Татарстан в XX в. (на примере личных имен и фамилий): Дис. … канд. филол. наук. Казань, 2002.

30. Устьянцева О. Ю. Антропонимия прозы М. А. Булгакова: (На материале романов «Белая гвардия», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002.

31. Халитов Р. Я. Гидронимия Оренбуржья: (Лингвист. анализ): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2002.

32. Хахалкина Т. В. Нганасанская зоонимия в становлении и развитии: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Том. гос. пед. ун-т. Томск, 2002.

33. Чернобров А. А. Философские и логико-методологические основы теории номинации: (На материале английских и русских собственных имен): Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.

34. Чернораева Т. Н. Топонимия и географическая номенклатура Приамурья: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Хабар. гос. пед. ун-т. Хабаровск, 2002.

35. Чурсина И. С. Развитие антропонимикона английского языка (морфологический и социокультурный аспекты): Дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2002.

36. Шенкнехт Т. В. Прагматический потенциал референциального блока антропонимов в коммуникативном пространстве современного немецкого языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Барнаул. гос. пед. ун-т. Барнаул, 2002.

37. Шерстюкова Е. В. Парадигматическая и синтагматическая апеллятивация имен собственных: (На материале нем. яз.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Белгор. гос. ун-т. Белгород, 2002.

38. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2002.

39. Юкин М. А. Древнерусская ойконимия IX–XIII вв.: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2002.

2003

1. Биктимирова А. Р. Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003.

2. Богачева М. В. Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2003.

3. Бойцов О. Н. Топонимия Смоленского края в прошлом и настоящем: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Смол. гос. пед. ун-т. Смоленск, 2003.

4. Вануйто Г. И. Ненецкая антропонимия и топонимия Гыданского полуострова: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2003.

5. Габдуллина И. Ф. Переход имен собственных в имена нарицательные в английском, немецком и татарском языках: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. пед. ун-т. Казань, 2003.

6. Гасанова С. Х. Топонимия в дагестанской русскоязычной (оригинальной и переводной) художественной литературе: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Дагестан. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2003.

7. Гузиева А. Х. Статус имени собственного в составе ФЕ в прецедентных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. пед. ин-т. Нальчик, 2003.

8. Денисова В. В. Ономастические универсалии: экстралингвистический аспект: (На материале антропонимии монгол. яз.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, 2003.

9. Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы: (На материале рус. топонимии Алтая): Автореф. дис. … д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2003.

10. Загирова З. Р. Лексико-семантические и функциональные параметры антропонима в составе фразеологической единицы в английском языке: (В сопоставлении с фр., рус. и татар.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Башк. гос. ун-т. Уфа, 2003.

11. Ионова С. Х. Абазинская топонимия: лингво-исторический аспект: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003.

12. Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003.

13. Климова М. В. Структуры переходного типа между именами нарицательными и именами собственными в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина. Елец, 2003.

14. Кокова Л. Д. Лексико-семантические и грамматические типы антропонимов в кабардино-балкарском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Кабард.-Балкар. гос. ун-т. Нальчик, 2003.

15. Корзюкова З. В. Основные аспекты функционирования фразеологических единиц с именами собственными в английском языке: национально-культурная специфика: Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003.

16. Крючкова М. Я. Многокомпонентные эргонимы в аспекте орфографии: проблема совершенствования нормы правописания: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2003.

17. Кузьмин Д. В. Ареальная дистрибуция топонимных моделей Беломорской Карелии: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003.

18. Липихина Е. Л. Структура и функции поэтонимов в художественных текстах для детей: (На материале произведений А. М. Волкова, Н. Н. Носова, С. А. Маршака, К. И. Чуковского): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тюмен. гос. ун-т. Тюмень, 2003.

19. Луговой Д. Б. Русский ономастикон Ставропольского края: (На материале антропо-, топо- и зоонимии сев.-зап. региона): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. Ставрополь, 2003.

20. Лященко И. В. Языковая сущность и прагматические функции этнических прозвищ: (На материале англ. яз.): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Пятигор. гос. лингвистич. ун-т. Пятигорск, 2003.

21. Насрадиншоев А. Н. Микротопонимия Восточного Памира: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Хорог. гос. ун-т. Душанбе, 2003.

22. Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований населенных пунктов в России в 1818–1930 гг.: (На материале офиц. документов Гос. арх. Рос. Федерации): Автореф. дис. … канд. филол. наук / РАН, Ин-т языкознания. М., 2003.

23. Петрачкова И. М. Значимость имени собственного в художественном тексте: (На материале современной русской прозы): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Минск, 2003.

24. Приображенский А. В. Русская топонимия Карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Петрозавод. гос. ун-т. Петрозаводск, 2003.

25. Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв.: (На примере гг. Костромы, Рыбинска и Ярославля): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль, 2003.

26. Ратникова И. Э. Ономастические единицы вне прямой референции в русском публицистическом тексте: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Минск, 2003.

27. Садыкова Р. К. Историко-лингвистический анализ тюрко-татарской топонимии Ульяновской области Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2003.

28. Смирнова Т. Г. Фамилии Тамбовской области в антропонимической системе языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2003.

29. Соколова О. И. Атрибутивная валентность личных имен собственных: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Владимир. гос. ун-т. Иваново, 2003.

30. Толбина Т. В. Микротопонимия Воронежской области: особенности номинации: Автореф. дис. … канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2003.

31. Тычинский А. А. Ономастика в учебных словарях: (Прагмалингвистический аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2003.

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция к южным вепсам

В рамках выполнения проекта «По следам древних вепсов: комплексное экспедиционное историко-культурное исследование» (ФЦП «Интеграция», 2002–2006, № Э-0281/933) в августе 2003 г. состоялась экспедиция в Бокситогорский район Ленинградской области, где в верхнем течении р. Лидь расположены деревни с южновепсским населением. Экспедиция носила междисциплинарный характер: в ней принимали участие специалисты в области этнографии, фольклора, деревянного зодчества, этномузыковедения, а также лингвисты – сотрудники вузов Петрозаводска и Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Цель проекта – исследовать формирование и историю развития вепсского ареала в условиях многовекового русского контактирования.

Включение в комплексный проект топонимического раздела связано с большим этноисторическим потенциалом топонимии, обусловленным объективностью содержания топонимов, их исключительной устойчивостью во времени и привязкой к местности. В ходе обследования решались следующие задачи: полный сбор микротопонимии ареала, его картографирование, языковая и этноисторическая интерпретация. Материал собирался по специальной программе, разработанной в Институте ЯЛИ и нацеленной на максимально полное выявление совокупности географических названий – от макро- до микротопонимии. Для сбора использовались топографические карты масштаба 1:25 000, помогающие осуществлять привязку топонима к местности.

Ареал расселения южных вепсов может быть охарактеризован как пограничный – и в смысле географическом, и с точки зрения прохождения административных границ. Географически он примыкает к Волжско-Балтийскому водоразделу. Основной южновепсский ареал располагается в верховьях р. Лиди, которая принадлежит бассейну Волги. Однако в западных его пределах – верховья р. Тутоки, входящей в Балтийский бассейн. В ходе экспедиции обследованы следующие населенные пункты: Радогоща, Бочево, Боброзеро, Петрово, Остров, Пожарище, Кортала, Прокушево, Лахта, Сидорово, Чайгино, Маслово, Пудрино, Борисовщина, Дмитрово, входящие в состав Радогощинского сельсовета Бокситогорского района Ленинградской области. Опрошено 38 информантов. Записано более 1 000 топонимов, бóльшая часть которых картографирована.

Ниже сформулированы основные научные результаты и предварительные выводы.

Вепсы проживают (или проживали в недавнем прошлом) в большинстве обследованных населенных пунктов. Это относится и к расположенным на южной окраине ареала современным русским поселениям Пудрино, Борисовщина и Дмитрово, топонимический массив которых включает убедительные примеры топонимов с вепсскими истоками. В Пудрино, например, к таковым относятся названия деревень *Пудрино*, *Сурсаково*, *Кячкино*, *Буржаиха*, в которых закрепились традиционные вепсские антропонимы прозвищного характера. Вепсское наследие представлено здесь и в других топонимических разрядах, главным образом в наименованиях объектов, удаленных от поселений, – лесных урочищах, озерах, болотах (*Оласово болото*, *Сусарь*, *Мумсарь*, *Кукозеро*, *Курручей*, *Лепозерки* и др.). Надо полагать, что в прошлом вепсская топонимия на этой территории была более богатой. Наглядным примером того, как со временем происходит смена старой вепсской топонимии русской, может служить название оз. Борисовского, на берегу которого находится деревня Борисовщина. Современное наименование озера вторично и восходит к соответствующему ойкониму – названию поселения. Одна-

ко упомянутый одним из информантов факт, что появившийся в 1920-х гг. в Борисовщине колхоз назывался почему-то *Конго* (информант связывал название с именем африканской страны и выражал недоумение по поводу мотивов номинации), дает основание предполагать, что на самом деле в нем отразилось традиционное название Борисовского озера – **Конго* или **Конгозеро* из вепс. *hong* 'сосна'. Предположение подтверждается материалами Генерального межевания XVIII в.: на карте оз. Борисовское названо оз. *Конго* [РГАДА, ф. 1356. Карты и планы Генерального межевания, № 3138].

О вепсском прошлом современных русских деревень района обследования свидетельствует и то, что в д. Пятино в 1916 г. финские исследователи Э. Н. Сетяля и А. О. Вяйсянен, а в 1917 г. Л. Кеттунен записывали образцы вепсской речи [см.: Väisänen, 1969; Kettunen, 1918]. До сих пор д. Пятино разделяется на две части – *Чухарское Пятино* и *Русское Пятино* [см.: Йоалайд, 1989, *78*]. Такое же деление на русскую и вепсскую часть известно в д. Дмитрово (*Русское Дмитрово* и *Чудское Дмитрово*). Показательно также то, что по южной окраине территории обследования расположено несколько поселений с названиями *Чудцы*, *Чудская*, *Чудское*. Как известно, топонимы с отэтнонимическими основами обычно маркируют территории пограничного расселения этноса. В нашем случае они, видимо, отражают вепсско-русское пограничье в определенный исторический период времени.

С другой стороны, в топонимии русских поселений отмечены восточнославянские топонимические типы разного времени – от древнерусских до современных, свидетельствующие о поэтапном освоении территории. В названии центра сельсовета *Радогощь* отразился древнерусский новгородский тип ойконимов на *-гост*/*-гощь*. Связан ли русский вариант топонима с вепсским *Arskaht'*, не вполне понятно. Модель представлена еще по крайней мере двумя топонимами: *Тургошь* в нижнем течении р. Лидь и упоминаемая в составе Койгушского погоста «дер. на Домогоще» [ПКОП, *51*]. Среди других традиционных русских моделей укажем топонимы, оформленные концовкой *-ицы* (*Ланицы*), *-ня* (*Дегтярня*), *-иха* (*Лобаниха*), модели кратких прилагательных (*Тресна*, *Моложе*), а также такие топонимы, как *Жальник* или *Лющик*, в которых отразились древние новгородские лексемы. Это подтверждает вывод о том, что регион обследования – традиционное вепсско-русское пограничье: здесь присутствуют старые русские модели, но отсутствуют вепсские, маркирующие территорию первоначального расселения (см. ниже). При этом граница постепенно отодвигалась на север. Надо полагать, что в прошлом она проходила по р. Тихвинке, к которой привязано несколько топонимов с основой *чуд-* (часть из них зафиксирована в Писцовых книгах 1496 г.). Расположенные севернее, на водоразделе Тихвинки и Лиди, а также Тихвинки и Явосьмы, поселения (Ростань, Пятино, Абрамова Гора, Дмитрово, Койгуши), видимо, оставались в стороне от торных дорог русского освоения. Показательно, что в окрестностях перечисленных, а также бывших водораздельных деревень Маренница, Усадище присутствуют топонимы-полукальки, которые возникли в результате перевода оригинальных вепсских названий (типа *Вадозеро*, *Кангозеро*, *Самозеро*, *Вехручей*, *Курручей*) и маркируют на севере территорию, прибалтийско-финское население которой через процесс билингвизма перешло на русский язык. К югу от р. Тихвинки освоение «финской» топонимии происходило иным путем, и полукальки отсутствуют, что указывает на иной тип прибалтийско-финско-русских языковых отношений.

На фоне проводившегося в прошлом году обследования верховий р. Суды русская топонимия в ареале верхней Лиди и сопредельных территорий отличается значительным числом старых традиционных русских моделей. Совершенно очевидно, что верховья Суды оказались в стороне от активной русской колонизации раннего времени. Наоборот, Чагода, в систему которой входит р. Лидь, а также Тихвинка являлись основными проводниками древнерусского (новгородского времени) продвижения на восток. Закрепившиеся в топосистемах этих рек ранние модели расширяли свой ареал по мере продвижения русских вглубь территории, на водоразделы.

Намеченное противостояние Тихвинки и лежащих к северу от нее территорий согласуется с данными традиционного административного членения территории, по которому в XV в. деревни по Тихвинке входили в состав Озерского погоста, в то время как расположенные севернее – в состав Койгушского погоста [ПКОП]. Последний занимал водораздельную территорию между Лидью, с одной стороны, и верховьями рек Тутоки и Ретеши, стекающих в Пашу, с другой. Расположение центра погоста (с. Койгуши), а также старинного Пятницкого погоста указывает, по-видимому, на то, что здесь проходил волоковой участок транзитного водно-волокового пути из бассейна Ладожского озера (р. Тутока → р. Явосьма → р. Паша или р. Ретеша → р. Явосьма → р. Паша) в бассейн Волги (р. Лидь → р. Чагодоща → р. Волга). По значению он, конечно, уступал Тихвинско-Чагодощенскому пути, однако сыграл свою роль в форми-

ровании потоков освоения территории. Так, ареальная характеристика некоторых русских топонимических моделей этой территории свидетельствует, вероятно, о том, что маркирующая раннее новгородское освоение модель *-гощь* [см.: Микляев, 1984] (*Радогощь*) распространялась вверх по Лиди, в то время как другие модели могли проникать и с запада по Тутоке и Ретеше, а также по Тихвинке.

Надо полагать, существование этой водно-волоковой дороги было основной причиной того, что русское освоение не поднималось вверх по Лиди от оз. Лидского, где располагается основной массив вепсских деревень, входивших в прошлом в состав Пелушского погоста. Вепсское наследие на Лиди ниже оз. Лидского прослеживается очень слабо. Создается впечатление, что оз. Лидское было своего рода границей вепсского расселения на юг по Лиди, поскольку южнее начинались заболоченные на десятки километров, практически до устья реки, берега. Кроме того, свою роль, видимо, сыграл тот фактор, что оз. Лидское и примыкающие к нему территории оказались своеобразной буферной зоной, где соприкоснулось вепсское освоение, продвигавшееся с севера и, возможно, с запада, и русское, распространявшееся с юга и запада. С предложенной выше схемой освоения согласуется название оз. *Лидское*, которое воспринималось как ключевое на р. Лидь.

Вепсские поселения на территории обследования размещаются главным образом по берегам входящих в бассейн верхней Лиди лесных озер. За западными пределами Лидского бассейна находились кусты поселений Тутока, располагавшихся на озерах в верховьях р. Тутоки, и Иваново в истоках р. Пялица (бассейн р. Паши). По тому, как в данном вепсском ареале представлены вепсские топонимические модели, можно заключить, что он в целом един, хотя есть все же одна дистрибутивная модель, ареал которой покрывает лишь часть исследуемой зоны. Это ойконимы (названия поселений) на *-l*, известные как раз в двух упомянутых выше кустах поселений Тутока и Иваново за западными границами бассейна Лиди, а также на самой северной окраине ареала распространения южных вепсов, в бывшем гнезде Шигола: д. *Časl*, *Čečul*, *Čaigl*, *Šigoil*. Считается, что данная модель маркирует территорию относительно раннего расселения. Это названия своеобразных «родовых» деревень, центров, откуда происходило затем вторичное заселение территории [см.: Nissilä, 1961; Муллонен, 1994]. Если такая интерпретация верна и применима к территории расселения южных вепсов, то из этого следует, что заселение южновепсского ареала происходило с севера, с верховий рек Капши и Паши, где располагается средневепсский ареал. Последний характеризуется достаточно обширным и плотным скоплением ойконимов на *-l*, что также свидетельствует в пользу средневепсских истоков модели на прилегающих к ней окраинах южновепсской территории.

Обнаруживается еще одна показательная топонимическая модель, объединяющая южновепсский ареал (причем практически весь) с расположенным севернее районом верховий Капши: ср. южновепс. *Kaamišt* и средневепс. *Koumišt* «кладбище»(отметим, что эта лексема не используется в современных вепсских говорах для обозначения кладбища). Данный топоним привязан к объектам, почитающимся в качестве мест, где жители захоронили себя, спасаясь от литвы (вариант: от турков). Этнографы полагают, что первоначально это были священные кладбища, на которых похоронены предки – покровители рода [см.: Винокурова, 1988, *11*]. Вологодский археолог А. Н. Башенькин, проводивший в конце 1980-х гг. раскопки в урочище *Kaamišt* в Чайгино, интерпретировал культуру как курганы XI–XII вв., сходные с приладожскими. При этом традиция погребения, заложенная курганами, продолжалась здесь – уже в форме грунтовых могильников – вплоть до XVI в. [см.: Башенькин, 1994].

Таким образом, вепсские топонимические модели зоны обследования указывают на связь этой территории с вепсскими районами верхней Капши. Не вполне ясна соотнесенность верховий Паши с районом озер Пашозеро и Шугозеро, поскольку по этой территории отсутствуют надежные топонимические материалы.

Топонимические связи с восточными окраинами вепсского ареала менее выражены, хотя известно, что у жителей д. Саньков Бор и особенно д. Красный Бор, находящихся на восточной окраине южновепсского ареала, существовали брачные, родственные отношения, обычай совместного отмечания праздников с вепсами верховий р. Ножемы. Оба названных южновепсских поселения расположены рядом с оз. Святозеро (вепс. *Pihärv*). Специальное исследование, посвященное «святым» гидронимам в вепсском ареале, доказывает, что такие топонимы привязывались к пограничным, окраинным водным объектам и первоначально маркировали границу своей, освоенной территории [см.: Муллонен, 1995]. Видимо, на первом этапе заселения южновепсского ареала связи с восточными территориями по Ножеме и Колошме отсутствовали.

Анализ мотивов номинации южновепсской топонимии дает определенную информацию об историко-культурных особенностях ареала. В частности, в названиях нескольких кустов поселений на данной территории закрепилось указание на те озера, при которых они были сформированы: *Sod'd'arv* (рус. *Сидорово*), *Šiď'järv* (по оз. Шидрозеро; рус. *Прокушево*), *Maigjärv* (рус. *Боброзеро*). Эти кусты поселений существовали уже в XV в., о чем свидетельствуют материалы Писцовых книг Обонежской пятины по погосту Никольскому в Пелушах. Упоминающийся в них обширный конгломерат поселений *на Сорво-озере* соответствует современному Сидоровскому кусту, что подтверждают карты Генерального межевания XVIII в., на которых оз. Сидоровское названо оз. *Сорва*. Помимо указанных, Писцовые книги фиксируют разветвленное поселение *в Чечуле* (совр. Тутока, Маслово, Сташково, Жары) и *в Чагине* (совр. Чайгино с прилегающими деревнями Тедрово, Амосова Гора и Еремина Гора). В основе обоих топонимов лежат ойконимы, образованные по *-l*-евой модели (*Čečul* и *Čaigl'*). Следует отметить, что гнездовой тип поселений оказался в значительной степени разрушенным.

Традиционная топонимия в совокупности с историческими источниками свидетельствует, таким образом, о присущем этой территории гнездовом типе расселения. В последующие столетия происходит определенное разрушение этой системы, связанное, видимо, с помещичьим землевладением и его последствиями, естественным процессом вымирания целого ряда мелких деревень, входивших в состав куста, а также активным развитием в начале XX в. хуторской системы.

Анализ топонимического материала, включающий его картографирование, позволяет реконструировать элементы традиционной системы расселения. В ряде топонимов использована ныне утраченная вепсская лексема **kond* 'крестьянский двор с окружающими его землями', т. е., по сути дела, 'однодворная деревня'. Она восстанавливается по данным родственных прибалтийско-финских языков, сохранивших этот термин, с учетом ландшафтно-географической характеристики мест, к которым привязаны на вепсской территории топонимы с элементом *kond-*. В них сохраняется память о некогда существовавших здесь однодворных деревнях: ср. поле *Kond* в Боброзере, бол. *Kondso* и поляна *Kond* у д. Остров, д. *Kond* в Сидорово, лесное урочище *Ondrejankond* в окрестностях д. Лахта и др.

Для реконструкции старой системы расселения может быть использована также одна показательная суффиксальная топомодель – вепсские названия с конечным долгим *oo*, который восходит к русскому суффиксу *-ово*, оформляющему в русской топонимии ойконимы. Активные вепсско-русские контакты, а также официальный статус русских названий привели к тому, что в южновепсском ареале сформировалась целая группа наименований хуторов, выселков, одиночных деревень, образованных по этой модели: *Tataroo* (*Татарово*), *Kostigoo* (*Костыгово*), *Vaśkoo* (*Васьково*), *Juhnoo* (*Юхново*) и др. Сейчас в подавляющем большинстве случаев это названия сельскохозяйственных угодий, однако сам облик топонимов – конечный элемент *-oo*, присоединяющийся к отантропонимной основе, – свидетельствует в пользу того, что перед нами наименования бывших поселений. Это подтверждается, кстати, материалами Генерального межевания: некоторые существующие сейчас в качестве названий полей и лесных покосов топонимы зафиксированы на картах XVIII в. как наименования поселений.

На запустевшие, покинутые крестьянами деревни указывают и топонимы с основами *seliš* (из рус. *селище*) и *pust* (из рус. *пустошь*): ур. *Seliš* и поле *Pust* в Сидорово, *Laarinpust* в Лахте. С помещичьим землевладением связана частая в южновепсском ареале основа *usadiš* (из рус. *усадище*), обозначающая барскую усадьбу или место, где она стояла: д. *Usadiš* в Кортлахте, д. *Usadiš* у Пелушей, д. *Усадище* в окрестностях Радогощи на карте Генерального межевания. О помещичьем землевладении свидетельствует и неоднократно встречающаяся в топонимии этого ареала основа *bajar* 'барин'. В свою очередь, хуторская система расселения отразилась как в топонимах типа *Futor* (Прокушево) или *Tatarvanhutor* (Тутока), так и в многочисленных отантропонимных географических названиях, восходящих к именам, фамилиям, прозвищам владельцев хуторов. Сейчас это по большей части сельскохозяйственные угодья: *Škorń*, *Kľui*, *Vaśkoo*, *Kiškin*, *Anand'*, *Login* и др. в окрестностях Прокушева.

В топонимах содержатся указания на традиционную дорожную сеть, формировавшую связи между поселениями: поле *Matkaažed* (Сидорово) – ср. вепс. *matk* 'путь, дорога'; оз. *Siidjärv* (Сидорово) – ср. вепс. *siid* 'мост'; поляна *Pagastte* (Сидорово), букв. «погостская дорога»; поле *L'uššik* (Боброзеро) – ср. рус. *лющик* 'дорога'; ур. *Tesarad* (Белая) – ср. вепс. *tesar* 'перекресток'. Картографирование урочищ показывает, что старая дорожная сеть отличалась от современной. Например, совсем по другому маршруту, чем сейчас, шла дорога, соединявшая Сидорово с Пелушским погостом или д. Белую с тем же Погостом. Знание этой традиционной системы связей существенно для понимания локальных особенностей в языке и культуре.

Наконец, топонимия несет информацию о разных сторонах экономической жизни населения: многочисленные топонимы отражают специфику подсечного земледелия, хранят память об охотничьих и рыболовных угодьях, рассказывают о расположении мельниц, кузниц, смолокурен, глиняных ям, пастбищ и др.

Основные научные результаты:

– выявлены топонимические модели, связывающие южновепсский ареал с примыкающим с северо-запада районом бассейна р. Капши, населенном так называемыми средними вепсами. Топонимические связи с восточными окраинами вепсского ареала менее выражены;

– обнаружены топонимические доказательства того, что русское освоение территории поднималось по рекам Тихвинке, Паше, а также Лиди. Географически русская территория обследования характеризуется как водораздел между тремя названными реками, с чем, видимо, связана относительная «вялость» русского освоения. Определяющим мотивом русского продвижения сюда было наличие водно-волоковых путей из Приладожья в Верхневолжье;

– реконструирован ряд элементов традиционной системы расселения в южновепсском ареале.

В настоящее время собранный материал вводится по заданным параметрам в специальную информационно-поисковую систему, созданную в Институте ЯЛИ КарНЦ РАН. Для каждого топонима вносятся сведения об административной и географической привязке населенного пункта, вся собранная информация о нем и его названии. Отражаются также возможная научная этимология топонима, а также структурное членение названия, позволяющее осуществлять поиск его элементов. Каждый топоним паспортизируется, т. е. указываются фамилии информанта и собирателя, а также место и время записи.

Башенькин А. Н. Средневековые могильники южных вепсов // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 99–102.

Винокурова И. Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 4–26.

Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76–83.

Микляев А. М. О топо- и гидронимах с элементом *-гост/-гощь* на Северо-Западе СССР: К проблеме восточнославянского расселения // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 25–46.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. «Святые» гидронимы в контексте вепсско-русского контактирования // Ономастика Карелии: Проблемы взаимодействия разноязычных ономастических систем. Петрозаводск, 1995. С. 17–27.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Kettunen L. Matkamuistelmia Vepsän perukoilta // Virittäjä. 1918. S. 38–62, 95–104.

Nissilä V. Suomalaista nimistöntutkimusta. Helsinki, 1961.

Väisänen A. O. Vepsäläisten luona v. 1916 // Kalevalaseuran Vuosikirja 49. Helsinki, 1969. S. 272–288.

И. И. Муллонен, доктор филол. наук, вед. науч. сотр.
сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН, доцент кафедры
финского языка и литературы Петрозаводского университета

Новые данные о костромской топонимии

В июле 2003 г. Топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького работала в Солигаличском и Буйском (Дьяконовский сельский совет) районах Костромской области. На данную территорию экспедиция выезжала впервые. Сбор носил фронтальный характер. В результате был собран значительный топонимический, лексический, а также фольклорный и этнографический материал (более 10 тыс. единиц хранения).

Судя по топонимическому материалу, зона освоенности сконцентрирована вокруг деревень; топонимы, обозначающие объекты, расположенные на значительном расстоянии от деревни, фиксировались крайне редко. Вероятно, это связано с тем, что сельскохозяйственная деятельность явно преобладала над промысловой.

В этом регионе не раз возникали острые столкновения с внешними врагами: в XVI в. Солигалич подвергался нападению татар, в XVII – польских интервентов. Поэтому частотны легенды и предания о чужих народах, в том числе соотнесенные с топонимами. Выделяется три основных мотива:

1. Мотив военных действий, боев с татарами: ур. *Татарские* – «Татары шли разгромом на Солигалич. Там народ стал молиться образам – татар-то и победили» (Буй, Анциферово); «Битва была солигаличских мужиков с татарами... Мужики их не пустили, остановили... Там их могилы» (Буй, Афонасково); поле *Кипенка* – «Там татары были. Там бой кипел» (Солигал, Фаладино) и др.

2. Мотив клада, потерянного татарами золота: возв. *Татарский Курган* – «Говорили, что там вроде золото, ну и все копали, весь курган разрыли» (Солигал, Чепасово); брод *Татарский Брод* – «Раньше, когда татары набеги делали, тут переправлялись. По поверью, они тут золото потеряли» (Солигал, Колопатино); ур. *Черная Лыва* – «...Крест золотой спрятан, который татары с церкви сняли Вознесенской» (Солигал, Фаладино) и др.

3. Мотив татарских захоронений: ур. *Татарские* – «Бояре русские с татарами бились. Татар там захоронили со всем доспехом» (Буй, Боярское); ур. *Татарские Могилы* – «Говорят, что там есть татарские могилы... Будто они там сами себя хоронили со снаряжением вместе. То место и прозвали Татарские Могилы» (Солигал, Мартыново) и т. д.; в Солигаличе до сих пор существует обособленное Татарское кладбище – «На Татарском кладбище татар одних хоронили, а на обычном кладбище всех остальных» (Солигал, Копосово).

Все эти мотивы проявляются в преданиях не только о татарах, но и вообще о чужаках (чуди, «панах» и т. д.) [см.: Березович, 2000, *459–465*]. Ср. предания о поляках: пок. *Черняково* – «По преданию, там деревни были. Во времена лихолетья, когда поляки были, они прошли той стороной и те деревни сожгли» (Солигал, Зашугомье); р. *Юрятина* – «Там польский пан Юрята затонул, и сабля евонная золотая на дне» (Солигал, Ескино); пок. *Городище* – «Там земляные валы были; татары ли, поляки» (Солигал, Меледино) и т. д. Вероятно, можно говорить о том, что образы и татар, и поляков в этих легендах и преданиях в достаточной степени «фольклоризированы», приближены к некоему обобщенному фольклорному образу чужеземца. В одном из записанных топонимических преданий вместо поляков упоминаются даже китайцы: б. хут. *Панино* – «Были тутотки набеги, китайцы были. Бои шли у них с русскими» (Буй, Холодилово).

Среди топонимов, соотнесенных с названиями чужих народов, есть такие, по отношению к которым предание является первичным: ур. *Татарские*, брод *Татарский Брод* и т. д. Однако в большинстве случаев топоним подвергается народной этимологии, в результате чего включается в систему наименований, осмысляемых как имеющие отношение к историческим событиям: поле *Кипенка* – «Там татары были. Там бой *кипел*» (Солигал, Фаладино); б. д. *Кашино* – «Курган был, *кашу* варили, враги ходили там» (Солигал, Оглоблино); б. д. *Якшино* – «Татары завоевали, сказали “*Якши*!”, по их, вроде, “хорошо”, и так и назвали» (Солигал, Куземино).

Переосмысление топонима может порождать топонимические легенды другой тематики; например, ряд топонимов соотносится с действиями помещиков: д. *Балыново* – «Барыня раньше *балы* давала» (Солигал, Балыново); д. *Конковка* – «Жил барин в Милитино, а тут кузница была, *коней ковали* – вот и Конковка» (Солигал, Конковка); д. *Одноушево* – «Говорят, барин одноухий здесь родился» (Солигал, Одноушево) и т. д. В ряде случаев удалось зафиксировать несколько вариантов объяснения одного и того же топонима, например, та же д. Одноушево, по другой версии, получила свое название

благодаря тому, что в ней «*одноухий* святой жил» (Солигал, Груньково). Еще примеры: бол. *Верещага* – «Идешь, под ногами ветки *верещат*» (Буй, Афонасково); «Заблудятся там, дак *верещат*» (Буй, Боярское); «*Вереску* много росло, что ли» (Буй, Натальино); бол. *Акулинья Ляжка* – «Все одно болото, а тут какой-то выступ, как *ляжка* по форме» (Солигал, Высоковский); «Там баба клюкву брала и утонула, а ее Акулиной звали; потом кости ее нашли, *ляжку* как раз» (Солигал, Макарово). В целом, записанные собирателями топонимические легенды дают основания для наблюдений над фактами мотивационной рефлексии информантов.

Топонимический массив данной территории богат образными номинациями, нередко организуемыми в целостную систему. Так, например, в одной деревне были записаны следующие топонимы: поле *Марьин Пуп*, поле *Дунькин Пуп*, а также поле *Танькин Горб* (Солигал, Оглоблино). Два небольших болота, расположенных на расстоянии двух километров друг от друга, называются *Козлячья Борода* и *Козлячий Гребень* (Солигал, Колосово). Другим интересным примером образной системы топонимов являются номинации перекрестков дорог на территории Дьяконовского сельского совета Буйского района, где каждому из перекрестков («крестов») дано особое название: *Клюшка* (Буй, Калинино), *Лопатка* (Буй, Натальино), *Ухваты* (Буй, Калинино), *Ножницы* (Буй, Калинино) – ср. свидетельство информанта: «Дорожки у нас тут пересекаются, вот и примечаем, где эти кресты и в какой форме». Очень часто при создании образного топонима номинатор обращается к предметам быта. Яркими иллюстрациями могут служить такие топономинации, как, например, пок. *Ковши* (Солигал, Мартыново), омут *Лоханка* (Солигал, Оглоблино), участок р. *Яндовка* – «Котлованом таким место» (Солигал, Меледино), – пок. *Сапог* (Солигал, Дятлово), поле *Сарафан* (Солигал, Марково), поле *Штаны* (Солигал, Бородавицыно) и т. д. В ряде случаев для обозначения отдаленных или одиноко стоящих объектов используются так называемые вторичные топонимы: к. д. *Сахалин* – «Сахалин, как в Советском Союзе, отдельно стоит, так и у нас, три деревни – дальше тупик» (Солигал, Жилино); к. д. *Индия* – «Очень далеко, к черту на кулички, в общем, Индия» (Солигал, Корцово); б. д. *Крым* – «Шутили – один дом от деревни остался, вот и звали его Крым» (Буй, Анциферово).

Довольно частотны на данной территории поверья, связанные со святой родниковой водой; это находит отражение и в названиях ключей: родник *Святая Вода* – «Ключик был, водичка святая. Пили ее, если больной. Как выпьешь – или оздоровеешь, или умрешь» (Солигал, Меледино); родник *Из-под Алексеюшки* – «Там ключик бежит, кладбище у церквы, ключик забил из-под могилки Алексеюшки. Он святой был. 30 лет лежал – и ни одной пролежины. Что ни скажет – все сбывалось. Почитали его могилку, земельки брали» (Буй, Натальино) и т. д.

Субстратные названия исследуемого региона немногочисленны, что свидетельствует о раннем заселении территории русскими, и зафиксированы большей частью в гидронимии. Участниками экспедиции записано совсем немного микротопонимов предположительно нерусского происхождения, среди которых, однако, встречаются очень интересные этимологически, например: пок. *Котрово*, пок. *Егрово* (вар. *Игрово*).

С точки зрения генезиса субстратные названия Солигаличского района Костромской области, как кажется, крайне неоднородны. Так, названия на *-Vга*[1] (р. *Совега*, руч. *Печуга*, р. *Мизюга*) образуют ареал на севере Солигаличского района, на границе с Вологодской областью. Возможно, эти субстратные гидронимы связаны по происхождению с топонимией юго-востока Вологодской области (бассейн Юга и Сухоны) [см.: Востриков, 1979]. В этот же ареал входят названия рек *Воя* и *Сора* [см.: Матвеев, 2001б, *256–259*, *277*].

На территории Солигаличского района представлены также гидронимы с формантами *-кша*/*-хта*[2]: р. *Шелекша/Шилекша*), р. *Лёкша*, р. *Подокша*/*Подакша*/*Подекша*), р. *Водокша*, р. *Серахта*.

Наименования на *-н(ь)га*: р. *Войманга*, р. *Лисьменка* (< **Лисьменга*), р. *Ясанга* – вообще с трудом поддаются языковой идентификации [см.: Матвеев, 2001б, *264*].

---

[1] < фин. *joki*, карел.-ливв. *jogi*, люд. *d'ogi*, вепс. *d'ögi*, *jogi*, эст. *jõgi* = саам. норв. *jokkâ*, ? мар. *jдγэ* 'течение, поток', коми *ju* 'река' [SKES, *118*].

[2] < субстратное (прибалтийско-финско-саамско-волжское) *окса* ~ *охта* 'река, протока' [см.: Матвеев, 2000, *109–110*].

Формант *-ма* (р. *Кухтома* (вариант *Куфтома*), р. *Шугома*, и, возможно, р. *Сельма*, р. *Мотьма*), скорее всего, не стоит отождествлять с приб.-фин. *таа* ‘земля’, так как на территории Костромской области (и исторических мерянских земель в целом) много подобных названий в гидронимии.

Складывается достаточно сложная картина, в которой, однако, наиболее определенно вырисовывается мерянский компонент или близкий к нему. На это указывают, во-первых, этнотопонимы (р. *Мерская*), во-вторых, названия р. *Вёкса* и пок. *Котрово* [см.: Матвеев, 1996, *3–23*; 2001а, *32–59*]. Стоит заметить также, что и дифференцирующие форманты типа *-бал*/*-бол*, *-курга* в топонимии региона не представлены. Таким образом, напрашивается вывод о том, что территория нынешнего Солигаличского района (верховья р. Костромы) на момент заселения ее русскими представляла собой пограничную зону, где проживали сразу несколько финно-угорских этносов, оставивших нам пеструю и немногочисленную топонимию.

В Дьяконовском сельсовете Буйского района (территория, смежная с Солигаличским районом) складывается несколько иная картина топонимического субстрата. Слой названий нерусского происхождения более значителен. Обращает на себя внимание, во-первых, ареальная противопоставленность названий р. *Конногорь* (вариант *Конкогорь*), р. *Лынгерь*[3] (левый берег р. Костромы) и р. *Печенга*/*Печеньга*) (правый берег), подкрепленная этнографической особостью левобережной Чудцы (куста деревень в Дьяконовском сельсовете). Вместе с тем р. Кордоболь, название которой включает мерянский формант *-бол*, впадает в р. Кострому справа.

Это лишь предварительные выводы по собранному материалу. Его дальнейшее изучение и сопоставление с топонимическим материалом смежных территорий позволит расширить сведения о карте расселения дорусского населения на обследованной территории.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья: Дис. … канд. филол. наук. Свердловск, 1979.

Нетесин Дм. Солигалич [рукопись].

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 3–23.

Матвеев А. К. Топонимические этимологии. XII // Этимология, 1997–1999. М., 2000. С. 106–115.

Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопр. языкознания. 2001а. № 5. С. 32–59.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001б.

СВЯ – *Зайцева М. И.*, *Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. Л., 1972.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. Helsinki. 1968–1997. O. 1–5.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. O. 1–7. (LSFU. XII).

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. O. 1–3.

К. С. Верхотурова, студентка филологического факультета
Уральского государственного университета им. А. М. Горького,
Т. И. Киришева, аспирантка кафедры русского языка и общего языкознания
Уральского государственного университета им. А. М. Горького
(Екатеринбург)

[3] Форманты *-еньга* и *-енгерь* одинаково соотносят с мар. *энгер* ‘река’, предполагая их различные языковые источники. Интересно, что относительно другого скопления топонимов на *-енгерь* – в Устьянском районе Архангельской области – нельзя решить, марийского или мерянского они происхождения [см.: Матвеев, 2001б, *285*].

СОКРАЩЕНИЯ

1. В географических названиях

Арх. губ. (обл.)	–	Архангельская губерния (область)
Буй.	–	Буйский район Костромской области
Винн. обл.	–	Винницкая область
Вит. обл.	–	Витебская область
Волог. губ.	–	Вологодская губерния
Гом. обл.	–	Гомельская область
Гуц.	–	Гуцульщина
Жит. обл.	–	Житомирская область
Калуж. обл.	–	Калужская область
Киев. (обл.)	–	Киевщина (Киевская область)
Кировогр. обл.	–	Кировоградская область
Курск. губ.	–	Курская губерния
Мин. губ. (обл.)	–	Минская губерния (область)
Мог. губ.	–	Могилевская губерния
Нижегор. обл.	–	Нижегородская область
Олон. губ.	–	Олонецкая губерния
Орл. губ.	–	Орловская губерния
Под. губ.	–	Подольская губерния
Полт. губ.	–	Полтавская губерния
Проск.	–	Проскуров
Симб. губ.	–	Симбирская губерния
Смол. губ.	–	Смоленская губерния
Солигал.	–	Солигаличский район Костромской области
Угор. Р.	–	Угорская Русь
Харьк. (губ.)	–	Харьковщина (Харьковская губерния)
Черк. обл.	–	Черкасская область
Черн. губ.	–	Черниговская губерния

2. В названиях географических объектов

б. д.	–	бывшая деревня
бол.	–	болото
б. хут.	–	бывший хутор
возв.	–	возвышенность
вол.	–	волость
губ.	–	губерния
д.	–	деревня
к. д.	–	куст деревень
п-в	–	полуостров
пок.	–	покос
пор.	–	порог
пос.	–	поселок
пр.	–	приток
р-н	–	район
руч.	–	ручей
с.	–	село
сл.	–	слобода

у.	–	уезд
ур.	–	урочище
х.	–	хутор

3. В названиях языков и диалектов

алб.	–	албанский язык
арум.	–	арумынский язык (диалект)
болг.	–	болгарский язык
венг.	–	венгерский язык
вепс.	–	вепсский язык
водск.	–	водский язык
гагауз.	–	гагаузский язык
греч.	–	греческий язык
дакорум.	–	дакорумынский язык (диалект) = румынский язык (в сравнении с южно-дунайскими языками (диалектами))
др.-исл.	–	древнеисландский язык
др.-тюрк.	–	древнетюркский язык
ин.	–	диалект Инари саамского языка
ирк.	–	иркутские говоры русского языка
карел.	–	карельский язык
кильд.	–	кильдинский диалект саамского языка
кирг.	–	киргизский язык
колт.	–	колтовский диалект саамского языка
кольск.	–	кольский диалект саамского языка
коми	–	коми-зырянский язык
ливв.	–	ливвиковские говоры карельского языка
ливск.	–	ливский язык
лит.	–	литовский язык
лул.	–	диалект Луле саамского языка
люд.	–	людиковский диалект карельского языка
люд.	–	людиковский язык
манч.	–	манчжурский язык
мар.	–	марийский язык
мегленорум.	–	мегленорумынский язык (диалект)
монг.	–	монгольский язык
морд.	–	мордовский язык
ненец.	–	ненецкий язык
новг.	–	новгородские говоры русского языка
норв.	–	норвежский диалект саамского языка
олон.	–	олонецкие говоры русского языка
полоцк.	–	полоцкие говоры белорусского языка
прасаам.	–	прасаамский язык
приб.-фин.	–	прибалтийско-финские языки
пск.	–	псковские говоры русского языка
рум.	–	румынский язык
рус.	–	русский язык
саам.	–	саамский язык
санскр.	–	санскрит
сев.-рус.	–	севернорусские говоры
серб.	–	сербский язык
слав.	–	славянские языки
словен.	–	словенский язык
смол.	–	смоленские говоры русского языка

с.-хорв.	–	сербскохорватский язык
твер.	–	тверские говоры карельского языка
терск.	–	терский диалект саамского языка
тур.	–	турецкий язык
тюрк.	–	тюркские языки
удм.	–	удмуртский язык
укр.	–	украинский язык
фин.	–	финский язык
хорв.	–	хорватский язык
чагат.	–	чагатайский язык
шв.	–	шведский язык
швед.	–	шведский диалект саамского языка
эвен.	–	эвенский язык
эвенк.	–	эвенкийский язык
эст.	–	эстонский язык
якут.	–	якутский язык

4. Прочие

букв.	–	буквально
диал.	–	диалектное
литер.	–	литературное
п. п.	–	предложный падеж
р. п.	–	родительный падеж
ркп.	–	рукопись
совр.	–	современное
тв. п.	–	творительный падеж
уменьш.	–	уменьшительная форма
attr.	–	attributiv (определение)
gen.	–	genetiv (генетив)
pl.	–	pluralis (множественное число)

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ
2004. № 1

Редактор *Р. Н. Кислых*
Корректор *Ю. А. Кривощапова*
Компьютерная верстка *Л. А. Феоктистова*

Учредители – Институт русского языка им. В. В. Виноградова.
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2.
Государственное образовательное учреждение,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2004 г., поз. 6.
Подписано в печать 23.09.2004. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 15,88. Усл. печ. л. 15,8. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Общие требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или по электронной почте) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного текста 14-й, сносок – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (установленный через меню).

2. Примечания – подстрочные (даются в сносках внизу страницы), нумерация сквозная.

3. Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это необходимо) в квадратных скобках.

4. При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.

5. Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются кавычки ‘’, при цитировании – угловые кавычки («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.

6. Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).

7. Резюме на английском языке (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы).

8. Сообщать в конце статьи краткие сведения о себе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).

Правила оформления библиографических ссылок

Форма связи ссылок с основным текстом с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

1. Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, *28*], [Мамонтова, Муллонен, 1991, *52*].

2. Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, *101*].

3. Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, *73*], [МДС, *81*], [ААЕ, *9*].

4. Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, *22*] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.

5. Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].

6. Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, *270*].

Список литературы и источников дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение для авторов не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики»,
e-mail – fasmer@yandex.ru.